

Л. В. ШАПОШНИКОВА

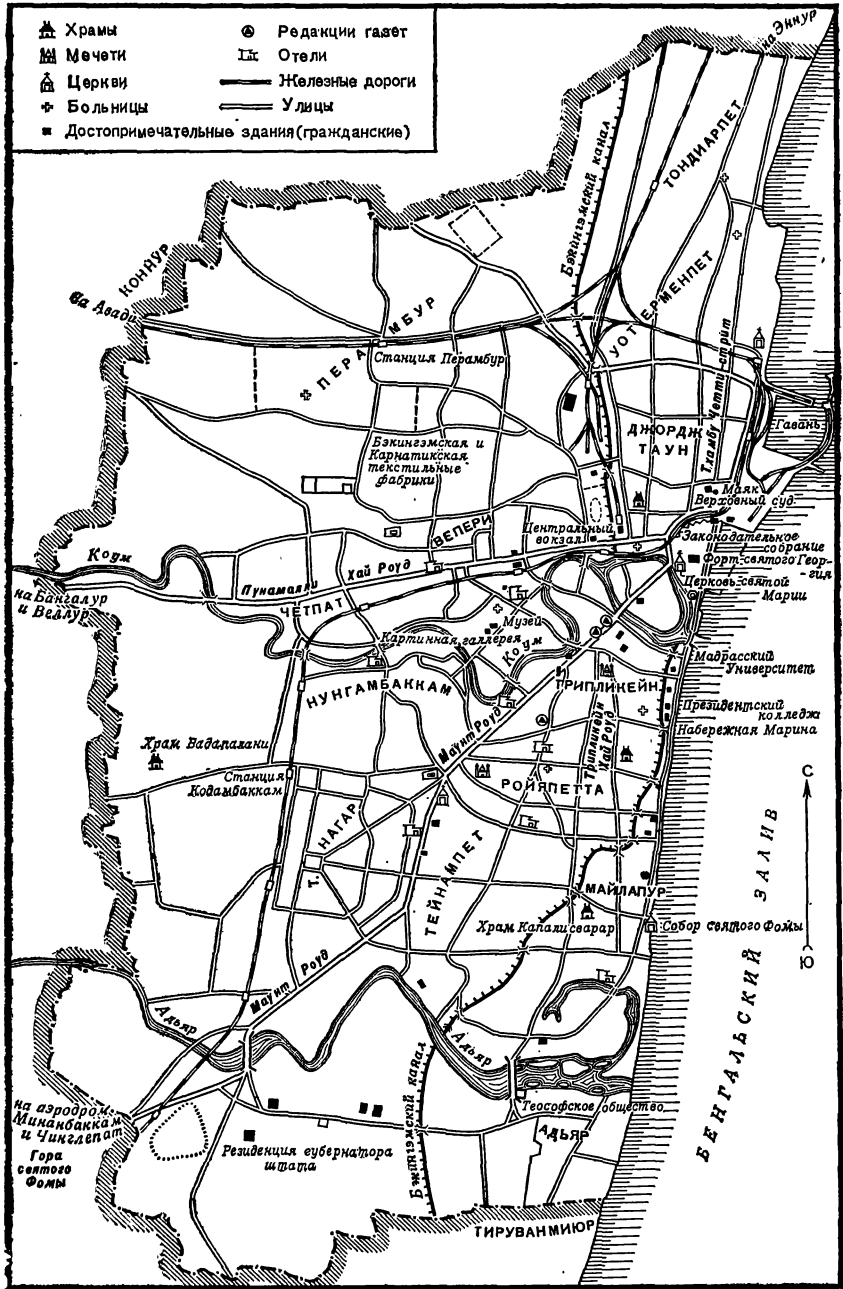

ГОДЫ И ДНИ МАДРАСА

ПУТЕШЕСТ-
ВИЯ
ПО
СТРАНАМ
ВОСТОКА

⌘ Храмы	⊙ Редакции газет
⌘ Мечети	⌘ Отели
⌘ Церкви	— Железные дороги
⊕ Больницы	— Улицы
■ Достопримечательные здания (гражданские)	

С
Ю

БЕНГАЛЬСКИЙ ЗАЛИВ

- Границы штатов
- Границы дистриктов
- Центр штата
- Районные центры
- Прочие населенные пункты
- Маршрут автора

40 0 40 80 км

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Л. В. ШАПОШНИКОВА

ГОДЫ И ДНИ МАДРАСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1971

Ответственный редактор

А. М. ДЬЯКОВ

Шапошникова Л. В.

Ш24 Годы и дни Мадраса (Серия «Путешествия по странам Востока»), М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971.

383 с. с илл.

В первой части книги рассказывается о городе Мадрасе, его прошлом и настоящем, о его жителях, их обычаях и традициях, показаны и некоторые сложные моменты политического положения города. Вторая часть книги посвящена описанию ряда исторических центров штата Тамилнад (бывший Мадрас).

МАДРАС ПРЕКРАСНЫЙ

Мадрас прекрасный

Нередко город начинается со свежей газеты, которую покупаешь на городском вокзале или на предыдущей станции. Со страниц, еще пахнущих типографской краской, встает город во всем разнообразии повседневных забот, со своими противоречиями и контрастами, с мелкими и большими сенсациями, с напряженной политической борьбой, с приемами и балами в фешенебельных отелях, с яростными криками демонстрантов, требующих лишнюю рупию к зарплате, с деловым шумом биржи и ночным грохотом его гавани, с огнями и барабанным боем храмовых праздников. Газетные заголовки и скупые строчки информации доносят пульс и биение города: «Две новые фабрики вступили в строй в промышленном предместье города — Гинди»; «На следующей неделе в город прибывает великий святой Шанкарачария — 68-й духовный глава шиваитов»; «Советский корабль «Академик Архангельский» ищет нефть у нашего побережья»; «Известный астролог предсказывает поражение партии Национальный конгресс на следующих выборах»; «Широкий план реконструкции гавани скоро будет приведен в действие»; «Два преподавателя средней школы покончили с собой, так как они принадлежали к разным кастам, полюбили друг друга и чувствовали, что их любовь не имеет будущего»; «Забастовка шоферов такси и водителей авторикш продолжается»; «Клеопатра. Вечно прекрасная. Фильм о королеве, которая покорила двух великих римлян — Юлия Цезаря и Марка Антония»; «280 случаев холеры наблюдается в городе. Восемь человек умерли от черной оспы»; «Подробности личной жизни потомков могущественного наваба Карнатика. Воспоминания о пирах в Чепакском дворце»; «Толпы желающих купить рис осаждают лавки. Длинные очереди за рисом становятся обычной картиной в городе»;

«В храме Капалишварам сегодня вечером состоится пуджа и церемония в честь бога Шивы»; «Четыре констебля ограбили клерка, отняв у него тридцать рупий»; «Город прошел еще через один страшный день, когда температура воздуха достигла +42°, а влажность — 90 процентов». Вот далеко не полный перечень событий жизни одного дня двухмиллионного населения крупнейшего города юга Индии, столицы штата Тамилнад, — Мадраса. В таком разнообразии дел предстал он передо мной, когда я сошла с поезда Дели — Мадрас в июне 1963 года.

Я окунулась во влажный горячий воздух, наполненный криками разносчиков, гомоном спешащих куда-то пассажиров, свистками паровозов, стуком моторов авторикш и скрипом тормозов автомобилей. Покрытые пылью листья кокосовых пальм чуть-чуть покачивались под жаркими лучами тропического солнца. Площадь с ослепительно блестящим асфальтом была заполнена темнокожими людьми, темпераментно жестикулировавшими и громко разговаривавшими. Сквозь разноголосый шум изредка прорывались отдельные выкрики:

— Лучшее в мире мороженое «Рита»!

— Вода, содовая вода!

— Флейты, флейты! Амма, купите флейту и вы будете счастливы!

— Раковины, прекрасные раковины со дна Индийского океана!

— Покупайте «Индиан Экспресс» — лучшую газету юга!

Где-то совсем рядом голос нищего монотонно и невыразительно твердил: «Сааб, только одну пайсу...»

Людские волны бились о подножие вокзала, растекаясь пенным прибоем по привокзальной площади и прилегающим улицам. И тогда сухие газетные строчки, прочитанные в вагоне, приобрели свое лицо и жизнь, наполнились конкретными чертами, ощущением воздуха и запахами, голосами людей, их страданиями, их радостью, их надеждами... Но все это в первый момент находится вне вас. Можно наблюдать этот людской прибой чужого города и оказаться вне пределов его досягаемости. И только когда вы в него окупнетесь, многое станет понятным и близким.

Путеводитель назывался «Мадрас прекрасный». Я бродила с ним по городу три дня. Кое в чем он мне по-

мог, кое в чем мы с ним «разошлись во взглядах». Потом мне пришлось отложить его в сторону, потому что я увидела и узнала то, чего не найдешь в путеводителе. Но город навсегда остался для меня прекрасным.

Окруженный зарослями кокосовых пальм и банановыми рощами, Мадрас вытянулся на восемь миль вдоль побережья Бенгальского залива. Будучи одним из крупнейших портов современной Индии, он был основан сравнительно недавно — в середине XVII века. Развиваясь в противоречивых условиях колониальной страны, Мадрас в прошлом имел два лица. Одно — английский укрепленный город с европейскими фирмами, комфортабельными отелями, правительственными учреждениями. Жизненным центром, сердцем этого города-хищника была гавань. Через нее шли в страну дешевые английские ситцы и прибывали британские военные части. Отсюда же отходили корабли, груженные колониальным сырьем, и полноводной рекой текли колоссальные прибыли в английские банки. Другое лицо — индийские кварталы. Их заселяли мелкие ремесленники и лавочники, бесчисленные слуги из неприкасаемых каст. Позже здесь появились изможденные люди, чей взгляд говорил о жизни, полной лишений и непосильного труда. Они работали на хлопчатобумажных фабриках. Индийский город был городом-слугой. Его темнокожие обитатели должны были заботиться об удобствах и благополучии белых сахибов из английских кварталов. Здесь не было роскошных особняков, больших магазинов, дорогих ресторанов, широких улиц и благоустроенных парков. Над морем глинобитных хижин и небольших домиков, крытых пальмовыми листьями и красной черепицей, пенилась каменная резьба индусских храмов. Узкие улочки тускло освещались пыльными керосиновыми фонарями.

Еще тридцать лет назад Мадрас был небольшим городом. Теперь городские кварталы ушли за пределы прежних границ. Бывшая английская часть Мадраса прижалась к побережью океана. Между океаном и городскими кварталами тянется широкая асфальтированная лента набережной. Мадрасская «Марина» — так называется набережная — вторая по длине в мире. Она начинается у бастионов форта и, минуя корпуса Мадрасского университета, правительственные учреждения, построенный с феодальной роскошью дворец навабов Кар-

натика, завершается у католического собора святого Фомы. Вечерами, когда вдоль набережной вспыхивают зеленые фонари, мадрасцы приходят сюда отдохнуть и развлечься. У входов фешенебельных кафе зазывающе переливаются разноцветные электрические лампочки, скрытые в ветвях деревьев. В ярко освещенные залы врывается шум океанского прибоя. В кафе приходят послушать джаз и выпить чашку крепкого ароматного индийского чая бизнесмены, бывшие навабы, богатые американские и европейские туристы. Публика менее состоятельная довольствуется прогулкой по набережной да пакетиком жареного арахиса, который предлагают уличные торговцы.

Присматриваясь к гуляющим и проходящим людям, вы можете заметить, что цвет их кожи гораздо темнее, чем уроженцев Северной Индии. Большинство жителей Мадраса принадлежат к дравидийской группе народов. Одежда мадрасцев несколько отличается от той, которую встречаешь в Бомбее, Лакхнау или Дели. Мужчины носят дхоти в виде своеобразной легкой юбки. Женщины зачастую пренебрегают короткими кофточками, драпирываясь только в сари. Обувь — отнюдь не обязательная часть одежды даже состоятельных горожан. Мадрас — одно из жарких мест тропической Индии. Мне сказали, что здесь существует только три сезона: жаркий, более жаркий и самый жаркий. Это действительно так.

Со стороны города к набережной примыкает Маунт Роуд — главная улица Мадраса. Она пересекает городские кварталы с юго-запада на северо-восток на протяжении трех миль. После набережной это самая большая улица города и его деловой центр. Здесь сосредоточена значительная часть больших магазинов, деловых учреждений и представительств. Среди них многие принадлежат иностранным фирмам и компаниям, особенно английским и американским. На огромных рекламных вывесках пестрят имена и названия компаний: Ньютон, Спенсер, Симпсон, Эддисон, Джордж Окс, «Компания Чикагского радио и телефона» и т. д. Это они импортируют в Индию автомобили и мотоциклы, сельскохозяйственные машины и холодильники, электротовары и радиоприемники.

Старая, индийская часть города — хранительница вековых духовных традиций. Индусы составляют боль-

шинство жителей бывшего «черного» города. Мусульман здесь немного. В последнее время несколько выросла незначительная община сикхов за счет беженцев с севера. Среди представителей бывших неприкасаемых имеются христиане. Мадрас знаменит своими храмами. Самый большой из них — в Майлапуре.

Но свежий ветер новой жизни уже ворвался на улицы Мадраса. Он развеивает над фортом трехцветный флаг независимой республики. И хотя еще многое напоминает о тяжелом колониальном прошлом, которое глядит на нас статуей Мунро на главной улице, звучит в названиях улиц, смотрит голодными глазами рикши и безработного, город уже начинает жить по-иному.

Мадрас имеет сейчас одну важную особенность — он растет. Улицы застраиваются домами современного типа, появляются новые государственные учреждения. На окраинах возникают жилые кварталы для низкооплачиваемых служащих и рабочих. На смену рикшам, тонгам приходит хорошо налаженное автобусное сообщение, контролируемое правительством штата.

Постепенно исчезают границы между английскими и индийскими кварталами. Обе части города — индийские, и их хозяева — индийцы. Это чувствуется повсюду. В Форту святого Георгия — бывшей резиденции английских губернаторов — разместилось Законодательное собрание штата Мадрас. В другом здании, принадлежавшем когда-то колониальным хозяевам, в так называемом зале для банкетов, теперь собираются национальные общественные организации. Места, где раньше могли бывать только английские офицеры и чиновники, открыты для всех горожан.

В последнее время в городе создано несколько институтов, призванных помогать молодой развивающейся промышленности республики. В новых политехническом и технологическом институтах национальные кадры обучаются теоретическим и практическим основам станкостроения, электротехники, прикладной физики.

Если до завоевания страной независимости основной промышленностью Мадраса была легкая, а текстильный комбинат компании «Бэкингем энд Карнатик Миллз» являлся крупнейшим, то теперь начинают развиваться совершенно новые отрасли национальной промышленно-

сти. Появились первые автомобильные заводы, заводы тяжелого машиностроения.

...Большой и интересный город лежит на берегу океана. Он медленно, но упорно освобождается от всего того, что связывало его с мрачными временами колониального прошлого.

Форт святого Георгия

Над приземистыми из серого кирпича бастионами форта устремленная в небо легкая мачта флагштока. Ветер полощет на ней трехцветный флаг республики. Багровые облака всплывают где-то за неуклюжей массой форта и медленно тянутся к океану, угасая за потемневшей кромкой его горизонта. Ровный шум прибоя катится к стенам крепости и затихает, разбившись о множество ее переходов. И как-то совсем неожиданно у подножия флагштока вспыхивают две красные молнии закатного луча, сломанного в медном блеске вскинутых горнов.

Та-та-та-та! — несется над крепостью. Горнисты в зеленых беретах, вытянувшись, застыли около солдата, выбирающего трос флагштока. И снова резкий звук медных труб врывается в отдаленный шум прибоя. Трехцветный флаг медленно сползает с темно-красного раскаленного неба и беспомощно повисает у ног солдата. Быстро гаснут последние лучи, и неподвижная громада крепости постепенно сливается с темнеющим небом. Завтра на рассвете трехцветный флаг независимой Индии вновь будет поднят на мачту.

Я медленно иду вдоль ошетилившихся контрфорсами стен форта. Сквозь них пророс кустарник. Бастионы покрыты высокой травой, и ее стебли мирно раскачиваются над почерневшими от времени стволами пушек. Жерла пушек нацелены на море. Но вражеские каравеллы не покажутся под стенами форта, а пушкам больше никогда уже не заговорить. Я трогаю ногой ядро, оно откатывается и испугивает маленькую зеленую ящерицу. Полуразвалившаяся лестница бастиона ведет на мощный двор. Внутри форт напоминает небольшой городок. Здесь свои улицы, переулки, тупики. Но город этот странный. На

первый взгляд кажется, что он ничем не связан с миром, оставшимся за его стенами. Строгие линии европейских домов, колонны, капители, готический шпиль церкви. Станный, чужой мир. Осколок далекой северной страны... Я поднимаю глаза и вижу тяжелую, массивную дверь. Дверь нехотя со скрипом поддается. Мраморная лестница теряется где-то в полутьме. Но вот на верхней ее площадке возникает фигура человека в камзоле. Кисть его левой руки опирается на шпагу. Я останавливаюсь от неожиданности.

— Сэр Роберт Клайв! — раздается голос.

Но человек в камзоле остается неподвижным.

— Сэр Роберт Клайв, — уже тише повторяют рядом со мной, и темное лицо человека в белом тюрбане заслоняет того, в камзоле.

— Клайв? — переспрашиваю я.

— Конечно. Вы не верите? Я сторож и музей знаю хорошо. Почему вы смотрите на него как на живого? Он же из мрамора.

Клайв — один из жестоких покорителей Индии. Увековеченный в мраморе. Сторож протягивает руку к выключателю, и на лестнице вспыхивает свет. Над мраморной головой Клайва три каравеллы разрезают голубые воды, королевские лилии поблескивают потускневшим золотом, хищно изогнувшиеся львы пристально смотрят на белые флаги с голубыми крестами. И под всем этим: «Под предводительством Англии царственной и правящей» — герб Ост-Индской компании. Компании торговцев и завоевателей. И, как бы угадав мои мысли, сторож в белом тюрбане сказал:

— Да, это Ост-Индская компания. С нее все и началось для нашей страны. А Мадрас собственно начался вот с этого форта. Но это очень долгая история...

Флаг идет за торговлей

Капитан сразу понял, что корабль близко к берегу подойти не сможет. Здесь не было ни удобного залива, ни бухты. Косые океанские валы с грохотом обрушивались на плоский берег, покрытый песчаными дюнами.

Бриз раскачивал перья редких кокосовых пальм, под которыми виднелись крыши рыбацких хижин. Несколько катамаранов скользили по волнам прибоя.

— Сэр, — обратился капитан к человеку в пурпурном камзоле, стоявшему на носу, — что будем делать?

— Решайте сами, — перебил тот капитана.

— Хорошо, мистер Дей, я прикажу спустить шлюпку.

Дей закусил губу и провел влажной рукой по лицу, ощутив пальцами мелкие кристаллики осевшей соли. Опять эти неудачи. Горячий влажный ветер хлопал парусами. Казалось, не было конца жаре в этой стране. Тонкая рубашка прилипла к телу, под лопатками на камзоле проступили темные пятна пота. Коромандельское побережье оказалось негостеприимным. Его затея с факторией в Амаргаоне кончилась ничем. С чужеземцами не желали торговать или заламывали слишком большие цены. Директора Компании, сидевшие в прохладном Лондоне, ждали от него кораблей, груженных тонким индийским ситцем. Но ему нечего было посылать. Раз в год он получал выговор от директоров. Тем не менее он понимал, что уходить отсюда нельзя. Богатая фантастическая страна, раздираемая междоусобицами, сулила высокие прибыли, а может быть, кое-что и побольше. Но там, в Лондоне, пока этого не понимали. Амаргаон действительно был неудачным местом. Но можно было найти и другое. И он нашел. Он послал сюда своих агентов, и те донесли, что здесь ситец дешев, так же как и руки, его делающие. Этот небольшой клочок земли на берегу океана принадлежал радже Чандрагири. Дей усмехнулся, вспомнив раджу. Сколь важно восседал тот на троне в своем гранитном дворце, один из бесславных наследников императоров блестящего Виджаянагара. Английский фактор заплатил за землю Мадраспатама 600 фунтов. Деньгам предшествовали обещания. Он не скупился на них.

В памяти Дея всплыло темное лицо раджи с хитрыми бегающими глазками. В этих глазках вспыхнули алчные огоньки, когда Дей сказал, что англичане привезут ему на своих кораблях персидских лошадей, охотничьих соколов, разноцветных попугаев, диковинных обезьян и еще много удивительных вещей. Раджа не подозревал, что чужеземцы потом его обманут. Что не будет горячих скакунов и соколов, а будут Клайв и Мунро, грохот ору-

дий, неприступные стены чужеземного форта и развалины гранитного дворца. Соглашение о Мадраспатаме было записано на золотой пластинке и датировано 1 марта 1639 года. Золотая пластинка лежала в резной сандаловой шкатулке в каюте Дея. Предвестница грозных событий, первый шаг к власти Ост-Индской компании на Короманделе.

Дея знал, что в Мадраспатаме, на пустынном берегу, нет удобной гавани, но не подозревал, что это так его раздражит. С трудом подавив это раздражение, он оторвал руку от качающегося трапа и спрыгнул в шлюпку. Все оказалось не так, как он себе представлял. Гребцы долго не могли оседлать нужную волну, и шлюпка беспомощно прыгала в кипящей пене прибоя. На берегу темнокожие рыбаки в набедренных повязках что-то кричали, показывая вправо, откуда шли валы. Наконец шлюпка ткнулась носом в песок.

Англичане оказались не единственными европейцами на Коромандельском побережье. В нескольких милях от Мадраспатама, по соседству с древним индийским городом Майлапуром, находилось португальское поселение Сен-Томе. Но звезда королевской Португалии в Индии уже зашла, и жители Сен-Томе не проявляли открытой враждебности к новым пришельцам. Зато в ста милях к югу хозяйничали французы. Великая империя Моголов, сотрясаемая феодальными усобицами, трещала по швам. Дея хорошо представлял себе, что впереди будет долгая и жестокая борьба. Поэтому, когда англичане кое-как разместились в бамбуковых хижинах, он приступил к постройке форта.

К Мадраспатаму потянулись бычьи упряжки с камнями, кирпичом, латеритом и древесиной. Бесконечная вереница нанятых за гроши кули днем и ночью двигалась с берега реки Коум к месту постройки. Темнокожие люди несли на головах корзины с песком. Английские солдаты и чиновники Компании, превратившиеся в надсмотрщиков, подстегивали зазевавшихся. Надо было спешить. События могли нагреть неожиданно. День и ночь кули с потными спинами дробили камень, замешивали известь, пилили дерево, укладывали кирпичи. С непостижимой для Индии быстротой, всего за несколько месяцев, выросли на берегу океана добротные здания. Кули не могли скрыть своего удивления. Их руками

было сооружено нечто чуждое. Странные прямые линии двух- и трехэтажных домов с колоннами и острыми крышами раздражали глаз и казались уродливыми. Ничего подобного у себя на родине они не видели. Зато чужеземцы с нежностью взирали на растущие дома. Они напоминали им родные города, покинутые в далекой северной стране. С упорством маньяков, не обращая внимания на тропики, пришельцы воссоздавали европейский комфорт, затруднительный и бесполезный в этих широтах. Английский городок XVII века, обедненный убогой фантазией торговцев, возник на тропическом берегу. Его центром стала фактория. Там разместились чиновники Ост-Индской компании и писцы. Рядом с факторией построили склады для товаров и казармы для солдат и мелких служащих. К концу года был готов первый бастион форта. Паутина серых стен и крепостных валов поползла, захватывая нагретую солнцем землю с пальмовыми рощами. Восемь орудий грозно глядели в сторону португальского Сен-Томе. Однако в Лондоне Деем были недовольны. Директора Компании продолжали считать постройку форта делом дорогостоящим и ненужным. Дей упорно отмалчивался и... делал свое дело. К 1641 году Мадрас-патам, названный для краткости Мадрасом, стал основным английским опорным пунктом на Коромандельском побережье.

К стенам форта стали стекаться индийские ткачи и прядильщики. Они знали, что белолицые люди из форта нуждались в тонких красивых тканях. Им казалось, что там, под стенами чужеземного форта, они приобретут долгожданную безопасность и убежище от произвола местных правителей.

Вскоре у северной стены форта стал расти хорошо спланированный индийский город. Черный город. Для видимой безопасности его кварталы обнесли глиняной стеной. За внешними стенами форта находился Белый город, населенный англичанами, португальцами, англоиндийцами и индийскими христианами. Оба города росли, а с ними расширялся и форт. Уже не 25 солдат охраняли имущество Компании, а целый гарнизон стоял в стенах форта. Парусные корабли ежегодно везли в Мадрас новые подкрепления. На шлюпки, идущие к берегу, грузили солдат, пушки, ядра, бочки с порохом. Гарнизон стал превращаться в регулярное войсковое соединение.

Ост-Индская торговая компания приступила к завоеванию Индии. Флаг завоеваний шел по пятам торговли. Длинноствольные мушкеты быстро уговаривали раджей на очередную уступку. Чугунные ядра, с шипением вылетающие из пушечных жерл, напоминали о том, что Ост-Индская компания шутить не намерена. Военные фрегаты теперь бороздили волны Бенгальского залива, готовые в любой момент прийти на помощь. Угрозами и посулами, обманом и шантажом, силой и лестью форт вбирал в себя все новые и новые земли. Договоры об аренде этих земель подписывали блистательные султаны Голконды, фанатичный могольский император Аурангзеб, слабые и падкие на подарки местные навабы и раджи. В конце XVII — начале XVIII века под властью англичан оказались почти все окрестные деревни — Трипликейн, Тондиарпет, Эгмор, Нунгамбакам, Вепери, Кодамбакам, Чепак, Пудупаккам, Мамбалам. Впоследствии они превратились в районы нового колониального города.

Французы, сидевшие в Пондишери, настороженно следили за англичанами в Мадрасе. В 1690 году у стен форта появился французский флот. После первого морского сражения англичане поняли, что французы — нежелательные соседи. До мадрасского форта время от времени докатывались отголоски той войны, которую вели Англия и Франция за обладание Индией. Эта война шла с переменным успехом.

Сентябрьским утром 1746 года дозорный с башни форта заметил на горизонте белые паруса кораблей, идущих военным строем. Он поднял тревогу. Несколько английских фрегатов вышли в море. Белые облачка разрывов свидетельствовали о том, что завязался морской бой. Два английских фрегата, развернувшись, пустились наутек. Вражеские корабли приближались к берегу. Видно было, как спускают шлюпки и французские солдаты и матросы ловко спрыгивают в них. Осада продолжалась три дня. На третий день на флагштоке английского форта взвился белый флаг Бурбонов. Битва была проиграна. Членов совета Ост-Индской компании провели по улицам Пондишери, как пленных рабов. Французы забрали из форта все товары и разрушили Черный город.

Но военные неудачи преследовали полководцев и солдат королевской Франции в Индии. Через три года

им пришлось вернуть Мадрас и форт англичанам. Не более успешным был поход генерала Лалли, осадившего форт в 1758 году. Английский флот разбил французов наголову. Героем обороны стал генерал Лоуренс, создатель мадрасской регулярной армии. Через несколько лет эта армия взяла Пондишери, оставив французам небольшой клочок земли. А много лет спустя, уже в нашем веке, французский губернатор Пондишери приезжал с визитом в Форт святого Георгия. Английский сановник, распивший с французом бутылку великолепного бордо, улыбаясь, показал ему ключи от Пондишери. «А, — отмахнулся от них небрежно губернатор, — у нас тоже есть в Пондишери ключи от вашего форта». Проходит время, и прошлое забывается...

Но форт до сих пор хранит о нем память. Здание, где находится мраморная фигура Роберта Клайва, было когда-то биржей. В центральной части форта, поблескивая черными колоннами, высится дом бывшей фактории. Теперь там заседает правительство штата Мадрас. В узком дворе церкви святой Марии лежат надгробные плиты. Здесь похоронены английские губернаторы Мадраса, королевские офицеры, священники. Их не выпустила отсюда чужая земля. Но они жили на ней и топтали ее...

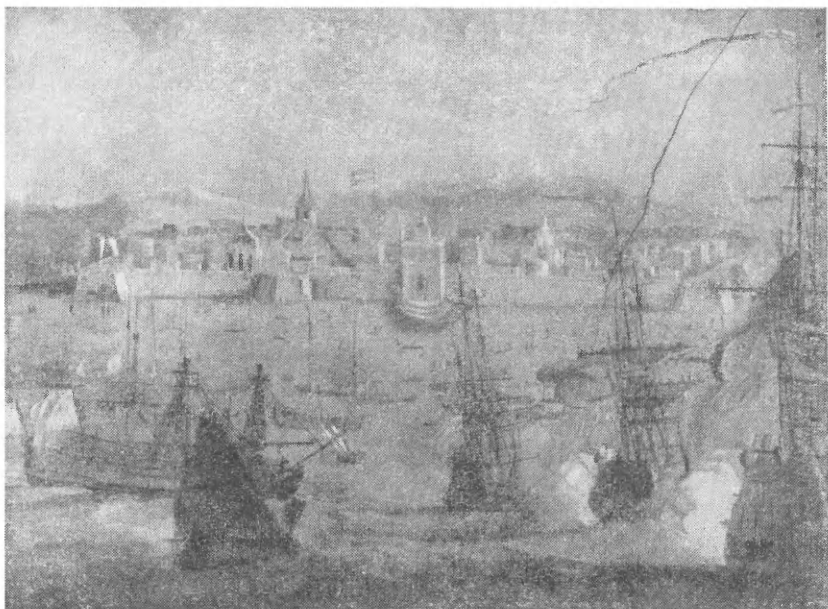
Морские ворота

Массивные железные ворота Форта святого Георгия были распахнуты когда-то прямо на океан. Голубые волны Бенгальского залива плескались около серых грозных стен, а в штормовые ночи вздыбленные валы яростно разбивались о контрфорсы. Теперь море отступило и между ним и фортом тянется асфальтированная дорога, за которой видны здания товарных складов, узкоколейка, ведущая к гавани, служебные постройки. Шум проходящих автомобилей, грузовиков, автобусов почти полностью заглушает звуки моря. И только когда город вокруг затихает и сиреневые сумерки спускаются на океан, становится слышным морской прибой. Железные ворота называются Морскими. Они повидали немало на своем веку. Их разбивала французская артиллерия, по ним гре-

мели мечи майсурских конников, в них летели осколки японских бомб. И только однажды, в 1942 году, их замуровали. Английские власти ожидали вторжения в Мадрас японского флота. Но это случилось много позже.

Ворота всегда гостеприимно распахивались навстречу кораблям с «Союзным Джеком» на мачте. Эти корабли приходили в форт редко. Не более двух раз в год. Ни семнадцатый, ни восемнадцатый века еще не знали Суэцкого канала. Поэтому парусные корабли Ост-Индской компании плыли из Лондона в Мадрас вокруг Африки. Их путь шел мимо островов Мадейра и Тенериф, через мыс Доброй Надежды к Мадагаскару. Оттуда через Цейлон корабли входили в Бенгальский залив и направлялись к Мадрасу. Плавание длилось не менее полугода. Пассажиры бесцельно слонялись по верхней палубе, приставали с расспросами к капитану и бросали тоскливые взоры на однообразно бегущие куда-то волны. Чаше они пили или играли в карты под будущие деньги и сокровища. Эти развлечения были достойны временных обитателей ост-индских кораблей. Ибо большинство из них оказывались жадными до наживы искателями приключений. Среди них были юные отпрыски разорившихся дворянских родов, бежавшие от виселицы пираты, завербованные в портовых тавернах солдаты, помилованные преступники из Ньюгейта, расстриги-священники, проворовавшиеся стряпчие, неопознанные убийцы, женщины из лондонских трущоб, торговавшие собой. Вся эта человеческая грязная пена выталкивалась из благопристойной Англии и относилась океанскими волнами к стенам Форты святого Георгия.

После долгих дней утомительного плавания показывался долгожданный берег. Появлялись верхушки кокосовых пальм, затем ослепительно белый песок и гремящая линия прибоя. Над всем этим вырастали массивные стены форты. Корабль салютовал, и форт отвечал ему белыми облачками разрывов. Прибывший парусник окружала флотилия катамаранов и туземных лодок. Сожженные дочерна тропическим солнцем люди в набедренных повязках предлагали свои услуги и, смешно коверкая английские слова, называли цену. На берег был только один путь — на лодках. Под непристойные крики в них ссаживали визжащих женщин. Влажный ветер дерзко поднимал им юбки. Чернскожие гребцы не отводили глаз

*Когда-то волны океана
плескались у самых стен форта*

и, тихо переговариваясь меж собой, ухмылялись. Вслед за женщинами в лодки бросали их скудный багаж. Придя в себя от первого испуга, дочери Альбиона начинали яростно торговаться из-за каждого пенса.

Губернатор и члены совета Компании в полной парадной форме, невзирая на жару, тут же поджидали пеструю компанию, выгружавшуюся из лодок. В большом зале фактории накрывали длинный стол. Чернокожие слуги, стоявшие за стульями, методично дергали шнуры панкхок, и слабый ветерок обвевал разгоряченные вином тела новых обитателей форта. А в это время таверны и пивные Черного города наполнялись матросами. Подрагивали медные серьги в ушах, пестрые козыньки напоззали на брови, за широкими поясами сверкали изогнутые рукоятки ножей. Вся эта красочная

компания больше походила на пиратов, чем на матросов регулярных рейсовых кораблей.

После солидного возлияния они шатались по улицам Черного города, наводя страх на его мирных обитателей. Драки и поножовщина немедленно вспыхивали там, где появлялись матросы славного Ост-Индского флота. Дрались из-за бутылки рома, из-за лишнего шиллинга, из-за женщин, из-за косого взгляда или не так сказанного слова. По ночам в пустынных переулках они подстерегали прохожих в расчете на хорошую поживу.

На следующий день начиналась разгрузка корабля. И вновь Морские ворота гостеприимно распахивались. От корабля к форту, от форта к кораблю двигалась непрерывная цепь лодок. Носильщики тянули на потных спинах тюки из складов крепости, набитые индийским ситцем, муслином, дорогими тканями, специями, индиго,

*До постройки мадрасской гавани
на берег был только один путь —
на лодках*

сандаловым деревом. Все это ложилось в трюмы корабля, ушедшего вновь в Лондон. На берегу постепенно вырастала гора сгруженных товаров: ящики с вином, тюки с английской шерстью и солдатской амуницией, бочки с порохом, мешки с почтой, коробки с дамскими нарядами и многое другое, в чем нуждались англичане на чужой земле.

Постепенно суматоха, связанная с приходом корабля, затихала и жизнь форта входила в нормальную колею.

В обычные дни по утрам у Морских ворот собирался своеобразный рынок. Узкая полоса песка между морем и воротами заполнялась толпой. Покачиваясь, плыли над ней высокие тюрбаны тамильских и майсурских купцов, там и тут виднелись офицерские треуголки, мелькали сутаны священников, камзолы чиновников Компании, проплывали, покачиваясь на обнаженных плечах слуг, крытые носилки с благопристойными английскими леди, пестрели цветные платки, завязанные узлом на загорелых шеях матросов, скрипели по песку тяжелые солдатские ботфорты, сновали легкие сандалии туземных переводчиков «добаши», вздымались темные темпераментно жестикулирующие руки посредников и менял. Надменно держались ростовщики-телугу, готовые в любой момент субсидировать выгодную сделку или принять участие в темной спекуляции. Здесь Восток сошелся с Западом. Но тех и других интересовало только одно — золото, деньги. На рынке у Морских ворот можно было купить все и продать тоже все. Здесь были алмазы из Голконды, жемчуг из Тутикорина, рубины из Бирмы, сандаловое дерево из Майсура, зерно, пряности, индиго, ткани.

Если бы серые кирпичи восточной стены могли заговорить, как много они рассказали бы о людях, потомки которых так кичились своей «цивилизаторской» миссией в Индии. Но камни молчат...

Белый город

Странное название — «Белый город». Такое же странное, как и «Черный город». Но в них заложено целое мировоззрение. Белые хозяева должны жить в Белом

городе, черные слуги — в Черном. «Запад есть Запад, Восток есть Восток» — непреложное правило жизни английских колоний.

Четыре бастиона разросшегося форта охраняли Белый город. В северной части крепости находились частные дома. Здания в южной части принадлежали Компании. Еще в середине XVII века служащие Компании жили в помещении фактории и питались за общим столом. Но по мере того как наполнялись их карманы и форт расширялся, они перекочевывали в новые дома. Узкая полоса площади для парадов отделяла Черный город от Белого. Вдоль этой площади тянулись лавки с тканями, одеждой и едой. Здесь по утрам появлялись белые леди из форта. Каждую из них сопровождало несколько темнокожих слуг и носильщиков паланкинов. Дородные жены служащих Компании, торговцев и офицеров, утратившие былую стройность от слишком частого пользования паланкином, важно покрикивали на зазевавшихся носильщиков.

Раз и навсегда заведенный порядок царил десятками лет в Белом городе. С девяти до одиннадцати утра носили визиты, затем в паланкинах отправлялись по служебным делам. Дела были разные: наблюдение за погрузкой и разгрузкой кораблей, переписка деловых бумаг, составление корреспонденции в Лондон, сделки у Морских ворот, военные учения. После ленча, с четырех до пяти, для всех обитателей форта наступало время сиесты. В пять часов, когда жара спадала, вереница паланкинов тянулась к Маунт Роуд, тогда еще просто дороге, утопавшей в зарослях бананов и пальмовых рощах. Здесь благопристойные английские семьи совершали свой вечерний моцион. После прогулки можно было попасть на званый ужин, бал или почитать вслух Библию в семейном кругу. В определенный час все обитатели Белого города должны были быть дома. Утром и вечером все исправно посещали часовню в форту, а потом, когда построили церковь святой Марии, — церковь. Тех, кто этого не делал, штрафовали.

По воскресеньям в городе царила унылая скука. В эти дни были запрещены различные сборища и не ходили в гости. Тех, кто нарушал запрет, с первым кораблем отправляли в Англию.

Построенные по европейскому образцу дома были

мало приспособлены к тропическому климату. В душных, жарких комнатах люди потели на пуховых перинах, заставляя слуг всю ночь дергать шнуры мерно раскачивающейся панкхи. Соблюдая необходимый этикет, ложились с пудренными и напомаженными волосами, прикрывая их шелковым платком. Насекомые, привлеченные запахом пудры и помады, прогрызали в платках дыры.

Узкие кафтаны и камзолы, высокие воротники, тесные галстуки, панталоны до колен, жаркие шелковые чулки и тяжелые башмаки с пряжками стесняли движения и причиняли немало беспокойства их обладателям. Английская мода, дошедшая в Мадрас с опозданием на полгода, свято соблюдалась, так же как и любая другая отечественная традиция.

Жизнь среднего служащего Компании помимо его дел заполняли болтовня, скандалы, пыль Маунт Роуда, москиты, утренние и вечерние богослужения. Двадцать раз на дню приходилось слушать одни и те же разговоры о том, что температура поднялась выше 42° , что континентальный ветер очень жаркий, а морской бриз сравнительно прохладный, что пыль Маунт Роуда портит башмаки, что Джонса сбросил разъяренный слон, а Робинсон опять напился до бесчувствия.

Невзирая на климат, Белый город поглощал спиртное огромными дозами. Губернатор, сановники, служащие Компании, купцы, королевские офицеры пили мадеру и ширазские вина. Матросы и солдаты довольствовались прогом в таверне «Черный Джо». Быстро пьянея, они засыпали на улицах под лучами тропического солнца. Некоторые из них больше не просыпались.

Как ни старались обитатели Белого города укрыться за видимостью благочестия и благопристойности, настоящие качества этих людей все время прорывались в пьяных оргиях, в темных спекуляциях, в подкупах, взятках и кое в чем еще похуже.

Процесс миссис Дэвис

Шурша накрахмаленными юбками, в узкую дверь часовни протиснулась высокая полная женщина. Из-под ее чепца на лоб скатывались мелкие капельки пота. Растал-

кивая стоящих рядом, она продвинулась к панкхе, но и та не принесла облегчения. Часовня была заполнена до отказа, и люди стояли, прижавшись друг к другу. Спертый жаркий воздух, казалось, стал густым и осязаемым. Священник с лицом, похожим на выжатый лимон, стоя в полном облачении на невысокой кафедре, читал проповедь. Женщина шумно вздохнула, и уголки ее поблекших губ недовольно опустились вниз. Она поняла, что пропустила утреннее богослужение.

— Миссис Дэвис, доброе утро! — откуда-то донесся шелестящий шепот.

Женщина скосила в сторону глаза. Из темного угла ей кивала кокетливая шляпка. Дэвис хорошо знала ее обладательницу. Владелица небольшого дома у северной стены форта, Джейн Смит, пронырливая особа с лисьей физиономией, всегда раздражала миссис Дэвис. И прежде всего потому, что Джейн помнила, кем была та в Лондоне. И при каждом удобном случае не забывала сказать об этом степенной Дэвис, жене мистера Дэвиса, королевского офицера. Старшей подруге Джейн повезло больше: она вышла замуж и наконец обрела долгожданный покой, дом и устойчивое положение в обществе. Никто не смеет напоминать ей о панелях Лондона. Но Джейн завистлива и мстительна. Миссис Дэвис снова вздохнула и переступила с ноги на ногу. Теперь Джейн увяжется за ней и просидит в ее доме до ленча. Бывают же такие неудачные дни! Сначала эта Сарасвати, из-за которой она опоздала на утреннюю молитву, а теперь Джейн. Сарасвати... Говорят, это имя их черномазой богини. Что за глупая привычка называть людей именами языческих богов. В этой темнокожей девчонке всегда было что-то, вызывавшее приступы ярости у миссис Дэвис. Но она не могла объяснить, что именно. Может быть, грациозная стройная фигура, на которую с удовольствием взирает ее королевский офицер, после того как осушит очередную бутылку мадеры. Или эти печальные огромные глаза, на которых всегда лежит тень покорно опущенных ресниц. Или какое-то неуловимое чувство протеста, заставляющее девушку поступать иногда наперекор воле хозяйки. Наперекор... Кто бы мог поступать наперекор, только не она. Жалкая рабыня, купленная мистером Дэвисом два года назад. Сегодня она получила по заслугам. Долго будет помнить. Сколько

раз ей говорили, что вода для умывания в медном тазу должна быть прохладной. Но она всегда почему-то была теплая и мутная. Сегодня утром пришел конец терпению миссис Дэвис. Она вновь с внутренним удовольствием вспоминает утреннюю сцену. Тонкие смуглые пальцы, беспомощно старающиеся прикрыть голову, на которую обрушиваются удары таза. От такой «работы» миссис Дэвис задохнулась и быстро устала. Счастье этой девчонки. Теперь она валяется на каменном полу, притворяясь, что потеряла сознание. Ничего, скоро очухается. Потом будет отскребать с чистых плит собственную кровь.

Проповедь кончилась, и миссис Дэвис сердито выплыла из часовни. Молчаливые носильщики опустили к ее ногам паланкин. Кряхтя, она согнула свое расплывшее тело, чтобы разместить его на подушках. Носильщики взяли за ручки. В это время лисья физиономия Джейн появилась рядом с миссис Дэвис.

— Послушай, — сказала Джейн, — а не поболтать ли нам у тебя часок, другой.

— У меня сегодня плохое настроение, — попыталась отвязаться миссис Дэвис.

В глазах Джейн появилось выражение притворного сочувствия.

— Что-нибудь серьезное? — голос выдал ее нетерпеливое ожидание.

— Нет, — вяло отмахнулась Дэвис. — Опять стычка с этой девчонкой-рабыней. — Но она получила по заслугам.

Позже миссис Дэвис пожалела, что дала Джейн себя уговорить и рассказала ей о Сарасвати.

— Ты убила ее! — закричала Джейн, когда увидела распростертое тело мертвой девушки.

Грозный смысл слов подруги не сразу дошел до сознания белой хозяйки.

— Ну и что? Мне только жалко денег, которые заплатил за нее Джон.

Джейн поняла, что наконец настал ее час. Она немедленно покинула дом Дэвисов, и к вечеру весь Белый город знал об убийстве. На его обитателей это не произвело впечатления. Зато Черный город реагировал иначе. И эта реакция заставила чиновников Компании отправить весной 1665 года письмо в Лондон. Через год при-

шел ответ. Директора Компании предлагали назначить губернатора, который бы разобрался в этом деле. Губернатор был назначен, и начался процесс над миссис Дэвис. Английская благопристойность была соблюдена, и убийца предстала перед судом. Черный город успокоился. Но люди, для которых убийство и грабеж становились ремеслом, не желали расправляться с миссис Дэвис. Приговор, который они вынесли, звучал довольно странно: «В убийстве виновата, но не по манере и форме». Это значило, что белую хозяйку вынудили к этому обстоятельству. Вскоре после суда миссис Дэвис была освобождена. Первое дело первого английского губернатора Форта святого Георгия закончилось оправданием убийцы. Потом это превратилось в систему.

Убитая девушка была рабыней. Их имелось немало в то время в Мадрасе. Ост-Индская компания занималась работорговлей. Сначала основным ее центром был Черный континент — Африка. Черных рабов грузили на корабли Компании в Мозамбике, в порту Святого Лаврентия и в других африканских портах. Рабы составляли груз почти каждого ост-индского корабля, идущего вокруг Африки мимо мыса Доброй Надежды в Индию. Перейти от черных рабов к коричневым не составляло труда. В 1641 году английский фрегат «Михаил» захватил на Малабарском побережье Индии 14 человек. Это были первые индийские рабы. Мадрас представлял довольно широкие возможности для работорговли. Таможенные пошлины там были низкими, а в самом городе процветало так называемое домашнее рабство. Слуг покупали и продавали. В 1711 году официальная цена раба составляла 6 шиллингов. В Мадрасе не только английские купцы занимались такой торговлей, но и голландские и португальские работорговцы держали там своих агентов. Особенно процветала работорговля в голодные годы, когда отчаявшиеся люди за меру риса продавали своих детей и себя. Когда рабов не хватало, воровали для продажи детей и беззащитных женщин. На продаже живого товара наживались все: чиновники, офицеры, священники. Итальянский путешественник Мануччи описывает случай, когда священник продал жену и четырех сыновей индийского христианина. Другой священник из Сен-Томе продал девушку-тамилку капитану корабля.

В 1662 году в Англии была основана работорговая компания во главе с герцогом Йоркским. Вскоре Ост-Индская компания стала с ней конкурировать. В форт привозили на кораблях депеши, где директора требовали увеличить поставки рабов из Мадраса. И Белый город старался. На разгрузке кораблей Компании стали работать лодочники-рабы. Чтобы отличить их от других лодочников, на них надели красные куртки с номером и маркой Ост-Индской компании. И в Белом и в Черном городе возникали шайки из англичан и индийцев, которые воровали детей и продавали их в рабство. В конце XVII века это темное занятие приобрело в Мадрасе размеры стихийного бедствия. Многие состоятельные индийцы лишались своих детей. Похитители не делали особой разницы между бедными и богатыми. Они знали, что всегда найдут защиту в форте. Жители Черного города и окрестных деревень старались не выпускать детей за ворота домов. Но и это не помогало. По ночам закутанные до бровей в плащи грабители, вооруженные шпагами и пистолетами, врываются в мирные дома и уводят детей, а заодно и любого им приглянувшегося. Похищенных скрывали в подозрительных портовых тавернах, а нередко и в домах английских должностных лиц до прихода очередного корабля. Иногда корабль не осмеливался подходить к форту и погрузка рабов совершалась под покровом ночи где-нибудь в нескольких милях от города. Никто из украденных никогда не возвращался домой.

Шайки похитителей разрастались и методически вели охоту за «живым товаром». Индийцам стало опасно появляться на дорогах, ведущих к городу. Слухи о страшных делах Мадраса докатились до могольского императора Аурангзеба, но и тот ничего не мог сделать. Когда-то ловко втершиеся к нему в доверие европейцы давно вышли из его повиновения.

Скандал следовал за скандалом. Но никто не обращал на них внимания. В 1688 году пришел наконец высочайший указ Компании, запрещающий работорговлю. За последние два года она немного прибавила в казну Компании, а затраты на нее были значительны. Однако обитатели Белого города имели на этот счет несколько иную точку зрения. Частная торговля рабами продолжала приносить большие прибыли. Поэтому указ так и остал-

ся на пожелтевшей от времени бумаге. Похищения и торговля людьми продолжались. Время от времени должностные лица из форта «накрывали» очередную шайку и отбирали рабов. Но делалось это тоже не без корысти. Похитители нередко откупались крупной взяткой, а «освобожденные» рабы вновь продавались теми же «блюстителями порядка». В 1790 году один из таких поборников, судья Тэйлор, конфисковал свыше 40 похищенных работорговцами детей-индийцев. Но дети преждевременно радовались свободе. Никто не стал выяснять, у кого их украли. Для темнокожих это слишком большая честь. Детей отправили работать на хлопковые плантации мистера Попэма, адвоката.

Спрос на индийских рабов был довольно высоким на европейских плантациях Явы и Суматры. Английские корабли ежегодно везли туда сотни и тысячи рабов, набранных в Мадрасе и на побережье. Жители теперешних тамильских поселений Индонезии, Малайи, Бирмы — потомки похищенных английскими работорговцами детей Черного города.

Торговля людьми в Мадрасе прекратилась только тогда, когда рабский труд стал невыгоден, а торговля перестала приносить желаемую прибыль.

Процесс миссис Дэвис, оправданной первым губернатором Мадраса, был лишь небольшим эпизодом в летописи многих десятилетий страшного промысла Белого города.

Пират Питт и алмазы Голконды

Говорили, что корабль-призрак вновь появился на виду у города. Более десяти лет он маячил в этих водах, но каждый раз уходил от ост-индских фрегатов. Его команда никогда не сходила на берег, было неизвестно, где он брал воду и продовольствие. Ходили слухи, что это судно контрабандистов, которое ведет незаконную торговлю алмазами и жемчугом под носом Компании. Некоторые утверждали, что это пиратский бриг. По всей видимости, были правы и те и другие, потому что отличить пиратов от контрабандистов, а контрабандистов от

пиратов в те времена было трудно. Обитатели форта иногда встречались с контрабандистами в темных тавернах на глухих улицах Черного города. Они вкладывали свои деньги в эти полупиратские, полуконтрабандистские предприятия. И деньги приносили большую прибыль. Контрабандная торговля и пиратство преследовались законом Ост-Индской компании. Но это не останавливало ее чиновников.

Шпионы из португальского Сен-Томе донесли губернатору форта, что таинственный бриг бросил якорь почти у самого берега. Губернатор Томас Питт, захватив двух офицеров, сам отправился к месту стоянки. Они миновали песчаные дюны, покрывавшие пустынный берег, и остановились у самой кромки прибоя. В нескольких десятках ярдов от них на волнах качивался корабль со спущенными парусами. На палубе, облокотившись о поручни, стоял матрос в красной косынке.

— Эй, там, на бриге! — крикнул один из офицеров. — Позови капитана!

Матрос лениво поднял голову и выругался сквозь зубы.

— Эй, ты! — снова крикнули с берега. — С ним хочет говорить губернатор форта.

— Какого черта! Кто здесь надрыается, Джек? — на палубе показался коренастый человек в расстегнутой рубашке. На его лоб спадала грива седеющих волос.

— Тут губернатор форта, сэр, — кивнул в сторону берега Джек. — Хочет с вами говорить.

— Эй, вы, на берегу! — в хриплом голосе капитана прозвучал вызов. — Проваливайте отсюда, пока... — капитан внезапно осекся. Его большие руки с грязными отросшими ногтями вцепились судорожно в поручни. Он пристально вглядывался в одну из фигур, стоявших на берегу. Она ему казалась поразительно знакомой.

— Эй, Том! — закричал он, когда пришел в себя от изумления. — Старина! Ты не забыл тех шестерых, что висели на стене твоего форта и кормили собой ворон? Мы думали, что ты был среди них.

Под загаром на лице губернатора проступила сероватая бледность, жесткий рот приоткрылся.

— Заткнись! Ты, старая...

Но капитан не дал ему договорить.

— Так это ты, «отчаянный Том», губернатор этого вонючего форта? — Непочтительный смех донесся с палубы брига. — Нет, вы посмотрите! — не унимался капитан. — Наш Том — губернатор. Я сейчас сдохну от смеха.

Но Питт уже овладел собой.

— Послушай, ты! — рявкнул он. — Если твоя посуда не уберется к вечеру из этих вод, пеняй на себя. — И, круто повернувшись, губернатор зашагал прочь.

— Эй, Том! — прокричал вдогонку капитан. — Когда разбогатеешь, не забудь старых дружков! У Компании много денег, и ты не дашь им зря лежать!

Офицеры ухмылялись. Для них это не было новостью. Не зря в форту меж собой звали губернатора «пират Питт». Он правил железной рукой и никогда своего не упустил. Для «общества» форта это был, может быть, самый подходящий губернатор.

Еще лет пятнадцать назад Питт гонял на своей бригаantine по Бенгальскому заливу. Он выходил на побережье и уводил из-под носа Компании лучшие и самые выгодные товары. Томас Питт и его «ребята» умели всегда все добыть вовремя. Они грузили на свою бригадину дорогие индийские ткани, тутикоринский жемчуг, голкондские алмазы, черный перец и, конечно, рабов. Когда обстоятельства позволяли, они брали все, что плохо лежало на этом богатом берегу. Одно время драгоценные камни даром шли в их руки. Крупные бриллианты, рубины, изумруды украшали статуи языческих богов этого странного и непонятного народа. Команда Питта наловчилась работать под покровом ночи. А справиться с храмовой стражей не представляло никакого труда.

От контрабанды перешли к пиратству. Обычно корабли Ост-Индской компании шли под охраной военных фрегатов. Когда это правило нарушалось, корабль становился добычей «отчаянного Тома». Все контрабандисты Бенгальского залива признавали его авторитет. У Питта были прочные связи с берегом, и некоторые высокие чиновники из Форта святого Георгия не гнушались работать вместе с ним. «Отчаянный Том» был уже обладателем крупного состояния, когда удача изменила ему. Он подозревал, что кто-то из форта его предал. Ост-Индский фрегат выследил бригадину и напал на нее

ночью в месте ее тайной стоянки. Питта, закованного в кандалы, провели в подземный каземат крепости и швырнули на гнилую солому. Тогда же расправились еще с шестью главарями. Питт ожидал смерти. И если бы ему тогда сказали, что он когда-нибудь станет губернатором того форта, в тюрьме которого он сидел, он бы непочтительно захохотал, как капитан того брига. Но смерть его миновала. Ему даже не выжгли на лбу буквы «п» — «пират». Друзья из форта, боявшиеся суда над «отчаянным Томом», помогли ему бежать. Безлунной ночью его доставили на утлое парусное суденышко, принадлежавшее кому-то из местных купцов. Он понимал, что в Индии ему пока нет места. Далекая Персия стала его временным убежищем. Но там были свои порядки, и пирату и контрабандисту Питту не удалось развернуться. В Индии же остались друзья, которые хранили его деньги. Через несколько лет он вернулся туда, но неудачи вновь преследовали его. За организацию торгового дома в Хугли, нарушавшего монополию Компании, Питт был снова арестован и выслан — теперь уже в родную Англию. Но человек с деньгами там пропасть не мог. В 1689 году он купил себе место в парламенте. Теперь ему не смели напоминать о его прошлом. Лондонские директора Ост-Индской компании предложили ему стать их чиновником. Для них он был знатоком Индии. Ну а что касается того, что он был еще и пиратом, то директоров это мало интересовало. Они знали, что порядочных людей для Индии найти трудно. Питт же хорошо понимал, что законный грабеж — дело надежное и спокойное. Жизнь пирата и контрабандиста, полная превратностей судьбы, опасностей и трудностей, больше не устраивала «отчаянного Тома», теперь члена английского парламента. В 1698 году он наконец вновь появился в Форту святого Георгия, но не как узник или преследуемый нарушитель закона, а как полномочный губернатор. Но кличка «пират Питт» навсегда осталась за ним.

Служащие Ост-Индской компании превращались в пиратов, а пираты — в высоких чиновников. Томас Питт, губернатор форта, так и не дождался спокойной жизни. Погоня за богатством была делом хлопотным. Под боком находились алмазные копи Голконды, и пират Питт, конечно, не мог устоять перед таким соблазном.

Из всех спекулянтов, нарушавших алмазную монополию Компании, ему повезло больше всех...

Алмаз в 400 каратов достался индийскому купцу Джамчанду легко. Он купил его за бесценок у спившегося шкипера английской бригантины. А шкипер украл алмаз у беглого раба, принесшего камень из колей Голконды. Потом шкипер повесился, а Джамчанд отправился в Мадрас. Когда он появился у Морских ворот Форты святого Георгия, губернатор Томас Питт уже кое-что слышал об удивительном алмазе. Он приобрел его за 20 тысяч фунтов стерлингов. Питту прощали многое, даже морской разбой, но удачу с алмазом бывшему пирату не простили. И когда в 1710 году он плыл на фрегате в Англию, слух о приобретенном алмазе уже достиг ушей лондонских директоров Ост-Индской компании. Питта обвинили в недозволенных методах при приобретении крупнейшего из когда-либо виденных Европой алмаза. Трудно сказать, что больше огорчило бывшего пирата: обвинение в разбое или то, что в Англии уже была известна тайна его сокровища. По всей видимости, последнее. Лондон предстал Питту враждебным, затаившимся городом, готовым отнять у него добычу. И Питт решил его перехитрить. Он не расставался с алмазом и каждый раз вздрагивал, когда у дверей его дома раздавался удар молотка. Какие-то подозрительные люди, закутанные до бровей в темные плащи, появлялись время от времени на узкой улице, где стоял дом. Питт не спал ночами, судорожно сжимая в руках пистолет. Дом становился опасным. И тогда он нашел другой. Но и там было беспокойно. Кто-то подкупил слуг, и в доме в отсутствие Питта все перерыли. Питт понимал, что охотились за алмазом. Он менял дом за домом, ночуя в каждом из них не более двух раз. Он знал охотников. Их загорелые и продубленные соленым ветром лица выдавали их профессию. Он был одним из них и знал их повадки. И поэтому каждый раз ускользал от охотников. Но так долго продолжаться не могло. Бессонные ночи давали себя знать дрожью в руках и воспаленными веками. Он неделями не мог встретиться ни с кем из своих домашних. Как волк заметая следы, он находил себе временное логово то в одном, то в другом подозрительном районе Лондона. Наконец ему удалось тайно проникнуть к ювелиру. Тот взялся огранить камень. Два

года длилась работа, и вот бриллиант Питта, сверкая совершенными гранями, лежал на ладони владельца. Питт не видел ничего более прекрасного до этого. Но теперь он понимал, что от камня надо избавиться. Ему нужны были деньги и спокойная жизнь. Ювелир связался в Париже с дельцом Джоном Лоу. Тот предложил бриллиант регенту королевской Франции герцогу Орлеанскому. После долгих уговоров и переговоров герцог согласился на покупку. В 1717 году бриллиант стал собственностью французской короны, а Питт — обладателем огромного состояния в 125 тысяч фунтов стерлингов. Пират вышел победителем. Титулы его сыновей и внуков были оплачены этими деньгами. Они же помогли Уильяму Питту, графу Чатаму, стать премьер-министром Англии.

Сэр Роберт Клайв

Дуло пистолета приятно холодило висок. Он посмотрел в окно и увидел только серый камень стены форта, на которой кричала стая облезлых ворон. «Вот и конец», — молнией пронеслось в мозгу. Вороны перестали кричать, и только мерный шум прибоя наполнял гнетущую тишину узкой комнаты, похожей на тюремную камеру. Он закрыл глаза и нажал на курок. Но выстрела не последовало. «Осечка! Даже в этом не везет». Он бесильно опустил вспотевшую ладонь с пистолетом и левой рукой в изнеможении провел по лбу. Вновь раскричались вороны. По стене, медленно передвигаясь, ползла дорожка крупных черных муравьев. Он снова поднял пистолет к виску, но нажать курок уже не было сил. Волна привычной ярости, медленно поднимаясь откуда-то из глубины, ударила красным туманом в голову. На секунду он перестал видеть стену и ворон. Затем, сжав зубы, резко вскинул руку с пистолетом и выстрелил в птиц. Стая с пронзительным криком снялась со стены. «Все!» — он швырнул пистолет на каменные плиты пола. Тот, громыхая тяжелым стволом, покатился к входной двери под ноги входящего человека. Человек, приоткрыв от удивления рот, уставился на пистолет.

— Убирайся немедленно отсюда! — закричал владелец комнаты.

Вошедший пожал плечами и осторожно прикрыл за собой дверь. Оставшийся в комнате рванул на себе камзол так, что посыпались медные пуговицы, и упал на жесткую койку. Его бесцветные глаза бессмысленно и тупо уставились на грязный потолок. Человека звали Роберт Клайв. Он был младшим писцом на службе Ост-Индской компании в Мадрасе. Если бы он знал, что к «Роберту Клайву» будет добавлена аристократическая приставка «сэр», что его имя войдет в историю завоевания Индии, а мраморная его статуя сохранится в Мадрасе даже в XX веке, вряд ли он пытался бы застрелиться. Но теперь он, обессиленный собственной решимостью и слабостью, лежал на койке в комнате, похожей на тюремную камеру, и вспоминал все, что с ним произошло.

Сначала было утомительное путешествие из Лондона в Мадрас. Он покинул Англию в начале 1743 года. Ему было девятнадцать лет, когда он, младший писец Ост-Индской компании, ступил на коралловый песок Мадраса, думая, что наконец сбылась его мечта. Но тогда же он понял, что осуществление его мечты — дело трудное. Стоял жаркий сезон, и он окунулся в липкую духоту. Дышать было нечем, а по ногам, обтянутым чулками, струйками стекал пот. Орущая толпа темнокожих людей окружила его на берегу. Они бесцеременно хватали его багаж и пальцами показывали на распахнутые ворота форта. Отбиваясь от наседавших на него кули и носильщиков паланкинов, он присел на деревянный сундучок, где хранился его нехитрый багаж. Там, в Лондоне, все представлялось несколько иным. Он с замирающим сердцем слушал рассказы о несметных сокровищах этой страны, о захватывающих дух приключениях английских офицеров и матросов, о доступности всех наслаждений, о жизни, полной опасности и авантюры. Он видел набобов, небрежно соривших деньгами, и остро завидовал им. В доме Клайвов каждая копейка была на счету. Он знал, что даже младшие писцы, если им повезет, возвращались домой состоятельными людьми и могли себе позволить многое. Ему мерещились захваченные таинственные богатые города, отданные солдатам на разграбление, и он был, конечно, одним из них. Но здесь, в скучном Форту святого Георгия, ничего такого, как выяснилось, не оказалось. Вернее, не оказалось для него. Никто не посылал

Клайва в военные экспедиции, никто не делился с ним добычей от пиратской торговли, никто не приглашал принять участие в похищении рабов. Ему положили 5 фунтов в год, и он должен был на них существовать. Единственное окно его комнаты выходило на стену форта, которая днем раскалялась, как печка. Правда, у него было трое слуг и он иногда испытывал острое наслаждение, издеваясь над этими безответными людьми. Каждый день после монотонной церковной службы он шел в контору, расположенную в здании фактории. До двух часов дня он гнул спину над бумагами, переписывая бесчисленные счета, глупые письма и дурацкие распоряжения. И пока он скрипел неподатливым пером, ему казалось, что за стенами ненавистной конторы происходят какие-то чудесные и волнующие события, что его мечта осталась где-то там и ждет его. В такие моменты он яростно ненавидел контору, ее шефа и людей, там сидящих. Дисциплина, которой должны были подчиняться мелкие клерки, выводила его из себя. Однажды он позволил себе не явиться на работу. Ему пригрозили, что отправят домой с первым же кораблем. Но он не хотел этого, потому что продолжал надеяться. Дисциплину пришлось соблюдать. Нелюдимый, с тяжелым взглядом бесцветных глаз из-под нависших бровей, с длинным унылым носом, он не вызывал симпатий ни у сослуживцев, ни у сверстников из Белого города. Его сторонились. Тем же, кто пытался завязать дружбу с ним, приходилось об этом горько сожалеть. Младший писец был груб и нетерпим в обращении с людьми. Он часто ссорился с секретарем, ведавшим его конторой. Последняя ссора дошла до губернатора. Тот предложил писцу извиниться перед секретарем. И ему пришлось это сделать. На следующее утро Клайв, чуть побледнев, не глядя в глаза секретаря, подошел к его конторке.

— Губернатор приказал мне извиниться перед вами, — глухим голосом начал младший писец. — Поэтому я прошу прощения.

Что-то жалкое и по-мальчишески упрямое проглянуло в этот момент в Клайве. «Видимо, ему здесь нелегко, — подумал секретарь. — Совсем один, никаких покровителей. Вот и сорвался».

— Послушайте, мистер Клайв, приходите сегодня ко мне. Вместе поужинаем.

Младший писец поднял голову. И секретарь вместо ожидаемого раскаяния увидел в его глазах холодную ненависть.

— Губернатор не приказал мне ужинать с вами, — жестко произнес Клайв. — Он приказал только извиниться. — И твердой негнущейся походкой направился к своему месту.

— С такими способностями вы далеко не уйдете, — бросил ему вслед секретарь.

— Это мое дело, — резко повернувшись, ответил Клайв.

Снова красный туман ярости полыхнул в его глазах. Он долго не мог прочесть расплывающихся перед ним букв очередного письма из Лондона. Теперь он твердо знал, что надежды не осталось. Жалкие осколки мечты в виде пятифунтового жалованья и комнаты-тюрьмы больше не устраивали Клайва. И тогда он взялся за пистолет. Но и здесь его ждала осечка.

Он не помнил, сколько времени пролежал так, разглядывая потолок, тускло освещенный вонючей керосиновой лампой, которую бесшумно внес в комнату слуга. На следующий день, совершенно разбитый, со следами бессонной ночи на желтом осунувшемся лице, он вновь сел за свою конторку...

Августовское утро 1746 года, когда на горизонте показались французские корабли, резко изменило судьбу младшего писца и направило ее по желанному руслу. Английские корабли, не принявшие бой, бежали в Бенгал. Через три дня губернатор Форта святого Георгия подписал акт о капитуляции. На площадке для парадов грудями лежали шпаги, мушкеты и пистолеты разоруженных английских солдат и офицеров. Французские часовые ухмылялись, когда на сваленное оружие швырнули «Союзный Джек», сорванный с флагштока крепости. У дома фактории окруженные французскими солдатами и офицерами стояли, понутив головы, высокие чиповники Ост-Индской компании — члены совета, факторы, секретари контор. Им уже была объявлена воля вражеского командования: все они пленники.

По форту шныряли солдаты в синих мундирах, разыскивая укрывшихся в его закоулках и щелях англичан. Клайв стоял в своей узкой комнате, которая постепенно наполнялась дымом. Он знал, что это горел Черный го-

род. И вдруг он засмеялся. Он смеялся громко и с удовольствием, как уже давно этого не делал. Чувство необычного освобождения наполняло его. Завтра не надо будет идти в контору. Может быть, он больше никогда в нее не пойдет. А там пусть хоть все сгорит. Кто-то осторожно постучался. Клайв выхватил пистолет и пружинисто отпрыгнул в угол. Ну нет! Они его так просто не возьмут. Но на пороге возник Мэскилайн. Единственный человек, которого он мог назвать своим приятелем. Камзол Мэскилайна был разорван, на лице темнели полосы сажи, смешанные с потом.

— Послушайте, Клайв, — задыхаясь, произнес он. — Их уже грузят на корабли. Вы, наверное, не хотите, чтобы вас провели по улицам Пондишери как пленного раба?

Клайв снова громко засмеялся. Мэскилайн бросил на него испуганный взгляд.

— Вы не хотите бежать?

— Я именно этого и хочу, — резко оборвав смех, ответил младший писец. — Я не кролик, которого можно взять голыми руками.

До ночи они скрывались в сыром подвале склада фактории. Они долго ждали, когда утихнут перепившиеся мадерой и ширазскими винами французы. Перед самым рассветом им удалось выбраться через пролом в северной стене форта.

Два купца-мусульманина в тюрбанах и длинных ширвани, словно тени, скользили по улицам и переулкам горящего Черного города. Занимавшиеся грабежом французские солдаты не обратили на них внимания. Купцы наконец вышли к побережью и с трудом отыскали дорогу, идущую на юг.

— Я вас поздравляю, Роберт, — сказал один из них на чистом английском языке. — Кажется, нам удалось ускользнуть.

Через несколько дней они добрались до Форта святого Давида, где был расположен небольшой английский гарнизон. Там они встретили еще нескольких бежавших из Мадраса. Здесь Клайву предложили место клерка.

— Мое занятие — война, — высокомерно ответил он. — Я уже доказал, что кое-чего стою. Вы возьмете меня в свой гарнизон.

Через три года, когда над мадрасским фортом вновь взвился английский флаг, Клайв вместе с полком вернулся туда. Наступили дни временного затишья, и потянулись скучные армейские будни. Но бывший младший писец, понюхавший пороху и крови, больше не желал мириться с монотонностью такой жизни. Он искал острых ощущений и нашел их в дуэлях. Высокомерный, грубый, всегда готовый на оскорбление и ссору и в то же время достаточно храбрый, Роберт Клайв прослыл завзятым дуэлянтом. Почти каждая карточная игра, в которой он принимал участие, оканчивалась дуэлью. Одних он грубо обвинял в мошенничестве, другим отказывался платить проигранное. Последнее случалось чаще. Он безжалостно стрелял в своих товарищей, и немногие из них ушли от него живыми. Но и для себя он не искал снисхождения.

Однажды он промахнулся. Его противник, приставив к голове Клайва пистолет, сказал:

— Возьмите свои слова обратно, или я вас убью.

Клайв побледнел.

— Слушай, ты! — крикнул он. — Кончай свой спектакль. Мне это надоело. И запомни: ни своих слов я обратно не возьму, ни проигранного тебе, вонючей свинье, не заплачу.

Офицер от неожиданности опустил пистолет.

— Сумасшедший! Трижды сумасшедший! — и, повернувшись к Клайву спиной, зашагал прочь.

Странная жесткая улыбка искривила губы Клайва. Он вытер со лба выступивший холодный пот.

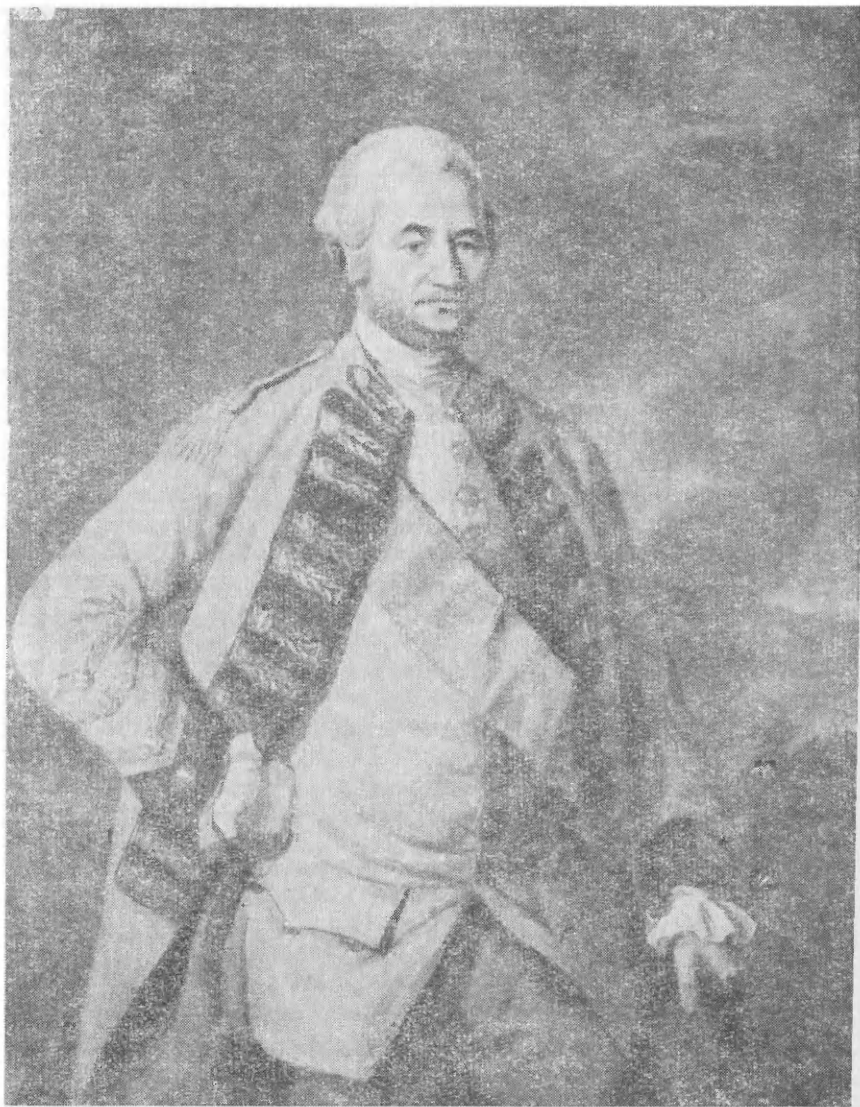
Качества, которыми обладал Клайв: беспринципность, бесчестность, жестокосердие, алчность и, наконец, личная храбрость — обратили на себя благосклонное внимание высоких чиновников Ост-Индской компании. Такие качества как нельзя более подходили англичанину в Индии, и особенно ее завоевателю. В 1751 году капитан Клайв с небольшим отрядом взял штурмом Аркот. В огне пожарищ, в столах и криках раненых, в крови на индийском небосклоне всходила новая английская звезда, и имя ей было — Роберт Клайв, бывший младший писец из Форта святого Георгия. В 1756 году он отбил Калькутту у бенгальского наваба, а в следующем году его отряды в битве, которая произошла при Плесси, решили судьбу английской империи в Индии. Богатейшая

ее провинция отошла к Ост-Индской компании. Несколько дней и ночей солдаты Клайва грабили столицу наваба, а Клайв — его казну. Компания получила после этого похода десятки миллионов фунтов стерлингов. Клайв взял себе только 200 тысяч фунтов и лучшие драгоценные камни из сокровищницы Сирадж-уд-Даулы. Позже перед палатой общин в Лондоне он сказал: «Богатый город был у моих ног, могущественное государство было в моей власти, мне одному были открыты подвалы сокровищницы, полной слитков золота и серебра, драгоценных камней. Я взял всего 200 тысяч фунтов стерлингов. Джентльмены, до сих пор я не перестаю удивляться собственной скромности».

Да, скромности Клайва можно удивляться — всего навсего 200 тысяч фунтов стерлингов. Одно из крупнейших состояний Англии.

Но Клайв завоевывал империю не только огнем и мечом. Он умел и любил обманывать индийских правителей, составлять подложные документы, давать фальшивые обещания.

Через шесть лет он подавил восстание последнего бенгальского наваба Мир Касима и стал губернатором Бенгала. Ост-Индская компания превратилась в военную державу на земле Индии, а Роберт Клайв, теперь уже лорд, стал ее мечом. Казалось, сбылось все: была полная опасностей и приключений жизнь, грандиозные сражения на чужой земле, пожары и лежащие у его ног разрушенные города, были сверкающие горы драгоценных камней и золотых слитков, из которых он мог брать сколько угодно, была безграничная власть над своими и чужими и рабская покорность в глазах могущественных и сокрушенных им раджей. Было все, что в свое время мог только вообразить себе младший писец из Форты святого Георгия. Не было только покоя. Все чаще и чаще им овладевали приступы беспричинной ярости. Теперь ярость всегда находила свой выход. Ибо он был правителем английской Индии, а не жалким клерком, которому надлежит всем подчиняться. Теперь подчинялись ему. Он думал, что можно жить только властью и золотом, но жестоко ошибся. Человек, сидевший в его глубине, мстил за свое поправление бессонными ночами, беспричинным страхом, кровавыми кошмарами коротких снов и слуховыми галлюцинациями внезапных пробуждений.

*Портрет Роберта Клайва,
хранящийся в музее форта*

В 1767 году сэр Роберт Клайв уехал из Индии, надеясь, что в Англии он обретет желанный покой. Опираясь на плечо темнокожего слуги, сверкая золотым шитьем камзола и драгоценными камнями на ножнах шпаги, он сошел по трапу ост-индского фрегата, бросившего якорь в лондонской гавани. Его, бывшего безвестного младшего писца, встречали почтительными поклонами. Ибо стоил он теперь более миллиона фунтов стерлингов.

В Лондоне ему не простили ни высокомерия, ни миллионного состояния, ни грубой заносчивости в разговорах с сильными мира сего. Ползли слухи, что Клайв награбил золото и драгоценные камни в Индии, обманув директоров Компании. Потом эти слухи получили реальное воплощение в вызове на парламентскую комиссию в палату общин в 1773 году. Клайв не испугался комиссии. Цинично и откровенно он рассказывал о том, откуда у него появились деньги. Показания лорда Клайва были вежливо выслушаны. Никто не посмел сказать слова осуждения. Ибо осудить Клайва значило осудить самих себя и всю систему, порождением которой они были. Члены парламентской комиссии это хорошо понимали. Они его оправдали, так как «лорд Роберт Клайв оказал большие и похвальные услуги своей стране». Счастливая развязка, как в английских приключенческих романах, наступила. Но жизнь не роман. Прошлое упрямо шло по пятам лорда. От него нельзя было откупиться даже миллионом. Врачи констатировали признаки душевной депрессии.

...Он вздрогнул от прикосновения холодного металла к виску. «Вот теперь конец!» — пронеслось в голове. Он глянул в окно. На садовой ограде сидела стая нахохлившихся ворон. Капли осеннего тумана оседали на голых ветвях деревьев. Вороны молчали, как будто ожидая чего-то. Он нажал курок, но выстрела не услышал. Стая ворон с криком сорвалась с ограды. Грузное тело лорда Клайва осело и повалилось на дорогой индийский ковер...

Если вы войдете через Морские ворота в Форт святого Георгия и обогнете слева здание правительства штата Мадрас, то выйдете на небольшую площадь, вымощенную брусчаткой. Здесь, почти напротив церкви святой Марии, стоит трехэтажный дом. Белые колонны прикрывают его балконы, идущие по центру здания. Это дом

Клайва. Небольшая табличка укреплена на фасаде здания. Надпись гласит: «Роберт Первый лорд Клайв жил в этом доме в 1753 г. Действительно славный в оружии и мудрый в Совете, он основал империю».

Королевские офицеры

«Основатель империи» был одним из них. Их везли во все возрастающем количестве на ост-индских фрегатах в Форт святого Георгия. Они сходили на берег, горделиво неся через толпу свои завитые парики и расширенные камзолы, кокетливо поигрывая рукоятками шпаг. Королевские офицеры. Форт до сих пор хранит о них память. Если пересечь центральную площадь крепости и подойти к ее северной стене, можно увидеть ряд каменных приземистых строений. Теперь там размещены солдаты мадрасского гарнизона. Раньше строения были заполнены королевскими отрядами. Рядом с казармами проходит небольшая улочка Святого Фомы. Там, в непосредственном соседстве с жилищами высоких чиновников Компании, находились дома старших офицеров — от майора и выше. Поэтому улица получила название «Аллеи снобов». Вечерами по «аллее» чинно прогуливались знать форта и королевские офицеры. Человек, первый раз попавший в форт, вряд ли в чем-либо заподозрил бы этих высокомерно вышагивающих людей. Однако образ их жизни был далек от напускной добропорядочности и благочестия чистой улицы.

Первые королевские отряды, прибывшие в Мадрас, столкнулись с рядом нежелательных для них явлений. У Компании уже были свои солдаты и офицеры. Между ними и королевскими частями нередко вспыхивали драки, доходившие до поножовщины. Королевские офицеры считали себя независимыми и не желали подчиняться ни губернатору, ни Совету Компании. Особенно отличался в этом отношении Роберт Флетчер. Его пытались за это лишить офицерского звания, но не сумели. Используя королевские отряды в своих целях, Компания тем не менее мстила их офицерам за неподчинение. Королевские офицеры считались ниже чиновников Компании. Это

положение изменилось только после 1750 года, когда стали формироваться регулярные сипайские батальоны. Жалованье королевским офицерам Компания платила мизерное, но те с лихвой компенсировали недостачу на стороне. Поэтому многие из них попали в разряд набобов, людей, разбогатевших на грабеже Индии.

Несколько базаров располагалось в Черном городе. Когда там появлялись камзолы королевских офицеров, продавцы и лавочники понимали, что дело плохо. Всегда полупьяные, офицеры наводили страх на темнокожих обитателей базара. Все знали, что сейчас начнется «инспекция». И она действительно начиналась. Небрежно поддев кончиком шпаги груду фруктов или овощей, «инспектор» рассыпал ее по пыльной базарной улице. Продавец кидался подбирать свой товар. Королевский офицер стоял над ним в задумчивости, решая что бы предпринять еще. Ага! А для чего шпага в руках? Вот будет потеха. И он начинал колотить спину ползающего в пыли человека. Раздавался крик боли. Ну, ну, покричи еще. Ах, не хочешь кричать? Вытряхивай выручку. Нет? Тогда пиши завещание. Пострадавший понимал, что лучше откупиться. Он развязывал трясущимися руками дхоти и высыпал монеты в подставленную ладонь королевского офицера. На базаре умолкал обычный шум. Все напряженно следили за «инспектором» и ждали, чья очередь наступит. Он поворачивался на каблучках и пристальным взглядом обводил торговые ряды. А теперь вот тот, толстый. Офицер вразвалку приближался к назначенной жертве и вынимал шпагу из ножен. Но торговец уже видел, что постигло его предшественника. Он с готовностью вынимал кошелек.

«Инспектирование» базаров было не единственной торговой операцией королевских офицеров. Компания запрещала продажу араки английским солдатам. Но не из высоконравственных побуждений, а потому, что половина прибывших солдат через три года умирала от пьянства. Компания считала, что это ей обходится слишком дорого. Но торговля аракой продолжалась. Лавочники давали взятки офицерам. И те смотрели на нарушение указа Компании сквозь пальцы. Более того, некоторые из них сами держали араковые лавки. Так, в 1747 году офицеры Вардло и Торнбэм были владельцами таких лавок. Но этим участие королевских офицеров в тор-

говле не ограничивалось. Лейтенант Гаррисон держал лавку подзорных труб, пистолетов и т. д. Капитан Джон Юм продавал масличные семена. Капитан Эдмунд Паскаль торговал в Мадрасе солью, лейтенант Вестон — пуговицами и бумагой. Вильям Пай, уклоняясь от служебных обязанностей, предпринимал торговые поездки в Манилу.

В середине и конце XVIII века торговый «зуд» охватил всех королевских офицеров. Продавалось и покупалось все. Часто торговля и предательство шли рука об руку. Когда приходилось выбирать между деньгами и верностью долгу, как правило, предпочитали деньги. Поэтому во время первой англо-майсурской войны мадрасский полковник Вуд не выдавал солдатам продовольствия, положенного им, а продавал его. И это было еще полбеды. Когда были созданы в Мадрасе индийские батальоны сипаев, королевские офицеры попросту грабили их. Нередко они включали в списки убитых сипаев и получали на них жалованье. «Все, на что вы можете положить свою кровавую руку, — сказал однажды полковник Веллингтон, — держите крепко». Это стало девизом королевских офицеров. Они беспрепятственно присваивали себе часть налогов, которые собирали именем Компании. Когда королевских офицеров не облакали этой почетной миссией, они сами сколачивали отряды и ездили по мелким княжествам, выбивая из раджей и навабов деньги, драгоценности, наложниц. В 1786 году эта практика была официально запрещена. Но она, как и работорговля, продолжалась еще долго.

«Кровавая рука» королевских офицеров крепко держала военную добычу. Целая серия войн, которые вела Ост-Индская компания за овладение Индией, сделала некоторых королевских офицеров баснословно богатыми людьми. Они не останавливались ни перед чем. Им полагалась половина захваченной военной добычи. Другая половина принадлежала Компании. Королю же, чьим именем так щеголяли офицеры, ничего не оставалось. И до поры до времени ему приходилось с этим мириться. Из-за доли добычи враждовали между собой армия и флот. Если захватывали корабль, флотские офицеры не хотели делиться добычей с армейскими. При захвате какого-нибудь города армейские офицеры отказывали в добыче флотским. Нередко схватки из-за добычи меж-

ду королевскими офицерами напоминали крупные сражения. Были учреждены специальные фонды добычи, но многое тем не менее ускользало из рук Компании. Так, в 1762 году был захвачен французский корабль «Сантиссима Тринидад». На его борту находилось ценностей на 140 тысяч фунтов стерлингов. В фонд добычи ничего не попало, королевские офицеры все разделили между собой. Кто-то в совете заикнулся о том, что королевские офицеры превратились в королевских пиратов. Смельчаку быстро заткнули рот, как это умели делать в то время. Ведь если ни пенса не попало в казну Компании, это не значило, что были обойдены ее высокие чиновники.

«Кровавая рука» королевских офицеров властно легла на сокровища павшего после кровопролитной войны Серингапатама. Грабеж был столь разнуздан и жесток, что никто не помнил ни о каких долях. Брали столько, сколько хотели. Награбленные ценности исчислялись миллионами. Все, что попадало в руки, перепродавалось и перекупалось. Так, солдат 74-го мадрасского батальона сорвал с убитого Типу Султана бриллиантовые браслеты. Он их немедленно продал английскому военному врачу за 1500 рупий. А тот их реализовал на сумму, приносящую 2 тысячи фунтов стерлингов годовых. И это только один из многочисленных примеров кровавого грабежа, в котором принимали участие все без исключения королевские офицеры из Форта святого Георгия.

Они входили во вкус, грабя поверженные индийские города. Некоторые из офицеров потом не желали возвращаться к унылым армейским будням и «инспекции» базаров. Они дезертировали и сколачивали разбойничьи шайки, которые постоянно рыскали по дорогам Индии в поисках добычи, золота и драгоценностей. С награбленным обходились по-разному. Одни покупали места в парламенте и высокие титулы, другие пропивали легкие деньги и проигрывали их в карты, третьи пускались в спекуляции и авантюры.

Самые низменные инстинкты и страсти свивали себе гнезда в королевских бараках и в домах на «Аллее снегов». Но каждый вечер цвет королевского офицерства, блестя золотом расшитых камзолов и позванивая шпагами, благочестиво тянулся от улицы святого Фомы к церкви святой Марии...

Поучительная история Пигота

...По звуку подков, зацокавших по камням, он понял, что они подъезжают к форту. Он отодвинул занавеску и выглянул из кареты. Темная громада восточной стены внезапно надвинулась и поплыла мимо. Показался проем Морских ворот. Он посмотрел вверх. Тонкий серп молодой луны стоял в вышине. Внизу же все тонуло во мраке тропической ночи. У ворот он не заметил обычного часового, и смутная тревога закралась ему в душу, но он быстро отогнал ее. Рядом спокойно сидел полковник Стюарт, сопровождавший его каждый раз в этих ночных возвращениях из палаты Совета в форт. «Если что, — промелькнула навязчивая мысль, — Стюарт — храбрый солдат».

— Стой! — вдруг раздался окрик.

Все произошло молниеносно, и он каждый раз вспоминал об этом, как о кошмарном сне, подчас отказываясь верить случившемуся.

Лошади стали как вкопанные. Кто-то грубо рванул дверцу кареты, и она распахнулась в ночь. Три смутно белевших лица-маски шатнулись к нему.

— Что случилось? — голос явно изменил ему.

— Губернатор Пигот! — сказал кто-то голосом полковника Эдингтона. — Вы арестованы!

— Вы не имеете права! Я губернатор! — крикнул Пигот.

— В том-то и дело, что вы губернатор. — Пигот узнал своего адъютанта.

— Мистер Стюарт, — повернулся он к сидевшему рядом, еще сохраняя самообладание, — прекратите это безобразие!

Полковник тяжело поднялся с подушек и молча покинул карету. Пигот понял, что его одолели.

— Негодяи! Предатели! — рванулся он из кареты следом за Стюартом. Но три расплывшихся лица вновь надвинулись на него. Железные руки схватили его и швырнули на пол кареты. В последний момент он успел заметить двух темнокожих слуг, ездивших на запятках его кареты. Они испуганно прижались к стене, и их форменные галуны на тюрбанах и длинных сюртуках мертвенно поблескивали в свете тусклого каретного фонаря.

— Добрый вечер, господин губернатор, — произнес издевательский голос. В карету влез капитан, королевский офицер, и поставил свои ботфорты на тело лежащего внизу Пигота. — Попробуй только пикнуть, — пригрозил он. — Эй, разворачивай!

Лошади резко повернули, и карета губернатора унеслась в ночь. Лежа на полу, под офицерскими сапогами, он еще надеялся на что-то. Его везли долго, и по тряске он понял, что карета выехала за город. Потом лошади стали, его вывели из кареты, и он увидел свет движущегося фонаря.

— Эй, Хорн! — крикнул Эдингтон. — Принимай гостя.

— Слушаюсь, полковник, — отозвались из темноты.

«Хорн, — сообразил Пигот. — Майор Хорн. Его батарея находится на горе святого Фомы. Так вот куда меня привезли».

Впереди шел солдат с фонарем, затем губернатор форта со связанными руками, шествие замыкали полковник Эдингтон и майор Хорн.

Загремел засов, его толкнули куда-то в темноту, и он, потеряв равновесие, упал на кучу жесткой рисовой соломы. Падая, он успел подумать о том, что это дело рук Бенфилда и Флетчера. Потом он потерял сознание.

Солдат, принесший утром ему еду, увидел на грязной соломе неподвижно распростертое тело губернатора Форта святого Георгия, пэра Англии, лорда Пигота. Это случилось в Мадрасе осенью 1776 года.

...С самого начала для Пигота все складывалось удачно. Он не задержался в писцах. Прилежание и усердие, проявляемые им, были вскоре награждены. Его повысили в должности раз, повысили два. Тогда он понял, какие перспективы открываются перед ним. Военная карьера не прельщала Пигота. Он не спешил, как Клайв. Служебная лестница, которую он брал ступенька за ступенькой, приносила немало. Постепенно у него появились деньги и его стали называть состоятельным человеком. Губернаторство пришло к нему после окончательного разгрома соперников-французов. Результаты этой победы принесли ему значительный куш. Он был полновластным хозяином в форту и на мадрасском побережье, но знал, что чиновники его недолюбливали. Небольшого роста, с мелкими чертами лица, новый губернатор был образцом протестантского благочестия. Неукоснитель-

ного соблюдения норм этого благочестия он требовал и от других. Он понимал, что его терпят потому, что на многое другое он смотрел сквозь пальцы. Он был достаточно умен, чтобы усвоить одну истину. Можно заставить обитателей форта регулярно ходить в церковь и не опаздывать на богослужения, но нельзя заставить их придерживаться каких-то норм, когда деньги шли сами в руки. Во всяком случае, как губернатор он не чувствовал никакой сложившейся оппозиции. Просто были мелкие неурядицы, конфликты, недовольство друг другом. Но не больше. Он жил сам и давал жить другим. У него было великолепное чутье, и он никогда не ввязывался в рискованные авантюры, приносящие огромные деньги или крупные скандалы, которые доходили до лондонских директоров. Он всегда был готов получить меньше, но без шума и без лишних разговоров.

Здесь, в форту Мадраса, Пигот незаметно клал кирпич за кирпичом в фундамент своего будущего состояния. Он работал, как муравей, никогда не играя по-крупному. Кое-кого это раздражало. Многие ему завидовали. Всем хотелось быть «чистыми», как он. Кому приятно, когда на твоих руках замечают кровь, а в карманах — награбленное золото. Набобы не умели скрывать таких дел, поэтому в респектабельной Англии они становились отщепенцами. Действительно, Пиготу можно было позавидовать. Он привез в Англию огромное состояние — 400 тысяч фунтов стерлингов — и был охотно принят в лондонском обществе. Никто не мог сказать ему ни слова. Тогда же, в 1765 году, он купил себе пэрство, а затем стал членом парламента. Теперь его называли лорд Пигот. В лучших домах Лондона считали за честь видеть его среди своих гостей. Люди с громкими фамилиями, чьи имена знал последний оборванец из лондонских трущоб, наносили ему визиты. Постепенно и сам Пигот поверил в собственную добропорядочность и непричастность к темным делам ост-индских чиновников. Он настолько проникся сознанием собственной непогрешимости, что, когда в 1775 году опять появился в Мадрасе, и снова в качестве губернатора, это был уже совсем другой человек. Он чувствовал безоговорочную поддержку Лондона, и это придавало ему необходимую уверенность. Пигот просчитался только в одном. Он упустил из виду, что Лондон находится слишком далеко

от Мадраса. Скупое сжав упрямый рот, он объявил на Совете Компании, что не желает больше мириться с темными делами чиновников и авантюрами королевских офицеров. Члены Совета нагнули головы, и он не мог понять, было ли это согласие или протест. Он разобрался в этом потом, когда было уже поздно. Утратив былое чутье и проницательность, Пигот забыл также о том, что пока он был «своим», его терпели. Но теперь вряд ли можно было надеяться на это.

Все началось со скандала с королевским офицером Робертом Флетчером. Этот офицер никому не желал подчиняться. Даже лорду Пиготу. Он самовольно присвоил себе функции главнокомандующего и потребовал от губернатора и Совета выполнения его распоряжений. Пигот был разгневан. Он приказал арестовать Флетчера и двух членов Совета, которые, он считал, поддерживают распоясавшегося офицера. Когда Флетчера вели в тюрьму, он крикнул:

— Лорд Пигот! Вы еще сто раз пожалеете о том, что сделали!

Если бы он знал, что пожалеет об этом не сто, а тысячу раз... Но беда не приходит одна. Через несколько дней в губернаторской резиденции появился Пол Бенфилд. Пигот давно недолюбливал этого зарвавшегося набоба. Его раздражало в Бенфилде все: разболтанная походка, манера щурить узкие светлые глаза, яркие, кричащие галстуки, его холеные лошади и даже французский повар, которым Бенфилд так гордился. Про себя Пигот называл Бенфилда выскочкой. Ему, теперешнему лорду, потребовалось три десятка лет, чтобы сколотить приличное состояние, а этот юнец сумел сделать то же самое за несколько лет. Никто точно не знал, каковы размеры его состояния, но Пигот был уверен, что оно огромно. Бенфилда хорошо помнили бедным инженером, который взялся расширить стены форта. Вот тогда и началась его карьера. Он взял контракт на строительство и на этом нажился. Потом влез в доверие к карнатикскому навабу. Стал его банкиром. Но дело повел так хитро, что казна наваба пустела, а карманы Бенфилда подозрительно пухли. Говорили, что Бенфилд не действует в одиночку. Кое-кто из Совета Компании с ним заодно. Лорду Пиготу всегда претили такие открытые способы наживы. Он ждал момента, чтобы «прижать» Бен-

филда. И когда он увидел бывшего инженера, развязно развалившегося в кресле его кабинета, он подумал, что подходящий момент наступил.

— Чем могу быть полезен? — сухо осведомился губернатор.

Бенфилд сощурил светлые глаза и дольше, чем позволяла вежливость, задержал их взгляд на лорде.

— Вы многим нам можете быть полезны, — ответил посетитель, насмешливо приподняв уголки бледных губ.

— Кому это «нам»? — тихо, с закипающим раздражением спросил Пигот.

Глаза Бенфилда снова долго изучали его лицо. «Высочка, — подумал Пигот, — жалкий высочка и наглец».

— Вы ведь губернатор и знаете, кто мы. Зачем же спрашивать лишний раз.

Да, Пигот знал. «Мы» — это шайка, — определил он. — Нет, слишком мелко. Клика — это вернее».

— Так что же вы хотите? — стараясь сдержаться, переспросил Пигот.

Бенфилд не спеша положил ногу на ногу и стал удобнее устраиваться в кресле. Солидный не по возрасту живот мешал ему это сделать.

Дело, которое изложил Бенфилд, нарочито растягивая слова, было знакомо Пиготу. Но он не ожидал, что этот наглец посмеет дойти до таких пределов. 230 тысяч фунтов стерлингов! Да это больше половины его собственного состояния. Видите ли наваб, оказывается, должен Бенфилду эту сумму. Откуда у Бенфилда такие деньги? Теперь он требует, чтобы губернатор разрешил отдать доходы Танджура ему, Полу Бенфилду, в качестве компенсации за неуплаченный навабом долг. Отдать ему доходы с Танджура! Те доходы, которые «контролирует» сама Компания. Это было слишком!

— А что вы еще хотите, мистер Бенфилд? — голос Пигота сорвался. — Хотите быть губернатором? Английским королем?

Бенфилд, спокойно поигрывая золотым брелоком, поднял узкие глаза на губернатора.

— Я бы не отказался, — и растянул в ухмылке бледные губы.

— Вон! — прохрипел Пигот.

Бенфилд вскочил с кресла с живостью, которая мало соответствовала его комплекции. У дверей он пнул ногой

прикорнувшего там слугу и резко повернулся к губернатору.

— Лорд Пигот! — начал он. — Вы пожалеете...

— Не вы первый мне это говорите! — перебил его Пигот.

— Надеюсь, и не я — последний. До встречи!

После визита Бенфилда Пигот почти физически ощущал, как сгущается вокруг него что-то грозное и непоправимое. Он хорошо понимал, что в делах Бенфилда были заинтересованы высокие чиновники Компании и королевские офицеры. Они не простили ему отказа. Доходы с земель Танджура сулили многое членам Совета и полковникам. Но, понимая это, Пигот не мог пойти на уступку. Претензии были слишком чудовищны. Он видел холодную ненависть в глазах членов Совета, он знал, что вокруг арестованного Флетчера крутятся люди Бенфилда. Клика стягивала силы. Он собирался нанести по ним окончательный удар. Но не успел. Удар нанесли они.

Потянулись долгие месяцы заключения на горе святого Фомы. Никто из заговорщиков не навещал его. Теперь они не нуждались в его согласии. Бенфилд, Флетчер, Эдингтон, предавший его Стюарт заправляли делами в форту. Но вскоре до лондонских директоров Компании дошли вести о случившемся. Для них Пигот был «своим человеком», и они сразу стали на его сторону. Директора потребовали от Бенфилда документы, удостоверяющие подлинность долга наваба. Бенфилд и Флетчер понимали, чем это может кончиться. Если начнется процесс в Лондоне, им несдобровать. Они не обладали ни могуществом, ни деньгами лорда Клайва. Лондон вряд ли оправдал бы их. Но они располагали немалым козырем. Главный свидетель обвинения, лорд Пигот, находился в их руках. Рано или поздно его освободят. Надо было сделать все, чтобы он не попал в Лондон. Шел девятый месяц его заключения. Майор Хорн сообщил, что здоровье Пигота оставляет желать лучшего. Он так и не оправился после перенесенного потрясения. Скверная еда, прязь и жара завершили свое дело. Последний месяц губернатор совсем не поднимался с соломенной подстилки. Из Лондона пришел приказ перевести Пигота в его резиденцию в форт. Заговорщики понимали, чем грозит им невыполнение приказа.

...Кто-то резко рванул дверь барака, и яркий солнечный луч осветил человека, лежавшего на полу. Тот с трудом приподнялся на локте и, прикрывая слезящиеся глаза ладонью, глянул на дверной проем. В дверях стояли Флетчер и член совета Страттон.

— Лорд Пигот, — сказал Страттон, — пришел приказ о вашем освобождении. Мы отвезем вас в форт.

Два солдата подняли легкое, исхудавшее тело губернатора и с трудом посадили его на подушки кареты. Рядом с Пиготом сели Флетчер и Страттон. Стоял жаркий месяц май 1777 года.

Глубокой ночью свет двух керосиновых фонарей осветил могильные плиты позади церкви святой Марии. Причудливо вытягивались и метались тени нескольких человек. Темнокожие слуги опустили на землю тело, завернутое в простыню. Священник, с всклокоченными со сна волосами, начал читать молитву. Когда все кончилось, на свежий могильный холм водрузили простую плиту. На ней было два слова: «В память». Пусть не думают, что Флетчер и Страттон скверные христиане... Лорд Пигот прибыл в свою резиденцию в Форту святого Георгия.

Наутро в Белом городе узнали о преждевременной смерти губернатора. Через некоторое время об этом стало известно в Лондоне. Там сразу заподозрили неладное. Несколько месяцев спустя в Верховном суде в Калькутте начался процесс заговорщиков и убийц губернатора. Но улики против них оказались, по мнению суда, «слишком мало». Их освободили, оштрафовав каждого на тысячу фунтов «за незаконный арест губернатора». Убийцы вернулись к исполнению своих служебных обязанностей...

Навабы Карнатика

На одной из густонаселенных и оживленных улиц Мадраса — Трипликейн Хай Роуд — стоит большая мечеть. Во время мартовского ида узкое пространство перед мечетью заполняется народом. Сотни мусульман Мадраса стекаются сюда совершать праздничную молитву. У обочины дороги скапливаются автомобили, рикши,

мотороллеры. Небольшой обшарпанный автомобиль, скрипя тормозами, останавливается перед мечетью. Несколько человек бросаются к машине и распахивают дверцу. Из машины выходит немолодой, невзрачный на вид человек. Старомодный тюрбан туго стягивает голову надо лбом, изрезанным морщинами. Глядя поверх голов, он направляется к мечети. Толпа почтительно расступается. Со всех сторон раздаются возгласы: «Ид мубарак, господин наваб! Ид мубарак, князь!» Он небрежно отвечает на приветствия и ждет, когда мальчишки, дежурящие у входа, снимут с него туфли.

— Эй, Усман! — кричит один из них. — Туфли наваба поставь в сторону, чтобы они, спаси Аллах, не потерялись.

Человек в старомодной чалме — наследный князь Аркота, потомок навабов Карнатика. Когда-то они владели территорией, равной по величине почти целому штату Мадрас. Потомку же их теперь принадлежит только Амир-Махал, приземистое здание бывшего полицейского суда на Пайкрофт Роуд. «Королевский дворец», как насмешливо прозвал теперешние апартаменты наваба Карнатика один из английских губернаторов, густо заселен многочисленным семейством нынешнего наваба и его шумными родственниками. То, что он наваб, помнят только правоверные старики. Город уже давно забыл о блистательном княжестве Карнатик и его сумасбродных навабах. У города есть дела поважнее.

Незримая нить связывает «королевский дворец» на Пайкрофт Роуд с мадрасской набережной. Это нить между прошлым и настоящим. Прошлое осталось на ярко освещенной вечерами «Марине». Там стоит повернутый фасадом к океану розовый дворец навабов Карнатика. Украшенный арками широких оконных проемов, причудливыми куполами порталов и башенками внутреннего двора, Чепакский дворец тянется на несколько кварталов. Сколь пышен розовый дворец на набережной, столь обычен и даже убог «королевский дворец» на Пайкрофт Роуд. Иногда по вечерам человек в старомодном тюрбане останавливается около розового портала и, не отрываясь, смотрит на темные проемы окон. О чем он думает в это время, трудно сказать. Может быть, просто смотрит и ни о чем не думает. А может быть, мысленно населяет этот дворец давно ушедшими в прошлое пред-

ками, наполняет его их голосами. Потом он медленно идет вдоль набережной и сворачивает на Валладжах Роуд. Улица носит имя его предка.

Многие аристократические семьи Англии построили свои состояния на деньгах навабов. Потомки губернаторов Мадраса, наследники лордов с купленными титулами, выбившихся «в люди» набобов, может быть, уже об этом забыли...

Обширное княжество Карнатик, на территории которого находился Мадрас, включало в себя районы Неллур, Северного Аркота, Южного Аркота, Тричинополи и Тинневели. Город Аркот был его столицей. Раджа Чандрагири, который разрешил английским купцам поселиться в Мадраспатаме, в 1646 году был свергнут султаном Голконды. Султан забрал всю территорию Карнатика и посадил там своего наместника — наваба. Отношения между навабами и Фортом святого Георгия складывались довольно сложно. Хотя Голконда и подтвердила право английской Ост-Индской компании на территорию Мадраса, тем не менее богатая английская фактория привлекала алчное внимание карнатикских навабов.

В середине и конце XVII века форт не располагал достаточной военной силой, чтобы противостоять требованиям феодальных правителей. Англичанам не раз приходилось откупаться от притязаний навабов деньгами, а когда этого не делали, карнатикские силы блокировали форт и не пропускали туда продовольствие и товары. По всей видимости, именно тогда форт начал вырабатывать свою хитрую политику, основанную на уступках, обмане, фальшивых обещаниях и маневрировании среди местных правителей. Позже эта политика была подкреплена военной силой. Все это и привело к ранней гибели блистательное княжество Карнатик. В начале XVIII века Голконда была завоевана могольским императором Аурангзебом, а наваб превратился в его наместника. После смерти Аурангзеба Карнатик стал вассальным княжеством низама Хайдарабада. Военные действия, которые время от времени разгорались между карнатикскими навабами и Фортом святого Георгия, носили довольно странный характер.

Одним прекрасным днем 1702 года английские шпионы донесли, что доблестное войско наваба Дауд Хана

движется в направлении форта. Встретить оружием многочисленных карнатикских воинов англичане не могли. Они знали, чего хочет наваб. Поэтому весь день в форту царила деловая суматоха. Прятали товары и ценности. И наконец шум наступающей армии докатился до стен крепости. У Морских ворот в парадной одежде выстроились члены Совета Компании и губернатор. Впереди головного отряда на арабском скакуне важно ехал его высочество наваб Дауд Хан. Его тонкой ткани могольский халат был расшит драгоценными камнями, на причудливо увязанном тюрбане колыхалось павлинье перо, закрепленное бриллиантовой брошью. Рукоять длинного прямого меча отливала чистым золотом. Члены совета, не отрываясь, смотрели на сверкающие в ярком солнце крупные рубины, изумруды и жемчуг на одежде Дауд Хана. Наконец губернатор пришел в себя и сделал навабу приглашающий жест, указав на открытые ворота. Наваб задумчиво поскреб черную бороду и сделал знак свите следовать за ним. Войско расположилось у стен форта, готовое в любой момент прийти на помощь повелителю. Его провели в большой зал фактории, где длинный стол ломился от английских и индийских яств. Гости чинно расселись. Глаза наваба восторженно остановились на многочисленных бутылках мадеры. Но наваба ждал еще один сюрприз. Из-за спущенной портьеры раздались глухие ритмичные звуки табла, слабо и тревожно запели струны ситары. Портьеры раздвинулись, и на ковер ступили танцовщицы. Их смуглые стройные тела маняще светились сквозь тонкую ткань. Дауд Хан понял, что предпринял поход не зря. Танцовщиц англичане взяли «на прокат» в Майлапурском храме, заплатив изрядную сумму его главному жрецу. Наваб помнил только, как налили ему первый бокал. Потом все смешалось и потонуло в застольном шуме. Лилось вино, звенели браслеты, надрывалась ситара, гремели табла. Смуглые тонкие руки наплывали из тумана, звали за собой и потом исчезали куда-то. Наваб временами забывал, зачем он здесь и что под стенами этого гостеприимного форта стоит его армия. На следующее утро, за завтраком, одуревший от пьянства и женщин наваб вновь потянулся к мадере. Чем это кончилось, свидетельствуют сухие строчки официального донесения в Лондон: «Его высочество очень напился и заснул». Эта крат-

кая формула определяла состояние карнатикского наваба в течение нескольких дней. Наконец поддерживаемый с двух сторон дорогой гость ввалился в раззолоченное седло своего арабского скакуна. Он выехал за ворота и крикнул:

— Поворачивай! Пошли домой!

Войско с шумом снялось и запыхало по дороге к Аркоту.

Но английская мадера и мадрасские танцовщицы долго не давали покоя Дауд Хану. Был собран военный совет, и вновь армия запыхала по дороге к Мадрасу. Однако губернатор форта не желал больше тратиться на наваба. Слишком много он выпил вина, слишком дорого обошлись храмовые танцовщицы. Форт приготовился к обороне. Три месяца сидел наваб под стенами крепости. Три месяца не пропускали в форт торговцев. Три месяца туда не подвозили продовольствия. Наваб каждый вечер с тоской смотрел на закрытые ворота. Но ворота не открывались, и никто не говорил ему: «Пожалуйста, ваше высочество!» С ним больше не желали дружить эти странные и упрямые чужеземцы. Это больно уязвляло достоинство Дауд Хана, но сидеть так без дела и смотреть на пустынный берег не имело смысла. Окончательно потеряв надежду напиться и развлечься, наваб послал в форт парламентаря. Оттуда ответили согласием. Забрав изрядный выкуп, его высочество уныло двинулся в обратный путь.

Через несколько десятков лет после знаменитого банкета в зале мадрасской фактории Форт святого Георгия заговорил с навабами Карнатика на другом языке. И когда в 1741 году во время маратхского нашествия наваб Сафдар Али вынужден был просить в форту убежища для своей жены и сына, звезда Карнатика неуклонно пошла к закату. Как только англичане заполучили малолетнего наследника наваба, Сафдар Али был убран с их пути. Предательский удар ножа настиг наваба в собственном дворце. А в это время в форту состоялась пышная церемония коронации мальчика-наваба. Мальчик, привыкший к блеску отцовского дворца и к рабочей покорности придворных, тем не менее был весьма польщен всеобщим поклонением этих странных чужеземцев с белой, как коралловый песок, кожей. С детской беззаботностью он подписал указ о даровании добрым

дядям из форта новых деревень. Он был им благодарен за спасение от жестоких маратхов. Он не знал, что через два года рука «спасителя» поднимется над ним и он захлебнется в собственной крови. Теперь навабы продвигались и исчезали, как пешки на шахматной доске. Ими «играла» безжалостная рука заморской Ост-Индской компании.

Затем в «игру» включились французы. В 1749 году трон в Карнатике освободился в очередной раз. Французы поддерживали одного претендента, англичане — другого. По всей видимости, дворцовая ситуация складывалась в пользу французов. Тогда отряд Клайва был отправлен в Аркот. Клайв штурмовал Аркот и взял его. Дворец наваба наводнили английские солдаты. Французские эмиссары сочли за благо ретироваться. Через несколько дней состоялась церемония коронации. Навабом стал Мухаммад Али Валладжах. Праздничная процессия во главе с навабом, окруженным эскортом английских солдат, прошествовала по улицам Аркота. Дымились развалины домов, разрушенных английской артиллерией, убитые и раненые лежали в пыльных узких переулках, дым пожарищ тянулся с окраины города к дворцу навабов. Сверкая парадными украшениями, бриллиантами и жемчугом, Мухаммад Али горделиво плыл в седле над развалинами, пожарами и трупами. Визгливые звуки флейт и глухие удары барабанов заглушали плач оставшихся без крова и стоны раненых. Время от времени новый наваб подобострастно изгибал стан, слушая отрывистую речь ехавшего рядом с ним Роберта Клайва.

Валладжах понимал, что теперь его власть держится только на благосклонности чиновников и королевских офицеров из Форта святого Георгия. Он жалел, что форт был далеко, и боялся остаться в своем дворце один на один с придворными, враждебность и неприязнь которых он ощущал на каждом шагу. У него был только один выход — полностью отдать себя в руки людей, которые возвели его на престол. Он покорно выслушал английского губернатора форта, который посоветовал ему выйти из-под власти хайдарабадского низама и стать независимым. Так Карнатик был объявлен самостоятельным королевством. Теперь Мухаммад Али боялся не только своих сановников и раджей, но и соседних

*Мухаммад Али Валладжах,
владелец розового дворца,
с очередным покровителем*

правителей. Конница майсурского князя Хайдара Али уже докатилась до пределов Карнатика. Князь объединял разрозненные южноиндийские государства, готовясь к войне с англичанами. Наваб же предпочел англичан. Вечный страх за свой престол и свою жизнь заставлял его идти на уступку за уступкой. Лучшее, что он мог придумать, это перенести свою резиденцию в Мадрас. Теперь карнатикский наваб просил форт дать ему разрешение на земельный участок. Таковое было незамедлительно дано. На берегу океана английский архитектор стал сооружать розовый дворец. Там было предусмотрено все, что соответствовало вкусам и образу жизни карнатикского наваба. Тронный зал, помещения для гарема, просторные бани, тенистые галереи, пышно убранные покои. Во внутренних дворах разместили бараки для воинов и личной гвардии наваба, стойла для слонов, украшавших процессии правителя, артиллерию для торжественных и праздничных салютов. Карнатикская птичка, весело щебеча, влетела в свою золоченую клетку. Самостоятельность обернулась началом зависимости. Но Мухаммада Али это мало волновало. У него был теперь розовый дворец с женщинами, слонами, пушками для праздничных салютов. За это он готов был отдать чужеземцам все. Он подарил им право на национальную музыку во время их процессий, он подарил им себя и свое королевство.

На торжественный завтрак в честь открытия дворца Валладжах пригласил губернатора, членов Совета Компании, королевских офицеров. И здесь подарки продолжались. Он роздал гостям 30 тысяч рупий. Губернатор получил 7 тысяч, а самые низкие по званию среди присутствующих — секретари — по тысяче. Потом надобность в подарках отпала. Англичане брали у наваба все, что им приглянулось. Но и наваб требовал немало. Надо было содержать розовый дворец, платить жалованье многочисленным служащим, среди которых были европейские парикмахеры, врачи, секретари.

Слабовольный, не пропускавший ни одного удовольствия, недалъновидный и честолюбивый правитель Карнатика вел беззаботную жизнь в розовом дворце на Чепаке. Дворец стал средоточием всякого рода интриг и сделок. Министры Валладжаха, почуявшие легкую добычу, дрались из-за нее с губернатором и членами Со-

вета Компании. А в это время майсурский Типу Султан захватил Аркот и часть земель Карнатика. Валладжах сетовал на то, что прекратилось регулярное поступление с его земель. Ему нужны были деньги, чтобы оплачивать ящики мадеры для очередного праздника, чтобы нанимать танцовщиц и музыкантов, чтобы приобретать новые попоны для слонов и покупать порох для торжественного фейерверка. Теперь не надо было вести дипломатических переговоров с навабом. Достаточно было крупной взятки, и любая привилегия, любая уступка оказывалась в кармане давшего. Обитатели форта быстро сообразили, какая кормушка открылась в розовом дворце на Чепаке. Они стали одалживать навабу деньги под высокие проценты — десять процентов годовых. Валладжах расплачивался доходами со своих земель. Когда сбор с округов Карнатика не приходил вовремя, посылали военный английский отряд. Расторопные парни с лицами, красными от тропического солнца и частых возлияний, прекрасно справлялись со своей задачей и сами никогда не оставались внакладе. За последние годы своего правления Валладжах выплатил огромные суммы английским губернаторам: Пиготу — 1 миллион 200 тысяч фунтов стерлингов, Винчу — 200 тысяч, Рамболду — 250 тысяч фунтов и т. д. Сотни тысяч фунтов переключевали в карманы частных дельцов, таких, как Пол Бенфилд. Долговые расписки Валладжаха продавались и покупались на базаре у Морских ворот. По ним можно было получить право сбора налога с любого талука независимого княжества Карнатик.

В 1795 году буйный и щедрый наваб почил в бозе 78 лет от роду. Он оставил своему сыну Умдат-уль-Умра розовый дворец, слонов, игрушечных солдат в красивой яркой форме, несколько ящиков мадеры, запутанные финансовые дела и огромное количество долгов. Англичанам же он оставил согласие на контроль за доходами княжества Карнатик. Умдат-уль-Умра был сделан из другого теста. Но он был продан и предан отцом на многие годы вперед. Тем не менее новый наваб сделал попытку вырваться из порочного круга.

Темной, безлунной ночью из розового дворца вышел человек, переодетый бродячим торговцем. В двойном дне его небольшого сундучка хранилось письмо к Типу Султану. Тому самому Типу Султану, который стал симво-

лом сопротивления чужеземному господству. Гонец взял курс на Майсур. Через несколько дней письмо благополучно было доставлено в Серингапатам. Связь между майсурским полководцем и розовым дворцом была установлена. Пока шла тайная переписка, карнатикский наваб отверг все притязания Ост-Индской компании на «контроль над доходами». Упорство довело Умдат-уль-Умра до болезни. Она подкралась незаметно, и никто из английских врачей не мог определить ее. К индийским врачам обращаться не стали. В форту было известно, что туземные лекари хорошо знают некоторые медленно действующие яды. Компания не нуждалась в излишних слухах и шуме. Наваб уже давно не вставал с постели, когда в Мадрас пришло известие о том, что английские войска взяли штурмом Серингапатам, а мужественный Типу Султан убит. В поверженном городе была захвачена переписка майсурского главнокомандующего с навабом Карнатика. Но англичане не спешили с судом и расправой. Ханжески опустив глаза, губернатор Мадраса просил членов Совета Компании подождать с карнатикскими делами. И только в 1801 году по улицам Мадраса прошла пышная похоронная процессия.

После похорон события развивались с устрашающей быстротой. Дворец на Чепаке был занят батальоном английских солдат. Непокорного сына Умдат-уль-Умра выслали, а навабом сделали его кузена. Но кузену объявили, что теперь он имеет только дворец и титул. Что же касается его владений, то они отходят к Ост-Индской компании. Так произошла аннексия княжества Карнатик. Кузен был покладистым малым и довольствовался положением «титулованного наваба» без владений. Он был рад, что милосердные христиане избавили его от долгов блистательного Валладжаха. Ост-Индская компания учредила фонд в 12 тысяч рупий ежегодно для расплаты с долгами наваба. Кредиторы наваба теперь стали ее кредиторами. Эта сумма была ничтожной в сравнении с тем, что было получено в результате аннексии огромного княжества.

Предприимчивые обитатели Белого города немедленно воспользовались открывшейся возможностью. Число кредиторов наваба стало катастрофически расти. Открылась целая «фирма» по изготовлению фальшивых распи-

сок. Они наводнили Мадрас, их продавали по вполне сходной цене. Появились люди, которые за несколько тысяч рупий брались вписать имена «кредиторов» в долговую книгу розового дворца. «Фирма» кончила несколькими громкими процессами, в которых были замешаны крупные дельцы и чиновники.

В 1855 году, после смерти третьего «титулованного наваба», были ликвидированы сам титул, пенсия навабам и распущено их игрушечное войско. Розовый дворец был продан с аукциона, наследники и родственники пущены по миру. Однако никто из них, не в пример другим обиженным феодалам, не осмелился принять участие в национальном восстании 1857 года. Мадрас и Карнатик остались лояльными. В награду за это последнему родственнику наваба королева Виктория пожаловала титул князя Аркота и 150 тысяч рупий пенсии ежегодно. Спешно было освобождено здание полицейского суда, названо «королевским дворцом», и туда поселили вновь испеченного князя. На мадрасском горизонте вновь взошла звезда Карнатика. Но она была тусклая и подслеповато мигала призрачными лучами. Она светила ровно на 150 тысяч рупий в год и напоминала газовый фонарь лондонского производства. У ворот «королевского дворца» была поставлена стража князя, вооруженная заржавленными, отжившими свой век мушкетами. На стражниках были засаленные тюрбаны и латаные сюртуки. Пока охрана верно несла свою службу, князь Аркота развлекался игрой духового оркестра. Ничего другого он не мог себе позволить.

Прошло много лет, и хозяева любителя духового оркестра ушли из Мадраса. Потом были ликвидированы княжества и все, что с ними связано. Остался только невзрачный человек в старомодном тюрбане, титул которого помнят старики из мечети на Трипликейн Хай Роуд. А многочисленные здания розового дворца на берегу океана каждый день наполняются шумными студентами и по-деловому спешащими служащими правительственных учреждений штата Мадрас, большую часть территории которого составляет ушедшее в недоброе прошлое княжество Карнатик.

Узкая пыльная улица, обсаженная кокосовыми пальмами, петляет, сворачивает, а конца ее не видно. За каменными глухими заборами притаились дома, крытые красной черепицей. Косые лучи заходящего солнца ложатся розовыми бликами на заборы, крыши и перья кокосовых пальм. Где-то далеко впереди одиноко пылит бычья упряжка. Я стараюсь ее догнать, но она уходит все дальше и дальше. Улица как будто вымерла. Я не слышу ни разговоров, ни восклицаний, ни смеха. Мне даже не у кого спросить, где этот храм, о котором мне рассказали накануне. Наконец появляется маленькая фигурка. Она постепенно приближается ко мне, и я вижу девочку лет семи-восьми.

— Послушай, — говорю я. Девочка вздрагивает от звука незнакомого голоса, запускает грязные руки в буйную кудрявую поросль на голове и горестно смотрит на меня.

— Послушай, — повторяю я. — Куда делись жители этой улицы?

Горестный взгляд сменяется удивлением.

— Никуда, — неожиданным басом отвечает девочка.

— Почему же никого не видно?

— Они все там, — девочка неопределенно машет рукой.

— Где там? — не отстаю я.

— В храме.

— А где храм?

— Там, — следует исчерпывающий ответ.

В это время откуда-то издалека доносятся глухие удары барабана. Затем я слышу хриплый звук храмовых труб. Я спешу туда, откуда доносится музыка. Улица неожиданно сворачивает, и я попадаю в толпу. Несколько сотен плохо одетых мужчин и женщин стоят у входа в небольшой храм. Стук барабанов и хрип труб доносятся изнутри храмового двора. Все чего-то ждут. Я мысленно перебираю все местные индусские праздники, известные мне. И никак не могу вспомнить, что же за праздник сегодня в этом отдаленном храме. Из ворот храма, увенчанных невысоким гопурамом, появляются два обнаженных по пояс жреца. Храмовые служки несут

над ними зонтики. Вслед за жрецами тянется красочная процессия. Толпа расступается, давая ей дорогу.

— Айя, — обращаюсь я к рядом стоящему мужчине. — Какой сегодня праздник?

— Берри Тиммапа.

— Я не слышала о таком боге или святом.

Мужчина смеется.

— Это не бог и не святой. Это купец. Великий человек. Он основал Мадрас.

Я знала праздники в честь богов и святых. Но храмовой праздник в честь купца — это я слышала впервые. Тем не менее это оказалось правдой.

Берри Тиммапа — индийский купец. Память о нем до сих пор сохранилась в Мадрасе. Основателем города считают англичанина Фрэнсиса Дея. Но вряд ли Дей что-либо мог сделать, если бы не индеец Тиммапа. Он проложил дорогу другим купцам, которые служили Ост-Индской компании и без которых англичане попросту не смогли бы управлять индийскими делами. Хитрый и беспринципный, жадный до денег и привилегий, Тиммапа служил Компании, нимало не задумываясь над тем, что представляют собой новые хозяева.

В один прекрасный день 1639 года он появился в гранитном дворце раджи Чандрагири-Дамерла Венкатапа Наика. Покорно взяв «прах от ног» раджи, купец бросил пронизательный взгляд хищных глаз на правителя. Радже о нем уже рассказывали. Тиммапа не скупился, и придворные не остались внакладе. Целую неделю купец приходил каждый день во дворец, и Дамерла Венкатапа наконец сдался. Результатом было разрешение на строительство форта в Мадраспатаме. Когда корабль Фрэнсиса Дея появился у берегов вновь приобретенной земли, рыбаки встретили его настороженно. Узнав, с чем прибыли чужеземцы, они в противоположность радже и индийскому купцу воспротивились затее английского фактора. Тогда снова появился на сцене Тиммапа. Он уговорил рыбаков, пообещав им какие-то привилегии. Но на этом деятельность индийского купца в пользу Ост-Индской компании не кончилась. Он был послан ко двору султана Голконды с дипломатической миссией. Миссия эта оказалась успешной, и султан дал согласие на освобождение от налогов земель, находившихся в распоряжении английской фактории. По всей видимости, Тим-

мапа обладал незаурядными дипломатическими способностями. В награду за заслуги индийский купец получил место в совете Компании. Когда он появлялся в форту, в его честь гремел салют из пяти пушек. Навстречу Тиммапе выходил фактор и дарил ему шесть ярдов алой английской ткани. Тиммапа низко склонялся перед фактором и посматривал на него хитрыми глазами. Каждый Новый год индийский купец щеголял в камзоле и красовался с жезлом, который ему тоже подарили англичане. Несколько наивный и прямолинейный во внешних проявлениях своей власти, он тем не менее был тонким политиком в торговых делах. Тиммапа быстро понял, какие выгоды сулит ему посредническая торговля с англичанами. Он оказался родоначальником целой группы индийских купцов, которых впоследствии стали называть компрадорами. Если основателем форты считается Фрэнсис Дей, то главным строителем Черного города был Берри Тиммапа. Располагая значительными суммами и властью, предоставленной ему Компанией, он начал планомерное создание Черного города и заселил его ремесленниками, торговцами, учеными-брахманами, кули и храмовыми танцовщицами. На деньги Тиммапы были построены два храма. Один — посвященный богу Вишне, другой — богу Шиве.

Потомки Тиммапы продолжали вести компрадорскую торговлю и получили ряд привилегий от Ост-Индской компании. Внук Тиммапы в 1742 году получил право на ренту с рисовых полей и соляных разработок. Семья Тиммапы оказалась владельцем банков и акционерных обществ. Потомков индийского купца увенчивали в храмах новыми тюрбанами и цветочными гирляндами. Жрецы учредили новую молитву в честь Берри Тиммапы и Ост-Индской компании.

После Берри Тиммапы появилась традиция назначать индийских купцов главными купцами Компании. Англичане предпочитали в то неустойчивое для них время извлекать торговые доходы руками индийцев. Индийские купцы экспортировали отечественные ткани и продавали английские товары. Они получали деньги от Компании и отдавали их в качестве ссуды ткачам, рисовальщикам, набивщикам, красильщикам. Расплачивались компрадоры с Компанией готовыми тканями. Дело это было чрезвычайно прибыльным, так как в руках компрадоров

находились жизни, труд и имущество многих тысяч ремесленников. Их беспощадно грабили, но Компания пока оставалась в тени. Постепенно число главных купцов росло, и в 1688 году их было уже двенадцать. Одним из них оказался Кази Виранна. Так же как и Берри Тиммапа, он сочетал дипломатическую деятельность с торговой. Его не раз посылали договариваться с местными раджами и князьями. Виранна содействовал английским дельцам, ведшим частную торговлю. На этом содействии он так разбогател, что мог брать в аренду целые города, и Сен-Томе был одним из них. Пожалуй, ни один из купцов Компании после Виранны не был так богат и всевластен. Склады Кази Виранны в форту занимали значительную территорию. Рядом с ними находились помещения, где хранились товары другого богатого компрадора — Тамбу Четти. Когда Кази Виранна умер, в честь него прозвучал салют из английских орудий. В начале XVIII века на компрадорском небосклоне взошла еще одна звезда — Сункурама из семейства Сункувар. Заслуги его перед Компанией были столь велики, что ему даже разрешили построить дом в Белом городе.

Существенную помощь Компании оказывали не только главные купцы, но и обычные торговцы, многие из которых служили агентами у английских чиновников. Такие агенты назывались «добаши». Берри Тиммапа, Кази Виранна, Сункурама, Тамбу Четти, Алингал Пиллаи, Бала Четти, Калаван Четти, Каластри Четти и другие с помощью англичан составили себе крупные состояния. Эти состояния послужили прочным фундаментом богатых семей мадрасской буржуазии.

Официальный институт индийских компрадоров существовал в Мадрасе более ста лет. Когда Ост-Индская компания «стала на ноги», в компрадорах нужда отпала. Не было больше необходимости делить торговую прибыль с индийскими купцами. В 1772 году был издан указ о ликвидации института компрадоров. Компания стала иметь дело с ремесленниками без посредников. Однако деятельность мадрасских купцов продолжалась. Так же как и английские чиновники Компании, они принимали участие в спекуляциях, контрабандной торговле, в грабеже и эксплуатации ткачей. Ростовщичество становится их главным занятием. Они были первыми, кто

создал банки и ростовщические конторы. Ссужая деньги под большие проценты обитателям Белого и Черного города, купцы продолжали богатеть и процветать. Они строили себе каменные особняки, которые охранялись вооруженной стражей, а иногда и пушками. Их дома были похожи на крепости. Эти «крепости» защищались от притязаний англичан и гнева соотечественников. Многие из бывших главных купцов и добаша с удовольствием втягивались в полную интриг и конфликтов жизнь Форта святого Георгия. Это приносило часто немалые деньги, реже — позор и бесчестие.

Добаша Паупия в конце XVIII века был одним из влиятельнейших людей в форту. Готовый на любую авантюру, Паупия в случае надобности пускал в ход все: клевету, подлоги, заговоры, убийства. Он прошел великоколелную школу на службе Ост-Индской компании и достиг всего, что могли предложить ему его хозяева. Превзойти их ему не удалось, но приблизиться к «идеалу» он все-таки смог. «Страшный Паупия» — так называли его в Черном и Белом городе.

Он стал главным советником губернатора Холланда, который, как известно, сбежал с деньгами карнатикского наваба. Холланд и Паупия распорядились налоговой кассой по собственному усмотрению. Обойденный ими чиновник Компании Хэлибартон решил все это сделать достоянием гласности. Но такое решение ему дорого обошлось. Паупия две недели трудился в поте лица, и наконец ряд искусно состряпанных обвинений был выдвинут против Хэлибартона. Обвинения были подкреплены свидетельскими показаниями. Паупия потратил еще неделю на то, чтобы подобрать лжесвидетелей. На следующий день после процесса Хэлибартона выслали из Мадраса. Слава «страшного Паупия» росла на глазах. После бегства Холланда в форт приехал новый губернатор, и началось расследование «дела Хэлибартона». Паупия в это время не сидел сложа руки. Он устроил заговор против губернатора, был арестован и посажен на три года в тюрьму. Крупная взятка спасла Паупию от стояния у позорного столба. После освобождения Паупия возглавил «фирму», которая фабриковала подложные долговые расписки наваба Карнатика. Паупия сделал таких «расписок» на 46 тысяч рупий. Он пытался втянуть в эту аферу и казначея наваба. В 1808 году про-

тив Паупии было начато новое следствие. Он не дожил до его конца. Связанные с Паупией уважаемые компаньоны «фирмы» не верили ему и боялись, что он их выдаст. Они знали, что с Паупией надо держать ухо востро. В один прекрасный день «страшный Паупия» был найден мертвым в своей кровати. Поползли слухи, что Паупию убили. Но никто ничего не мог доказать. Таких слухов было много в Форту святого Георгия...

Но город до сих пор хранит память о доблести Паупии. Небольшая улочка в Чулаи, по соседству с бывшим Черным городом, называется Паупия-стрит. Не только Паупия удостоился этой чести. Есть улицы Тамбу Четти, Эррабалу Четти, Минги Четти и т. д. Дело не в именах давно умерших купцов, служивших Ост-Индской компании. Их живые корни еще остались в городской почве Мадраса. В бывшем Черном городе стоят их банки, ростовщические конторы гостеприимно распахивают свои двери перед посетителями, их склады и магазины тянутся вдоль зданий гавани. Имена их потомков с проклятиями и отчаянием произносят обитатели бедных городских кварталов, где почти каждый третий должен ростовщику. Новые индийские фирмы, которые появились в последнее время в городе, были оплодотворены золотым дождем из банков и контор ростовщиков.

Просторные современные особняки по берегам рек Коум и Адьяр — свидетельство жизнеспособности и процветания потомков Берри Тиммапы и Кази Виранны. Они являются членами Торговой палаты и уважаемых клубов мадрасских дельцов. Не стало Ост-Индской компании, забыли о карнатикском навабе, ушел из форта английский гарнизон, индеец сменил британского губернатора, но живут и нередко решают судьбы города люди с именами Виранны, Четти, Пилаи. И каждый год жрец в храме Шивы смотрит на человека в расшитом золотом тюрбане, когда тот поднимет руку. Человек немного медлит, обводит властным взглядом собравшуюся толпу и, наконец, делает небрежное движение темной кистью. Над притихшей толпой проносится грохот барабанов и поднимаются медные храмовые трубы. Начинается праздник в честь великого предка человека в расшитом тюрбане — Берри Тиммапа...

Черный город. «Левые» против «правых»

Черный город теперь называется Джорджтаун. Новое имя этой части Мадраса было дано в 1912 году, когда принц Уэльский, будущий английский король Георг V, посетил город. Джорджтаун четырехугольником охватывает территорию к северу от форта. Его узкие улицы, пересекаясь, тянутся от центрального вокзала до гавани. Вдоль улиц дует соленый ветер с океана. Неумолчный шум гавани врывается на них, разбивается о глухие изгороди каменных домов и теряется в запутанных переулках и тупиках. С утра до вечера здесь многолюдное оживление. Торгуют сотни лавок и магазинов, работают банки, люди толкуются у ворот храмов и церквей. Из темных харчевен и закусочных аппетитно тянет жареным тестом и острыми приправами. По узким дорогам города, заваливаясь из стороны в сторону, ползут зеленые и красные автобусы, скользят автомобили всех марок и всех времен, пробивая себе дорогу резкими звуками сигналов, бегут, задыхаясь, потные рикши, степенно, не обращая ни на кого внимания, бредут грустные священные коровы. Они шарахаются только от трещащих мотоциклов, но затем вновь обретают душевное равновесие. Поток пешеходов перехлестывает тротуары и выливается на мостовые. Люди лавируют между машинами и коровами, стараясь не задеть ни тех, ни других. Здесь, среди каменных раскаляющихся днем на солнце домов, украшенных яркими киноафишами и рекламами торговых компаний, бьется деловое сердце Мадраса. Здесь вы увидите сарацинские купола Верховного суда, строгие линии многоэтажных зданий «Барман Шелл» и Южно-Индийской торговой палаты. В окнах экспортно-импортных контор, отражаясь, стынут краны гавани и океанский горизонт.

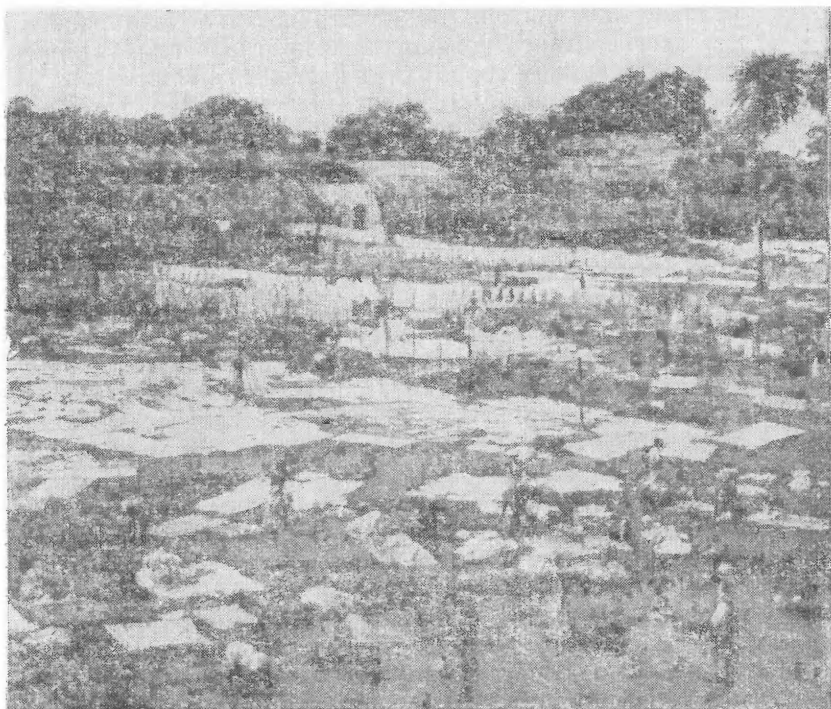
Вечерами в душном мареве над домами пляшут цветные светящиеся буквы и мерцают зеленоватые шары фонарей. Из раскрытых дверей лавок и харчевен ложатся на тротуары желтые квадраты света. Кокосовые пальмы, раскачиваясь под влажным ветром, бросают трепетные причудливые тени на людей, дома, автобусы. Но по мере удаления от главных магистралей Джорджтауна

света становится меньше, дома понижаются и, наконец, переходят в крытые пальмовыми листьями лачуги. Рядом с деловым сердцем города живет его нищета. Здесь нет сверкающей рекламы и оживленного городского шума. Усталые, плохо одетые люди молча сидят на порогах своих домов. Тусклые пыльные фонари скупо освещают полуголых детей, играющих на дороге, и копающихся в отбросах тощих черных свиней. Морской бриз беспрепятственно гуляет среди глинобитных хижин, шумит кронами деревьев и путается в темных грязных переулках. Сюда к ночи в поисках убогого пристанища стекаются нищие, прокаженные, бездомные. Узкие улочки, тесные дворы и выщербленные тротуары не могут вместить их всех, и они выплескиваются в кварталы каменных домов, на автобусные остановки и на площадь перед Верховным судом, устилая каждое свободное пространство спящими телами, завернутыми в рваную ветошь и латанные тонкие одеяла. Они — второе, трагическое лицо Черного города. Это лицо возникло в колониальный период и не исчезнет, пока в городе существуют преуспевающие потомки Берри Тиммапы и Кази Виранны.

Здесь, на берегу океана, несколько веков существовали рядом два мира — черный и белый. И отблеск жизни Белого города навсегда лег на Черный. Здесь сошлись две культуры, но, не слившись, они дали чудовищные комбинации самых различных качеств и традиций. Черный город был в основном населен телугу. Это были купцы, ростовщики, ремесленники, мелкие служащие Компании, кули. Они говорили на родном языке и старались усвоить слова и понятия чужой речи. Исковерканный английский с жаргонными словечками стал вторым языком Черного города. Служащие Компании, подражая своим хозяевам, пили мадеру, играли в гольф и носили английские сюртуки. А потом полуобнаженные, завернутые в дхоти шли в Великий храм, возвышавшийся в центре Черного города. Там они слушали, как жрецы читают наизусть священные веды, и в мерцающем свете масляных ламп били кокосовые орехи перед каменным индуистским богом. Индийские купцы и дельцы, необратимо зараженные английским снобизмом, свысока взирали на своих соотечественников и с чисто британской холодностью и расчетливостью вели свои дела. Они толклись в английских клубах, подобострастно слушали болтовню

европейцев и во время торжественных обедов покрикивали на слуг. Но, возвращаясь домой, они предпочитали есть руками, сидя на полу, и часами могли слушать тревожные, полные тонких переходов и оттенков звуки ситары или вины. Раболепно преклоняясь перед всем английским, они, позже, посылали своих отпрысков в университеты Оксфорда и Кембриджа. Те же преуспели гораздо больше предков. Европейский костюм не стеснял их движений, по-английски они старались говорить даже в семье, в их домах появились высокие кресла и стулья, книжные полки пестрели английскими названиями. Они с завидной свободой и легкостью обсуждали деловые и политические новости, хорошо разбирались в чиновничьей работе и сложностях своих фирм, но не имели представления о стране, в которой жили. Ростовщики приобретали кареты точно такие, какими пользовались в форту, а затем стали ездить в экипажах, предупредительно пропускали белых леди вперед, услужливо открывая перед ними двери, записывали долги в пухлые гроссбухи и вели переписку по всем правилам английского делопроизводства. И в то же время боялись выпустить из рук нажитое золото и драгоценные камни. Прятали их, как во времена великих Моголов, в тайные сокровищницы, жаловались на бедность и брали непомерно высокие проценты со своих клиентов. Купцы и ростовщики печатали объявления о свадьбах своих дочерей и сыновей в английских газетах и педантично соблюдали древний ритуал индусского венчания.

Черный город жил полуанглийской, полуиндийской жизнью. Озаряемая факелами и наполненная ритмами национальной музыки красочная пышность храмовых праздников соседствовала в нем с томительной скукой английских воскресений. Полные огня эротические танцы храмовых танцовщиц уживались с аскетически постыными проповедями европейских патеров в длинных сутанах, веселье и свобода индусских праздников — с ханжесством и фанатизмом вновь испеченных христиан, эмоциональность и тонкость древней этики человеческих отношений — с холодностью и расчетливостью дельцов всех цветов кожи, напевная музыкальность языка телугу — с бесстыдством и грубостью английского жаргона. Индийские национальные традиции бережно хранились в хижинах ремесленников и всего бедного люда города. Эти

*Улицы, на которых жили
отбельщики, населены теперь
прачками — дхоби*

традиции разбазаривались и растрачивались наиболее состоятельной его частью.

Сомнительный отблеск английских времен и сейчас лежит на Джорджтауне. Но последнее десятилетие принесло много перемен, и этот отблеск начинает тускнеть. Город с английским названием становится все более индийским...

Специально заселенный местными обитателями, Черный город долго сохранял те противоречия и конфликты, которые вместе с людьми и их отношениями были принесены в его глиняные стены. Ост-Индская компания и

впоследствии английские власти искусно поддерживали и подогревали эти конфликты и противоречия. Одной из сложных проблем города стал кастовый вопрос.

Майским вечером 1652 года по улице Черного города двигалась свадебная процессия. Весело трещал огонь факелов, взвизгивали, захлебываясь, флейты, стучали барабаны. Впереди процессии на украшенной цветами лошади ехал в праздничном одеянии жених. Свадебный кортеж уже подъезжал к переулку, куда он намеревался свернуть, как неожиданно замешкались факельщики. Идущие сзади не сразу поняли, в чем дело. Впереди раздались крики, послышалась брань, и несколько появившихся из переулка людей стащили за ногу жениха с седла. Процессия утратила стройность, родственники жениха бросились на обидчиков. В голову им полетело несколько факелов. Из домов выскакивали мужчины и набрасывались на участников процессии.

— Будете знать, как ходить по чужим улицам! — кричали они, молотя по спинам опешивших «противников».

Перед вываленным в лыли женихом возник коренастый мужчина. Схватив юношу за узкий парчовый воротник, он насмешливо проговорил:

— Так будет всегда, если касты левой руки будут водить свои процессии по улицам, где живут касты правой руки.

И, потянув сильной рукой растерявшегося жениха на себя, он резко толкнул его в толпу дерущихся.

Касты правой руки, касты левой руки — что это и откуда? На этот вопрос трудно ответить. Говорят, такое деление существовало еще во времена империи Чолов. Почему оно возникло, уже никто не помнит, даже всезнающие жрецы. Появление каст левой и правой руки остается загадкой, каких немало в истории Тамилнада. Существует предположение, что одна группа каст принадлежит к коренному населению, а другая представляет иммигрантов. Но какие иммигранты и откуда — на это в Мадрасе никто не ответит. Обе группы каст имели общую религию. К более «высоким» кастам правой руки принадлежали землевладельцы, купцы, ростовщики. Это были мудалиары, четти, найду. В касты левой руки входили ремесленники — ткачи, ювелиры, парикмахеры, прачки и т. д. Зажиточная же верхушка этой группы каст занималась торговлей, так же как и представители каст

правой руки. По всей видимости, конфликты, возникавшие между «леворучными» и «праворучными», имели под собой социально-экономическую базу. Вопросы свадебных и похоронных процессов являлись лишь поводами для этих конфликтов, а не действительной их причиной. Кастовый вопрос был обострен и усложнен конкуренцией между купцами, принадлежавшими к различным группам каст. Крупнейшие компрадоры, купцы Ост-Индской компании, в то же время были лидерами своих каст. Например, знаменитый Сункурама возглавлял касты правой руки, а Тамбу Четти — касты левой руки. В конкурентной борьбе компрадоры, как правило, использовали «свои» касты.

На следующий день после разгрома свадебной процессии в форт явились руководители «правых» и «левых» каст — Сешадри Наяк и Конери Четти. Первый был купцом Компании, второй ведал экспортом индийских тканей. Результатом этого визита было историческое решение властей форта. Улицы Черного города разделили на две категории: одни, где могли проходить процессии каст левой руки, и другие — для процессий каст правой руки. Чтобы паче чаяния не перепутали, обе группы каст вывели свои флаги. Белый — для «праворучных» и пятицветный — для «леворучных».

Однако на этом борьба не закончилась. Время от времени она с новой силой разгоралась в Черном городе. В 1707 году губернатор Питт, по кличке «Пират», обложил ремесленников и торговцев тяжелыми налогами. Но бремя налогов было распределено между «левыми» и «правыми» кастами неравномерно. Руководители каст не смогли договориться между собой о перераспределении налогов. И вновь начались потасовки во время свадебных и похоронных процессов. Для усмирения дерущихся были вызваны английские солдаты. Опять начали делить улицы, но теперь уже не для процессий, а для поселения. Кастам правой руки было предложено продать свои дома и переселиться в другое место, если они оказывались на улицах, заселенных людьми каст левой руки. И наоборот. Но представители «праворучных», считая себя более «высокими», обиделись и, покинув Черный город, стали переселяться в другие места. Наконец конфликт был с большим трудом улажен и выделены специальные улицы для процессий разных групп каст. Из

этой «игры» английским указом были исключены только потомки Берри Тиммапы. Ост-Индская компания причислила их к «средним кастам» и разрешила им соблюдать церемонии и проводить процессии на любой улице города. Конец XVIII века, когда социальные противоречия между ремесленниками, с одной стороны, и купцами Компании и ростовщиками — с другой, стали обостряться, изобиловал столкновениями каст левой и правой руки. Теперь конфликт был перенесен в храмы. В 1716 году касты левой руки поссорились с «праворучными» из-за соблюдения храмового ритуала, и теперь уже «леворучные» отправились в Сен-Томе в поисках пристанища и мира. То, что стычки были перенесены в храмы, имело под собой основания. Крупные купцы-компрадоры принимали участие в их сооружении. Каждый из этих благодетелей принадлежал к своей группе каст, и каждый из них претендовал на определенную долю храмового дохода.

Английские власти использовали кастовые конфликты. Когда «правые» и «левые» не могли решить, кому из многочисленных индусских богов молиться, форт давал указание молиться за Ост-Индскую компанию. В храме Кришнасвами во время праздника 1790 года представители каст правой руки спустили пятицветный флаг «левых» и подняли белый. Для того чтобы внести успокоение и охладить страсти, англичане посадили в тюрьму обоих лидеров, спустили оба флага и подняли свой, с изображением святого Георгия. Разрешение этого конфликта стало символом традиционной английской политики «разделяй и властвуй». Теперь святой Георгий гордо реял над индусскими процессиями, а английские губернаторы делали богатые подношения мадрасским храмам, где брахманы-жрецы учили свою паству покорности новой власти. Клайв-второй дарил драгоценности разграбленного Серингапатама, Пигот — золото навабов Карнатика. Мунро — серебряные рупии тяжелых налогов. После национального восстания подношения прекратились, и постепенно затих конфликт между кастами правой и левой руки. На смену ему пришли иные противоречия и иные столкновения.

Когда начали строить Черный город, туда были приглашены ремесленники, в изделиях которых нуждалась Ост-Индская компания. Это были прядильщики, ткачи,

рисовальщики, отбельщики, красильщики. Они охотно селились в новом городе, где получили ряд преимуществ. Их освободили от налогов на тридцать лет. И кроме этого ремесленники чувствовали себя в относительной безопасности под каменными стенами форта. Они устали от постоянных войн, которые вели в то время между собой индийские феодалы. Их грабили солдаты вражеских армий, притесняли собственные раджи и навабы, над их имуществом висела постоянная угроза. Четыреста семей ткачей поселились в строящемся Черном городе еще при Фрэнсисе Дее. Они надеялись найти там твердый заработок и свободу от произвола и грабежа. Но никто из них не подозревал, что они попали в стан хищников. Никто из них не знал, что «благодетельница» Компания разорит дотла и пустит по миру их потомков.

На окраинах Черного города стали возникать целые поселения ремесленников. Ткачи жили на Улице ткачей, которая теперь называется Ниниаппа-стрит. Со временем колония их расширилась и заняла район на берегу реки Коум, к югу от форта, — Чинтадрипет. На северной окраине теперешнего Джорджтауна жили отбельщики. До сих пор это место носит имя Уошерменпет — Улицы отбельщиков.

Кварталы ремесленников все время росли и расширялись. Для них Компания строила дома, привозила брахманов-жрецов и храмовых танцовщиц, открывала лавки и селила торговцев и парикмахеров. Индийские купцы стали строить для них храмы. К 1691 году в Черном и Белом городах обитало около 400 тысяч человек.

Первые камни фундамента будущей колониальной империи закладывались на улицах ткачей, прядильщиков, отбельщиков руками самих индийских ремесленников. Безналоговый сезон кончился довольно скоро. Касты левой руки познали всю тяжесть денежного обложения. Несколько раз они бунтовали, но солдаты из форта хорошо знали свое дело. Из Лондона в Мадрас один за другим шли корабли, груженные драгоценным металлом. Здесь из него делали золотые пагоды и серебряные рупии. Монеты вновь возвращались в форт или оседали в кованных ларцах на улицах каст правой руки, а ткани навсегда увозили на кораблях с белыми парусами куда-то в неизвестную далекую страну. Этих кораблей становилось все больше и больше, и неуклонно росла цифра

стоимости индийского экспорта из Мадраса: 1639 год — 25 тысяч рупий, 1704 год — 200 тысяч рупий, 1739 год — 2 миллиона 500 тысяч рупий.

Все длиннее становился рабочий день ремесленника, все внушительнее — размеры задолженности Компании, ростовщикам, купцам. Но к этому уже привыкли, и многие смирились. Довольствовались тем, что была крыша над головой, свой станок и инструмент, мешок риса и горшок масла, были красочные храмовые праздники и веселые танцовщицы. В Черном городе сменилось не одно поколение ремесленников, прежде чем пришла беда. Она была такой страшной, что голодные годы, войны и солдатский грабеж — все померкло перед ней. В далекой Англии заработали текстильные фабрики, и корабли больше не брали индийских тканей. Они везли в Мадрас дешевый ситец. Форт оказались ненужными тысячи ремесленников. На корабли теперь грузили хлопок, индиго, земляной орех. Растущая промышленность Британии требовала сырья, готовые изделия она могла производить сама.

Ростовщики первые беспокоились и потребовали вернуть им долги. Они отказывались от непроданных готовых тканей и нетерпеливо объясняли, что им нужны только деньги. А денег не было. Даже в Черном городе теперь покупали английский ситец, так как он был дешевле местного. За долги с аукционов сначала пошли ткацкие и прядильные станки, набивные доски, красильные чаны. Потом дома и имущество. Дотла разоренные, бывшие ремесленники Компании обивали пороги ростовщиков, торговцев, английских дельцов и чиновников. Но все они разводили руками и говорили, что ничем не могут помочь. Первые группы бездомных голодных людей заполнили узкие пыльные улицы Черного города. Они начали заниматься нищенством. Их потомки тоже стали нищими. Целые поколения нищих. Некоторые из них до сих пор живут на улицах Джорджтауна, прося милостыню у прохожих. Сначала перестали существовать улицы каст левой руки, а затем забыли о самих кастах. Ибо для нищих они уже утратили свое значение. Бывшие лидеры «левых» каст теперь тоже не вспоминали о них. Вместе с «правыми» они составили цвет Черного города. Некоторые из них завели свои мастерские. Чтобы не умереть с голоду, ремесленники стали наниматься в

них. Но мастерских было мало, а желающих спастись от нищеты и голодной смерти много. Позже часть из них была принята на текстильные фабрики Бинни.

Если вы пройдете по Ниниаппа-стрит, по Чинтадрипету, побываете в Уошерменпете, вы, конечно, и сейчас найдете там прядильщиков, ткачей и красильщиков. Но не забудьте при этом и улицы, где спят бездомные и бродят нищие. Это живые свидетели трагедии ремесленников Черного города.

Черный город еще прочно живет в современном Джорджтауне. Прошлое напоминает о себе на каждой его улице. С юга на север через Джорджтаун тянется знаменитая Минт-стрит. Это главная артерия ростовщических кварталов. Здесь же по соседству с ростовщическими конторами примостились мастерские мадрасских ювелиров и лавки торговцев драгоценными камнями. Вечерами по улице прогуливаются упитанные мадрасские буржуа в ослепительно белых дхоти и тюрбанах, отороченных золотой каймой. Женщины в дорогих сари ведут умытых и аккуратно причесанных детей. Они идут от лавки к лавке, подолгу сидят там на низких креслах, любовно перебирают рубины, изумруды, бриллианты, гранаты, Прицениваются, что-то откладывают, что-то покупают. Везде слышна тамильская речь, иногда говорят по-английски. За лавками и конторами высятся двух- и трехэтажные особняки с резными деревянными балконами. Острровершие черепичные крыши особняков чем-то неуловимо напоминают Европу.

Во дворах особняков и в глухих переулках Минт-стрит вы можете наткнуться на старые могильные камни. Меж трещин и потеков видна вязь древнееврейских букв. На этом месте было когда-то еврейское кладбище, а на Минт-стрит обитали еврейские купцы и ростовщики. К ней близко подходит улица Торговцев кораллами. Здесь тоже жили евреи. Сейчас трудно сказать, появились ли они вместе с Черным городом или несколько позже, но в ранних документах Ост-Индской компании, хранящихся в форту, они упоминаются. Это были еврейские купцы и ростовщики, приехавшие в Мадрас из Англии и Португалии. На Минт-стрит они торговали бриллиантами из Голконды, а на улице Торговцев кораллами — серебром и кораллами. Почти каждый из этих купцов держал ростовщическую контору. Когда копи в Голконде

истощились, алмазная торговля пришла в упадок. Еврейские купцы пытались заняться только ростовщичеством, но не смогли выдержать конкуренции тамильских четти и мудалиаров. Постепенно один за другим они покидали Черный город, отплывая на ост-индских фрегатах. Они оставили после себя могильные плиты, названия улиц и удачливых конкурентов, в чьих ярко освещенных лавках вечерами сверкают, переливаясь, цветные грани драгоценных камней.

От улицы Торговцев кораллами начинается Армянская улица. Здесь жили армянские купцы. На ней расположены банки и конторы. За решетчатыми воротами в глубине одного из дворов виднеется небольшая церковь. Ее так и называют: «Армянская церковь». Несколько раз я подходила к воротам, но они оказывались запертыми. Наконец мне повезло. Я толкнула решетку ворот, и они со скрипом открылись. От ворот к ступеням церкви бела каменная пологая лестница. В чисто подметенном дворе росли деревья с раскидистыми кронами, которые наполовину скрывали здание церкви. Над дверью я увидела знакомые буквы армянской надписи. Такие надписи мне приходилось встречать во многих местах в Мадрасе — в маленькой церкви около Малапура, в церкви на Малой горе, в католическом монастыре на горе святого Фомы. Дверь легко поддавалась, и я вошла внутрь. Шаги гулко отдавались в пустом церковном зале. Внимательные, чуть прищуренные глаза глянули на меня с потемневшего от времени портрета, висевшего на противоположной стене. Откуда-то сбоку послышались шаги, и кто-то остановился рядом со мной. Я обернулась. Молодой человек со светлой кожей и в безукоризненном европейском костюме вежливо сказал:

— Доброе утро. Вы интересуетесь этим портретом?

— Да, — ответила я.

— Это армянский купец Шаумир Султан. Он был одним из строителей этой церкви. Ее воздвигли, если вы знаете, в 1772 году на месте маленькой часовни, которую построили в 1712 году. А вы из какой страны? — поинтересовался мой собеседник.

— Из России.

— Ну, так мы с вами почти соотечественники. Я армянин.

— Вы священник? — в свою очередь спросила я.

— Не совсем, — улыбнулся человек. — Мне поручили присмотреть за церковью. Она теперь не работает. В Мадрасе осталось всего несколько армян. Две семьи. Я один из них, но скоро я тоже уеду. Возможно, в Сирию. У меня там много родственников.

— Я видела, — сказала я, — много армянских надписей в католических церквях Мадраса.

— Да, мы католики, — оживился человек. — В этом-то и была вся беда. Когда французы взяли форт, многих армянских купцов выселили из Белого города, и они стали жить здесь, в Черном. Им пришлось тогда продать свои дома купцам-протестантам. Идемте, я вам покажу старое армянское кладбище, оно тут же, во дворе. Это все, что осталось от армянской колонии Джоржтауна.

Мы долго ходили меж деревьев среди могильных плит.

Индийские армяне были выходцами из Персии. Они появились в Индии задолго до англичан и вели торговлю со странами Ближнего Востока. Армянские купцы хорошо знали Индию и торговое дело. Когда в Мадрасе обособилась Ост-Индская компания, армян начали использовать в качестве посредников. В 1688 году между армянскими купцами и Компанией был заключен договор. Им разрешили путешествовать на ост-индских фрегатах, селиться в Белом городе, их освободили, так же как и англичан, от налогов и пошлин. Многие мадрасские армяне были родом из Исфагана. Они продолжали вести торговлю с Персией. Из Мадраса ост-индские корабли, зафрахтованные армянами, везли драгоценные камни и тонкие дорогие ткани. Они же снабжали форт ароматными ширазскими винами, коврами, пахучими мазями и таинственными бальзамами. Некоторые из купцов имели собственные корабли и, так же как и многие в то время, занимались контрабандной торговлей.

Наиболее состоятельные купцы сделали немало для строительства города. Одним из них был Петр Ускан, умерший в 1751 году семидесяти лет от роду. Он построил Мармалонгский мост через реку Адьяр. На колонне моста до сих пор сохранилась надпись на армянском языке. Каменная лестница, которая ведет к католическому монастырю на горе святого Фомы, была воздвигнута на его деньги. Особого расцвета достигла армянская колония в XVIII веке. В 1704 году армянский священник

Арутюн Шмавонян основал первый журнал на родном языке. В Мадрасе печатались также и армянские книги.

Со временем, когда Ост-Индская компания перестала нуждаться в посредниках-купцах, армяне оказались в тяжелом положении. Не выдержав конкуренции европейских дельцов, они постепенно покидали Черный город. Армянская улица пустела, ее дома шли с аукциона, конторы и лавки закрывались. Теперь только название улицы, пережившее своих создателей, да надписи на армянском языке, разбросанные по городу, напоминают о том, что когда-то в Черном городе существовала богатая колония армян.

В Джорджтауне сохранилась улица со странным названием — Мур-стрит. Здесь стоит небольшая мечеть — явное свидетельство того, что жители улицы исповедуют ислам. Муры, или мавры, — так называли англичане индийских мусульман. Черный город был индусским. И только небольшой островок принадлежал мусульманам. Среди них были купцы, ремесленники, лавочники. Ост-Индская компания очень настороженно относилась к мурам. Она вела войны с мусульманскими правителями — с султаном Голконды, с навабом Карнатика, с майсурскими раджами Хайдар Али и Типу Султаном. Каждый мусульманин становился для нее потенциальным шпионом и врагом. Поэтому был даже издан указ, повелевающий «препятствовать мурам покупать слишком много земли в Черном городе». Положение несколько изменилось, когда наваб Карнатика переселился в Мадрас и Компания начала вокруг него свою бесчестную игру. Мусульманское население увеличилось, стали строить в городе мечети и отмечать пышными процессиями мусульманские праздники. Сейчас в городе процент мусульман незначителен. Когда в 1947 году по Индии прокатились кровавые индусско-мусульманские столкновения и погромы, Мадрас почти не был ими задет.

Венецианец Мануччи

Я уже третий день хожу по этой улице. Что я ищу? Кажется, опять прошлое. Вот и сейчас я иду мимо лавок Китайского базара. Когда-то здесь торговали тонким

фарфором и цветными шитыми шелками. Сворачиваю в узкий переулочек. Жаркий день близится к концу. Сиреневые сумерки наползают на дома, затопляют аккуратные дворики, прозрачной дымкой стелются в конце улицы. По прибитой недавним дождем пыли бродят коровы, меланхолично жующие жвачку. Усталые, наработавшиеся за трудный день рикши везут домой жителей Джорджтауна. Звонко в вечерней тишине цокают подковы низкорослых лошадок, везущих тонги. Тянет дымом очагов. В домах под черепичными крышами готовят ужин. В переулках желтым светом загораются пыльные фонари на низких столбах. Изредка то здесь, то там раздаются женские голоса. Матери зовут детей домой. Откуда-то плывет печальная мелодия одинокой флейты. Стоит тот удивительный час сумеречной тишины, когда дневная жизнь города замирает, а ночная еще не началась. Я останавливаюсь у приземистого дома с узким входом в подворотню. В открытых незастекленных его окнах видны люди.

— Мистер Раман! — зову я.

— Сейчас! — отзывается он сверху.

Потом он появляется в дверях дома, на ходу поддерживая дхоти.

— Да, мне уже говорили, — начинает мистер Раман. — Вы насчет дома того венецианца. Может быть, вам сегодня повезет больше. Я тут нашел человека...

Три дня я ищу на этой улице и в ее переулках дом венецианца Мануччи.

— Мануччи? — спрашивают меня. — Нет, о таком не слыхали. Он кто? Бизнесмен, адвокат или владелец лавки?

Я отрицательно качаю головой.

— К сожалению, не можем помочь. Мы знаем дома всех соседей. Но среди них нет венецианца Мануччи.

Накануне ко мне подошел старик. Его выцветшие глаза слезились, от крыльев длинного носа к тонкогубому рту шли две темные складки.

— Мне сказали, что вы ищете Мануччи. Мои предки были португальцами, но такого имени у нас никогда не упоминали. Вы, наверно, ошиблись.

— Нет, я не ошиблась.

Старик постоял в задумчивости. Потом потер пергаментной рукой лысый лоб.

— Не сходить ли вам к Раману? Он кое-что знает об этой улице.

Раман сказал: «Я тут нашел человека». И мы идем к этому человеку.

— Вот здесь, — говорит Раман.

На полу ярко освещенной книжной лавки сидит человек. Он поднимает голову и сквозь съехавшие на нос очки внимательно смотрит на нас. Мануччи? Ну, конечно, он знает его. Только это на углу соседней улицы. Он слышал, как говорили «дом Мануччи». Наверное, сам Мануччи там и живет. Сейчас вечер, и, очевидно, его можно застать дома. Хозяин лавки мелкими решительными шажками ведет нас по переулкам. Он даже не подозревает, какое фантастическое путешествие «в гости к Мануччи» предложил он мне.

Дом, к которому мы подошли, смотрел темными провалами неосвещенных окон на улицу. Он был достаточно велик, с традиционным внутренним двором и купой дедевьев, закрывавших облезлую торцовую стену. Никаких признаков его бывшего владельца. Возможно, это был другой дом, а может быть, и действительно дом Мануччи. На двери висел замок.

— Странно, — пробормотал владелец книжной лавки. — Вечерами обычно люди бывают дома. Хозяин, наверное, уехал.

— Да, он давно уехал из Мадраса, — сказала я. — И до сих пор не вернулся.

— Когда?

— В 1712 году.

Лавочник оторопело раскрыл рот. Очки в железной оправе вновь съехали на нос. Затем он пристально глянул на меня и дернул себя за ухо.

— Послушайте, так это, должно быть, тот Мануччи, что написал «Историю империи Моголов»?

Я утвердительно кивнула.

Плечи букиниста мелко затряслись, и он судорожно хватил несколько раз воздух ртом. Теперь он смеялся залиvisto, искренне, до слез. Раман, еще не понимая, в чем дело, невольно вторил ему.

— А я... а я... — захлебывался наш проводник, — повел вас к нему в гости. Я думал, что это кто-то другой. Ох!

И, неожиданно перестав смеяться, спросил:

— Два тома? В голубом переплете с золотым тиснением? Так?

— Все так.

— Да-а, — задумчиво протянул букинист. — А я и не подумал, что «дом Мануччи» имеет отношение к автору этой редкой книги.

Он обошел дом, бережно потрогал камни его стен и, уходя, несколько раз обернулся посмотреть на него.

Венецианец Никколо Мануччи прожил 20 лет в Мадрасе. Кем он был? Прежде всего яркой и своеобразной личностью. Его имя занимает одно из первых мест в истории исследования Индии. Его жизнь была полна захватывающих приключений, головокружительных авантур и опасных путешествий. В 1653 году четырнадцатилетним мальчиком он сбежал на зашедшей в порт каравелле из Венеции в Индию.

Мальчишка мечтал о далеких странах и путешествиях. И действовал решительно и бесповоротно. Через три года он оказался в Сурате, а затем пробрался в Дели. Там он поступил на службу в артиллерийские части Могольского императора. Но военная служба его не прельщала. Он страшно интересовался страной, в которой оказался. Ничто не проходило мимо его пытливого взора. Политические распри, торговля, обычаи, языки, характер народа — все привлекало пристальное внимание венецианца. Он заинтересовался индийской медициной и постепенно сам стал врачом. После ряда лет военной службы и скитаний он решил осесть в Лахоре. Однако спокойная жизнь врача вскоре наскучила ему, и его снова потянуло в скитания.

С войсками шаха Алама он отправился в Декан. Там его считали искусным врачом, и шах Алам дорожил чужеземцем. Но у шаха Алама он пробыл недолго. Легенды о бриллиантах Голконды не давали покоя Мануччи. Он попытался бежать, но его схватили и бросили в тюрьму. Но не таков был венецианец, чтобы отказаться от своих планов. Темной, безлунной ночью он, подкупив стражу, исчез из ставки шаха Алама. Он появился в Голконде, когда войска моголов уже стояли на пороге королевства. Там хитроумный и искусный венецианец быстро попал в доверие к королю Голконды Абдул Хассану. Он вылечил кого-то из членов его семьи, и Абдул Хассан ввел его в свой двор. Мануччи как врачу назначили ог-

ромное жалованье — 700 рупий. Казалось бы, все складывалось хорошо, а до алмазных копей рукой подать. Но однажды к Абдул Хассану провели человека, который, низко опустив голову, прикрыл лицо полой плаща. Что-то неуловимо знакомым показалось Мануччи в этом человеке. Когда человек вышел из дворца, Мануччи, прячась в узких переходах королевской цитадели, пошел за ним. Он увидел, как к человеку подвели коня и посланец в сопровождении нескольких воинов поскакал туда, где лагерем стояли войска могольского императора. Тогда он вспомнил, кто был этот человек. Приближенный шаха Алама, тот, который брал его под стражу. Мануччи понял, что приезжали за его головой. Он хорошо знал, что Абдул Хассан вряд ли устоит перед требованием могольского полководца. Ну, а если и устоит, то Голконда все равно обречена. Слишком неравны силы. Цитадель падет через несколько месяцев. И тогда... Но лучше не думать о том, что тогда. Он не поднялся больше по крутым ступеням к королевскому дворцу. На следующий день король не увидел венецианца среди своих придворных. Ему сказали, что Мануччи отбыл в Масулипатам к пациенту. Когда Абдул Хассану показался подозрительным слишком затянувшийся визит, было поздно. Ост-индский фрегат уже принял на свой борт загорелого венецианца в индийских одеждах. Голкондский король понял, что потерял ценного заложника.

Мануччи почувствовал себя спокойно, только когда увидел с палубы корабля стены английского форта. Но пробыл он там недолго. Английский снобизм и благочестие не пришлись ему по душе. Атмосфера форта с ее ограничениями и регламентацией угнетала Мануччи. Он узнал, что в Пондишери живет его друг — Франциск Мартин. Без особого сожаления он покинул форт. Крупный чиновник Мартин даже прослезился, когда увидел на пороге своего дома Мануччи. Он помнил, что тот занимал высокие должности при императорских дворах и был не раз полезен европейцам. Однако историю бегства венецианца он выслушал уже с меньшим энтузиазмом. Перед ним, оказывается, был не влиятельный богатый врач, а бездомный скиталец. И это в сорок лет, когда мужчина уже должен иметь семью и положение.

О положении друга он заботиться не стал, а вот семья — дело иное. У Мартина была на примете в Мадра-

се молодая вдова Томаса Кларка. Дама среднего достатка, с хорошим домом. Чего еще желать? Знакомство с вдовой было коротким, и в октябре 1686 года Мануччи обвенчался с ней. Он поселился в том доме, куда меня водил букинист. Вдова Кларка через некоторое время поняла, что сделала не очень выгодную партию. Новый муж был странным человеком. Он не любил бывать в обществе английских чиновников, купцов и офицеров. Часто целыми днями пропадал в туземных кварталах Черного города, заводил там друзей. Иногда проводил вечера на берегу океана, пристально всматриваясь в гаснущую линию горизонта. Приводил в дом чужих людей в пропыленных на дальних дорогах сандалиях и о чем-то жадно выспрашивал их. А после их ухода часами сидел неподвижно, уставив глаза в одну точку. «Может быть, он порченый?» — не раз думала бывшая миссис Кларк. В церковь он почти не ходил. Все это было бы не так скверно, если бы не главная беда. Он писал. Писал много и с увлечением. Вся его конторка была завалена бумагами. Такое можно было бы простить человеку, ведущему деловую переписку. Но синьора Мануччи знала, что у мужа не очень обширная корреспонденция. Даже соседям и знакомым она не могла объяснить, чем же в конце концов занимается Мануччи.

— Может быть, он из тех, которые пишут книги? — спрашивали ее.

Синьора Мануччи поджимала губы и печально молчала. На писателя, по ее мнению, муж не был похож. Он вообще не был ни на кого похож. Этот венецианец, с позволения сказать европеец, ел индийскую пищу и ходил в индийской одежде. Она чувствовала относительное спокойствие только тогда, когда муж отправлялся к своим пациентам. Это занятие она понимала. За него платили золотыми пагодами и серебряными рупиями. Она очень радовалась, когда за синьором Мануччи присылали из форта. Там считались с его советами. Говорили, что он знает Индию, как никто другой. Ну еще бы! Если человек с четырнадцати лет болтается по этой жаркой и безумной стране!

В советах Мануччи нуждались английские губернаторы. Они обсуждали с ним вопросы, касающиеся Могольской империи, читали ему переписку с императором и требовали комментариев, посылали его ко дворам

местных раджей, всегда уверенные, что порученное будет выполнено. Заставляли переводить с персидского и урду выкраденные во дворцах мусульманских правителей важные документы. Посылали с ним ящики мадеры навабу Карнатика. Да разве все перечислишь, что приходилось делать Мануччи в Мадрасе. Он делал все, кроме карьеры. Слишком строптив и резок во мнениях был венецианец. В форту этого не любили. Губернатор, пользовавшийся его советами, презрительно кривя губы, сквозь зубы цедил на Совете Компании:

— Да, да, кое-что было сделано полезного. Но сама личность весьма странная. Врач — не врач. Бродяга — не бродяга. Да еще, говорят, что-то пишет. Весьма подозрительно.

Мануччи не верили. Венецианец, — значит, католик. Отсюда до французского шпиона рукой подать. Знает персидский, говорит с навабом без переводчика. Может предать Компанию. Общается с индийцами, принимает у себя чужих, не передает ли через них секретные сведения императору? Поведение, облик этого человека не укладывались в рамки традиционного представления обитателей форта о европейце в Индии. Он не сгибался в подобострастном поклоне перед губернаторами, не смотрел заискивающе в глаза членам Совета, не гонял контрабандистских кораблей по Бенгальскому заливу, не брал взятки у карнатикского наваба, не воровал драгоценных камней у индийских купцов, не штурмовал с окровавленной шпагой в руках столицы ослабевших княжеств, не срывал золотых браслетов с запястий мертвых жертв. Он лечил, путешествовал и писал. Синьора Мануччи ошиблась. Ее муж был писателем. Двухтомная «История империи Моголов» — великолепный рассказ о том времени — пережила английских губернаторов и могольских императоров. Это по ней теперь узнают «дом Мануччи», бывшее владение бывшей миссис Кларк. Голубой переплет с золотым тиснением. Десятилетний труд странного чудака из далекой Венеции.

Но Мануччи не суждено было увидеть эту книгу. Тогда книги издавались тоже очень долго. «История империи Моголов» увидела свет только в 1752 году. Ее автора уже давно не было в живых.

В 1708 году траурный кортеж проводил в последний путь синьору Мануччи. И вновь дороги стали звать вене-

цианца. Он охотно принимал все предложения о длительных поездках, а дом на углу Китайского базара вечерами смотрел темными провалами неосвещенных окон. Он ненадолго возвращался в Мадрас, потом снова исчез. В 1716 году он написал прошение в Совет Компании. Мануччи хотел обратить свое недвижимое имущество в бриллианты. Ему разрешили. Операция заняла немного времени. Аккуратно сложив некрупные камни в кожаный мешочек, Мануччи вновь ступил на палубу корабля. Это все, что он мог увезти с собой из сказочно богатой Индии. Теперь на палубе стоял не четырнадцатилетний мальчик и не сорокалетний мужчина в полном расцвете сил, а старик, которому было далеко за семьдесят. Он отказался от мысли уехать в Европу. Там он был чужим. Но Индия по-прежнему манила его своими дорогами. Он высадился в Пондишери, и это был его последний след. Никто точно не знает, когда и где он умер. Была ли это палуба корабля, придорожная харчевня, караван, пересекающий пустыню Раджастхана, или временное пристанище лекаря при дворе какого-нибудь индийского правителя.

Он оставил Мадрасу «дом Мануччи», а миру — два тома в голубом с золотым тиснением переплете.

Перри Мадрасский — свободный купец

Пожелтевший лист рисовой бумаги. Выцветшие чернила. Написано:

Лицензия. Дата регистрации — год 1789.

Имя и фамилия — Томас Перри.

Занятие — купец.

Место рождения — Уэльс.

Откуда и когда прибыл — Англия, 1788 год.

По чьему разрешению — по разрешению губернатора.

А вот сообщения из «Мадрасского курьера»:

Среда, 14 июля 1790. Форт Сент Джордж. «Настоящим уведомляется, что на основании заявления, представленного в уважаемый суд мэрии, имение и имущество покойного Эдуарда Сеттера отходит к господину Томасу Перри как кредитору вышеозначенного покойного».

Среда, 28 июля 1790. Форт Сент Джордж. «Продается большой и вместительный дом, расположенный внизу Корт-стрит, собственность Уильяма Огустуса Доббина, эсквайра. За разъяснениями обращаться в контору „Чейз, Перри и К^с“».

Среда, 1 декабря 1790. Форт Сент Джордж. «Согласно решению суда имение и имущество покойного капитана Ричарда Истленда передается компании „Чейз и Перри“ Лицам, задолжавшим покойному, следует выплатить соответствующие суммы вышеозначенным джентльменам».

Среда, 30 марта 1791. «Капитан Грейс имеет честь довести до сведения подписчиков на его труд, что книги высылаются в Мадрас через компанию „Чейз и Перри“».

Среда, 1 июля 1791. Форт Сент Джордж. «Датский корабль „Минерва“, капитан Д. Гринвей, отправляется в Европу в начале декабря. Он хорошо оборудован и имеет прекрасные каюты для пассажиров. Желаящие приобрести билеты будут иметь удовольствие обратиться в контору „Чейз и Перри“».

Так начинал Томас Перри — свободный купец. А кончил? Впрочем, конца еще нет. А есть: Угол Перри в Мадрасе, занимающий солидную территорию Джорджтауна, конфеты «Перри», печенье «Перри», лекарства «Перри», химические удобрения «Перри», управляющие агентства компании Перри, экспортно-импортная контора Перри, фабрики Перри, пароходные агентства Перри, авиаагентства и, конечно... миллионные прибыли.

«Перри, Перри, Перри...» — эти слова читаешь в Мадрасе на каждом шагу. Они светятся холодным неоном над Джорджтауном, глядят на вас с газетных полос, сверкают свежими красками на стенах домов, несутся из репродукторов. «Перри, Перри, Перри...» — посылает в темное тропическое небо пляшущие пунктиры букв многоэтажное здание «группы компаний Перри». Вряд ли такое когда-нибудь могло присниться или привидеться английскому свободному купцу. Но жизнь иногда бывает щедрее и богаче наших снов.

Это была старинная уэльская семья, связанная побочным родством с королями. Глава семьи — Эдвард Перри, эсквайр, — владел домом, где с незапамятных времен жили его предки. Дом прочно стоял на фундаменте из груботесаного камня, в щелях которого прорастал мох и пробивалась трава. В холодные мрачные ком-

наты с тяжелой дедовской мебелью просачивался свет сквозь окна, забранные в узкие амбразуры, и лежался тусклыми бликами на потемневшие от времени портреты предков. Вечерами Эдвард Перри, эсквайр, при свечах читал многочисленному семейству Библию. Томас был седьмым ребенком. Когда ему исполнилось пять лет, Библию уже читала мать — бледная, измученная заботами женщина. Отец покоем на тихом деревенском кладбище неподалеку от дома предков.

Семейство Перри, в жилах которого текла королевская кровь, торговлей не занималось. Но младший Томас был, видимо, сделан из другого теста. Ему не исполнилось и двадцати лет, когда начался знаменитый процесс Хейстингса. Миллионы фунтов стерлингов, награбленные в Индии Уорреном Хейстингсом и его сподвижниками, кружили Томасу голову. Он жадно слушал рассказы о таинственной Голконде и ее алмазных копиях. Набобы и самый удачливый из них, Пол Бенфилд, вызывали у него чувство острой зависти. Он стал мечтать об Индии, и эти мечты не давали ему покоя. В Индию вели три дороги: торговая, чиновничья и армейская. Корпеть младшим писцом Томасу не хотелось. Проливать драгоценные капли королевской крови на полях сражений он также не желал. Оставалось последнее — стать купцом. И он им стал. Родственники выхлопотали ему в Лондоне лицензию свободного купца. Компания неохотно давала разрешения на частную торговлю, но Перри повезло.

Нескладный бледный юнец с длинной прыщавой физиономией и жестким взглядом светлых глаз был перевезен вместе с другими пассажирами в лодке на берег. Форт встретил его учебной пальбой мушкетов и грозно поднятыми жерлами батарей. Шла война. В Пондишери стоял французский флот, готовый в любой момент блокировать форт. В Серингапатаме Типу Султан готовил свою армию к решающему удару. Однако ни мушкетная пальба, ни до блеска начищенные пушки не взволновали свободного купца. Он пристально всматривался в ряды торговых зданий и складов, примыкавших к стене форта. Это был его мир. В Белом городе Перри обнаружил церковь, библиотеку, газету «Мадрасский курьер» и множество таверн, где торговали ветчиной и сыром. По улицам города во всех направлениях двигались различных

размеров и форм паланкины. Темнокожие слуги держали над паланкинами огромные раскрашенные зонтики. И Перри понял, с чего надо начинать. Он приобрел себе паланкин, раскрашенный зонтик и несколько десятков темнокожих слуг. Компаньон по торговым делам появился несколько позже. Это был чиновник Компании Чейз. Так возникла компания «Чейз и Перри». Компания разместилась в тесной комнате дома, стоявшего за стеной форта. Перри с почтением взирал на своего компаньона, поднаторевшего в индийских делах. Первые торговые операции новой компании не принесли особых выгод. Теперь младший компаньон смотрел на Чейза уже без почтения. В его светлых глазах затаилась насмешка. Чейз невольно вжимал голову в плечи, когда встречал этот взгляд. Потом он узнал, что Перри без его ведома дает займы деньги под высокие проценты. И тогда произошла первая размолвка. Старший компаньон кричал на Перри и грозил разрывом. Но тот сидел на высоком табурете, спокойно покачивал ногой, обутой в тупоносый башмак с блестящей пряжкой. Потом он поднялся и, не обращая внимания на гнев патрона, направился к выходу.

— Куда вы? — крикнул тот.

Перри остановился в дверях, смерил взглядом низкорослую фигуру Чейза и процедил сквозь зубы:

— Если один партнер — идиот, то почему должен страдать другой? Вы достаточно взрослые, чтобы понять, что ростовщичество — это деньги, а деньги — это все.

Чейз судорожно хватил воздух узкогубым ртом. Разрыва не произошло, а компания «Чейз и Перри» занялась ростовщическими операциями. За короткое время многие ост-индские чиновники и местные раджи оказались должниками Чейза и Перри. И тогда «Мадрасский курьер» стал печатать объявления и сообщения, которые приведены в начале главы. Так впервые появилось имя свободного купца Перри на страницах мадрасской прессы. Перри понимал, что Чейз не даст ему развернуться. Чейзу не хватало сообразительности, смелости и размаха. В 1792 году Перри покинул своего патрона. А через несколько лет в Черном городе открылась банковская и ростовщическая контора. «Томас Перри и К^о» — красовалась вывеска над ее входом.

Человека с длинным бледным лицом и светлыми

жесткими глазами теперь хорошо знали в Мадрасе. Его паланкин неумоимо сновал по улицам Черного и Белого городов. Перри появлялся в домах своих должников. Исподтишка бросал оценивающие взгляды на мебель, картины, ковры и женские украшения. Он никогда не давал отсрочки. Все знали, что просить его об этом бесполезно. Он спускал с молотка виллы, городские дома, дорогую утварь. Его боялись и ненавидели, но неизменно прибегали к его «помощи». Длинными холеными пальцами с плоскими ногтями он отсчитывал золотые и серебряные монеты клиенту и запирал в железный ларец очередную расписку или закладную. Точно в срок расписки и закладные извлекались из ларца. Он хладнокровно оставлял должников без жилья, вдов и детей без наследства, стариков без надежды вернуться домой, Это его не касалось. Свободный купец вел свое дело. Он скупал бриллианты, изделия из золота, покупал корабли и отправлял их с товарами на Цейлон, в Кочин, в Лондон. Он аккуратно посещал церковь в форту и во время проповедей подсчитывал, сколько должников находится среди ее прихожан. Целые дни он проводил в конторе, отлучаясь только по неотложным делам, покрикивал на клерков и вычитал рупии из их скудного жалованья за малейшую провинность. Каждый вечер он садился за толстую конторскую книгу, куда вносил все свои доходы и расходы. В душном жарком воздухе ровно горело пламя свечи. Москиты и ночные бабочки облаком вились над огнем. Но Перри не обращал на них внимания. Он колдовал с цифрами, стараясь постичь их таинственную закономерность. Цифры незримо связывали его с железным ларцом, где лежали расписки и наличность. Суммы его прибылей росли с каждым годом, но он скрупулезно вносил в толстую книгу каждую цифру. Все было подсчитано и ничего не упущено. Покупка дюжины вилок и фрахт корабля, приобретение нового дома для конторы и расход на голову сахара, прибыль за месяц и оплата счета портному. Все внесено до последнего пенса. Эту книгу он запирал в потайной шкаф. Никто не смел к ней прикасаться. Лишь однажды на несколько дней были забыты и книга и ларец. В 1794 году он женился на Мэри Пирс, дочери служащего Ост-Индской компании. Прямой, в узком черном сюртуке с высоким воротником, он стоял рядом с ней в церкви святой Марии и нетерпеливо

поглядывал на патера, который слишком долго возился с обручальными кольцами. Прямо из церкви он отправился в контору. И так слишком много времени он потратил на ненужные приготовления и церемонии. Жена и появившиеся потом дети стали неотъемлемой частью его имущества. Но они занимали в его жизни гораздо меньше места, чем толстая конторская книга и железный ларец.

Он был всегда в курсе всех событий в Мадрасе. Ничто не ускользало от жесткого взгляда его глаз. Когда наваб Карнатика получил английское «покровительство», Перри понял, какие возможности предоставляются ему. Глава солидной фирмы, он поступил на службу в казначейство наваба. Это произошло в 1796 году. Наваб положил ему солидное жалованье — 1050 фунтов в год. Потом он его удвоил. Хитрый и смелый, алчный и проницательный, Перри быстро вошел в доверие к навабу. С этого доверия он получал высокие проценты в золоте и драгоценных камнях. Он понимал, что дни карнатикского наваба сочтены, и старался урвать как можно больше. Свободный купец, он не привык обращать внимания на своих партнеров и упустил из виду, что «партнером» в делах наваба у него оказалась сама Ост-Индская компания. Чиновники не простили ему его предприимчивости и сомнительных средств. Ост-Индская компания становилась сильным хозяином в городе, и свободный купец вызывал раздражение даже у лондонских директоров. В 1800 году Перри было предложено немедленно покинуть Мадрас и отправиться в Англию. Но настал период дождей, и ост-индские фрегаты стояли на причале в мадрасской гавани, пережидая время бурь и циклонов. Перри тоже переждал их. Когда же первый фрегат поднял якорь, над головой свободного купца уже было чистое и ясное небо. Он остался в городе. Через несколько месяцев было аннексировано карнатикское княжество. Перри потерял место в казначействе, но не потерял присущее ему присутствие духа. Он предъявил иск Компании. Оказывается, наваб в течение трех лет не платил ему жалованья. Наваб был мертв, и никто не мог сказать, как было на самом деле. Перри потратил на это тринадцать лет и фунт за фунтом получил нужную сумму. История умалчивает о том, было ли это действительно его жалованье или просто деньги, полученные обманом. Скорее всего последнее. Ибо Пер-

ри был одним из главных сообщников добачи Паупии. Казначей наваба, который мешал Перри и Паупии, был обвинен ими и устранен от должности. Тогда Перри не поспешил на подкуп лжесвидетелей. Правда, против него потом выступили сильные дельцы, и ему вновь предложили покинуть Мадрас. Но Перри был не из пугливых. Он хорошо понимал, чем для него стал Мадрас. В старый дом предков в Уэльсе его никогда не тянуло. Казне свободного купца был нанесен определенный урон, но зато вывеска «Томас Перри и К°» осталась нетронутой на новом здании фирмы в Черном городе.

Деньги наваба были пущены в оборот. Около гавани рядом со зданием фирмы появились склады Перри и различные его конторы. Это были двухэтажные дома, которые стали потом центром разросшегося Угла Перри. Старый бронзовый телескоп, от времени пришедший в негодность, до сих пор сохранился на верхней веранде одного из этих домов. С его помощью судовладелец Перри наблюдал за сигналами своих кораблей. Корабли были его страстью. Они приносили ему больше, чем служба у наваба, чем ростовщические или банковские проценты. Он посылал их, груженные зерном, на Борнео, Яву, Филиппины, к мысу Доброй Надежды. Там в это время голодали. Корабли давали 300—400 процентов прибыли. Голод работал на таких, как Перри. Правда, трудновато было ладить с капитанами. Грант стоил ему, например, целого корабля «Маркиза Уэллсли». Перри не любил вспоминать эту историю. Его обманули. Но «противник» был достоин своего хозяина. Капитан Грант спалил корабль с грузом ценной пшеницы. Вскоре после этого он умер в Бомбее, оставив огромное состояние своей вдове и детям. Перри подозревал его в том, что он продал сначала его пшеницу, а потом поджег корабль. Купец понес убыток на 350 тысяч рупий. Он пытался судиться с вдовой Грант, но из этого ничего не вышло. С трудом ему удалось получить страховые деньги.

...Ранним погожим утром в контору Перри вошел человек. Загорелый, с резкими морщинами у рта, он чуть припадал на правую ногу. Слуга, сидевший под дверью кабинета хозяина, вскочил.

— Как доложить, сэр?

Вошедший плечом отодвинул слугу и открыл дверь.

— Капитан Дэлримпл, — с порога представился он.

— Чем могу быть полезен? — холодно спросил Перри, неохотно оторвавшись от бумаг.

— Есть одно дельце, — ухмыльнулся капитан, без приглашения усаживаясь на стул с высокой спинкой.

«Дельце» оказалось стоящим. Капитан Дэлримпл водил корабли к островам Фиджи. У одного из них в лагуне он обнаружил жемчужные раковины. Много раковин. Жемчуг был крупный, лучшего качества. Капитан небрежно бросил на конторку Перри несколько зерен. От его взгляда не укрылось, как дрогнули холеные пальцы купца, проворно схватившие жемчужины. Дэлримпл знал, что с ним надо держать ухо востро. Хозяин таверны, где он провел вчерашний вечер, предупредил его.

— Где это? — хрипло спросил Перри.

— Не спешите так, сэр, — ироническая усмешка тронула уголки губ капитана. — Сначала послушайте, чего я хочу.

Дэлримпл хотел иметь корабль с ныряльщиками и долю в жемчужном промысле. Перри хотел иметь координаты острова. Два мошенника уперлись лоб в лоб. Ни один из них не верил другому. В течение месяца в конторе Перри разыгрывалась извечная драма человеческих страстей. Драма называлась «Волк, коза и капуста». Каждая из высоких договаривающихся сторон желала получить свое первой. Дэлримпл — корабль и ныряльщиков, Перри — координаты острова. Но первому доставалось все: и остров, и корабль, и ныряльщики. Вторым никто не хотел быть. Поэтому жемчужный промысел призрачной мечтой проплыл мимо конторы Перри.

Свободные купцы Мадраса занимались только торговлей. Никто из них не помышлял о создании промышленных предприятий. Перри держался иной точки зрения. Он знал, как дешевы рабочие руки и сырье в этой стране. Не обращая внимания на насмешки коллег, он стал строить кожевенную фабрику в Мадрасе. И не ошибся. Фабрика в первый же год принесла высокую прибыль. Ост-Индская армия нуждалась в грубых солдатских ботинках. Потом компания Перри открыла мастерскую по производству чулок.

Когда стала очевидной выгодность плантационного хозяйства, Перри стал скупать плантации — сахарные, индиговые, кардамоновые. Через его руки проходили сот-

ни тысяч рупий. Железный ларец был давно заменен более солидным местохранилищем для денег. Но толстая конторская книга осталась. Как и в первые годы, он садился по вечерам и записывал туда свои расходы и доходы. Книга удерживала на своих страницах все: долю капитала партнеру, плату личному парикмахеру и паланкинщику, расходы по ремонту пианино, жалованье садовнику, оплату счета за столовое вино, покупку пары башмаков младшему сыну.

Миссис Перри он выдавал деньги на домашние расходы и требовал каждый раз отчета. Он недоволен поднимал брови, когда жена выбивалась из установленного им бюджета. Ему и так дорого обходилась семья, и он не намерен был потакать расточительности. Каждый раз одно и то же. Деньги на то, деньги на другое. Когда лицо жены становилось несчастным, он понимал, что ей опять нужны деньги. Она ссылалась на то, что дети растут и им нужна новая одежда и ботинки. Сначала просящие глаза жены вызывали у него раздражение. Потом они стали ему ненавистны. Он не желал больше видеть ни ее, ни этих глаз. Дети не оправдали его надежд. Ни в одном из них он не чувствовал достойного преемника. Он вспомнил о старом каменном доме в Уэльсе. Весной 1807 года ост-индский фрегат принял на свой борт семью Перри. Томас в последний раз увидел несчастное лицо жены и ее руки, бессильно лежавшие на поручнях. Он никогда больше с ней не встретился. Перри регулярно посылал содержание семье. Никто не мог назвать его плохим отцом. Он высылал столько, сколько считал нужным. Женщина с просящими глазами была далеко, в Уэльсе, в мрачном доме его предков. Теперь его никто не беспокоил.

В 1810 году партнером Перри стал Дейр. Перри никогда об этом не жалел. У них было на двоих сто тысяч рупий капитала. К 1819 году капитал учетверили. К этому времени за ними прочно утвердилась слава богатых банкиров, кораблевладельцев и корабельных агентов. В Кочине им принадлежала корабельная верфь. В Мадрасе они держали семь доходных домов. Губернатор в Форту святого Георгия теперь считал за честь принимать у себя Перри. Индийские банкиры и ростовщики подобострастно ловили взгляд его светлых жестких глаз и преподносили ему дорогие подарки. В церкви он сидел

на собственной скамье, и священник, перед тем как начать службу, почтительно раскланивался с ним. В муниципалитете при его появлении вставляли уважаемые олдермены. В качестве почетного гостя он присутствовал на открытии миссионерских школ, сиротских приютов, богаделен. Каждый клуб желал видеть его своим членом. Его стали называть Перри Мадрасский. Прямой, в неизменно черном сюртуке, он гордо нес этот титул сквозь почтительный шепот и поклоны, сопровождавшие его появление. В 1824 году он отправился инспектировать свои индиговые мастерские, расположенные в Южном Аркоте. Там в это время свирепствовала холера. Перри слишком верил в свою звезду. На этот раз она его подвела. Холера не разбиралась в чинах и положении. Он умер в Порто-Ново и был похоронен в гудалурской церкви. На плите высекли надпись: «Здесь покоятся останки Томаса Перри Мадрасского, эсквайра, который умер в Порто-Ново 14-го дня августа 1824 года в возрасте 56 лет».

Но на этом история Перри не закончилась. Наследники и потомки продолжили его дело. Давно была ликвидирована Ост-Индская компания, над миром прокатились две войны, индийский флаг взвился над Фортom святого Георгия. А компания Перри все росла, захватывая Джорджтаун, и постепенно выбиралась за границы Мадраса. Она строила новые предприятия во время первой мировой войны, наживалась на спекуляциях зерном в голодные годы второй мировой войны, прибрала к рукам обанкротившиеся английские фирмы после независимости.

— Как теперь идут дела? — спросила я одного из управляющих компании в Мадрасе.

— Не так уж плохо, — ответил он. — Правда, сейчас стало труднее. Приходится считаться с индийскими дельцами. Но работать можно. Еще пока можно, — уточнил управляющий.

Фабрики Перри разбросаны по всему штату. Фирма владеет банками, магазинами, механическими мастерскими, управляющими агентствами. Ее конторы занимаются сбытом товаров из Лондона, Парижа, Торонто, Амстердама, Сан-Франциско, Мельбурна, Сингапура. Пароходные агентства Перри обслуживают десять пароходных компаний. Авиаагентства фирмы имеются на важнейших международных авиалиниях: Эр Франс;

Эйр Индиа Интернэшнл, линиях Британии, Скандинавии, Дании, Америки.

Отделения и филиалы фирмы находятся в десятках индийских городов. Среди них: Калькутта, Бомбей, Дели, Бангалур, Кочин, Утакаманд, Хайдарабад. Тысячи рабочих и служащих заняты в конторах и на фабриках компании Перри. Чистые прибыли фирмы исчисляются миллионами рупий. 1950 год принес ей 3 миллиона, затем идут цифры 4, 2 и снова 3. Часть этих денег навсегда уходит из страны. Перри продолжает свое дело.

В холле многоэтажного Дома Дейра, главного офиса фирмы, висит портрет. Жесткий взгляд, тяжелый подбородок, тонкие губы. Белый шелковый галстук небрежно откинут на высокий воротник сюртука. Это Перри Мадрасский.

Знакомьтесь: Бинни

Мягкая ковровая дорожка заглушает шаги. Вдоль коридора тянутся белые двери с до блеска начищенными медными ручками. От двери к двери снуют клерки. На них отглаженные брюки, галстуки модных расцветок. Волосы аккуратно напомажены бриллиантином. На папках, которые они бережно несут из комнаты в комнату, эмблема фирмы. Каравелла, венчающая голубой диск земного шара. Эта каравелла плывет по последним рекламным страницам мадрасских газет, пересекает вывески модных магазинов, поблескивает золотыми парусами на тысячах штук тканей. Каравелла и голубой земной шар — символ английской компании Бинни.

По широкой лестнице я поднимаюсь на второй этаж. Вежливый клерк с безукоризненным пробором-ниточкой почтительно склоняет голову.

— Старший клерк мистер Унникришнан? Пожалуйста, вторая дверь направо. Вы первый раз в здании нашей фирмы? Не беспокойтесь, я вас сейчас проведу.

Он вводит меня в большую светлую комнату. Над потолком бесшумно вращаются фены. Легкий морской бриз шевелит бумаги, лежащие на письменном столе. Из-за стола поднимается мистер Унникришнан, старший клерк.

Улыбка гостеприимного хозяина приклеена к лицу. Однако глаза смотрят настороженно и выжидающе.

— Чем могу быть полезен?

Я объясняю.

— Бэкингемская и Карнатикская фабрики? Значит, вы ими интересуетесь? Ну что же, садитесь, поговорим. Вы знаете, это крупнейшие текстильные фабрики Индии, гордость нашей фирмы. Мы выпускаем 90 миллионов ярдов тканей в год. Ах, вы не об этом? Посмотреть? Фабрики хотите посмотреть? Простите, а из какой вы страны? Из Штатов?

— Нет, из Советского Союза.

На какую-то долю секунды глаза старшего клерка становятся задумчивыми.

— Ну да, конечно, — спохватывается он, — конечно, вам будет интересно. Мы постараемся это устроить. Нас недавно посетил герцог Эдинбургский.

Мистер Унникришнан нажимает кнопку звонка. Появляется тот же клерк с пробормотанной ниточкой.

— Пожалуйста, принесите мадам наш буклет.

Я перелистываю глянцевые страницы буклета и рассматриваю цветные фотографии.

— Вот, — подсказывает мне мистер Унникришнан, — его королевское высочество герцог.

Я вижу эскорт автомобилей,двигающихся между заводскими корпусами. Дорога пустынна, и только полицейские в красно-синих тюрбанах вытянулись у стен. Вот мистер Хантер, председатель компании, пожимает высочайшую руку. Этой чести удостоивается мистер Лоу, директор компании. Потом все трое сняты на фоне низкой спортивной машины с королевским штандартом. Я вижу Филиппа Эдинбургского около начищенных станков, рядом с белоснежными кипами хлопка, рассматривающего штуки готовой ткани. Он окружен элегантно одетыми джентльменами и их женами, ловящими каждый взгляд его королевского высочества. И наконец, прощальный взмах владетельной британской руки.

— Ну как? — спрашивает мистер Унникришнан. — Мы можем вам показать фабрики, как и герцогу. Нам нечего скрывать.

— Простите, я не герцог. Мне бы хотелось посмотреть фабрику по-иному. Ни на одном снимке я не видела тех, кто работает у ваших станков.

— Вы имеете в виду рабочих?

— Да.

— Ах, это! — длинные пальцы старшего клерка делают в воздухе какой-то неопределенный жест. — Вы считаете, что это необходимо? Хорошо, мы об этом подумаем. Я как-то не учел ситуации сразу. — И он выразительно смотрит на меня.

Мистер Унникришнан думал долго. Так долго, что мне окончательно стало ясно — я не герцог Эдинбургский. Мне не отказали. Нет. Помилуйте. Мы же образованные люди. Мы все понимаем. Будьте добры, подождите. Уезжаете? Когда? Так, так.

Мне разрешили посетить фабрики через неделю после намеченного отъезда. Не можете? Очень сожалеем. Мы сделали все, что могли.

В конце концов фирма Бинни мне не указ.

...Низкое задымленное небо. Обшарпанные, с потеками стены приземистых длинных фабричных корпусов. Прокопченный асбест крыш. Жирная копоть наполняет воздух, плывет над фабричными дворами, оседает на тесных рабочих бараках, на глинобитных, крытых рисовой соломой хижинах. Здесь район трущоб. Около вонючей лужи возятся полуголые ребятишки. Исхудавшие женщины в застиранных сари стоят с медными кувшинами в очереди к колонке. Возле темных грязных харчевен толкуются мужчины. На них латаные рубашки и выцветшие шорты. Откуда-то слышится пыхтение и свистки паровоза. Вдоль узких пыльных улиц тянутся глухие стены складских помещений. Низкие каменные изгороди отделяют фабричные корпуса от рабочих кварталов. Оттуда, из корпусов, идет ритмичный, ни на минуту не затихающий шум. Временами в него врываются крики грузчиков, укладывающих тюки с тканями на ручные тележки. Раздается лязг железа. Тележки, груженные доверху тюками, медленно ползут от фабричных ворот к складам. Тяжелый жаркий воздух заполняет улицы. Так выглядит Перамбур, где расположены знаменитые мадрасские фабрики: Бэкингамская и Карнатикская — «Бэкингам энд Карнатик Миллз».

Перед каменным баракom, окна которого занавешены грязной мешковиной, на корточках сидит старик. Узловатые руки, покрытые коричневой морщинистой кожей, бессильно лежат на острых коленках. Слезящимися гла-

зами он всматривается в сумрачную даль улицы. Я уже прошла мимо него, когда услышала за собой надтреснутый голос:

— Добрый день, мэм!

Я подошла к старику.

— Фабрику смотрели? — поинтересовался он.

— Походила вокруг.

— А внутрь и не надо. Я сорок лет был внутри. В красильном отделении. Смотри: пар и краска мне выели глаза. Теперь плохо вижу.

— Вы здесь живете? — кивнула я на окно, завешанное мешковиной.

— Здесь, здесь, — подтвердил старик. — Вон мои внуки.

Два мальчика лет семи-восьми и девочка лет пяти гоняли в пыли тряпичный мяч.

— Родители их на работе. Теперь мой сын работает в красильном цехе. Я ничего уже не могу делать. Меня кормят, и то хорошо. Но на рис не всегда хватает. Всего 120 рупий. А нас семь человек. Да за квартиру надо отдавать 30 рупий каждый месяц.

— И все так здесь живут?

— Большинство. Но есть и победнее нас. Все они работают на фабрике. Работали, когда были англичане. Работают и сейчас. Тоже на англичан. Слышали о компании Бинни? Бинни — это великое имя. — Старик о чем-то задумался и, казалось, перестал меня замечать.

— Я пойду, — сказала я.

— Иди, иди, — вновь встрепенулся он. — Посмотри на фабрики. Они дают нам жизнь и отбирают ее. — Старик что-то забормотал и прикрыл глаза морщинистыми веками.

Бинни. Легкая каравелла на голубом диске земного шара. Миллионы ярдов отличной ткани. Безукоризненная вежливость клерков в свежих нейлоновых рубашках. Малиновый блеск лакированного автомобиля герцога Эдинбургского. Жирная копоть узких фабричных улиц. Сотни и тысячи изможденных людей, по гудку начинающих работу в душных зданиях цехов. Полуголодный старик со слезящимися глазами в пыли у обшарпанного барака. Это все Бинни. Великое имя...

Когда появилось это имя в Мадрасе, никто точно не помнит. В конце XVII века Томас Бинни торговал индий-

скими тканями. С тех пор члены семьи Бинни регулярно стали наезжать в Мадрас. Чарлз Бинни приехал в форт в 1769 году и стал секретарем наваба Валладжаха. Другой Бинни, Александр, служил казначеем на корабле, принадлежавшем тоже навабу. Основатель фирмы, Джон Бинни, был до 1801 года врачом при карнатикском дворе. Фирма возникла где-то в конце XVIII века, и деньги, полученные семейством Бинни от навабов, сыграли в этом не последнюю роль. Компания долгое время занималась торговлей и держала корабельное агентство. Судьба Бинни во многом напоминает карьеру Перри. Сначала торговля и ростовщичество, затем промышленное предпринимательство. Так же как и Перри, Бинни хорошо оценили экономическую конъюнктуру в Индии. Дешевые рабочие руки и дешевое сырье. В 1877 году компания открыла Бэкингемскую хлопчатобумажную фабрику. Оборудование было завезено из Англии. Бэкингемской она была названа в честь английского губернатора герцога Бэкингемского. В 1882 году заработала вторая фабрика — Карнатикская. Компания не забыла тех, кому была обязана своим процветанием. И хотя навабы уже к тому времени принадлежали прошлому, их имя было увековечено на крупнейшей текстильной фабрике Мадраса. Каравелле фирмы Бинни благоприятствовал попутный ветер. Это был ветер высоких доходов, выгодных заказов и широких рынков. Кроме фабрик Бинни управляли плантациями и пароходными агентствами. Особенно бойко бежал парусный кораблик по рисованному полю глобуса во время первой и второй мировых войн. Фабрики Бинни выпускали обмундирование для армии, ткали парашютный шелк, шили солдатские палатки, делали одеяла и полотенца. Их здания разрастались, число станков увеличивалось, и только реальная заработная плата рабочих всегда сокращалась. Забастовки иногда заставляли пустовать низкие, душные помещения цехов и вынуждали бездействовать станки. Но вокруг было слишком много безработных. Стаечные комитеты не могли вырвать много из рук опытных хозяев компании.

Теперь обе фабрики занимают огромную территорию — 136 акров. 15 тысяч рабочих обслуживают их. По первому фабричному гудку спешащие толпы наполняют узкие улицы Перамбура. Люди идут полуголодные, в засаленной ветхой одежде. Этот путь они совершают изо

дня в день. И изо дня в день как символ какой-то неизменности над фабричными воротами несется каравелла английской компании Бинни.

Ежегодно Индия покупает на 170 миллионов рупий тканей Бинни. Они так и называются «бинни». Ежегодно 50 стран мира ввозят эти ткани. Экспорт приносит фирме 25 миллионов рупий.

Десятки и сотни миллионов рупий в руках иностранных дельцов. Перри, Бинни, Спенсер, Симпсон, Эддисон — вот далеко не полный перечень английских компаний Мадраса. Вывески их магазинов, фабрик, мастерских, транспортных агентств украшают добротные здания города. По вечерам неоновая реклама повторяет их имена. Имена тех, кто пережил Британскую Индию.

Порт. Сигналы опасности в мадрасской гавани

Гавань вплотную примыкает к Джорджтауну. Здесь с утра до вечера не утихает шум работ. Соленый ветер, несущий запахи далеких стран, свободно разгуливает по припортовым улицам. К воротам порта ведут основные магистрали города. Через груды сваленных на земле товаров, через рельсы узкоколейки вы пробираетесь к причалам. На небольшом пространстве бухты, отвоеванной у моря, стоят океанские суда, морские транспортные корабли, рыбацкие шхуны, таможенные катера. Жаркий влажный ветер полощет на мачтах флаги. Флаги самые разные. У самого причала вьется австралийский, чуть подальше флаг Малайзии, затем флаг Ирака, английский, флаг Советского Союза.

Мощные краны медленно опускают стальные щупальца в люки стоящих на рейде судов, и над головами работающих плывут ящики, тюки, мешки. Погрузку прибывших товаров в железнодорожные вагоны производят вручную. Изможденные и дочерна обожженные солнцем грузчики таскают на худых спинах тяжелые тюки. Тут же у вагонов часть товаров укладывается на обычные телеги, запряженные парой буйволов. Нередко в такую телегу вместо буйволов впрягаются два кули. Третий по-

могает им, толкая телегу сзади. Такие упряжки все время тащатся по дорогам от порта и к порту. Человеческий труд очень дешев. Портовики за изнурительный рабочий день получают одну-две рупии. Но не всегда кули могут найти даже такую работу.

Мадрас начинался с небольшого кусочка океана, забранного теперь в молы и причалы, обвитого стальными рельсами дорог. Порт долгое время был сердцем колониального города, его экономическим хозяином.

Гавань в Мадрасе — сооружение искусственное. Еще пятьдесят лет назад корабли бросали якорь в открытом море, а грузы и людей свозили на берег на шлюпках. Океанские валы затрудняли работу порта, и в 1868 году была сделана попытка создать гавань. Однако она потерпела неудачу: бурный океан смыл строившуюся стену. Только в начале нашего столетия была сооружена огромная гавань, массивные стены которой надежно защищали причалы от океанских волн. Акватория мадрасской гавани составляет 200 акров, а уровень воды колеблется между 34 и 37 футами.

Прошло время Ост-Индской компании и парусных фрегатов, остались в прошлом английские вице-короли и караваны судов, груженные индийским сырьем. У причалов порта не разгружают тюки с английским ситцем и обувью. Мадрас теперь принимает иные товары: железо, сталь, машины, уголь, химические удобрения. День и ночь к порту идут железнодорожные составы с готовыми изделиями, рудой, табаком, земляными орехами, кожами. Грузооборот порта растет с каждым годом. Сейчас он принимает и отправляет около 3 миллионов тонн различных товаров. Его конторы обслуживают ежегодно около 60 тысяч пассажирских рейсов.

В ноябре 1964 года из ворот форта выехала вереница машин и направилась к гавани. На передней машине, сопровождаемой мотоциклистами, развевался флажок премьер-министра Индии. Лал Бахадур Шастри приехал на церемонию открытия нового дока в мадрасской гавани. Док назвали именем Джавахарлала Неру — Джавахар-док. На его сооружение было затрачено 60 миллионов рупий. И вот наступил день, когда док начал действовать. За последнее десятилетие в мадрасском порту велись большие работы по его модернизации. Вступают в строй новые доки, причалы, растут здания складов,

появляются новые механические мастерские. Многоэтажное здание пассажирского вокзала украсило в 1961 году портовые сооружения. Увеличивается число кранов, производящих погрузку и разгрузку. Территория порта растет, захватывая все новые участки океанского побережья. Строительные работы иногда прекращаются только во время циклонов.

Циклоны приходят, когда отступает муссон. Обычно это случается в ноябре—декабре. Тогда бушуют ураганы над побережьем и клокочет штормовой океан.

19 ноября 1964 года Мадрас был объявлен в опасности. Над ним нависли тяжелые черно-свинцовые тучи. Температура упала до +19 градусов по Цельсию. Редкие прохожие, зябко кутаясь в легкие плащи, спешили где-нибудь укрыться. Через каждые 5—10 минут на затаившийся в напряженном ожидании город низвергались холодные потоки ливня. Регулярные рейсы самолетов были отменены. На мачтах в гавани развевались флаги — «большая опасность». Колледжи и школы прекратили занятия. В 2 часа 30 минут дня закрыли государственные учреждения. Служащим дали возможность добраться домой до наступления циклона. В 4 часа радио сообщило, что циклон находится в 40 километрах от Мадраса и продолжает двигаться на город. «Укрывайтесь в домах до наступления темноты», — несколько раз повторил диктор.

Конечно, тем, кто видит циклон каждый год, может быть, и целесообразно укрыться в домах. А вот тем, для кого это было впервые, сидеть дома явно противопоказано. Я надела плащ и, преодолев поток, бушевавший у моего порога, вышла на улицу. Тихая и малонаселенная Колледж Роуд напоминала быстро несущуюся горную реку с порогами и водоворотами. Мой прорезиненный плащ моментально намок, и сквозь его швы внутрь беспрепятственно проникали холодные струи дождевой воды.

По безлюдным и залитым улицам города шли редкие автобусы, поднимая целые фонтаны брызг. За автобусами тянулись султаны водяной пыли. Ветер безжалостно трепал зеленые кроны кокосовых пальм, и они со стоном гнулись к земле. Временами вдруг неожиданно наступало затишье и дождь прекращался. Но эта тишина таила в себе что-то зловещее. Потом снова ураганный порыв

ветра сотрясал город. Идти было трудно. Ветер забивал дыхание, и пробиваться сквозь его плотную невидимую стену становилось все тяжелее. Уже стемнело, когда я добралась до берега океана. Я не узнала так хорошо знакомого мне места. Там, где между набережной и кромкой воды была широкая полоса песка, теперь кипела и клокотала пена. По океану один за другим катили огромные валы. Казалось, океан встал на дыбы и рвется на город. Временами в ревуший грохот волн, шум ливня и завывание ветра врывалось неистовое и ритмичное кваканье тысяч лягушек. Создавалось впечатление, что над городом работает гигантская накопальня.

В минуту очередного затишья я услышала тонкий плач. У парапета, держа за руки двух малышей, стояла женщина. Намокшее сари плотно облегалo ее худое тело, волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Женщина в отчаянии прижимала к себе небольшой узелок, с которого капала вода. Все трое стучали зубами от холода и сырости. С трудом удерживаясь на ногах, я подошла к женщине.

— Амма, откуда ты?

— Оттуда, — она безнадежно махнула рукой в сторону океана.

Я вспомнила, что на берегу стояла деревушка рыбаков. Около тридцати легких хижин, крытых пальмовыми листьями. Теперь там бушевали волны. Несколько десятков вымокших и иззябших людей толпились у набережной. Жалкая груда домашнего скарба лежала на тротуаре. А в шипящих водоворотах крутились пальмовые листья, доски, алюминиевая кастрюля, тряпье и жалобно мяукающий котенок. Это было все, что осталось от деревушки. Седой сгорбленный старик на ревматических тонких ногах, вперив неподвижный взгляд в темноту, безостановочно повторял:

— Все взял океан. И дома, и сети, и катамараны.

И снова:

— Все взял океан...

В Майлапуре, там, где сотни хижин теснились по берегам вонючего городского канала, я увидела кричащих и плачущих людей. Стоя по колена в воде, они пытались выловить из бушевавшего канала остатки своего имущества. Призыв Мадрасского радио — «Укрывайтесь

в домах до наступления темноты» — явно к ним не относился. Домов больше не было. Их снес ураган.

На площади перед Майлапурским храмом в беспорядке лежали вырванные с корнем деревья. Их поломанные ветви, подхваченные ветром, исчезали в темноте.

Около девяти вечера в городе погас свет. Сквозь рев разбушевавшейся стихии я услышала слабые удары колокола. Ему ответил второй. Потом третий. Звонили в церквях и храмах. Металлические языки колоколов, казалось, говорили: «Не заблудись. Не пропади. Не заблудись. Не пропади». Этот тревожный звон как вестник бедствия наполнял погруженный в ураганную тьму город.

К рассвету буря стала утихать. Однако затопленный, измученный бессонной ночью Мадрас был еще во власти циклона. День принес неутешительные новости. Десятки людей погибли под развалинами рухнувших домов. В районах Джорджтаун, Кодамбаккам, Венкатесапурам, Пудупаккам снесены тысячи хижин. 30 тысяч горожан остались без крова. Госпитали переполнены ранеными. Расписание поездов нарушено.

Позже пришли сообщения о трагедии Рамешварам и Памбана.

В декабре жителей острова Рамешварам и побережья не успели предупредить по радио о надвигающемся циклоне. Он застал их врасплох. В течение нескольких дней пострадавший район был отрезан от внешнего мира. Сильный шторм мешал спасательным судам подойти к острову, а железнодорожная линия и Памбанский мост были разрушены. Единственным средством сообщения оказались самолеты военной авиации. Преодолевая неблагоприятные метеорологические условия, они появились над Рамешварамом и сбросили пакеты с едой, теплую одежду и баллоны с питьевой водой. Потом самолеты доставили к месту катастрофы главного министра штата Мадрас Бхактаватсалама и председателя партии Национальный конгресс Камараджа. В этот же день измученный тяжелым полетом Камарадж прямо на Мадрасском аэродроме рассказал корреспондентам о том, что он видел. В Дханушкоди все строения разрушены, от некоторых домов остались только стены. Камарадж не смог заметить с самолета следов железнодорожной станции. Он наблюдал, как сотни людей по колено

в воде брели из Дханушкоди к Рамешварам Роуд. Заслышав шум самолета, они протягивали руки и просили еды.

Газета «Хинду» писала: «Даже свирепый циклон, который обрушился на дистрикты Восточный Танджавур и Раманатапурам в 1955 году и унес свыше трехсот жизней, по-видимому, был более милосердным в сравнении с последним проявлением гнева природы на острове Рамешварам и в его окрестностях».

Вот далеко не полный перечень ущерба и разрушений, нанесенных декабрьским циклоном. Смыта железная дорога Памбан—Дханушкоди. Повреждена телеграфная и телефонная линии. Электросеть вышла из строя. Шоссе в районе Раманатапурам завалено упавшими деревьями. Автобусное сообщение прервано. Паровоз и четыре головных вагона экспресса Мадрас—Тривандрам опрокинулись на насыпи, подмытой водой. В Раманатапураме двухсотлетний баньян упал на храм Ханумана и разрушил его. Пострадала железнодорожная станция в Мандапаме. Сотни домов и хижин смыты ливнем и океанскими волнами. Десятки тысяч людей остались бездомными. Тысячи нашли свое последнее пристанище под развалинами падающих домов и на морском дне. Убытки, причиненные циклоном, исчислялись многими миллионами рупий.

Рыбаки уходят в море

— Сиёрс, сиёрс! — несется откуда-то из темноты, где шумит океанский прибой. И снова:

— Сиёрс, сиёрс...

Странное, незнакомое слово. Я сворачиваю с асфальтированной ленты набережной на песок и иду на это слово.

— Сиёрс, сиёрс! — раздается совсем рядом.

Остановливаюсь. Постепенно глаза привыкают к темноте, и я вижу две фигуры в набедренных повязках. Одна принадлежит пожилому мужчине, другая — почти мальчику.

— Мэм, — говорит пожилой, — купите сиёрс, — и протягивает мне изогнутый остов морского конька. Теперь я понимаю, что такое «сиёрс». Это английское «си хорс» — морской конь. Чужое слово в устах тамильских рыбаков претерпело странное изменение. Оба же, мужчина и юноша, — рыбаки. Каждый вечер они приходят на побережье океана продавать свой улов: морских коньков, осколки кораллов, ракушки, морских ежей. Здесь, прямо на песке, располагается своеобразный ночной рынок. Ацетиленовые фонари, поставленные на землю, образуют светящуюся дорожку, которая начинается от тротуара набережной и уходит к океану, туда, где разбиваются накатывающие на берег волны. Около фонарей на циновках лежат дешевые безделушки, школьные тетради, старые журналы, авторучки, бумажники и кошельки. Но больше всего того, что приносит океан. Кораллы, морские звезды, раковины.

Раковин много. Они лежат рядами, сверкая всеми оттенками самых неожиданных цветов. Розовые, сиреневые, голубоватые, желтые, коричневые, зеленые, серебристые. Раковины большие и маленькие. Похожие на блюдца и закрученные спиралью, простые жемчужницы и крупные раковины священного чанка, россыпь мелких каури и радужно блестящие перламутром «наутилусы». Влажный морской ветер мельчайшими кристалликами соли оседает на руках и лицах продавцов, покупателей и гуляющих. Люди идут от одной циновки к другой, присаживаются и бережно ощупывают гладкую поверхность разложенных раковин. У торговцев, регулярно занимающихся этим бизнесом, раковины вычищенные и отполированные. На некоторых выгравированы индусские боги и эмблемы политических партий. Чуть в стороне от освещенной дорожки бродят рыбаки. Они тоже пытаются что-нибудь продать. Они носят раковины в узелках, бережно разворачивают их перед покупателем и с плохо скрываемой надеждой смотрят, как пренебрежительно перебирают их товар. На их раковинах нет картинок, с них не соскоблена мшистая прозелень водорослей, раковины хранят прохладную влажность океанских глубин и пахнут морем. С точки зрения мадрасского покупателя, эти раковины не представляют интереса. Их берут иногда только потому, что знают бедственное положение продающих. А тот, кто не знает, равнодушно

проходит мимо узелков с такими невзрачными раковинами.

Каждый вечер рыбаки появляются на этом базаре, пытаются заработать несколько лишних анн. Им не приходится далеко идти. Деревни рыбаков расположены тут же, на песчаной полосе между океанским прибоем и асфальтированной лентой «Марины». Эта лента — граница их мира, немногие из рыбаков осмеливаются выйти за нее. Мир, в котором они живут, так непохож на жизнь, которая вечерами захватывает «Марину» с ее нарядной толпой гуляющих, с ее яркими фонарями и дорогими ресторанами. Их мир — это убогие глинобитные хижины, покрытые пальмовыми листьями, полуголодные ребятишки и непричесанные женщины в латаных сари. Их мир — это суровая борьба с непостоянством и предательством океана, ноющие с рассвета до вечера мышцы, медные гроши, которые они бережно завязывают в грязные набедренные повязки.

Атмосфера тяжелого труда, повседневных опасностей и нищеты царит на этом песчаном клочке. Его обитателей кормит океан. Но если иногда океан бывает щедр и улов богат, то люди, появляющиеся каждое утро на берегу, платят рыбакам гроши за самые ценные сорта рыб. В карманах скупщиков оседает большая часть денег, заработанных рыбаками в честном поединке с океаном. Недаром в Мадрасе говорят, что рыбаки кормят тысячи ртов, только не свой собственный.

Рыбачьих деревушек на берегу несколько, и все они похожи одна на другую. Глиняные лачуги расположены таким образом, что между ними остаются только крохотные улочки и узкие проходы. В грязном песке этих импровизированных улиц копошатся голые худые дети, сидящие на корточках женщины продают мелкую рыбешку. Перед деревней, у самой кромки прибоя, лежат большие рыбацкие лодки, небольшие парусные боты и катамараны. Катамаран — это несколько бревен, связанных веревкой. Наблюдая за скачущими по гребням волн непрочными сооружениями, удивляешься, как могут рыбаки балансировать на них.

Около лежащих на берегу лодок среди сохнувших сетей возятся рыбаки — хорошо сложенные, статные люди, кожа которых стала совсем черной под лучами жестокого тропического солнца. Их тела обнажены, только на

бедрах узкая полоска ткани. Головы прикрыты своеобразной шапочкой, сделанной из рогожи и напоминающей остроконечный колпак.

— Выходить в море нам приходится в любую погоду, — рассказывает мне один из рыбаков, — даже если оно бурное. Ничего не поделаешь, иначе дети не получат и той скудной пищи, которую они и так имеют не каждый день.

В этих словах горькая правда. Поэтому вечерами появляются на рынке раковин усталые люди с влажными узелками. И несется из темноты:

— Сиёрс, сиёрс. Си шеллс. Си шеллс.

Но превратности жизни на суше не самое страшное, что поджидает рыбаков.

...Утром 22 декабря 1964 года море было относительно спокойным. В деревне Тхангачимадам 50 рыбаков готовились выйти на лов. Они долго совещались на берегу. Старики показывали на зловещие тучи, обложившие горизонт. В тучах полыхали синие молнии. Старики в раздумье качали головами. Но молодых это не беспокоило. Они видели эти тучи и молнии уже неделю. Все знали, что в той стороне, у Цейлона, море всегда в это время бурное. Но бушующие там шквалы и ураганы редко докатывались до побережья. Поэтому рыбаки ушли в море. Назад они не вернулись. Из пятидесяти повезло только одному. Он спасся чудом. Потеряв свою лодку, рыбак вплавь через штормовые волны добрался до берега. Там нашли его, израненного и потерявшего сознание. Очнувшись, он рассказал о трагедии, разыгравшейся в океане. Штормовой шквал налетел на флотилию на ее пути к берегу. Легкие суденышки рыбаков были опрокинуты. Ветер разметал их в разные стороны. Мачты и весла поломались. Людей захлестывали огромные волны. В течение нескольких дней океан выбрасывал на берег трупы погибших.

Разгул декабрьского циклона продолжался несколько дней. Потом ветер утих, океан успокоился, на небе, свободном от туч, засверкало солнце. Постепенно жизнь побережья налаживалась. Похоронили погибших, отстроили хижины. Вновь на рассвете рыбаки уходят в море. Но кто может поручиться, что они вернутся домой, когда в Мадрас придет очередной циклон...

— Да, да, пожалуйста, входите. Я жду вас.

Навстречу мне из-за небольшого стола, заваленного книгами и рукописями, поднимается человек. На нем белая сутана и стоптанные домашние туфли.

— Вы патер Фигредо? — на всякий случай спрашиваю я.

— Конечно, конечно. Вы не ошиблись.

У патера Фигредо интеллигентное лицо, его умные глаза глядят сквозь очки в простой железной оправе. Он проводит крупной рукой по облысевшему лбу и улыбается полными губами.

— Я сейчас, — говорит он и исчезает в узком дверном проеме.

Через несколько минут он ставит передо мной что-то завернутое в холстину.

— Вот ведь иногда какие вещи попадаются, — приговаривает патер, снимая тряпицу.

Под тряпицей оказывается бронзовый ларец. По стенкам ларца идет витиеватый орнамент, чередующийся со стилизованным изображением павлинов. Центральный павлин — двухголовый.

— Обратите на него внимание, — говорит Фигредо, — это эмблема ордена августинцев.

— Вряд ли, — с сомнением качаю я головой. — Эта эмблема иногда встречается в индусских храмах периода империи Виджаянагара.

Патер на минуту задумывается. Потом пристально смотрит на меня из-под очков.

— Пожалуй, вы правы. Августинцы здесь ни при чем. Ну а что вы скажете насчет этого?

Он приподнимает крышку ларца. На ней две фигуры. Одна со всеми атрибутами Иисуса Христа, другая в индийском дхоти.

— По всей вероятности, — начинаю я, рассматривая крышку, — это имеет отношение уже к христианству. А кто рядом с Христом?

— Святой Фома.

— Вы уверены?

— О да! Ларец я датирую XVI веком. Музеи Лондона, Парижа и Дели подтверждают это.

— Ну а святой Фома, какое же отношение он имеет к Индии?

— Как какое? — удивляется патер. — Он был первым проповедником христианства здесь, в Мадрасе.

— Давно это было?

— Я считаю, что в I веке нашей эры. Вы ведь знаете, Индия вела тогда оживленную торговлю с Римом. До сих пор около Пондишери в Арикамеду сохранилась римская колония. Святой Фома мог приплыть на одном из этих кораблей. Знаете легенду о его пророчестве? Святой Фома поставил каменный крест на берегу океана и сказал: «Когда волны коснутся его подножия, европейские христиане приплывут в Индию». Когда корабли Васко да Гамы вошли в Каликат, волны уже лизали подножие креста.

— Неплохо, — сказала я. — Только, когда жил Фома, в тех странах, откуда пришли в Индию завоеватели, и христиан еще не существовало.

Патер снова задумался.

— Но ведь он был апостол и видел на много лет вперед, — неуверенно произнес он.

— Так зачем же этому апостолу понадобилось придать оттенок фатальной неизбежности началу европейской колонизации Индии? Вы не знаете? Может быть, это понадобилось кому-то позже?

Фигредо потер лысеющий лоб.

— Я никогда не рассматривал эту легенду с такой точки зрения.

Патер заворачивает ларец в холстину и переводит разговор на другую тему.

В I веке римские галионы, подгоняемые муссонными ветрами, плыли к берегам Индии. Оттуда на рынки Рима они привозили тонкие индийские ткани, бериллы, жемчуг, пряности. Один из таких галионов и высадил однажды на Малабарском побережье первого христианского проповедника. Это был высокий голубоглазый человек в грубых сандалиях и поношенной одежде. Сейчас трудно сказать, кто сошел на берег — действительно ли легендарный Фома Неверный или кто-то другой. В старинной семье Палаюров на Малабаре до сих пор хранится древняя рукопись с описанием путешествия этого проповедника. Вначале местом его деятельности был Кранганур. Оттуда Фома Неверный, как называют про-

поведника, отправился в Тамилнад и поселился в Майлапуре, бывшем тогда крупным торговым центром. Как свидетельствует рукопись, он обратил в христианство 17 490 браминов, 350 вайшьев и 4280 шудр. Даже один индусский храм был превращен в церковь. Местный правитель Кандаппа Раджа разрешил Фоме построить церковь на западной окраине Майлапура, у океанского берега. Насаждая христианство, толкуя о чужом боге, Фома попутно делал «чудеса», которые положено делать любому уважающему себя апостолу или святому. Он заставлял видеть слепых, вылечивал проказу, ставил на ноги паралитиков, под его взглядом начинали говорить немые. Наиболее успешно Фома справлялся с «одержимыми дьяволом». Возможно, этот человек обладал большой гипнотической силой.

Индусские жрецы тоже творили «чудеса». И появление конкурирующей конторы раздражало их. Они кое-как мирились с новой интерпретацией бога. Но проповедник покушался на их земное могущество. Тогда жрецы восстали против Фомы приближенных местного правителя Махадевана. Проповеднику пришлось бежать из Майлапура на Малую гору, по-тамильски Чинна Малаи, расположенную теперь в шести милях от Форта святого Георгия. Гора была покрыта густыми джунглями. Там он нашел пещеру и укрылся в ней. Однако враги выследили проповедника, и ему снова пришлось бежать, на этот раз на Большую гору, которая теперь называется горой святого Фомы. Там он воздвиг каменный крест, перед которым молился. Во время очередной молитвы проповедника настигла рука подосланного к нему убийцы. Он рухнул у подножия креста с копьем между лопаток. Говорят, это случилось в 68 году. Приверженцы Фомы перенесли его тело с Большой горы на берег океана, где стояла основанная им церковь. Там проповедника и похоронили.

Но, по всей видимости, семена, посеянные этим страным христианином в ранге апостола, дали свои всходы. Легенды о нем привозили из Индии странствующие миссионеры еще в VI веке. Ранние арабские путешественники упоминали в своих описаниях «Бет Тума» — «место Фомы» около Майлапура. В 883 году Альфред Великий, правивший в Англии, послал своего епископа Сигельма «через моря в Рим и к святому Фоме в Индию».

В 1293 году знаменитый венецианец Марко Поло посетил Майлапур и упомянул впоследствии в своей книге о месте, где был убит христианский проповедник, и о том, что его могилу навещают паломники. Другой известный путешественник, Никколо Конти, писал в 1450 году, что в Майлапуре есть церковь, где похоронен святой Фома. Легенду о проповеднике подтверждали все, кто побывал на мадрасском побережье. Эта легенда жила среди индусского населения древнего города, и ее передавали друг другу жители первой христианской колонии, которые еще не видели европейцев. Эта колония размещалась на Малой и Большой горах и просуществовала до середины XV века. В 1450 году во время мусульманского нашествия многие христиане были убиты, а их дома — обращены в руины. Уцелевшие приверженцы чужой веры бежали из будущего Мадраса в другие места.

На этом история ранней христианской колонии в Мадрасе кончается. Через несколько десятилетий начинается иная история, связанная с португальской экспансией на Коромандельском побережье. Командоры Васко да Гамы были хорошо осведомлены о христианских реликвиях Майлапура. Португальские разведчики отправились на их поиски. Вслед за ними появились под стенами Майлапура португальские каравеллы. Они были вооружены пушками, в их трюмах плыли солдаты. Рядом с Майлапуром возникла португальская крепость Сен-Томе. Так проповедник, погибший много веков назад, помог первым колонизаторам Индии. Католическая Португалия завоевывала Индию не только оружием, но и крестом, и именем полузабытого апостола.

Чужеземцы из далекой Португалии как хозяева расположились рядом с древним Майлапуром. Пока купцы торговали, а солдаты воевали и грабили, католические патеры занимались своим «богоугодным» делом. Они стали искать могилу Фомы Неверного. Вокруг полуразвалившейся церкви на берегу океана тщательно копали землю. И наконец в 1523 году наткнулись на какое-то захоронение. Недалеко от поверхности располагалась круглая, вымощенная камнями погребальная камера. В камере патеры ничего не нашли и приказали рыть дальше. За слоем рыхлой земли увидели две каменные плиты. Под плитами обнаружили разрозненные

кости человеческого черепа и позвоночника. Рядом с костями стоял горшок, наполненный землей, и лежал наконечник копья. Так португальцы нашли могилу Фомы Неверного. Земля в горшке, объявили они, пропитана кровью подвижника, а копьё — оружие его убийцы. Но что бы сказали археологи, которые потом по всему Тамилнаду вскрыли сотни подобных погребений? Могила, раскопанная патерами, представляет собой погребение с ярко выраженным мегалитическим ритуалом, который практиковался на дравидийском юге в конце предыдущей и начале нашей эры. Чьи останки были потревожены, сказать трудно. До сих пор мадрасские католики считают, что это кости святого Фомы. Оставим это на их совести.

Португальский патер бережно достал кости древнего предка темнокожего жителя Майлапура и запер их в сундук. Как бы там ни было, католики оказались владельцами святой реликвии. С костями возились долго. Из сундука их перенесли в ящик. Из ящика в какое-то другое место. Потом их потеряли. А через некоторое время вновь обнаружили под алтарем восстановленной португальцами прибрежной церкви. Теперь, являясь обладателями «святых» костей, католические патеры повели наступление на «язычников», заставляя их принимать чужую, но «истинную» веру. Однако эта работа продвигалась медленно, и понадобились дополнительные усилия и доказательства. В 1729 году снова взялись за древнее погребение. На этот раз погребение вело себя несколько лучше. Во-первых, оно выдало на-гора мраморную плиту с портретом Фомы Неверного. В левой руке проповедника была книга, правая — поднята в благословляющем жесте. Впоследствии плита была датирована VI веком, но это уже не имело значения. Во-вторых, могила на 29-й день раскопок начала светиться. Семь свидетелей поклялись в этом. Потом этого уже не случилось. Может быть, потому, что свидетели сочли за благо быстро исчезнуть из Мадраса. Монахи-августинцы взяли шефство над могилой. Оно продолжалось до тех пор, пока в 1893 году над древним погребением не построили собора святого Фомы. Вход в могилу ведет прямо оттуда. Погребение теперь отделано со всем комфортом. Туда даже провели электрический свет. Каждый паломник, спускающийся в этот погреб, знает, что он платит деньги не зря.

Ну а что касается креста, у которого скончался подвижник, то над ним тоже пришлось потрудиться. Сначала крест надо было найти. Нашли. Стали строить церковь на горе святого Фомы и нашли. И опять свидетели клялись, что земля у креста была пропитана свежей кровью. На этот раз свидетелей было меньше. Крест водрузили в новой церкви. Но прихожане не часто в нее заглядывали, а «язычники» и подавно. Слишком высоко поставили церковь. А подъем крутой. Потом дела несколько поправились. Обнаружилось, что крест обладает целебной силой. В праздники же с ним начинались чудеса.

Во время праздничной мессы в 1558 году крест вдруг почернел и стал источать воду. В 1689 и 1695 годах, когда шла молитва, крест стал красным, потом коричневым, затем белым. Его окутали черные облака, неизвестно откуда появившиеся и неизвестно куда исчезнувшие. И вновь он стал источать воду, да в таких количествах, что чуть не затопил алтарь и всех присутствующих. Говорят, женщины неприлично визжали и поднимали юбки, а мужчины, забравшиеся на скамьи, с видом обреченных жертв взирали на проявление «святых» сил. Патеры перестарались и получили нагоняй от епископа. С тех пор чудеса прекратились. Католические отцы занялись другими делами. Они получали иные, более ощутимые проценты с имени Фомы Неверного. Это были жемчуг, алмазы, золото. Чудеса перестали их интересовать.

Обстановка на побережье все время менялась, и эти перемены доставляли немало треволнений патерам из Сен-Томе. Рядом укреплялся и рос Форт святого Георгия. Его владельцы были протестантами. Ост-Индская компания охотно брала на службу португальцев. Они хорошо знали местные языки, обычаи и традиции. Поступившие на службу селились рядом с крепостью. Патеры не могли допустить, чтобы паства вышла из их повиновения. Они последовали за ней и даже построили в форту церковь святого Андрея. Однако вскоре между католическими патерами и Ост-Индской компанией возникли трения. Патеры проводили свою политику, форт — свою. Необходимо было избавиться от священников из Сен-Томе. Помог случай.

Из Сурата в Масулипатам, через всю страну, ехал французский капуцин Эфраим де Невер. Небольшого роста, располневший, в длинной сутане, он появился в

Масулипатаме в 1642 году и пытался найти корабль, который доставил бы его в Европу. Но такого корабля не оказалось. Целый месяц капуцинская сутана мелькала у причалов порта. Отец Эфраим вел разговоры с капитанами, пил с ними в тавернах. Но все было напрасно. Тогда ему посоветовали на местной шхуне отправиться в Мадрас и попроситься на ост-индский фрегат. Так капуцин появился в форту. Здесь он с удивлением обнаружил кварталы португальских католиков, примыкавшие к стенам форта. Корабль отплывал не скоро, и неутомимый Эфраим решил не терять времени. Он почистил свою сутану, подправил на голове тонзуру и, взяв под мышку Библию, отправился к мадрасским португальцам читать проповеди. В первый же день его остановил на улице патер из Сен-Томе.

— Я слышал, святой отец, вы прибыли издалека, — начал он, стараясь растянуть губы в улыбке. — Что же вы теперь здесь делаете?

Капуцин объяснил.

— Все в руках божьих, — вздохнул патер. — Пусть он вам поможет скорее сесть на корабль.

В тоне португальца Эфраиму почудился оттенок угрозы. Но он не обратил на это внимания. Капуцину приходилось бывать и не в таких переделках. Он обращал в истинную веру язычников и меньше всего страшился своих братьев-католиков. В форту сразу заметили, что заезжий капуцин вызвал недовольство местных патеров. Потом выяснилось, что Эфраим — человек хорошо образованный. Он знал английский, португальский, голландский, арабский и персидский языки. Однако главным достоинством французского капуцина, с точки зрения англичан, была его непричастность к политическим интригам патеров из Сен-Томе. Ему предложили остаться в Мадрасе. Хитрый Эфраим понял, что попал в переplet. Он отказался. Епископ из Сен-Томе не дал своего согласия на его утверждение. Но Ост-Индская компания не отступила. Полетели депеши в Париж к главе ордена капуцинов. Гонцы из форта появились в Ватикане. Глава ордена прекрасно понимал, какую пользу могут принести французские капуцины в Мадрасе. Франция и Англия уже столкнулись лбами в Индии. Он приказал Эфраиму остаться. А папа прислал в Мадрас свою буллу, в которой католики форта объявлялись независимыми от цер-

ковных властей Сен-Томе. Однако португальский епископ на это смотрел иначе. Он не подчинился папе и во всем случившемся обвинил Эфраима. Нежелательного капуцина, фаворита англичан, надо было устранить. Заговор патеров разрабатывался долго и тщательно. В его тайну были посвящены немногие. У Эфраима были свои осведомители, но они не заподозрили ничего неладного.

Летним вечером 1649 года капуцин, ничего не подозревая, отправился в Сен-Томе. В португальской фактории у него были кое-какие торговые дела. Даже он не устоял перед соблазном участия в мирских делах. Потом он не раз сожалел об этом. Тяжело отдуваясь, загребая сандалиями пыль, Эфраим, разморенный жарой, медленно шел по улице. Улица была стиснута глухими каменными оградами, из-за которых смутно выступали дома, покрытые красной черепицей. Единственный керосиновый фонарь тускло светил в конце улицы. Несколько фигур мелькнуло у фонаря. Потом они растаяли во мраке боковых переулков. Тишина пустынной улицы показалась капуцину недоброй. Он услышал позади шаги, обернулся, но никого не увидел. В следующее мгновение тяжелый удар свалил его с ног. Когда он очнулся, то увидел себя лежащим на каменном полу. Несколько фигур в черных капюшонах склонились над ним.

— Ну как, святой отец, очнулись? — спросила фигура в капюшоне голосом знакомого патера.

— Потрудитесь объяснить... — начал капуцин, но его перебили.

— Сам все поймешь.

Через несколько дней Эфраима в разорванной рясе и кандалах втокнули на палубу корабля. Матросы ставили паруса и с удивлением поглядывали на закованного монаха. В трюме корабля, куда бросили Эфраима, было сыро и пахло крысами. Узкая полоска света пробивалась сквозь щель задраенного люка. По характерному покачиванию и приглушенному плеску воды монах понял, что корабль покинул Сен-Томе. В Гоа Эфраима встретила стража епископа. Его в кандалах провели по узким улицам Гоа, наполненным колокольным звоном. В церквах шла воскресная служба. Осклизлые ступени вели куда-то вниз. Загремел засов, и капуцин оказался в тесной камере. Изрезанный черной решеткой клочок голубого неба виднелся под потолком.

— Где я? — спросил Эфраим стражника.

— В тюрьме инквизиции.

Монах понял, что дела его плохи.

Два года епископ Гоа держал своего пленника в тюрьме. Иногда его вызывали на допросы. Грозили и снова отправляли в тесную камеру. А в это время губернатор мадрасского форта посылал в Рим депешу за депешей. Глава ордена капуцинов возмущенно писал о произволе епископа Гоа. Наконец это возымело свое действие. С Эфраима сняли кандалы и вновь посадили на корабль. Так капуцин во второй раз оказался в Мадрасе. Губернатор форта сам встречал его на берегу. Злоключения монаха снискали ему почет и уважение среди католиков Черного и Белого города. Капуцин прочно занял свое место. На помощь ему было направлено еще несколько французских монахов. Теперь патеры из Сен-Томе опасались появляться около форта. Капуцинская братия со всеми удобствами расположилась в Мадрасе и на несколько десятков лет полностью монополизировала католическую паству.

В отличие от Эфраима братия занималась еще и иными делами. Безлунными, темными ночами фигуры в низко надвинутых капюшонах тайно выбирались из форта. Через несколько дней они появлялись в Пондишери в расположении французских войск. Сведения, которые приносили монахи-шпионы, тщательно записывались и систематизировались. И когда в 1749 году французский флот блокировал форт, французы знали о состоянии дел в нем лучше, чем сам губернатор. В блокадные ночи братья-капуцины сигналили фонарями с колокольни церкви святого Андрея. Поэтому на французских кораблях знали о дислокации английских отрядов и намерениях командования. Через несколько месяцев форт пал с благословенной помощью французских капуцинов. Но известно, что французы недолго хозяйничали в английских владениях. И тогда началась расправа. Оставшихся капуцинов изгнали из Мадраса. Католические церкви были разрушены. Католиков отстранили от службы в Компании и выселили из Белого города. Только через 15 лет глава капуцинов Бернард осмелился послать в Лондон директорам Ост-Индской компании петицию, в которой требовал возмещения убытков, нанесенных капуцинам во время англо-французской войны. Францу-

*Каждое воскресенье звонят
колокола католических церквей
Мадраса*

зы уже не угрожали форту, предательство капуцинов постепенно забылось, и Компания выплатила ордену 50 тысяч рупий за разрушенные церкви. На эти деньги капуцины построили церковь на Армянской улице. Но орденским монахам продолжали не доверять, и форт предпочитал итальянских и португальских священников. Это дало возможность другим орденам также укрепиться в Мадрасе. В 1832 году католиков Черного города и Сен-Томе объединили в единый викариат. Епископ Сен-Томе стал его главой. Однако противоречия между католиками Черного города и Сен-Томе сохранились до сих пор. Ча-

сто эти противоречия возникают на национальной почве, на почве конкурентной борьбы между группами дельцов. Враждующие монашеские ордена нередко специально обостряют эти противоречия.

Католическая церковь в Мадрасе — самая сильная. Почти пять веков осмотрительно и настойчиво она вгрызалась в почву города. Теперь ее корни глубоко ушли в нее. Западная часть Майлапура по-прежнему остается католической цитаделью. Белые длинные рясы священников, монахов и монахинь — привычное зрелище на улицах Мадраса. Их можно увидеть на шумных рынках, в деловых кварталах, на грязных окраинных улицах, на берегу океана. Десятки тысяч прихожан заполняют католические церкви и движутся бесконечной чередой к собору святого Фомы во время праздников. Это потомки португальских поселенцев, в чьих жилах течет и индийская кровь, бывшие неприкасаемые, привлеченные христианской проповедью равенства, представители низших каст, англо-индийцы, местные тамилы и телугу. Их социальный состав не поддается однозначному определению. Среди католиков можно встретить банкира и рыбака, мелкого торговца и важного чиновника, школьного учителя и рикшу, владельца мастерской и кули. Лавируя в разнообразной массе прихожан, католические патеры делают свое дело. Каждое воскресенье звонят колокола 18 церквей. В толпе, заполняющей церковные дворы, вы можете увидеть монашескую рясу францисканца и иезуита, доминиканца и августинца и, конечно, капуцина. По всему городу разбросаны монастыри, миссии, церковные школы, приюты, больницы. Все это принадлежит католикам, чей глава живет в строгом просторном особняке на берегу океана, по соседству с готическими башенками и шпилями собора святого Фомы.

Орденские монахи не довольствуются только школами. Они учреждают колледжи, проникая и в область высшего образования. Иезуиты в 1925 году основали мужской колледж имени Игнатия Лойолы, францисканцы в 1947 году учредили женский колледж «Стелла мэрис» — «Звезда моря». Эти успехи католиков в значительной мере обязаны жесткой организации своей церкви, беспрекословной дисциплине монашеских орденов, умению патеров изучать души и наклонности паствы.

Всего этого не было у протестантов. И хотя англиканская церковь принадлежала господствующей нации, ее позиции оказались намного слабее, чем католиков.

Первые протестантские капелланы, оказавшиеся на службе Компании, мало походили на осторожных и въедливых патеров из Сен-Томе. Они не спасали свои души обращением «язычников» в христианскую веру. Очевидно, потому, что «спасать» было нечего. Это был отпетый народ, полупираты, полуразбойники, устраивавшие пьяные кутежи в таверне «Черный Джо». Нередко они плавали на пиратских кораблях, участвуя в грабеже и контрабанде. Оттуда они попадали на ост-индские фрегаты, а потом оседали в форту. Часто капелланы бродили по стране от одной фактории к другой в поисках случайной наживы и развлечений. Они читали Библию по слогам, путали апостолов и забывали в нужные моменты молитвы креститься. Их грубые сильные руки, привыкшие к рукояти шпаги или пистолета, мало походили на изнеженные, благословляющие руки духовных пастырей. Капелланы пьянствовали и сквернословили, как солдаты и матросы. И так же как они, святые отцы валялись хмельные в пыли улочек Черного города, не вызывая своим растерзанным видом чувств почтения или уважения у местного населения. Так же как и другие обитатели форта, капелланы толклись у Морских ворот, занимаясь торговыми сделками и спекуляцией. Они уходили вместе с шайками беглых разбойников в далекие походы. И так же как и они, грабили прохожих, попутные деревни и убивали мелких раджей.

Среди появлявшихся в Англии набобов были и капелланы, составившие огромные состояния на обмане и грабеже «ближних». Обитатели Белого города долго помнили Джона Митчела, капеллана Ост-Индской компании, который затмил своими похождениями даже королевских офицеров. Митчел сбежал из Англии, так как ему грозила долговая тюрьма. Капеллан очень любил карты, и настал день, когда пришлось расплачиваться. Расплачиваться было нечем. Выручил знакомый капитан, который устроил капеллана в трюме корабля, отплывавшего к мысу Доброй Надежды. В одном из портов капеллан исчез, не сказав даже «спасибо» своему благодетелю. Несколько лет «святой отец» носился по Индийскому океану на пиратском корабле и орудовал абор-

дажными крючьями более искусно, нежели крестом. Правда, он исправно отпевал своих сотоварищей, погибших в морских сражениях. Однако страсть к картам и здесь сыграла злую шутку со «святым отцом». Он упорно не желал платить долгов. Это не нравилось даже пиратам. Однажды ночью они высадили его на пустынном берегу. Место высадки оказалось недалеко от форта. Так Джон Митчел появился в Мадрасе и стал капелланом Ост-Индской компании. Пиратские наклонности не оставили Митчела и в форту. Он сразу сообразил, что здесь он может «развернуться».

Другие «святые отцы» тоже «разворачивались», и каждый по-своему. Один торговал, другой пьянствовал, третий грабил, четвертый тиранил своих слуг. Один из капелланов, придя домой пьяным, увидел своего темнокожего слугу. Цвет кожи слуги вызвал раздражение хозяина. Он набросился на парня с кулаками и столкнул его с террасы. Раненый слуга пролежал без помощи всю ночь. Через два дня он умер. Губернатор сделал лишь строгое внушение убийце. Ост-Индскую компанию вполне устраивали такие служители бога. В октябре 1680 года в форту открылась первая протестантская церковь, воздвигнутая на месте часовни. Ее назвали именем святой Марии. Дебоширы и пьяницы были первыми ее священниками.

Долгое время Компания довольствовалась католическими патерами, протестантскими миссионерами из Германии и буйными английскими капелланами. Миссионеры из Англии были нежелательным элементом в форту. Многие из них были связаны с конкурирующими с Компанией свободными купцами. Несколько раз англиканская церковь пыталась заслать своих людей в Мадрас, но безуспешно. Ост-Индские капитаны не брали на борт английских миссионеров. Лондонское миссионерское общество находилось в состоянии «холодной войны» с фортом. В 1804 году миссионеров, направлявшихся в Индию, капитан оставил у причала мокнуть под осенним дождем на потеху лондонским зевакам. А корабль в это время выходил из устья Темзы. Тогда хитрые миссионеры отправились в Копенгаген и там устроились на датский корабль, отплывавший в Мадрас. Они неожиданно появились в форту, приведя в полное замешательство губернатора и капитана, оставившего их у причалов лон-

донского порта. Со смиренно-постным выражением лиц они предстали перед губернатором.

— Вон! — прорычал губернатор. — Вас сюда никто не звал!

Миссионеры, подхватив длинные сутаны, засеменили к выходу. Однако корабля в ближайшем будущем не ожидалось, и слуги божьи были оставлены в форту. Но проповедовать им разрешили только среди европейцев и англо-индийцев.

Ост-Индская компания явно недооценивала отечественную церковь. Только в 1813 году англиканские миссионеры получили легальный доступ в Мадрас. В городе стали строить протестантские церкви. Они появились в Вепери, Эгморе, Джорджтауне, Перамбуре. Открылись миссионерские школы. Только с паствой дело обстояло плохо. Миссионеры наспех крестили людей, попавших к ним в зависимость. Они заманивали в школы детей и обращали их в христианскую веру. Они не разбирались в особенностях кастовой системы и насильно обращали брахманов. Индусские жрецы в храмах призывали бороться с нашествием протестантских миссионеров. Кварталы Черного города охватило волнение. Некоторым миссионерам пришлось спешно убраться восвояси. Католические патеры ревниво следили за своими коллегами-протестантами и старались им мешать на каждом шагу. Впрочем, на это католики тратили немного усилий. Английские миссионеры не знали страны, в которой работали. Они не давали себе труда изучить обычаи и язык местного населения. Если они встречали сопротивление «язычников», то прибегали нередко к грубой силе, призывая на помощь колониальную полицию. Все эти методы мало способствовали укреплению англиканской церкви. Поэтому в городе в два раза меньше протестантов, чем католиков.

Теперь для миссионеров обеих мастей наступили трудные времена. Их не поддерживает ни государство, ни полиция. Неприкасаемые получили гражданские права и не стремятся к равенству под эгидой христианского бога. Несколько лет назад католики и протестанты влились в одну южноиндийскую церковь. И те и другие понимают, что нужны объединенные усилия в борьбе за человеческие души. Однако эти усилия год от года становятся все слабее.

...Длинная лестница с выщербленными ступенями ведет куда-то вверх. Снизу она кажется бесконечной, упирающейся в яркую голубизну неба. «Раз, два, три...» — начинаю считать, но потом сбиваюсь и медленно поднимаюсь вверх. Все выше и выше. И наконец я различаю церковный шпиль, вырастающий за очередным лестничным маршем. Это церковь девы Надежды на горе святого Фомы. Рядом серые прямоугольные стены францисканского монастыря. Я вхожу в приземистое длинное здание церкви. Здесь прохладно, царит полумрак и пахнет чем-то приторным. Над алтарем деревянное распятие, рядом кафедра для проповедника. Со стен смотрят потемневшие от времени лики святых. Церковь очень старая. Ее построили в 1523 году. Когда глаза привыкают к полумраку, я замечаю перед распятием каменный крест. Тот самый крест, который соорудил Фома Неверный. Крест с чудодейственной силой. Я иду по каменным плитам, и звук шагов гулко отдается в пустом помещении. Никого.

— Есть здесь кто-нибудь? — спрашиваю я.

Никто не отзывается. Я выхожу через боковую дверь и останавливаюсь у ворот монастыря. Ворота прочно заперты. Вдруг я замечаю кнопку электрического звонка. Нажимаю. Где-то серебряной трелью отзывается колокольчик. Я жду долго. Наконец открывается узкое окошечко в воротах, и два сверлящих черных глаза впиваются в меня. Потом глаза исчезают и где-то сбоку в стене открывается калитка. Смуглая монахиня в черной сутане и такой же туго затянутой косынке выходит из калитки.

— Здравствуйте, — говорю я.

Монахиня наклоняет голову.

— Мне бы хотелось посмотреть церковь.

— Идемте.

Позвякивая ключами, она шаркающей походкой направляется к церкви. Здесь она становится более разговорчивой. Как заправский экскурсовод, она показывает мне церковь. Подводит и к каменному кресту.

— Это крест святого Фомы, — начинает она. — Он обладает чудодейственной силой.

— И сейчас тоже? — интересуюсь я.

— Нет, в последние два века он не проявлял себя. Но все равно к нему ходят многие на поклонение.

Я исподтишка разглядываю моего «экскурсовода».

Она явно индийского происхождения. Черные густые брови, полные губы, темная кожа отдает синевой.

— Откуда вы? — спрашиваю я.

— Из Кералы.

— И много вас здесь из Кералы?

— Пятеро. И двое из Мадраса. Преподобная мать ангелов — из Франций.

— Чья мать? — не сразу понимаю я.

— Преподобная мать ангелов — наша настоятельница. И еще одна сестра — из Австралии. Нас теперь здесь немного.

— А можно повидать эту, как ее... — забываю я странный титул. — Мать ангелов?

— Преподобную мать ангелов, — сурово поправляет меня монахиня. — Конечно.

Она меня не спрашивает, откуда я, наивно полагая, что человек с белой кожей — всегда христианин. Мы проходим в монастырскую калитку и попадаем в узкое пространство между внешней и внутренней стеной монастыря. «Похоже на крепость», — думаю я.

— Подождите здесь, — и моя проводница исчезает. Откуда-то слышен ее голос.

— Сестра из Европы хочет видеть преподобную мать ангелов.

Через некоторое время в двери, ранее незамеченной мной, появляется высокая белая фигура. «Мать ангелов», — решаю я. Светлые глаза смотрят настороженно, но губы растянуты в елейной улыбке. Распятие из слоновой кости на массивной цепи украшает мощную грудь. Кожа на лице, бледная и дряблая, собрана в мешочки под глазами.

— Добро пожаловать! Да благословит вас господь.

Настоятельница протягивает мне белую пергаментную руку для поцелуя. «Сестра из Европы» впадает на какое-то мгновение в замешательство. Потом делает вид, что не замечает протянутой руки. Теперь в замешательство впадают «мать ангелов» и монахини, толпящиеся за ее спиной. Настоятельница стирает улыбку и спрашивает:

— Откуда вы?

— Из Советского Союза.

— О! — восклицает «мать ангелов». И еще раз: — О! Может быть, вы коммунистка?

— Конечно.

Монахини и настоятельница инстинктивно подаются назад, но им мешает внутренняя стена. Натыкаясь друг на друга, они беспорядочно толпятся у узкого дверного проема. Первой приходит в себя «преподобная мать ангелов».

— Простите, — говорит она, — если бы мы знали... — и бросает выразительный взгляд на моего «экскурсовода».

— То не пустили бы меня на порог, — заканчиваю я ее мысль. — Но она не виновата. Она ошиблась так же, как и вы. Не бойтесь, вашему монастырю ничего не угрожает.

— Что же вы хотели? — спрашивает «мать ангелов».

— Посмотреть монастырь.

— Этого мы вам показать не можем.

— Хорошо. А хотя бы ваш приют можно посмотреть?

Настоятельница теребит распятие на груди. Глаза ее тревожно мечутся.

Наконец она их опускает, со смиренным вздохом проносит:

— Посмотрите, — и исчезает в дверях.

Приютское помещение находилось в монастырском дворе. Это был длинный унылый барак, пространство перед которым забрано низкой изгородью. За изгородью копошились несколько десятков детей. Там были и совсем маленькие, только научившиеся ходить, и уже вытянувшиеся нескладные подростки. Поражало то, что здесь не было обычного детского оживления и шума. Застыранная приютская одежда балахоном висела на худеньких плечах. Тонкие руки и ноги детей не отличались чистотой и были покрыты царапинами. Дети разговаривали между собой приглушенными голосами, а некоторые шепотом. В углу двора сидел мальчик лет восьми, устремив большие грустные глаза в одну точку. Я подошла к малышу.

— Как тебя зовут? — мальчик не ответил и вопросительно посмотрел на «сестру из Австралии», которая заведовала приютом.

— Это не имеет значения, — ответила за него монахиня. — Мы даем им свои имена.

— Кто его родители? — поинтересовалась я.

— Мы не даем такой информации. Это тайна ор-

дена. Пусть будет благодарен богу, что судьба его в надежных руках.

В это время другие дети, привлеченные происходившим, приблизились к нам.

— На место! — жестко приказала «сестра из Австралии».

Дети покорно отошли.

— А если у мальчика есть родители, они могут его видеть? — не отставала я.

— Нет. Раз он попал к нам, необходимость в родителях отпадает. Что вы еще хотели узнать?

— Больше ничего. Спасибо.

— Дети! — крикнула монахиня. — На молитву, быстро! — И к монастырской часовне покорно потянулась унылая цепь маленьких старичков, у которых францисканские монахи отняли детство.

Я долго стояла у подножия горы святого Фомы и смотрела на мрачные стены монастыря, где томились маленькие индийские узники, судьбами которых распоряжалась «преподобная мать ангелов».

Приюты есть почти в каждом католическом монастыре и в каждой миссии. Откуда берут детей? На этот вопрос ответить нетрудно. Посмотрите на улицы Мадраса. Сколько там бездомных маленьких бродяг, нищих, детей, за которыми не в силах присмотреть работающие с утра до вечера родители, детей, которых не могут прокормить. Их, голодных и неухоженных, подбирают монахи и миссионеры. Некоторые родители сами отдают детей в миссионерские приюты. И они становятся собственностью орденов и миссий. Детей заставляют забывать своих родителей и свои имена. За жидкую приютскую похлебку и застиранную одежду они платят всю жизнь.

Платят своими душами и совестью, своей страной и привязанностями, свободой и мыслями. Сиротские приюты — это тайна монашеского ордена. Секрет иезуитов и доминиканцев, августинцев и францисканцев. Приюты, созданные для обучения индийских детей, — это резерв католических орденов в стране. Из детей воспитывают миссионеров, соглядатаев и шпионов в монашеских рясах, людей, которые могут выполнить любую работу в ордене. Поэтому так тщательно скрываются их имена, их происхождение, а подчас и их лица.

Жесткая дисциплина, строгое соблюдение тайны в делах, великолепная организация, искусная проповедь антикоммунизма, прекрасное знание жизни своей индийской паствы и умение использовать ее в своих целях делают католическую церковь надежным оплотом реакции — не только индийской, но и международной. Известно, с каким остервенением выступали католические патеры против коммунистического правительства в Керале в 1957—1959 годах.

Квартал богатых особняков, окруженных садами, примыкает к собору святого Фомы и дому архиепископа. Здесь живут католики. Среди них немало деятелей партии «Сватантра». Но наиболее влиятельный лидер — Рутна Свами. Близкий друг самого архиепископа. Их дома соседствуют. Этот район собирает всегда солидное число голосов на выборах в пользу «Сватантры». Здесь на слова «коммунист» и «Советский Союз» реагируют так же, как и «преподобная мать ангелов».

Католическая церковь оплетает своими сетями город. Она разбрасывает их далеко, захватывая окраины и глухие районы.

Узкая улица утопает в полумраке, тускло горят редкие фонари. Где-то за обшарпанными домами и глинобитными хижинами шумит океанский прибой. На порогах домов и перед хижинами сидят усталые люди, тихо переговариваясь между собой. Но вот в конце улицы раздается дробь барабанов и нестройное пение. Обитатели улицы поднимают головы, с любопытством прислушиваются к необычным звукам. Потом один за другим они плетутся в конец улицы. Здесь несколько молодых людей бьют в бубен и барабан и поют какую-то бодрую и веселую песню. В центре этой странной команды я замечаю толстого седого патера с Библией под мышкой. Ритмы барабана и пение собирают вокруг патера все больше и больше народа. Один из молодых людей делает знак музыкантам и выступает вперед. Теперь барабан и бубен спокойно лежат на земле.

— Братья и сестры! — начинает человек на тамильском языке. Английского на таких улицах не понимают. — Вы пришли сюда по зову нашего господина Иисуса. Только он может направить ваши души на путь истинный.

Люди внимательно слушают. Веселая песня и звон бубна еще звучат в их ушах. Переход к проповеди несколько неожидан, но никто не расходится. Они ждут музыки и песен. В серых, трудных буднях этой улицы так мало того и другого, и католические проповедники хорошо это знают. Поэтому так весело звучат их гимны-песни и зазывно бьют барабаны. Молодого человека через несколько минут сменяет толстый патер. Он разворачивает Библию и начинает главную проповедь. Кое-кто уходит, махнув рукой, но большинство остается. Их терпение вознаграждается в конце проповеди еще несколькими песнями с бодрым припевом «Аллилуйя, аллилуйя» в ритме твиста. Такие бродячие команды христианских проповедников можно встретить вечером в любом уголке города: и в фешенебельных кварталах, и в поселках рыбаков, и в трущобах. Твист с вариациями «аллилуйя» обещает безгрешную и веселую жизнь под сенью христианских миссий...

Город Павлина

Квартал за кварталом шагают дома с черепичными и плоскими крышами от берега океана и останавливаются у Тейнампета и переулков, ведущих к главной улице — Маунт Роуд. Это самая древняя часть Мадраса — Майлапур. «Майлапур» значит «город Павлина». Майлапур существовал еще тогда, когда не было Мадраса и в помине, а предки Фрэнсиса Дея и Роберта Клайва жили в пещерах и одевались в шкуры убитых ими зверей. Прошло много веков, прежде чем появились Британия и Ост-Индская компания. И каждый из этих веков оставил свой след на древних улицах Майлапура. Возникали и развивались дравидийские империи. Один культ сменялся другим. Приходили и уходили завоеватели. А древний город продолжает жить. Теперь он не так велик, как прежде. Время и океан поглотили значительную его часть. Еще лет двести-сто назад в ясную тихую погоду поднимались над океанской гладью причудливые гопурамы храмов и остроконечные пагоды. Но со временем и они ушли под воду. Сейчас Майлапур — один из цен-

тральных районов Мадраса. Но до сих пор он хранит строгую планировку древних дравидийских городов, старинную резьбу на дверях его внутренних дворов, каменные статуи богов далеких предков. Причудливый, покрытый каменной скульптурой гопурам храма Капалисварар высится над крышами соседних кварталов. Храм посвящен богу Шиве. Майлапур — один из центров дравидийского шиваизма.

У подножия храма в тени деревьев сидят нищие. Едва прикрытые разноцветными лохмотьями женщины набрасываются на прохожих и кланчат бакшиш. Вы входите внутрь. Здесь неверный свет дипаков выхватывает из полумрака каменные и деревянные изображения индусских богов. Курятся благовонные палочки, бесшумно двигаются обнаженные до пояса жрецы. У алтаря, посвященного великому тамильскому мудрецу Тируваллувару*, несколько человек нараспев читают священные веды. Звуки древнего языка плывут в воздухе, насыщенном благовониями, и исчезают, как будто растворяются в синих струйках ароматного дыма.

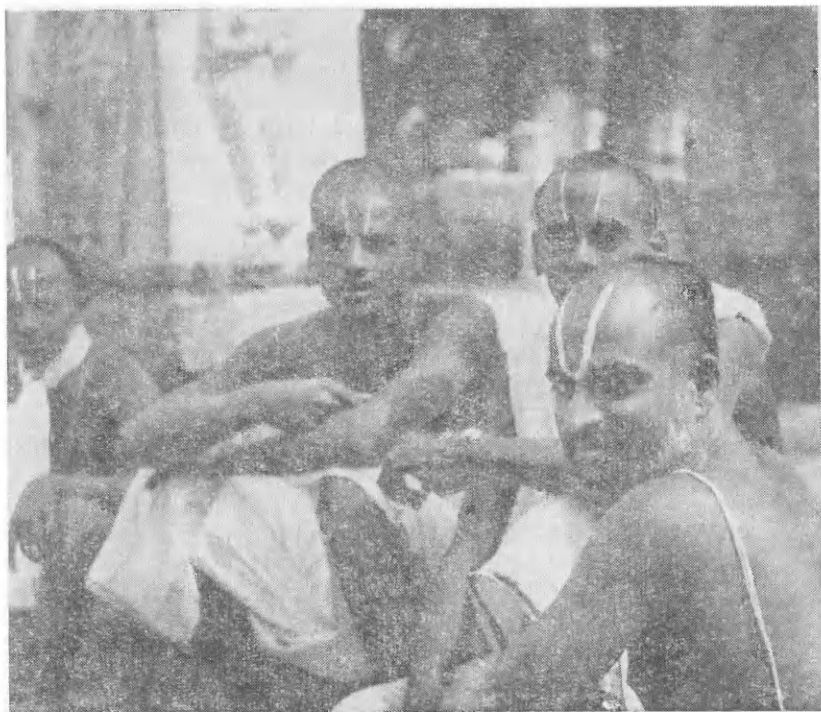
Приятно выйти вновь на улицу, залитую ярким тропическим солнцем. Храм отражается в воде «священного» водоема, по берегам которого растут кокосовые пальмы. На ступеньках, спускающихся к водоему, сушат свое платье принявшие ванну в «священных» водах. Здесь с восходом солнца совершают пуджу сотни горожан. Каждый день первые лучи солнца освещают покорно склоненные головы молящихся... Неподалеку от храма в тени большого баньяна можно увидеть несколько грубо вытесанных из черного камня фигур. «Эти божества, — говорит мой гид, — помогают женщинам излечиться от бесплодия». У камней на корточках сидят несколько женщин. Из боковой улочки, примыкающей к храму, внезапно раздаются звуки барабана и пение. Затем появляется весьма странная процессия. Впереди шествия идут музыканты и бьют в барабаны и литавры, вслед за ними несут человека, сидящего под балдахином. Несколько пляшущих мужчин замыкают процессию. Поза и лицо сидящего неестественны. Как выясняется,

* Тируваллувара традиция считает автором «Тирукурала» — сборника стихотворных изречений, одного из самых ранних произведений тамильской художественной литературы.

процессия — похоронная, а человек под балдахином — покойник. С первого взгляда кажется, что время остановилось на этих узких улицах около храма и люди живут и думают так, как тысячи лет назад. Но это только с первого взгляда...

Древность и современность, слитые воедино, образовали ту странную и своеобразную атмосферу, которой живет до сих пор город Павлина. Когда началась его история? Трудно сказать. О нем знали еще до нашей эры. Во II веке о нем писал римский историк Птолемей, называя его Малли-арфа. Во времена Птолемея сюда, в богатый и процветающий порт, заходили римские корабли. Матросы с удивлением смотрели на богатые храмы, на причудливые носы чужеземных кораблей, стоявших в порту, на цветные одежды темнокожих стройных женщин, на непроницаемые надменные лица брахманов. Римские корабли везли из Малли-арфа дорогие расшитые ткани, слоновую кость, обжигающие рот пряности, павлинов со сверкающими золотисто-зелеными хвостами и волнующие легенды об удивительных чудесах индусских святых и жрецов. Станный город разжигал воображение римских моряков и авантюристов. Он же распял и алчность римских купцов. Год за годом восточный муссон гнал в город Павлина римские галионы.

Этот же ветер надувал паруса португальских каравелл, которые появились под стенами города много веков спустя. Так рядом с Майлапуром возникло португальское селение Сен-Томе. Две разные культуры, две различные религии соседствовали бок о бок. Это было недоброе соседство для Майлапура. Постепенно португальцы свели его на положение Черного города при Сен-Томе. Время процветающего порта и имперской пышности Паллавов безвозвратно ушли в прошлое. Майлапур оказался в центре феодальной усобицы и войн. На протяжении XVII—XVIII веков город переходил из рук в руки. Его брала армия султана Голконды, завоевывали французы, грабили голландцы. Его отдавали в аренду компрадору Кази Виранне, им пользовался индусский раджа Пунамалли, его продавали португальцам. И наконец, наваб Карнатика подарил Майлапур Ост-Индской компании. Все эти превратности судьбы могли уничтожить любой другой город, только не Майлапур. В храмах продолжали поклоняться четырехрукому Шиве, темнокожие люди

*Дваждырожденные на ступенях
храма*

впрягались в колесницу Джаганнатха, а священные слоны, помахивая раскрашенными хоботами, шествовали за пышными процессиями, гибкие храмовые танцовщицы гремели браслетами, вторя ритмам табла, надменные лица «дваждырожденных» хранили непроницаемость. Индусские свами в своих обителях исправно читали священные веды, храмовые нищие протягивали прохожим плоские, сделанные из скорлупы кокосового ореха. В жарком предгрозые тропических ночей пылали погребальные костры по берегам рек и водоемов. Отверженные пари, неприкасаемые призрачными тенями скользили по окраинам города, боясь приблизиться к храмам

или брахманским кварталам. Дваждырожденные строго блюли древние традиции. Они продолжают это делать и сейчас.

Центр Майлапура и его прихрамовые районы занимают кварталы, заселенные брахманами. Это замкнутый мир, куда «чужих» пускают весьма неохотно. Семьи тамильских брахманов тесно связаны друг с другом кастовыми обычаями, священными ведами, сознанием своей избранности и превосходства над остальным человечеством. Жизнь ортодоксального брахмана надежно скрыта стенами его дома. Налет «тайнственности» этой жизни копился веками. Избранная богом каста дваждырожденных продолжает быть хранительницей тайных древних знаний. Только им доступен смысл вед и упанишад, только они владеют секретом мертвого санскрита, только они допущены к богам. Так думают дваждырожденные и те, кто еще верит в их избранность. Но жизнь нельзя остановить даже в четырех стенах брахманского дома. За такие попытки она мстит. Она превращает древние знания в окостеневшие догмы, подменяет их культом, суть которого утрачена потомками, превращает хранителей знаний в попугаев, бессмысленно повторяющих фразы древних священных книг.

Жречество — теперь не единственное занятие брахманов. Среди майлапурских брахманов вы найдете бизнесменов, учителей, преподавателей университета, политических деятелей, врачей. Английские власти в Мадрасе в свое время опирались на брахманов. В пику другим кастам этой предоставили возможность получать образование, занимать посты в государственном аппарате, участвовать в предпринимательстве. Мадрасские брахманы являются сейчас наиболее образованной и обеспеченной группой населения. И поэтому так сильны в городе антибрахманские настроения. Дваждырожденным не могут простить ни их надменности, ни кичливости, ни хорошо оплачиваемых мест, ни удачливости в делах.

...Люди, которых вы встречаете на каждом углу города Павлина, кажется, пришли из прошлого. На них белоснежные дхоти, по обнаженным торсам тянутся священные шнуры дваждырожденных. Лбы тщательно выбриты и разукрашены странными знаками. У одних — три белых параллельных полосы. Обладатели их поклоняются богу Шиве. У других — трезубец. Это вишнуиты.

Их длинные волосы стянуты сзади в узел или косичку. Люди медленно идут по улице, неся себя с осторожностью и достоинством. Косички, разрисованные лбы и шнуры — это древние реликвии, которые скрывают нередко вполне обычных и современных людей. Среди них вы можете встретить чиновника и владельца механической мастерской, физика и ботаника, садовника и просто рабочего. Но они все-таки брахманы. И это всегда надо иметь в виду.

Гуру Шастри

Шастри — тоже брахман. Но он не жрец, а гуру, учитель. Это даже выше, чем жрец. Гуру Шастри не ортодокс и очень этим гордится. Поэтому к нему можно приходиться свободно в гости, и он ни единым словом вам не намекнет, что сам принадлежит к «избранной» касте, а вы — почти неприкасаемый. Нет, гуру Шастри этого никогда не допустит. На мой взгляд, у него есть еще одна приятная черта. Он сторонник матриархата. Гуру исповедует культ «шакти», иначе, культ матери-богини. И если ты женщина, это приятно вдвойне. Случись вам встретить гуру Шастри на майлапурской улице, вы бы не поверили, что он духовный учитель. «Продувная bestия», — подумали бы вы. Маленькие хитрые глазки, лукаво улыбающиеся полные губы, жирный живот, нависающий над дхоти, и, наконец, роза, кокетливо воткнутая в волосы. Но тем не менее Шастри — духовный наставник и хранитель вековых тайн своей касты.

— Гуру, — спрашиваю я его, — почему вы не даете ясного ответа ни на один мой вопрос?

Шастри шумно втягивает носом воздух, срыгивает и отрывается от огромного блюда с рисом.

— Если бы можно было ответить ясно на каждый вопрос, — значительно говорит он, — то зачем тогда нужны учителя?

— Чтобы отвечать ясно на вопросы.

— Айе! — крикает гуру, и его маленькие глазки изучающе смотрят на меня. — Будь вы брахманом, мне было бы легче. Вот вы спросили о переселении душ. Откуда, мол, вам известно, что души переселяются? Так?

— Так, — утвердительно киваю я.

— А это, между прочим, наша древняя тайна. Вот будь вы брахманом...

— Почему же вы все держите в тайне?

— Тайна охраняет наш суверенитет, — важно замечает гуру Шастри, погружая руку в блюдо с рисом.

— А пуджа — тоже тайна?

— Тайна, тайна, — говорит гуру, жуя рис.

— И смотреть на эту тайну нельзя?

— Можно. Я ведь не ортодокс. Приходите и смотрите. Скоро будет пуджа у Кришнамурти.

Гуру Шастри не живет в своем доме. Ему там почему-то скучно. Он кочует по всему Майлапуру. По многу дней живет у своих учеников, за определенную мзду занимается совершать пуджу в домашних храмах состоятельных брахманов. Лукавый толстяк с розой в волосах бредет из одного дома в другой, с достоинством неся нелегкий груз тайн и секретов. Пуджа у Кришнамурти состоялась в первый день дасиры. Мы пришли туда с Махадевой, учеником гуру Шастри. На веранде дома, что-то напевая себе под нос, уже прогуливался гуру. Сам Кришнамурти, в дхоти, со шнуром дваждырожденного на левом плече, важно восседал на кресле в другом конце веранды. Его жена, немолодая женщина с бледным лицом и холодным взглядом светло-карих глаз, нахмурилась при виде меня. Но гуру пришел мне на помощь.

— Пусть посмотрит, — сказал он хозяйке, — это не повредит богине.

Женщина незаметно исчезла так же, как и появилась. В это время я заметила две пары любопытных глаз. Две головы попеременно высывались из боковых дверей и делали мне какие-то непонятные знаки. Я подошла и увидела девочку лет десяти и мальчика лет восьми.

— Ты откуда? — шепотом спросил меня мальчик.

— Из России.

— Ты Терешкова? — осведомилась девочка.

— Нет еще, — засмеялась я. — А вы кто?

— Я — Кришна, она — Сароджини. Что ты здесь делаешь?

— Пришла посмотреть пуджу.

— А... — протянула Сароджини. — Это папа пригласил гуру Шастри.

Дети оказались очень общительны. Гораздо общи-

тельное взрослых. Перебивая друг друга, они рассказали, что учатся в английской школе, что видели в журнале портрет Терешковой и что бабушка, которая сейчас сидит на кухне, готовит сама себе еду и не выходит на улицу. Никогда не выходила.

— Что же это у вас за бабушка? — поинтересовалась я.

— Она брахманка, — таинственно сообщила Сароджини. — Ей нельзя выходить, иначе она осквернится. И пищу сама себе готовит, чтобы никто ее не коснулся и не осквернил.

— А мы уже осквернились, — с удовольствием заметил Кришна.

— Как это осквернились?

— Да очень просто, — поддержала его сестра. — Мы учимся в школе, где не только брахманы. Бабушка теперь ругает папу за это и нас к себе в комнату не пускает. Она целый день сидит в этой комнате, читает священные книги и молится. Она говорит, что каждая брахманская женщина должна так делать. Иначе Шива не пустит ее в Кайласу.

— Он ее все равно не пустит в Кайласу, — хихикнул Кришна.

— Да, да, — зашептала Сароджини. — Вы знаете, у нас есть тайна.

— Интересно, что же это за тайна? — равнодушно сказала я.

Брат и сестра заговорщически переглянулись. Видимо, было не так легко сразу выдать секрет... Но, наверно, тайна давно распирала ребят, и теперь настал удобный момент.

— Мы вот что... — начал Кришна, — как только бабушка уйдет из кухни, мы туда пробираемся...

— И всю еду, — не вытерпела Сароджини, — оскверняем.

— Как это? — не поняла я.

— А вот так. Раз, раз, — и Кришна, присев на корточки, ладошкой похлопал вокруг себя. — А она и не знает, что оскверненные коснулись ее пищи.

— Ну и злоумышленники, — сказала я.

Юные «осквернители» потупили взоры.

— Зачем же вы это делаете?

— Чтобы она не попала в Кайласу. А то, — Кришна

напыжился, но лицо его приобрело неуловимо старческое выражение, — «я — брахманка, я — брахманка».

Сароджини не удержалась и рассмеялась.

В этом брахманском доме было явно неблагополучно. Тайные «осквернители» подрывали основы древних традиций на кухне своей бабки.

Меня позвали.

— Привет Терешковой, — на прощание сказала Сароджини. — И не говорите никому про нашу тайну.

— Хорошо, — кивнула я.

В углу центральной комнаты дома был расположен алтарь. На невысоком пьедестале, украшенном гирляндами цветов, стояло каменное изваяние богини. Вокруг нее горели масляные светильники и курились благовонные палочки. Неверные отсветы пламени играли на полуобнаженной фигуре гуру Шастри, восседавшего со скрещенными ногами перед идолом. Справа от гуру стояла корзина с розовыми лепестками, перед ним лежал поднос с цветами жасмина. Все происходившее потом казалось мне нереальным и фантастическим. Гуру разыгрывал странный спектакль, полный мистического значения для сидевших на полу брахманов. Но никто из них не смог потом объяснить смысла происходившего.

— Так надо, — отвечали они. — Так предписывает ритуал.

Гуру взял в левую руку серебряную палочку и коснулся ею воды в серебряном стакане. Затем стал бросать на богиню лепестки жасмина. Делал он это со значительным и задумчивым видом. Когда жасмин кончился, настала очередь розовых лепестков. Длилось это довольно долго. Падали лепестки, звякала палочка о края серебряного стакана, звучали молитвы на древнем санскрите, синий дым окутывал бесстрастное лицо каменной богини. Прошел час, прошло два. Таинство пуджи продолжалось. Гуру водил зажженным светильником перед богиней, звонил в колокольчик, предлагал идолу кокосовые орехи. И снова падали лепестки, снова плыл дым благовонных палочек. Мерцало пламя светильников, в напряженной тишине звучали слова давно забытого языка. Наконец пуджа кончилась. Гуру встал, брахманы распростерлись перед ним на полу. Лукавая улыбка заиграла на полных губах Шастри. Хитрые глазки зарыскали по комнате и, наткнувшись на блюдо с рисом,

удовлетворенно засветились. Даже гуру не мог обойтись одной духовной пищей.

Я вышла на улицу. Свежий морской бриз играл перьями пальм. В темноте наступившего вечера ярко светились окна дома журналиста Кришнамурти, где лукавый толстяк бросал розовые лепестки в бесстрастное лицо каменной богини, где старая брахманка в надежде на будущее блаженство подвергала себя добровольному заключению и где Кришна и Сароджини передали привет космонавту Терешковой.

Никто не назовет гуру Шастри ортодоксом. Он просто хранитель ритуальных таинств и священных знаний. Гуру не боится «оскверниться». Его заплывшие глазки доброжелательно смотрят на любого «низкорожденного». И гуру любит рассуждать о равенстве.

— Все люди равны перед богом, — говорит он.

— А как насчет тайны священных знаний? — спрашиваю я.

— Это привилегия брахманов, данная им богом.

— Значит, равенства в знаниях нет?

Гуру задумчиво чешет за ухом. Потом вынимает из волос розу и нюхает ее.

— В знаниях — нет, — решительно говорит он. — В остальном — да.

— Если нет равенства в чем-то одном, то его не будет и в другом.

Внимание гуру теперь целиком поглощено розой. Он делает вид, что не слышал моих слов. Наконец он отрывается от розы.

— Я за равенство, но то, что принадлежит брахманам, должно принадлежать им.

Храм в Адьяре тоже принадлежит брахманам. Он построен недавно. К святилищу примыкает небольшой крытый павильон. У этого храма я оказалась новогодней ночью. Там шла праздничная пуджа. Около каменного изваяния Вишну в святилище «колдовал» жрец. Он с трудом сгибал жирную спину. Видимо, мешал толстый живот. Когда жрец обернулся, я узнала гуру Шастри. Два его помощника-брахмана разбивали перед Вишну кокосовые орехи. Под резкие звуки храмовой трубы и гулкие удары барабанов гуру сыпал на каменные плечи Вишну розовые лепестки. Потом двери ярко освещенного святилища закрылись и в храме наступил полумрак,

который бывает в театральном зале после того, как опустят занавес. Три брахмана теперь общались с богами, и никто не знал, что происходит за этой закрытой дверью. Простые низкорощенные с благоговением ждали появления этих таинственных посредников. Неожиданно распахнулись двери святилища, пламя светильников заиграло на стоящих впереди людях, полуобнаженная фигура Шастри склонилась перед каменным богом, и зазвонили храмовые колокола. Звон поднимался к черному душному небу и плыл над узкими улочками Адьяра. Младший жрец вынес светильник, и десятки рук, ладонями вниз, потянулись к пламени. Двери закрылись, занавес упал, и новогоднее представление кончилось. Но рядом начиналось другое. Однако главными действующими лицами здесь были не брахманы.

На возвышении просторного, наспех сделанного помоста сидели два больших артиста Мадраса: Вишванатх — флейтист и Ранганатх — таблист и певец. Их мать, старая храмовая танцовщица, склонив седую голову, не отрываясь смотрела на сыновей. Многочисленные слушатели разместились прямо на полу, а вдоль стен в креслах восседали именитые, хорошо откормленные брахманы. Их надменные глаза равнодушно скользили по сидящим внизу людям и на какое-то мгновение задерживались на помосте с артистами. Дваждырожденные перебрасывались английскими фразами и лениво жевали бетель. Вишванатх поднес к губам простую бамбуковую флейту, и искристое серебро древней мелодии полилось в притихший зал. Флейтист исполнял один из старинных гимнов Вишну. Звуки то плавно текли, как спокойный лесной ручей, то разбивались, как волны моря, на тысячу трелей-брызг, то замирали где-то в отдалении и, жалуясь на что-то, вновь возвращались, полные силы и жизни. Старая танцовщица, отбивая ладонью такт, одобрительно кивала артисту. Но тот уже ничего не замечал. Серебряные струи звуков мягко подхватывались ритмами табла и растворялись в низком выразительном голосе певца. Звуки флейты росли, ширились и рвались туда, где сквозь небрежно крытую крышу пандала светились крупные яркие звезды. Музыка захватывала и околдовывала людей и заставляла отзываться на каждую ноту древнего странного гимна. Брахманы перестали жевать бетель и покачивали тяжелыми узлами волос в такт ме-

лодии, сидевшие на полу застыли в неподвижных позах, и только старая танцовщица продолжала отбивать ритм ладонью.

Флейта последний раз скользнула по губам Вишванатха и, зажата тонкими пальцами, опустилась. Последние ее отзвуки потонули в шуме аплодисментов и хвалебных криках. Вишванатх улыбнулся и вытер пот со лба белоснежным платком. Старая танцовщица обвела зал выцветшими глазами, и горделивая улыбка скользнула по ее иссохшим губам. Пожилой брахман, поддерживая одной рукой дхоти, тяжело взобрался на помост и надел на музыкантов гирлянды из розовых лепестков. Те склонились в приветственном поклоне.

Постепенно гасли светильники, последние кокосовые орехи были разбиты в честь Вишну, брахманы вереницей потянулись к своим машинам. Оба артиста и их мать оказались у них на пути. Брахманская река осторожно обтекала старую танцовщицу и ее сыновей, но ни разу не вышла из берегов, чтобы коснуться кого-то из них. Лица артистов были усталы и печальны. Им отдали все полагающиеся в таких случаях почести, и теперь начиналась обычная жизнь, где брахман есть брахман, а сын храмовой танцовщицы только сын низкорожденной. Невидимая стена стояла между этими тремя и дородными посетителями храма. К артистам никто не подошел, они не услышали слов благодарности. И только гуру Шастри, стоя в группе брахманов, улыбнулся им лукавой и неверной улыбкой...

Когда в городе праздник

Праздники... Праздники индусские и мусульманские, праздники христианские и сикхские, праздники общиндийские и южноиндийские, праздники тамильские и только мадрасские, храмовые праздники и праздники в честь местного божества. Они обрушиваются на город каскадом огней и иллюминации, ревом труб и стуком барабанов, всплесками фейерверков и взрывами хлопучек, красочными процессиями и звоном колоколов, буйством танцев и исступлением молитв.

В августе город отмечает праздник в честь бога мудрости Ганеши. Бог с головой слона и маленькими улыбающимися глазами не только мудр, но и устраняет всяческие препятствия с вашего пути. Поэтому так многолюдно ясным августовским днем в храме Ганеши на приморской улице. Толпы празднично одетых людей текут по улице. Вокруг храма плотным кольцом сидят продавцы цветов. Тут же на земле расставлены глиняные статуэтки почитаемого бога. Глина сырая, и, когда берешь фигурку в руки, она легко поддается под пальцами. В толпе во всех направлениях плывут цветные гирлянды бумажных зонтиков. Это зонтики для Ганеши. Если покупаешь глиняного Ганешу, надо обязательно приобрести зонтик. Зонтик втыкают в глиняную спину бога, предохраняя его от солнца. Почти каждый несет Ганешу с цветным бумажным зонтиком.

В святилище храма стоит большой каменный бог. Его хобот мирно покоится на скрещенных ногах, а улыбчивые глаза мудро смотрят на людей, бьющих у его ног кокосовые орехи. Орехи раскалывают, и кокосовое молоко обильно заливает темные плиты. Шлепая по лужам босыми ногами, люди устремляются туда, где стоят изображения девяти планет. Надо обойти планеты девять раз, и ваше задуманное желание сбудется! Мудрый Ганеша, задобренный кокосовыми орехами, позаботится об этом. Желаний у мадрасцев очень много, и поэтому весь день не иссякает очередь около девяти планет. А бог со слоновьей головой насмешливо щурит маленькие глазки, ибо только он один знает, чьи желания сбудутся, а чьи нет. Вот, осторожно переступая лужи, пробирается к планетам ростовщик с соседней улицы. Толстый, как и у бога, живот нависает над дхоти. Ганеша устранит все препятствия на его пути, потому что ростовщик разбил перед богом десять орехов. Тонконогий рикша, оставивший свою коляску перед входом в храм, пожертвовал только один орех. Каменный бог не знает, что рикша потратил на этот орех половину своего дневного заработка. Желания рикши исполняются очень редко. Но он не теряет надежды и каждый год терпеливо ждет своей очереди у девяти планет, где бог насмешливо щурит каменные глаза.

Весь день не убывает толпа около храма Ганеши. Весь день по улицам города идут люди, бережно неся

глиняные фигурки с бумажными зонтиками. Они заполняют набережную и подолгу стоят, любуясь удивительным мадрасским закатом. У самого горизонта по оранжево-пурпурному небу плывут черные тучи. Пурпур растет, размываясь по краям, и вдруг неожиданно выбрасывает семь розовых лучей. Они расширяются, их цвет становится ярче, и начинает казаться, что по малиновому небу тянутся голубые лучи. Постепенно неистовый малиновый цвет смывает с неба голубую краску, та гаснет и исчезает, и теперь только один цвет царит над городом. Малиновый отблеск ложится на улицы, дома, людей, на глиняные фигурки Ганеши. И только в океане голубой цвет продолжает бороться с розовым. Силуэты кокосовых пальм резко чернеют на фоне малинового неба и розово-голубого океана. Наконец малиновый цвет, исчерпав себя, начинает меркнуть, превращается в розовый и, смешавшись с голубизной неба, спускает на землю сиреневые сумерки. Только на горизонте еще долго горят красные угольки потухающей зари.

На приморской улице зажигаются огни. Ацетиленовые фонари освещают выстроившихся в ряд глиняных Ганеш. Гирлянды цветов, лежащие в корзинах, начинают резко и дурманяще пахнуть. В освещенный прямоугольник храмовых дверей все входят и входят люди. Под аккомпанемент барабана появляется группа странно одетых людей. Они что-то кричат и поют, стараясь привлечь к себе внимание. Это бродячие актеры. В центре группы, покачивая хоботом из папье-маше, пляшет веселый Ганеша. Громким хриловатым голосом он обещает всем исполнение желаний всего только за две анны. Женщина в помятой кофточке собирает медные монеты, а Ганеша все танцует. Потом он снимает маску, веселый бог исчезает, и я вижу печальные глаза уже немолодого человека.

На следующий день по городу опять несут глиняные фигурки Ганеши. Люди идут к берегу океана, и многочисленные статуэтки, поднимая брызги, исчезают в волнах. Теперь океан хранит удачу мадрасцев.

На севере этот праздник называется «дасира», или «десять дней», на юге — «навратри», или «девять ночей». И здесь он не связан с подвигами Рамы, а посвящен трем богиням: Лакшми, Парвати и Сарасвати. По городу идут в эти дни процессии, в храмах тесно от желающих при-

сутствовать на праздничной пудже, а в домах каждая хозяйка украшает лучшую комнату куклами и фигурками богов. Женщины ходят друг к другу в гости и придирчиво осматривают кукольные выставки. Дети замирают перед искусными композициями и сценками из жизни трех знаменитых богинь. Чем богаче дом, тем разнообразнее «выставка».

В мадрасских колледжах в этот праздник совершается обязательная пуджа в честь богини Сарасвати — покровительницы знаний и образования.

Праздники начинаются по-разному. Однажды среди ночи я проснулась от грохота. Я прислушалась и поняла, что где-то стреляют, а временами что-то взрывают. Создалось впечатление, что чья-то вражеская армия берет приступом город и в Мадрасе идут уличные бои. Я посмотрела на часы, стрелки показывали три часа ночи. А канонада все усиливалась. Я оделась и вышла. В черном небе светились яркие звезды. Вдруг среди них расцвел, переливаясь всеми красками, гигантский цветок фейерверка. И снова все вокруг загрохотало. Тогда я вспомнила, что сегодня начинается «дивали». Утром весь город дымился от взрывов шутих, хлопушек, лент, начиненных порохом. «Канонада» гремела весь день. Вечером, когда город украсился праздничной иллюминацией, когда перед входом в лавки зажгли масляные светильники, вновь вспыхнули огни фейерверка и по улицам поплыл кислотоватый запах пороха. Три дня продолжались «уличные бои», три дня слабонервные люди выходили из дома с опаской. «Канонада» оказалась небезобидной. В городе в эти дни было несколько пожаров. От неосторожного обращения с порохом подорвались несколько мальчишек. Но праздник шел своим путем. Мадрас сверкал огнями, вдыхал пороховой дым, молился богине благосостояния Лакшми, совершал торжественные омовения в священном Майлапурском водоеме и участвовал в храмовых процессиях.

Не успевает город забыть грохот ночей дивали и фейерверки в честь бога Кришны, победившего демона Наракасура, как улицы вновь украшаются к празднику. В середине января наступает понгал — праздник урожая. Из деревни он шагает в город, и на мадрасских улицах появляются связки сахарного тростника. Рога быков и коров покрываются затейливыми узорами, их шеи

торжественно украшают гирлянды цветов. Веселый понгал идет по городским улицам, напоминая о тех, кто кормит город своим трудом.

Свадьба — тоже праздник, к которому начинают готовиться с того дня, когда в доме появляется ребенок. Все традиции этого праздника должны быть соблюдены, а это стоит недешево. Иногда сумма свадебных расходов достигает 10—20 тысяч рупий. Многим такой праздник не по карману, и поэтому в Мадрасе так много неженатых мужчин, особенно в кварталах городской бедноты. Ну а те, у кого есть деньги, делают все наилучшим образом.

В весеннем месяце, апреле, когда город беспокойно мечется в душных жарких ночах, наступает сезон свадеб. Музыка свадебных процессий раздаётся и в фешенебельных районах и в трущобах. Каждый вечер освещенные факелами или зеленоватым сиянием ацетиленовых ламп едут женихи. Старые и молодые, красивые и уродливые, в дорогих костюмах и в рубашках из домотканого материала. Одни едут на лошадях, другие — в лакированных «фордах» и «кадиллаках», третьи — в повозках рикш, а иные идут пешком. Многие из них впервые увидят свою невесту на свадебной церемонии. Родители или родственники все сделали сами. Но есть и такие, которые уже знают своих суженых и получили их согласие. Астрологам в сезон свадеб предстоит много работы. Они составляют гороскопы женихов и невест. Далеким звездам, мерцающим душными ночами над городом, не подозревают, какую важную роль они играют в судьбах молодых мадрасцев. Если гороскопы жениха и невесты совпадают, свадьба состоится. Если будут какие-то несоответствия, свадьбе не бывать. Чем больше платят астрологу, тем гороскопы лучше. Если же у вас денег мало, ваша судьба целиком зависит от хитрого уличного астролога. Гороскоп можно заказать по своему желанию. А вот с кастой дела обстоят гораздо серьезнее. Согласно древней традиции жених и невеста должны принадлежать к одной касте, а иногда и подкасте. Брахманка выходит замуж за брахмана. Но если невеста из айеров, а жених из айенгаров, свадьбе не бывать. Так решили жрецы, так гласят законы касты, так считают старики. Касты в Индии ликвидированы конституцией 1950 года. Но то, что жило тысячелетиями, сразу не уходит. Требуется нема-

лое мужество, чтобы пойти на нарушение кастовых законов. Межкастовые браки в городе — явление пока нечастое. Против кастовых традиций протестуют по-разному. Одни порывают с семьей, другие покидают родной город, а третьи... Вот послушайте, что делают иногда третьи.

Ранним апрельским утром полиция наткнулась на берегу реки на два трупа — девушки и юноши. Тут же рядом была найдена записная книжка и пустая бутылка из-под яда. Как выяснилось, юношу звали Сунил Каматх, а девушку — Налини Кулкарни. Они принадлежали к разным кастам, но полюбили друг друга. Любовь ведь не соблюдает кастовых законов. Сунил и Налини потеряли надежду получить согласие родителей на брак и добровольно покончили счеты с жизнью. Конечно, это не выход из положения. У Сунилы и Налини хватило минутного мужества, чтобы выпить яд. А у других хватает этого мужества на всю жизнь. И тогда они стойко выносят положение, которое называется «вне общества». Они ведут нелегкую, а подчас отчаянную борьбу за свое человеческое достоинство, за признание права свободного выбора супруга или супруги. И борьба эта всегда приносит свои плоды. Древние устои касты оказываются не столь крепкими, как это кажется с первого взгляда.

Десятки и сотни свадебных приглашений разносит мадрасская почта в весенний сезон свадеб. Приглашения тоже разные. Одни отпечатаны на плотной блестящей бумаге с золотым тиснением, у других бумага похуже и типографский шрифт попроще, третьи просто отпечатаны на машинке или написаны от руки.

В один из апрельских дней в моей почте оказалось такое приглашение. Здесь было все: и плотная дорогая бумага, и золотое тиснение, и красивая пропись букв в имени высокого чиновника.

Для свадебной церемонии был снят специальный зал на главной улице города. Перед залом в аккуратно подстриженном парке замерли автомобили всех марок и размеров. На одном из них был флажок главного министра штата Мадрас.

В зале перед павильоном, обклеенном серебряной бумагой, стояли стройные ряды удобных кресел, люминесцентные светильники щедро освещали хорошо одетых и улыбающихся мужчин и женщин. Жених и невеста принадлежали к процветающей в городе касте мудалиа-

ров. Позади кресел стояли музыканты в белой униформе.

На помосте в павильоне перед ярко горящими светильниками в белой рубашке и дхоти сидел молодой жених. Его шею украшала гирлянда из розовых лепестков. Рядом с женихом возвышался жрец с брахманским узлом на затылке и монотонно читал мантры. Жених, склонив голову, не отрываясь смотрел куда-то в сторону. Главный министр штата, окруженный чиновниками, восседал в кресле около павильона. Жрец взял кокосовый орех и, тяжело поднявшись, направился к главному министру. Тот склонился над орехом и сделал благословляющий жест. Гости и родственники окружили плотным кольцом павильон, а жрец с подносом, полным риса, обошел присутствующих. Каждый брал щепоть риса с подноса. Оркестр заиграл что-то бравурное и веселое, а из боковой двери в сопровождении нескольких женщин появилась девушка. На ее красном сари сверкала золотая кайма, и тихо позванивали браслеты на тонких смуглых руках. Теперь я поняла, куда так напряженно смотрел жених. Он ждал появления невесты. Девушка, не поднимая глаз, прошла к павильону и села рядом с женихом. По его губам скользнула чуть заметная улыбка.

— Вот они и встретились, — сказал мой сосед. — Сейчас они видят друг друга в первый раз. У вас в Европе, наверно, все по-иному?

— Да, у нас по-иному, — ответила я. — Но, кажется, этому юноше понравилась его невеста.

— Конечно. — Мой собеседник пристально посмотрел на сидящую в павильоне пару. — Иначе и быть не могло, ведь их гороскопы совпали.

— Но для любви одного гороскопа мало.

— Ничего, они полюбят друг друга. Был бы правильный гороскоп.

В это время в павильон поставили таз с водой. Сгорбленные и седоволосые старик и старуха, оставив обувь у ступенек, поднялись в павильон и ступили ногами в таз.

— Смотрите, — сказал мой словоохотливый сосед, — это старшие в семье жениха. Его прадед и прабабка. Он должен обмыть им ноги в знак уважения к старшим.

Жених, читая молитву, обмыл ноги своим предкам. То же самое сделала и невеста. Затем в павильоне появились дед и бабка невесты. Прадед не дожил до этого

торжественного дня. Вновь повторилась церемония отмывания ног. Теперь обе пары предков с чистыми ногами восседали в креслах и, улыбаясь, посматривали на молодых. Около павильона, ловя разные ракурсы, толпились фотографы и кинооператоры. Вращались под толчком фены, жужжали кинокамеры, вспыхивали и гасли юпитеры. Казалось, что идет какой-то спектакль, участники которого после съемок спокойно разойдутся по своим домам.

Кто-то из родственников подал жениху тали — ожерелье, которое носит замужняя женщина на юге. Жених надел тали на шею невесты, и та, не поднимая глаз, подставила ему лоб. Жених украсил его красной точкой кум-кума. Где-то в конце зала раздались удары табла, запела флейта, все вскочили с мест и стали бросать рис в павильон, где сидели новобрачные. Жених и невеста обменялись цветочными гирляндами. Откуда-то сбоку от сидящих поднялся дым и полыхнуло пламя. Это зажгли традиционный свадебный костер из мангровых ветвей. Невеста бросила несколько горстей риса в горящие ветки. В это время жених поднялся и, взяв невесту за руку, пошел с ней вокруг огня. Она шла за ним, не смея поднять глаз, очень юная, почти девочка. Было видно, как вздрагивают тонкие пальцы ее свободной руки, а капельки пота проступают над верхней губой. Священный огонь мангровых ветвей связал этих двоих навсегда. Окруженные родственниками, они вышли из зала и направились к автомобилю, украшенному цветочными гирляндами. Он нагнулся к ней и, улыбаясь, что-то сказал, а она вскинула испуганные глаза и беспомощно оглянулась вокруг. Ее родители стояли в стороне, делая вид, что ничего не заметили. И только мать, отделившись от остальных, сделала несколько шагов в сторону дочери. Но муж повелительным жестом остановил ее. Резко хлопнула дверца автомобиля, и свадебный кортеж, непрерывно сигналив, направился к дому жениха. Праздник кончился. Начинались будни, и только они могли по-настоящему проверить гороскопы и решить, был ли прав астролог или нет.

В сезон свадеб светятся цветными огнями богатые виллы и особняки, поют флейты на улицах, сотни и тысячи рупий, бережно скапливаемых всю жизнь в кварталах бедняков, уходят так, как будто их и не было...

На сцену вышла немолодая, полнеющая женщина с усталыми глазами. Небрежно откинула конец голубого сари и внимательно посмотрела на публику. Что-то там ей, видимо, не понравилось, и она отошла со скучающим видом от края сцены. Музыканты, сидевшие около кулис, о чем-то переговаривались, и женщина в голубом сари присоединилась к ним. Она произнесла несколько фраз и снова вразвалочку прошла по подмосткам, с задумчивым видом рассматривая набитый до отказа зал, потушенную люстру и свисающие сверху складки тяжелого занавеса. Казалось, она случайно попала на эту сцену и дружные аплодисменты, встретившие ее появление, вовсе не относились к ней. Наверно, она и не собиралась танцевать, иначе вряд ли бы пренебрегла традиционным эффектным выходом индийской танцовщицы. Глядя на нее в тот момент, можно было бы подумать: «Почему эта немолодая женщина в красивом голубом сари, явно приготовленном для бхаратнатьям, оказалась на сцене прославленной музыкальной академии Мадраса?» Как бы нехотя и лениво она подняла полную обнаженную руку и подала знак музыкантам. Рассыпалась дробь табла, и женщина сделала несколько медленных движений. И совершилось чудо превращения. Исчезла усталая, стареющая женщина, и появилась грациозная, полная огня и жизни великая Баласарасвати. Каждый ее жест был скульптурен и выразителен. На сцене оживало удивительное древнее искусство девадаси — храмовых танцовщиц. Никто уже не помнил о том, что женщина была немолода, что под ее глазами лежали морщины, а стан располнел. Она двигалась на сцене стремительно и легко. Ее лицо становилось то лукавым и озорным, то удивленно-глуповатым, то задумчивым, то кокетливым, то испуганным. Влюбленность сменялась решительностью, растроганность — гневом. На этом удивительном лице жили иногда отдельной жизнью чудесные глаза, в которых порой сосредоточивался весь смысл исполняемого танца. Перед зрителями выступала не только искусная танцовщица, но и большая драматическая актриса.

Баласарасвати танцевала бхаратнатьям в манере абинайям. Традиционный канонизированный бхаратнатьям

*Баласарасвати —
королева абинайям*

сошел в современность со стен храмов, на которых веками плясали каменные танцоры. Абинайям сохранили и донесли до наших дней живые люди, представители древней касты девадаси. Движения бхаратнатьям точны, техничны. Бхаратнатьям посвящен богам, и танцоры говорят с ними языком раз и навсегда установленных жестов. Абинайям Баласарасвати полон жизни, он посвящен человеку и обращен к обычным человеческим чувствам. Скульптурные позы ее танца были только фоном, а не основным содержанием. И на этом фоне жили лицо, тело и душа девадаси, которая стремилась донести до зрителей всю тонкость чувств и переживаний богов-людей, а не богов-идолов. Ее Кришна был человеком, чуть лукавым, добрым и влюбчивым, Сита показывала глубину женского страдания, а Шива при всей его мудрости обладал не очень хорошим характером, был не сдержан и сварлив. Баласарасвати, размышляя, осторожно лепила танцевальный образ, и он, созданный ее вдохновением и талантом, оживал, наполнялся искристым юмором, драматизмом поступков и конкретной правдой жизни. Повторяя свои танцы из года в год, она не создала двух одинаковых образов. Каждый раз пастушеский бог Кришна звучал у нее по-иному, а Сита наделялась то трагизмом, то лиризмом. Безупречные артистические интуиция и вкус ни на мгновение не изменяют ей. Если, танцуя, она неожиданно начинает петь, ее пение бывает столь же выразительным, как и танец. Она живет на сцене и сценах. И она работает на ней. Результаты этой работы потрясающие и необыкновенные. С небольшим перерывом она танцует три-четыре часа подряд. Ни один исполнитель не выдержал бы такой нагрузки, она под силу только творцу. Когда кончается концерт Баласарасвати и гремят аплодисменты, на сцене вновь появляется, скупно и мудро улыбаясь, очень усталая, немолодая женщина с пятнами пота на кофточке. Великая Баласарасвати — одна из тех, в ком живет подлинная Индия и ее древняя культура, не сломленная веками гнета и унижений.

...Двор танджавурских правителей в XVII веке славился своими музыкантами, певцами и танцорами. В замке-дворце почти каждый вечер устраивались концерты. Перед восседавшим на троне правителем выступали музыканты и танцоры. Все они были из касты

девадаси. Люди этой касты посвящали своих женщин храмам, и те становились музыкантами, певицами и танцовщицами. Мужчины касты учили девочек искусству веселого служения богам. Сами они не танцевали, но были прекрасными учителями. Их называли «наттуванарами». Они знали тонкости бхаратнатьям, секреты впадения в экстаз и были строги и неумолимы. Каждая девочка должна стать храмовой танцовщицей или певицей — таков был закон касты. У женщин-девадаси не было иного пути. Они танцевали и пели в храмах, впадали в экстаз и посвящали свои песни богам и правоверным индусам. Бхаратнатьям был основным стилем танца девадаси. На севере Индии этот стиль исчез вместе с девадаси, когда в страну пришли мусульманские завоеватели. На юге англичане сделали немало для того, чтобы погибла древняя культура и искусство. Но девадаси бережно сохраняли старинные традиции. В тамильских храмах и при дворах раджей и правителей они продолжали танцевать бессмертный бхаратнатьям.

Самой знаменитой танцовщицей в Танджавуре в те далекие времена была Папаммал. Она положила начало плеяде талантливых музыкантов и танцоров. Ее дочь, Рукмини, была известным музыкантом и композитором. Ее внучка, Камакши, оказалась не менее знаменитой, чем бабка. Она была танцовщицей в танджавурском дворце, и ее последний танец был представлен на суд двора, когда актрисе уже исполнилось 75 лет. У Камакши было двое детей. Сын, Аппаккану, стал композитором, а дочь, Сундраммал, играла на вине. Свое умение и талант Сундраммал передала дочери Дханам, которая оказалась не только выдающимся исполнителем произведений карнатикской музыки, но и великолепной танцовщицей. Дханам умерла в 1938 году, оставив после себя дочь Джаямму и внучку Баласарасвати. Джаямма была незаурядным музыкантом и актрисой, и поэтому Балу все время окружали танцы и музыка. Баласарасвати оказалась наследницей бережно передаваемых из поколения в поколение семейных традиций. Она родилась в мае 1918 года, и первые звуки, которые коснулись уха девочки, были утренней рагой.

Когда ей исполнилось четыре года, пришел ее наттуванар. Его звали Кандаппан Пиллаи. Учитель был строг, педантичен и искусен. Он поднимал девочку на рассвете,

показывал движения, объяснял их смысл и, отбивая такт тонкими сухими пальцами, заставлял ее повторять их. Он работал с ней, как со взрослой, не обращая внимания на неокрепшие ноги и детскую угловатость движений.

Потом семилетнюю Балу повезли в Канчипурам. Там в большом красивом храме Аманакши Амман ей впервые предстояло выступить перед зрителями. В храме собралось много народу, всем хотелось посмотреть маленькую танцовщицу. Джаямма нервничала и посматривала на дочь, которую одевали в танцевальный костюм. Учитель стоял около музыкантов и давал им последние наставления. Бала по-взрослому придирчиво осмотрела свой костюм, уверилась, что у браслетов чистый звон, и решительно подала знак музыкантам. Дробь табла рассыпалась под сводами храма, и в такт ей под колоннами с каменными богами зазвенели браслеты танцовщицы. Девочка была совершенно спокойна и только иногда бросала взгляды на учителя, ища его одобрения или порицания. Она исполняла танец посвящения девадаси. Бала захватила зрителей сразу. В ней была уверенность искусного артиста, грация и привлекательность будущей девадаси. Ее детское лицо передавало традиционную гамму чувств с опытностью и выразительностью зрелой танцовщицы.

На следующий день весь город говорил о танце Баласарасвати в храме Аманакши Амман. «Поразительно, потрясающе!» — отзывались о девочке знатоки бхаратнаьям.

Баласарасвати поняла, что ее танец понравился. С детской непосредственностью она сказала учителю: — Теперь я танцовщица.

— Ослица ты, а не танцовщица, — ответил наттувар и презрительно усмехнулся. — Я никогда не учил хвастунов. Поэтому не хочу тебя учить, — и он направился к двери.

Бала побежала за ним, хватала его за рубашку и просила прощения. Учитель вернулся. Больше Бала не говорила ничего о себе.

Теперь уроки продолжались вдвое дольше обычного. У нее не было времени играть со сверстниками. Мать сама учила ее читать и писать. Вечерами она рассказывала ей о великих танцовщицах танджавурского храма

и пела древние песни девадаси. Все чаще задумывалась Джаямма, глядя на дочь. Она не хотела отдавать ее богам. «Божественный экстаз храмовых танцев — нужно ли это девочке? — думала она. — Бала, несомненно талантлива, очень талантлива. Имею ли я право запереть ее в храм и превратить в утеху богатых брахманов? Не лучше ли сделать ее искусством достоянием многих? Пусть все видят, что древний бхаратнатьям не умер. Хорошо было бы, если бы Бала стала профессиональной актрисой, а не просто девадаси». Джаямма размышляла об этом долгие ночи напролет и наконец решилась.

— Кандаппан, — сказала она учителю, — я не хочу, чтобы Бала стала девадаси. Ее предназначение иное.

— Амма, я тоже думал об этом, — опустил голову учитель. — Но подумай, на что ты ее обрекаешь. В храме она всегда будет на своем месте. Нашу профессию презирают кшатрии и брахманы. Но в храме они не могут этого делать. Никому не дано нарушать законы богов, даже брахманам. Ты выпустишь ее в мир, и она изопьет до дна чашу презрения и пренебрежения. Там ни боги, ни наши законы ее не защитят. Подумай об этом.

— Я уже решила, — ответила Джаямма. — Пусть эта горькая чаша прольется и на мою голову. Но люди достойны лучшего. Бала станет их радостью. Они смягчат ей горечь презрения. Пусть она танцует для людей.

Кандаппан вздохнул.

— Хорошо, амма. Положись на меня. Я сделаю Балу профессионалом.

— Как? — воскликнул через несколько дней жрец танджавурского храма. — Эту девочку хотят сделать артисткой, а не девадаси? Джаямма сошла с ума.

— Да, да, — повторяли за жрецом старейшины касты девадаси, — женщина сошла с ума. Она посягает на наши древние традиции. Кто же их будет хранить, как не сами девадаси?

Но Джаямма стояла на своем. Не помогали ни просьбы, ни угрозы. Она понимала, что танджавурские жрецы будут драться до последнего за красивую и талантливую девадаси. Оставаться дальше в Танджавуре становилось опасным. И семья переехала в Мадрас. Им удалось снять тесный, грязный домишко на окраине Майлапура. В Мадрасе не было специального квартала

для девадаси, и Джаямма с детьми оказались «чужими» для соседей. В Мадрасе состоялся профессиональный дебют Баласарасвати. И многие поняли, что восходит новая и яркая звезда бхаратнатьям.

А учитель становился все требовательнее и строже. Бала выступала на подмостках Мадраса, Танджавура и Канчипурама вместе с прославленными танцорами бхаратнатьям, не уступая им ни в чем. Но она так и не дождалась ни слова похвалы или одобрения от человека, мнением которого дорожила больше всего. Стараясь использовать в полную меру драматическое дарование Баласарасвати, он начал обучать ее манере «абинайям». И через несколько лет ее стали называть «королевой абинайям». В ее исполнении абстрактный классический бхаратнатьям наполнился конкретным содержанием и стал близок тысячам людей.

Настал день, когда учитель опоздал на урок. Он пришел на час позже, празднично одетый, в новой белой рубашке. Кандаппан окинул взглядом стройную сильную фигуру Баласарасвати и уселся на привычное место. В тот год ей исполнился 21 год.

— Урока сегодня не будет, — заявил он.

— Почему? — испуганно вскинула на него глаза ученица.

— Я ухожу. Я не учу профессионалов. Они могут это делать сами. — Глаза Кандаппана засмеялись первый раз с тех пор, как его знала Баласарасвати... Она низко нагнулась и коснулась ладонями ступней ног учителя.

Шел год за годом. Баласарасвати танцевала древний бхаратнатьям, покоряя людей силой своего искусства и удивительной артистичностью. О ней много писали, ее называли великой, награждали аплодисментами и дарили цветы. Казалось, теперь она достигла всего. Но только немногие знали, чего ее лишили. Человеческого уважения. Для своих она была низкорожденной, для белых хозяев — рабыней. Девадаси, осмелившаяся стать профессиональной танцовщицей, пила свою горькую чашу. Независимость несколько смягчила эту горечь. Музыкальная академия Мадраса сделала ее своим членом, ей присуждали премии, ее награждали почетными званиями. Слава «королевы абинайям» росла и ширилась. Ее приглашали в Дели и Бомбей, в Калькутту и Тривандрам, в Хайдарабад и Бхубанешвар. По всей Индии

возникали школы бхаратнатъям, и Баласарасвати охотно их консультировала. О ней стали писать книги, искусствоведы исследовали манеру ее танца. В 1961 году она гастролировала в США, затем в Англии, Японии, Малайе, на Филиппинах. Дочь девадаси с триумфом шла по сценам зарубежных столиц. Ее имя было поставлено в один ряд с Анной Павловой, Галиной Улановой, Марго Фонтейн.

Поклонники и почитатели великой Баласарасвати вряд ли знали или догадывались о том, что она все еще ютится в тесном домике на окраине Майлапура. Этот домик расположен в грязном тупике, рядом с индусским отелем «Даса Пракаша». Вечерами я часто туда заходила. Две маленькие комнаты с обшарпанными стенами и с каменным полом устланы циновками. Хозяева и гости обычно сидели на этих циновках. Во второй комнатке стояла широкая деревянная кровать, на которой лежала старая и больная Джаямма. Рядом с кроватью громоздились поставленные друг на друга чемоданы с пестрыми наклейками европейских и американских отелей.

— Приходите к нам сегодня вечером, — как-то сказал мне Ранганатх, брат Баласарасвати. — Вишванатх будет играть на флейте. Я знаю, вы любите флейту.

Когда я переступила порог первой комнаты, Джаямма подняла седую, трясущуюся голову и натянула на плечи лоскутное потертое одеяло.

— Добрый вечер, Джаямма! — сказала я.

— Входи, входи, — Джаямма помахала сухой старческой рукой с тонкими, длинными пальцами. — У нас многие бывают, и ты, русская, к нам приходи. Я слышала, в твоей стране тоже любят музыку и танцы. Вишва уже становится хорошим музыкантом, — продолжала старуха. — Я тоже когда-то играла и пела. Ты слышала об этом?

— Конечно. Вас многие помнят в Мадрасе.

— Память людская коротка, — затрясла головой Джаямма. — Нас помнят, пока мы молоды и красивы. Когда девадаси стареют, они никому не нужны, кроме своих детей. — И она посмотрела слезящимися глазами на сидевших у стены Вишванатха и Ранганатха.

— Мама... — начал Ранга. Но Джаямма уже не слышала его, она, казалось, снова уснула.

Вишванатх поднес к губам простую бамбуковую флейту, и грустная мелодия наполнила тесную комнату. Джаямма не шевелилась. И только когда Вишве удалось одолеть с блеском сложную музыкальную фразу, она неожиданно подняла голову и одобрительно кивнула. Больная и старая Джаямма была знающим и внимательным слушателем. Потом Ранга исполнял песни знаменитого Тьягарайи, и каждый раз в удачном месте поднималась седая голова старой девадаси. Было уже совсем поздно, когда в комнату, легко ступая, вошла Баласарасвати. За ней шла высокая красивая девушка. Это была Лакшми, дочь Баласарасвати. Обе они, мать и дочь, не прерывая музыкантов, опустились на циновку. Великая танцовщица узкими глазами окинула сидевших в комнате, слегка улыбнулась, и около ее рта резко обозначились складки, придававшие лицу какое-то трагическое выражение. Прислонившись спиной к стене, она молча следила за братьями и не присоединялась к разговору, который вспыхивал в интервалах. Только внимательные глаза и крепко сжатые губы выдавали внутреннюю напряженную работу, все время происходившую в ней.

— Бала, — спросила я ее, — вы очень устали?

— Я не устаю от танцев, — негромко сказала она, — я устаю от людей.

Вишва, опустив флейту на колени, внимательно посмотрел на сестру и шутливо заметил:

— Бала произнесла целую речь.

— Не очень веселую речь, — сказала я.

— Обычную. — И пальцы Вишвы прошлись по отверстиям флейты. — Публика нам аплодирует и любит наши концерты. Когда мы выступаем, нас окружают поклонением. А после концерта те же поклонники из высших каст не считают нас за людей и даже не отвечают на наши вопросы. От этого, конечно, можно устать.

— Вот русская всегда отвечает на мои вопросы, — неожиданно подняла голову Джаямма.

Все засмеялись.

— Да, да. Не смейтесь. Она совсем не гордится и сидит с вами на полу.

— Джаямма, — сказала я. — У нас нет высших и низших каст. Для меня все равны.

— Это для тебя, но не для них. Они дети девадаси.

И Лакшми — девадаси, — старуха кивнула в сторону Лакшми.

— Какая же я девадаси? — улыбнулась Лакшми, — я просто студентка. А потом стану магистром искусств.

— Ты меня не проведешь, — вдруг по-девичьи хихикнула Джаямма. — Ты спишь и видишь, чтобы стать танцовщицей. У тебя это в крови, как и у твоей матери.

— Конечно, сплю и вижу. — Лакшми гордо вскинула красивую голову.

— Значит, хочешь, чтобы все повторилось? — с горечью спросила мать.

Лакшми не ответила и пристально посмотрела туда, где на тощей, засаленной подушке лежала седая голова великой Джаяммы, девадаси, ее бабки. Я повернулась к Баласарасвати и встретила ее взгляд. В узких глазах великой танцовщицы была затаенная боль.

В Мадрасе говорят: «школа Баласарасвати». Такая школа существует в действительности, и расположена она на территории музыкальной академии. Это просторный зал, крыша которого покрыта пальмовыми листьями. Баласарасвати сюда приходит каждый день, садится в плетеное кресло, придирчиво осматривает собравшихся здесь девочек и девушек и подает знак. Рядом с ней располагается Лакшми. Баласарасвати недовольно щурит на нее узкие глаза, но понимает, что без Лакшми ей не обойтись. Дочь год от года все тоньше чувствует бхаратнатьям и разбирается в нем лучше, чем в политике или истории. Она редко говорит, но ее советы мать безоговорочно принимает. Две девушки выходят вперед и становятся перед Баласарасвати в позицию. Одна из них изображает цыганку, другая — ее подружку. Начинается репетиция из танцевальной драмы о любви бога Субраманиама к простой девушке.

— Готовы? — спрашивает Баласарасвати и, отбивая такт ладонью, начинает петь. Сильный и выразительный голос знаменитой учительницы передает все драматические оттенки происходящего действия. Она совсем не похожа на строгого и жестокого Кандаппана. Она ведет репетицию доброжелательно, спокойно и даже, кажется, рассеянно. Баласарасвати ласково поглядывает на танцующих, одобрительно кивает, если получается хорошо, мягко подсмеивается над теми, чьи старания не прино-

сят желаемых результатов, и никогда не сердится. Она особенно внимательна к младшим. В обращении с ними сй никогда не изменяет чувство юмора. Иногда ей приносят бетель, и она, не выпуская его изо рта, продолжает петь. Ее пение — единственный аккомпанемент во время занятий. Иногда ее взгляд становится задумчиво-отсутствующим, пение теряет выразительность. Танцующие удивленно переглядываются. Тут-то и начинается самое главное.

— Разве так говорят о любви? — неожиданно спрашивает Баласарасвати. — Смотри внимательно.

Выражение рассеянности мгновенно исчезает с лица учительницы. Оно неузнаваемо преображается, и молодая влюбленная, полная жизни девушка смотрит на незадачливую ученицу. Потом девушка вновь превращается в немолодую женщину, уставшую от долгой репетиции. От внимания Баласарасвати ничего не укрывается. Ни движения, ни настроения, ни озорство учениц. Она успевает подмечать все вокруг. Вот во дворе школы появляется кто-то из знакомых. Баласарасвати, не прерывая пения, подходит к окну, смотрит пристально на идущего, а потом неожиданно очень верно и смешно передразнивает его походку. Все смеются.

— Долгое напряжение убивает чувства, — говорит она. — Всегда нужна разрядка. — И снова строго поглядывает на танцующих.

Репетиция продолжается. Кончается она всегда неожиданно. В середине какой-нибудь сцены Баласарасвати внезапно поднимается и говорит:

— Пошли.

Это означает, что сегодня ученицы больше уже ничего не смогут сделать. Баласарасвати никогда не тратит лишних слов. И никогда не задерживается после репетиции. Она и так провела на занятиях целый день. С 9 утра до 6 вечера. Музыкальная академия оценивает такой день всего в 25 рупий. 25 рупий — стоимость дорогого билета на концерт Баласарасвати.

По вечерам, когда ярко освещаются залы музыкальной академии, дочь девадаси Баласарасвати выходит на сцену. Большим усилием воли она стряхивает с себя усталость, подает знак музыкантам, и на подмостках каждый раз совершается чудо абинайяма, которое под силу только великому творцу и артисту.

— Так, значит, вы русская, — сказал господин Дораб.

— Да, — подтвердила я еще раз.

— И мадам Блаватская — ваша соотечественница?

— Конечно.

— Так, так, — широко улыбнулся господин Дораб. — Вы интересуетесь нашим обществом?

— Интересуюсь.

— Это, наверное, из-за мадам Блаватской?

— Нет, не только. Я интересуюсь многим, что связано с этим городом.

— А... — несколько разочарованно протянул господин Дораб и посмотрел в окно маленькой конторы, в которой мы сидели. За окном среди берегов, поросших казуариной, плавно текла широкая река Адьяр. Чуть выше того места, куда уходила река, синел морской горизонт. Там Адьяр сливалась с океаном. Мурлыканье текущей воды действовало убаюкивающе, а из зарослей казуарины тянуло сырой и пахучей прохладой.

— Так что же вы хотели бы знать о нашем обществе? — обернулся снова ко мне господин Дораб.

— Все что можно. Я ведь ничего о вас не знаю.

— Странно, — задумчиво сказал секретарь. — Хотя, конечно, нет, — возразил он сам себе. — Вы ведь запретили деятельность общества в своей стране. Вы не скажете почему? — зеленые глаза господина Дораба вопросительно смотрели на меня.

— Я даже не знала, что оно у нас было, — сказала я.

— А все-таки вы, русские, интересный народ, — неожиданно оживился мой собеседник. — Вот и Блаватская была русская. У вас, как бы это сказать точнее, открытый разум. Да, да, именно открытый разум. Просветленный. Вам очень многое стало доступным. Космос, например. Ваша наука сделала большие успехи и объяснила многое. А вот наше общество появилось тогда, когда наука была не в состоянии осмыслить некоторые явления природы. Да и сейчас немного ей удается в этом отношении. Теософия же могла объяснять эти загадочные явления посредством религии.

— Что же может объяснить религия, как таковая?

— Ну, не сама религия, конечно, а те древние зна-

ния, которые она хранит. И не одна религия, а все. Ведь слово «теософия» означает «божественная мудрость». Мы стараемся собрать эту мудрость, используя все религии. Даже в атеизме есть своя мудрость. Но для нас теперь не это главное. Мы боремся за равенство во всем мире и всеобщее братство. Вы, русские, кажется, тоже этого хотите?

— Конечно, хотим. Но мы и сделали для этого немало.

— Согласен, согласен, — заторопился господин Дораб.

— А что сделало Теософское общество? — спросила я.

— Видите ли, — задумался секретарь, — мы готовим людей духовно к этому братству, воспитываем их.

— Как же вам это удастся, если даже некоторые члены общества недостаточно воспитанны в этом отношении?

— А что такое? — встревожился Дораб.

И я рассказала ему о случае, который произошел со мной в библиотеке общества. Престарелая мисс, американка, работавшая в каталоге, не захотела дать мне на минуту карандаш, чтобы записать название книги. Она считала, что в библиотеку без карандаша не ходят. Мой карандаш, очевидно, выскользнул у меня по дороге. Какой-то индеец сжалился надо мной и предложил свой. А мисс, зажав крепко в руке карандаш, рассерженная, удалилась из каталога. Какое же здесь братство, если человеку жалко для другого карандаша?

— Да, — сказал секретарь, — она дама с характером. Не каждому удается проникнуться духом братства. Но тем не менее мы работаем над этим.

Мы распрощались с господином Дорабом довольно любезно.

— Прошу вас, — сказал он, — подумайте об обществе, мы ведь с вами не очень расходимся во взглядах. А русских у нас совсем нет.

Я обещала подумать.

Территория Теософского общества, утопающая в садах и зелени, раскинулась на несколько сот акров на берегу реки Адьяр. Адьяр — один из фешенебельных районов Мадраса. Теософское общество, основанное в прошлом столетии Еленой Петровной Блаватской, — своеобразный городок, живущий своей жизнью. На его

территории расположены многочисленные здания жилых домов, отелей, учреждений, храмов, мастерских, школ. Каждая улица этого городка имеет название, связанное с деятельностью общества. Улица Блаватской, улица Основателей, улица Субрамания Айера, улица Арийцев, Сады Безант, Храмовая улица. Часть улиц залита асфальтом, некоторые чисто подметены и посыпаны песком. Целого дня недостаточно, чтобы осмотреть этот городок.

На берегу реки стоит двухэтажное здание штаб-квартиры общества. С его розовых стен смотрят мудрым взглядом слоновьи головы. В мраморном прохладном зале этого здания у гладких колонн стоят статуи Блаватской и Олкотта. Рядом с изображением Будды помещен бюст Анни Безант. Мраморный пол всегда здесь натерт до блеска и похож на поле ледяного катка. К залу примыкает библиотека общества. Это одна из богатейших библиотек Мадраса, насчитывающая 60 тысяч книг и 15 тысяч древних и старинных рукописей. Многие из них написаны на пальмовых листьях. Среди этих рукописей находится 1000 редчайших тамильских манускриптов. От главного здания узкая тенистая улочка ведет к отделу публикаций. Здесь на полках его магазина вы обнаруживаете публикации древних источников самых различных стран и народов, книги Блаватской, Олкотта, Безант и других деятелей общества. Работы чисто религиозного содержания стоят попеременно с различного рода оккультными исследованиями. Здесь вам могут продать открытки с портретами основателей общества, отчеты о его деятельности, буклеты.

Отсюда улица Блаватской приведет вас к знаменитому баньяну, которым по праву гордятся теософы. Говорят, что ему более 500 лет. Его крона распространилась почти на 6 тысяч квадратных метров. В тени этого дерева могут сидеть одновременно 3 тысячи людей. Огромный массивный ствол, состоящий из сросшихся малых стволов, похожих на толстые лианы, стоит в центре площадки. Здесь лунными ночами происходят собрания общества. За баньяном, по берегу реки, тянутся густые заросли казуарины. Заросли подходят вплотную к воде, и у самой их опушки вы натываетесь на небольшой водоем, заполненный цветущими лотосами. Сиреневые и розовые лепестки цветов красиво оттеняют стро-

гий гранит двух могил. Здесь кремировали Анни Безант и похоронили пепел президентов общества Лидбитера и Эрандейла. Место называется «Сад воспоминаний». Сюда, как и в индусский храм, надо входить без обуви. К юго-востоку от «Сада воспоминаний», в противоположном конце городка, рядом с манговой рощей, находится место кремации. Члены общества придерживаются индусского погребального обряда. По всей территории разбросаны храмы, представляющие различные религии. На берегу небольшого водоема стоит буддийская ступа, сквозь деревья проглядывает черепичная крыша католической церкви, блестит на солнце белый мрамор куполов мечети, крылатые боги украшают фасад зороастрийского храма, возвышаются похожие на крепость стены масонского храма, в зарослях казуарины неожиданно вырастает синагога, мелодично звонят колокола индуистского храма.

Во всем городке, на его чистых тенистых улицах, в рощах, на уютных площадках, царит покой и умиротворение. Люди в индийских одеждах проходят медленно, не торопясь. Все вокруг напоено свежим речным и морским воздухом. Все располагает к отдыху и размышлениям.

Так выглядит Теософское общество извне. И лишь немногие знают или догадываются, какие странные истории происходили за его изгородью. С именами каких интересных, а подчас загадочных людей оно было связано. Часть неразгаданных тайн до сих пор надежно похоронена в его стенах.

Основатели

Ее называли загадочной личностью и шарлатанкой, великим учителем и русской шпионкой. Ей приписывали таинственные оккультные силы и уникальную способность к мошенничеству. Она обладала незаурядным мужеством и литературным даром. Была хорошим организатором, способной журналисткой и неудержимой фантазеркой. Ее жизнь похожа на приключенческий роман с неизбежными элементами фантастики.

Эта жизнь началась самым обычным образом в 1831 году в семье русских князей Долгоруких. Когда девочке исполнилось 11 лет, умерла ее мать. Вместе с братом и сестрами она была перевезена в дом своего деда Фадеева, который в то время был губернатором Саратова. Будущая основательница теософии, говорят, отличалась рядом странностей. Характер у нее был вспыльчивый и необузданный. Она, по всей видимости, была одарена рядом не совсем обычных способностей, существование которых сейчас наукой уже не отрицается. В ней было что-то от ясновидящей. Она владела какими-то элементами телепатии. Правда, при этом она утверждала, что общается с духами мертвых, но такие вещи можно смело оставить на ее совести. В 1848 году она вышла замуж за генерала Блаватского, наместника Эривани. Через три месяца она сбежала от него в Египет. Ее влекли к себе древние страны, она надеялась, что найдет там тайные знания, которые делают человека могущественным. Из Египта она отправилась в Афины, затем в Смирну и Малую Азию. В это же время она пыталась проникнуть в Тибет, но безуспешно. В 1851 году Блаватская прибыла в Лондон. Оттуда она уехала в Южную Америку, затем посетила острова Тихого океана и через некоторое время оказалась в Индии. Там снова сделала попытку попасть в Тибет, но была задержана английским пограничным отрядом и выслана по этапу. Около 1853 года она вернулась в Англию через Китай, Японию и Америку. Затем снова побывала в Америке и, вернувшись в Англию в 1856 году, сразу же отправилась в Египет, а оттуда в Индию. Накануне сипайского восстания она предприняла третью безуспешную попытку проникнуть в Тибет. После неудачи она возвратилась в Россию и два года жила в Тифлисе. В 1863 году она покинула Россию и вновь отправилась в Египет. Оттуда попала в Иран и Центральную Азию. И только в 1864 году Блаватская проникла в Тибет. В течение десяти лет она меняла страну за страной, город за городом. Италия, Индия, снова Тибет, Россия, Египет, Греция, Франция и, наконец, снова Америка.

Здесь, в Америке, Блаватская встретила полковника Олкотта, который интересовался модным в то время спиритизмом и с удовольствием слушал рассказы странной русской о Востоке. В Нью-Йорке и других городах

Америки возникали всякие «ложи» и «братства» спиритов. Они гоняли блюдечко по кругу, вызывали духи великих людей и фотографировались в обнимку с привидениями. Блаватская и Олкотт охотно посещали спиритические сеансы и даже стали членами некоторых «братств». Но в этих «братствах» были свои руководители, и будущие теософы оказались на положении рядовых спиритов. Блаватская никак не могла придумать что-нибудь такое, чтобы превзойти спиритов с их банальными духами. Наконец подвернулся молодой архитектор Фелт. Он заявил, что открыл тайну пропорций в египетской архитектуре. Но это было не все. Фелт обнаружил, что египетские жрецы были великими магами и могли вызывать «духи элементов». Это уже было кое-что. Спириты не могли вызывать духи элементов. Вот тогда и пришла мысль создать Теософское общество. Это случилось в Нью-Йорке в 1875 году. 17 других спиритов дали согласие стать его членами. Новое общество объявило, что только оно владеет тайнами жизни, и потребовало к себе соответствующего уважения. Блаватская выступила с программным заявлением в спиритической прессе. Она сказала, что существует магия, которая делится на белую и черную. Спиритические круги Америки были потрясены. Почему они не додумались до такого? Теперь всем было ясно, что Блаватская и Олкотт их обскакали. Все давно уже привыкли к духам. А вот магия — это было что-то новое и волнующее. Вдохновленное первым успехом, Теософское общество поставило перед собой великолепную цель: «собирать и распространять знания о законах, которые управляют вселенной». Черная и белая магия оказалась в числе этих законов. Фелт читал свою лекцию о «потерянном законе пропорции египтян» и обещал продемонстрировать представителей первой древней расы. Но для этого ему понадобились деньги. Много денег. Он их получил. Все общество готовилось к торжественной встрече с выходцами из далекого прошлого. А представители первой расы все не появлялись. Наконец терпение членов общества иссякло.

— Где Фелт? — спрашивали они. — И где его первая раса?

Деньги тоже исчезли. Общество оказалось перед острым кризисом. Необходимо было найти замену Фелту

и восстановить престиж теософов. И такую замену нашли. Это был обнищавший барон де Пельм. Вернее, не сам барон, а его труп. Барон умер, а его труп начал свои «загробные» скитания по Нью-Йорку. Барона решили кремировать и соблюсти при этом «восточный» ритуал. Ритуал, по замыслу Блаватской, мог восстановить веру в «таинственные силы» теософов. Но кремация тогда еще была незнакома Америке, и полиция запретила сожжение. С драгоценным трупом теософы носились почти полгода. Его замораживали, потом бальзамировали, читали над ним заклинания. И наконец полиция сдалась.

— Делайте, что хотите, — сказал Олкотту полицейский комиссар, — но чтобы это безобразие кончилось. Я больше не потерплю этого дурацкого трупа у себя в городе.

Труп сожгли, и вновь Теософское общество оказалось не у дел.

...В июле 1877 года на улицах Нью-Йорка появились странные люди. Они были завернуты в белые бурнусы, из-под которых поблескивали загадочные глаза. Пришельцы оказались арабами. Они не знали английского языка и знаками просили есть. Их было ровно тринадцать, ни больше ни меньше. По городу ходили слухи, что арабы потерпели кораблекрушение где-то около Нью-Йорка. Никто ничего о них определенного не знал. Никто, кроме Блаватской и Олкотта.

— По всей видимости, они ищут нас, — сказал Олкотт. — В их беспорядочных блужданиях по городу есть какая-то целенаправленность. Надо им помочь.

Так тринадцать таинственных арабов появились в Теософском обществе. Они тарашили свои «загадочные» глаза на мужчину с пышной бородой и странную даму, одетую в длинное свободное платье. Мужчина и дама сидели перед ними, чего-то ожидая. Арабам стало не по себе. Они устали и хотели есть. Их пришлось накормить. Потом они поднялись и молча покинули основателей общества.

— Не правда ли, — оживилась Блаватская, когда хлопнулась дверь за последним, — в них столько странного и таинственного. Они нас испытывали, я в этом уверена.

Полковник был настроен более скептически и промолчал.

Через неделю в Нью-Йоркской гавани бросил якорь корабль с Тринидада. Его капитан сообщил, что тринадцать руководителей мятежа во французских владениях в Африке сбежали, скрываясь от преследований.

Теософы были в отчаянии. Ни Америка, ни Европа их не желали признавать. Теперь оставалась только Индия. Как удалось выяснить Олкотту, в Индии существовало общество, которое называлось «Ария самадж». Во главе общества стоял свами Даянанд. «Ария самадж» конца XIX века была индуистской просветительской организацией, призывавшей к возрождению древней культуры Индии. При известии об «Ария самадж» фантазия основателей Теософского общества вновь неудержимо заработала. Олкотт назвал «Ария самадж» «одним из величайших и благодетельнейших религиозно-философских братств, когда-либо организованных». А Блаватская объявила свами Даянанда «адептом оккультного гималайского братства». Теперь при помощи «Ария самадж» теософы решили создать «универсальное братство рас». Их намерение присоединиться к «Ария самадж» повергло в паническое настроение правоверных индусов, в том числе и свами Даянанда. Последний никак не мог взять в толк, что нужно этим странным европейцам от «Ария самадж». Он выслал Олкотту и Блаватской программу организации. В ней ничего не было ни «от «гималайского братства», ни от оккультных наук. Но теософов это не остановило. Их неудержимо влекла к себе эта организация с ее проповедью древней ведической религии. Это было так таинственно, можно было изобрести такие ритуалы и, наконец, возвыситься над простыми смертными.

Бомбей встретил путешественников потоками горячего тропического солнца. На причале стояла делегация от «Ария самадж». Развевались шафрановые одежды, священные четки обвивали шеи, длинные волосы ниспадали на плечи. Столь экзотической делегации не мог представить себе даже Олкотт.

— Теперь мы на верном пути, — прошептала Блаватская. — Разве люди в таких одеждах могут быть обычными или ординарными?

— Вы правы, как всегда, — ответил Олкотт.

Несмотря на легкое недоумение и испуг при первоначальном известии о прибытии столь странных друзей,

самаджисты были полны чувства гостеприимства. В колониальном Бомбее прибытие основателей теософии стало сенсацией № 1. Блаватскую и Олкотта осаждали журналисты, профессора различных наук, английские чиновники. Христианские миссионеры насторожились. Эти двое явно подрывали устои христианской религии, присоединившись к организации язычников. Настороженность вскоре перешла во вражду.

Но христианские миссионеры мало интересовали Блаватскую и Олкотта. Они обсуждали с «адептом гималайского братства» важнейшие вопросы: каким должен быть ритуал в теософской организации. Свами Даянанду ритуал занимал мало. Но когда теософы сами его разработали, руководитель «Ария самадж» пришел в ужас. В этом ритуале ничего не было от ведической религии.

— Если это повторится, я вас изгоню, — пригрозил он им.

Он уже жалел, что так легкомысленно связался с людьми, о которых знал так мало. Правда, немалую роль при этом сыграли деньги, которые они ему выслали на нужды организации. Но денег было немного и оплатить его терпения они не могли. Терпение это через несколько лет пришло к концу. Олкотт и Блаватская впали в буддизм. Этого правоверный индус им уже простить не мог. «Адепт» действовал быстро и решительно. Он издал циркуляр, которым запретил самаджистам общаться с теософами, «такими атеистами, лгунами и эгоистами».

Теософы нуждались в деньгах, но достать их было трудно. Олкотт занялся было торговой деятельностью. Он решил экспортировать в Америку индийские статуэтки, шкуры тигров и духи. Но затея принесла сплошные убытки. Тогда они стали обивать пороги княжеских дворцов. Каждого индийского раджу или махараджу Блаватская подозревала в связях с Белым гималайским братством. Пышные одежды раджей, их дворцы и драгоценности производили на Блаватскую неотразимое впечатление. Вырождающихся самодуров, страдающих патологическими пороками, она принимала за представителей особой расы. Князя принимали ее по-разному. Одни не пускали ее на порог, другие откупались подачками, третьи предлагали деньги, если Блаватская про-

демонстрирует свою «силу». Но это не поколебало ее веры в их «избранность».

Олкотт в это время ездил по Индии, читая платные лекции. Теософское общество постепенно начинало завоевывать себе место в стране. В 80-е годы в Индии зарождалось национальное движение. Возникла тяга к ценностям собственной культуры. Проповедь теософами равенства, возрождения древних традиций и философии привлекла немало индийских интеллигентов. Более благоразумно настроенный Олкотт пытался отделить эту деятельность общества от всего оккультного, непонятного и таинственного.

В 1881 году с помощью состоятельных индийцев Олкотт приобрел земельный участок на берегу реки Адьяр в Мадрасе. Вскоре там было сооружено первое здание, где и разместилась штаб-квартира общества. Здесь же, в Мадрасе, разыгрался скандал. Блаватская была обвинена в шарлатанстве. Благоразумный Олкотт сделал заявление, что всякого рода чудеса и оккультные науки не являются основными в работе общества. Блаватской предложили уехать в Европу и поправить там свое здоровье. В мае 1885 года Блаватская покинула Индию.

Олкотт расширял территорию Адьяра и строил новые здания. Была заложена большая библиотека. Члены общества читали лекции по индийской философии, комментировали тексты древних источников и участвовали в заседаниях Индийского национального конгресса. В 1891 году Блаватская умерла в Лондоне. Олкотт пережил несколько неприятных месяцев, опасаясь, что тень Блаватской навсегда поселится в Адьяре. Но этого не случилось. Правда, неприятности все-таки были, но они имели несколько иной характер. На мировую арену деятельности по совершенствованию человечества вырулила Катарина Тингли в сопровождении семи преданных сподвижников. Она основала Вселенское братство. Теософскому обществу в нем она отвела второстепенное место. Этого Олкотт не мог ей простить. Более того, в самом Теософском обществе началась драка за высокие посты. Олкотт был в отчаянии и наконец пригрозил коллегам, что покинет свое износившееся тело. Запахло еще одним скандалом. Постепенно страсти улеглись, и с 1897 года в обществе воцарился мир. На радостях возд-

вигли статую Блаватской и учредили День белого лотоса в честь годовщины ее смерти. В первый же такой день накормили 300 бедных рыбаков. Пользуясь мирной обстановкой, президент общества начал вести несколько рассеянный образ жизни. Он регулярно посещал приемы и ужины в городе. Особенно ему нравились балы. Там он много танцевал и ухаживал за молодыми англичанками. Таинственные силы больше не смущали его душу. В феврале 1907 года он легко покинул свое износившееся на балах и приемах тело. Президентом стала Анни Безант. Президенты сменялись на своих постах, общество продолжало работать как просветительская организация с религиозным уклоном. Отделения общества были созданы во многих странах мира, там, где интересовались культурой древней Индии и ее философией.

Началась вторая мировая война. Фашистская Германия оккупировала Европу, а императорская Япония — Азию. К дыму пожарищ и взрывов примешался едкий дым газовых печей и крематориев огромных концлагерей. Миллионы людей гибли не только на войне. Их расстреливали и сознательно уничтожали новые хозяева Европы и Азии. Пацифисты из Теософского общества проповедовали абстрактный мир и всеобщее братство. На фоне происходившего это выглядело смешно и нелепо. Нужна была активная борьба против фашизма и войны, но теософы были не в состоянии ее вести. Однако немецкое гестапо прекрасно понимало, на чьей стороне симпатии членов общества. Они запретили деятельность общества сначала в Германии, а затем в оккупированных европейских странах: Франции, Голландии, Бельгии. Многие руководители общества погибли в фашистских застенках. Другие были арестованы за укрывание евреев. В Индии теософы пожертвовали тысячу фунтов стерлингов пострадавшим от войны. В 1942 году над Индией нависла угроза вторжения японских войск. Из Адьяра спешно эвакуировали архивы. Американцы по требованию своего консула покинули городок и укрылись в горах. Над всем миром бушевала война, а в Адьяре по-прежнему работали группы по созерцанию, читали вслух «Бхагават Гиту», пели священные гимны и изучали жизнь основателей религии. Спокойствие Адьяра не было потревожено и тогда, когда английские самолеты на бреющем полете расстреливали демонстрации борцов за

независимость Индии, а танки давили восставших крестьян. Жизнь в городке текла своим чередом. Она не нарушилась, когда после войны страна сотрясалась от погромов и индусско-мусульманской резни, инспирированных английскими властями. Правда, члены общества выступали с лекциями о религиозном мире и помогали беженцам — индусам и мусульманам. Борьбу за установление мира между индусами и мусульманами Индии в свое время начала Анни Безант, чье имя прочно связано с Адьярмом и национально-освободительным движением.

Дочь Альбиона. Явление Христа народу

Она покинула свое тело — так говорят о смерти теософы — в 4 часа дня 20 сентября 1933 года. Ее положили в мраморном зале. Расшитое золотом сари спадало мягкими складками на шелковое полотно эмблемы Теософского общества. Седые пышные волосы, забранные в узел, были украшены цветами жасмина. Цветы пахли резко и тревожно. Дымок ароматических палочек плыл в тишине, где звучал только монотонный голос жреца-брахмана. Тысячи мадрасцев целый день шли один за другим через мраморный зал, на какое-то мгновение задерживаясь у помоста. В прибрежных зарослях казуарины был уже готов кремационный костер, сложенный из сандалового дерева. А через несколько дней после этого от причала в Бенаресе отошла лодка, украшенная цветами. Она плавно скользила по мутной поверхности Ганга и остановилась, когда достигла середины реки. Индеец в белом дхоти открыл серебряный кубок и высыпал в воду горстку пепла. Это было все, что осталось от Анни Безант, президента Теософского общества и участницы движения за независимость Индии.

Анни Безант приехала в Индию в 1893 году, когда ей было 47 лет. До этого она успела сделать многое. Английская аристократка по рождению, она порвала с христианством и увлеклась мистикой, выступала против собственного правительства и требовала самоуправле-

ния Индии, протестовала против социального неравенства и участвовала в работе профсоюзов, помогала русским политическим эмигрантам и организовывала демонстрации безработных, поддерживала освободительное движение в Ирландии и произносила речи в защиту буров. Она была прекрасным организатором, талантливым оратором и журналистом. Как политический деятель она была одарена многими незаурядными качествами, но тяга к мистике осталась у нее на всю жизнь.

Многое в ее судьбе решила встреча с Блаватской, в которую она сразу поверила и которую защищала всю жизнь. Великие деятели национально-освободительного движения Индии ценили ее и восхищались ею. «Когда я учился в Лондоне в 1888 году, — писал Ганди, — я стал, подобно многим, восхищаться Брэдли и Безант. Представьте себе мое волнение, когда в одно прекрасное утро я прочел в лондонской прессе, что Анни Безант стала теософкой под влиянием Блаватской. Я был просто юношей, никому не известным. Я был бы более чем удовлетворен, если бы я смог коснуться края одежды мадам Блаватской и ее выдающейся последовательницы. Но я не смог, хотя некоторые друзья любезно взяли меня в Ложу Блаватской. Когда доктор Безант приехала в Индию и покорила страну, я вошел в близкий контакт с ней. И хотя мы имели политические разногласия, мое преклонение перед ней не уменьшилось». Джавахарлал Неру впервые встретил Безант в 1901 году. «Одним из выдающихся событий моей жизни, — вспоминает он, — был день, когда я впервые встретил Анни Безант. Мне было 12 лет, и ее личность, и легенды, которые окружали ее героическую карьеру, и ее ораторское искусство потрясли меня. С мальчишеским восхищением и преданностью я смотрел на нее и не отставал ни на шаг. Потом наступило время, когда много лет я едва видел ее, но восхищение ее величием и ее незаурядной личностью продолжалось. Много лет спустя я опять сблизился с ней на политической арене и снова стал ее преданным почитателем».

Анни Безант приехала в Мадрас как теософка. И сразу же включилась в просветительскую деятельность общества. Она организовала в Бенаресе Центральный индийский колледж и много времени отдавала воспитанию его студентов. Безант с большой симпатией относилась

к культуре индийского народа и его обычаям. У нее было много друзей среди индийцев, и в их домах она была желанным гостем. Ее называли «бари мэм-сахиб» — «большая европейская леди». Эта европейская леди ходила в сари, сидела, скрестив ноги, и всегда предпочитала индийскую пищу европейской. Индийцам она читала лекции об их священных книгах и древней культуре. Она занималась йогой, и твердо верила, что йога помогает человеку достичь степени махатмы. Но вместе с этим в ней никогда не умирала аристократка. Эта противоречивость ее характера нередко вызывала недоумение у друзей. Отвергая условности, как это делали индийцы, Безант в то же время скрупулезно придерживалась английских «хороших манер». Ее коробило, когда на мужчине не было шляпы, не разговаривала с теми, кто ей не был представлен. Она проявляла всегдашнюю почтительность в отношении к князьям. Махараджа Бенареса был ее другом. Владетельный принц имел привычку принимать гостей, восседая на мраморном троне. Гостей он сажал на ковер у подножия трона. С европейцами махараджа был осмотрительнее. Он принимал их в отдельной комнате. Однако Безант добровольно проходила унизительную процедуру приема во дворе своего высородного друга. Когда один знакомый поинтересовался, зачем она это делает, Безант ответила ему:

— Но, мой дорогой, он же князь!

Этот аристократический консерватизм наложил отпечаток и на ее политические взгляды. Английский король был для нее неприкосновенен. Она принимала в своем колледже принца и принцессу Уэльских (будущего короля и королеву) в 1906 году, когда вся Индия поднялась против британского господства. У нее в кабинете всегда висел портрет Георга V. Она сохраняла лояльность трону даже тогда, когда стала принимать участие в национально-освободительном движении. Она не мыслила независимости Индии вне власти английского короля. Анни Безант принадлежала к умеренной группе национального движения. В 1916 году она организовала Лигу гомруля (самоуправления) и издавала в Мадрасе газету «Новая Индия».

В 1917 году ее избрали председателем партии Индийский национальный конгресс. Ряд событий в Индии она оценивала неправильно и резко расходилась во взглядах

с Ганди. В частности, она поддержала реакционный конституционный акт английских властей, который получил название закона Монтегю — Челмсфорда. Анни Безант считала, что индийцы должны сотрудничать в английских законодательных органах. Она вышла из Конгресса и примкнула к либеральной партии свараджистов, выступая против кампаний гражданского неповиновения, которые проводились под руководством Ганди. После разрыва с Ганди она как политический деятель стала чрезвычайно непопулярной. В последние годы своей жизни Анни Безант целиком посвятила себя Теософскому обществу. Блаватская всегда оставалась для нее духовной наставницей. Безант верила, что души религиозных учителей и реформаторов время от времени появляются в телах смертных. Она приглядывалась к людям, стараясь не пропустить ни Будду, ни Мухаммеда, ни Иисуса Христа. С последним ей повезло.

...На зеленой лужайке «Иисус Христос» играл в крокет. Он, пожалуй, ничем не отличался от своих сверстников. Был в меру подвижен, весел и беззаботен. Ему было 14 лет, и две недели назад он впервые приехал в Англию. Вернее, его привезла сюда Анни Безант. Она пыталась устроить его в Оксфорд, но ректор Оксфордского университета «Христу» в приеме отказал.

— Вы еще пожалеете об этом, — сказала ректору Безант. — Вы отказали великому человеку.

— Я отказал очередному индийцу. Их слишком много, и все они хотят поступить в Оксфорд. — Ректор поднялся, давая понять, что аудиенция окончена.

— Тогда я скажу, кого вы не приняли, — решила Безант.

— Кого же, если не секрет? — Этот разговор явно надоедал ректору.

— Вы не приняли спасителя, — торжественно начала его странная посетительница.

— Какого еще спасителя? — искренне удивился ректор.

— Нашего учителя Иисуса Христа.

Ректор оторопел. Потом рассердился. Он сказал, что в Оксфорде не хватает только своего Иисуса Христа, остальное все уже есть. Он нажал на кнопку звонка и попросил немедленно проводить посетительницу.

— Если ему угодно спасти мир, — бросил на проща-

ние ректор, — это можно сделать без оксфордского образования. Первый Иисус Христос, кажется, не учился у нас...

«Иисусу Христу» ничего не оставалось делать, как играть в крокет на зеленой лужайке. Корабль в Бомбей отходил только через месяц. Справедливости ради надо сказать, что «спасителя» звали Кришнамурти и он был индийцем по происхождению. История эта началась несколько лет назад, когда Анни Безант взяла под опеку двух мальчиков. Их отец был членом Теософского общества, но бедность не позволяла ему дать сыновьям образование. Соглашаясь на опеку Безант, отец представить себе не мог, чем это кончится. Безант уделяла много внимания своим воспитанникам, и те привязались к ней. Она подолгу беседовала со старшим, Кришнамурти, присматривалась к нему и, наконец, пришла к выводу, что в его теле обитает не кто иной, как Иисус Христос. Она стала оказывать мальчику соответствующие знаки почтения. Более того, в обществе постепенно стали насаждать культ Кришнамурти, будущего спасителя. Наиболее здравомыслящая часть общества понимала абсурдность этого культа, но Анни Безант стояла на своем. Будущий «спаситель» и мессия еще не понимал всей двусмысленности своего положения. Однако его отец хорошо осознавал, к чему может привести пресловутый «культ Кришнамурти». Он потребовал своих сыновей домой. Но Христос-Кришнамурти не пожелал расстаться со своей воспитательницей, которая была к нему неизменно добра и заботилась о его образовании. Отец «спасителя» подал в суд. Процесс длился несколько лет, и Анни Безант выиграла его в 1914 году, когда Кришнамурти было уже 18 лет.

Миссия «спасителя» до того напугала Кришнамурти, что он стал отрицать религию вообще. Он вздрагивал при упоминании имени Иисуса Христа и закрывал глаза, когда видел распятие. Кончилось это тем, что Кришнамурти вышел из общества. Для Безант это был удар. Она пыталась уговорить своего воспитанника на роль спасителя, но тот не поддавался никаким уговорам. Он не желал никого спасать, а хотел заниматься индийской философией. Со временем Кришнамурти осуществил свою мечту и стал одним из крупных представителей новой школы индийской философской мысли. Он никогда не

прости́л Анни Безант ее попы́тки сделать из него́ Иису́са Христа. Поэтому Кришнаму́рти в своих ста́тьях обли́чал мистици́зм Безант и высмеивал причастность общества к ка́ким-то потусторо́нным силам. Но исто́рия со спаси́телем, отка́завшимся от своей миссии, ничему́ не научила президе́нта Теосо́фского общества. Оку́льтные науки по-пре́жнему занима́ли ее вообра́жение. Она счита́ла, что в прошлых своих ро́ждениях была индианкой и даже одна́жды вну́чкой своего тепе́решнего гуру.

Когда она умерла, был соблю́ден индусский погребальны́й о́бряд и пепел доче́ри Альбиона поглоти́ли волны́ свяще́нного Га́нга.

Большо́й ба́ньян

Госпо́дин Дора́б не оста́влял нико́гда меня́ своим внима́нием после разгово́ра в его о́ффисе в Ады́аре. В один из дней, разбира́я свою почту́, я наткну́лась на приглаше́ние в Теосо́фское общество. Там шли годовые чте́ния. Когда я пришла́ в Ады́ар, все его пестрое общество́ уже собралось под большо́м ба́ньяном. Это была́ по большо́й части европе́йская публика́, меся́цами живу́щая в городке. Среди собравшихся я уви́дела амери́канку, с кото́рой конфликтовала́ в библиотеке. Рядом с ней си́дела же́нщина из Австра́лии. Она́ была́ худо́щава и костиста. Кру́пный хищны́й нос пока́чивался из сторо́ны в сторо́ну, как будто́ что-то вынюхивал. Вре́мя от вре́мени она́ наклоня́лась к своей сосе́дке, кото́рая осматривала́ все собра́ние че́рез лорнет, и тря́сла се́дыми завиты́ми бу́клями. Непо́далеку от нее́, печально́ опу́стив го́лову, си́дела суха́я маленька́я буддистка́ из Ю́жного Вьетна́ма. Поро́й она́ поднимала́ свои́ продо́говатые глаза́ и уди́вленно и чу́ть насто́роженно посматривала́ на тех, кто си́дел под большо́м ба́ньяном. Обли́к собравшихся поразите́льно не соответство́вал ни вре́мени, ни стране́, где все это́ происходи́ло. Дли́нные пла́тья покроя́ ХІХ века́, стран́ные приче́ски, же́манная ма́нера разгово́ра. Мне пришла́ на па́мять пье́са Л. Толсто́го «Пло́ды просвеще́ния», так как чле́ны Теосо́фского общества́ чем-то напо́минали избра́нное общество́ толстовских спири́-

тов, и это было немного смешно. Наконец появился Сри Рам, президент общества. Легко ступая, он направился к столику, стоявшему под баньяном. Серые волосы Сри Рама нимбом стояли над смуглым лбом. Светло-карие глаза чуть насмешливо и дружелюбно окинули собрание.

— Темой моей сегодняшней лекции, — тихо, но внятно произнес президент, — будет «изменяющийся мир».

Буддистка из Сайгона подняла голову, и ее фигура, походя на статуэтку из темного дерева, напряженно подалась вперед.

Сри Рам говорил долго, около часу. Он говорил о прогрессе науки и несовершенстве человеческого сознания, о губительных последствиях войн и необходимости мирного сосуществования, о всеобщем разоружении и о том, что Россия и Америка в состоянии общими усилиями предотвратить атомную войну. В конце лекции Сри Рам выдвинул блистательный план организации всемирного государства благоденствия. СССР он тоже включил в него. Организацией этого государства должны были заняться теософы. План Сри Рама вызвал бурный энтузиазм под большим баньяном. Седая леди трясла бжклями и громко выражала свое одобрение Сри Раму.

— Это восхитительно! Это гениально! Только теософ мог разработать такой план!

— Да, да, — поддержала ее дама из Австралии. — Это неповторимо!

Сри Рам удовлетворенно потирал руки и предлагал всем немедленно приступить к обсуждению идеи всемирного государства. Потрясая невиданными прическами и шурша старомодными платьями, теософское воинство ринулось в бой. Пока под большим баньяном организовывали очередное всемирное государство благоденствия, я поднялась и отошла в сторону размять затекшие от неудобного сидения ноги.

Рядом со мной остановился высокий мужчина в шортах и грубых сандалиях на босу ногу.

— Ну, как вам понравилось всемирное государство благоденствия? — спросил он, и полускрытая усмешка скользнула по его губам.

— Дамы, во всяком случае, настроены воинственно, — в тон ему ответила я.

— А как насчет благоденствия в вашем государстве? — поинтересовался мужчина.

— По-моему, кое-что нам удалось сделать.

— Вот как? — в глазах моего собеседника запрыгали веселые искорки. — Откуда же вы?

— Из Советского Союза.

— Подождите! Это же просто невероятно! — мужчина схватил меня за руку. — Как же вы сюда попали?

— По приглашению господина Дораба.

— К черту Дораба! Послушайте, — понизил он голос. — Мы сражались бок о бок с русскими парнями против Франко. Я испанец, и я знаю, что представляли собой русские в Испании. Они до последнего вместе с нами стояли под Мадридом. Я был коммунистом. А как Пассионария? Как она? Она ведь у вас в Москве.

Я рассказала, как Пассионария. Из-под большого баньяна до нас доносился шум голосов.

— Вот видите, я был коммунистом, — продолжал мой новый знакомый. — Только не говорите им обо мне, — и кивнул в сторону баньяна. — Тогда в Испании все члены Теософского общества были левые. А здесь много американцев. И они правые. В Америке все теософы правые. Мне здесь очень трудно, но ничего не поделаешь, надо жить. Кроме меня здесь есть еще несколько испанских республиканцев. Я вас с ними познакомлю.

Судьбы людей складываются по-разному. Но на долю этого человека выпало слишком много. Когда пал Мадрид, он с небольшим отрядом перешел границу и оказался во Франции. Несколько лет он провел в концлагере, где держали интернированных республиканцев. В 1939 году, накануне войны, ему удалось бежать. С большим трудом он вернулся в Испанию. Но никого из родных не смог найти. Его родители и девятнадцатилетний брат были расстреляны фашистами. Находиться в Испании на нелегальном положении было опасно. Он не смог отыскать никого из товарищей по партии. Одни погибли, другие находились в эмиграции. Прячась от полицейских ищек, он пробрался в Барселону. Там ему удалось сесть на корабль, идущий в Южную Америку. Начались годы скитаний — Чили, Аргентина, Перу, Бразилия. Он работал на кофейных плантациях, рубил сахарный тростник, открывал двери лифтов перед богатыми постояльцами отелей, мыл посуду в душных и грязных кухнях дешевых ресторанов. У него не было паспорта и документов. Поэтому хозяева держали его недолго.

Потом наступило время, когда он не смог найти себе работу. Кончилась война, но от этого мир не стал лучше. Он питался отбросами в харчевнях на окраинах Сантьяго, за несколько песо грузил мешки в портах Аргентины, чистил сточные каналы в Рио-де-Жанейро. Он везде был чужим, человеком без родины, без родных и друзей. Когда он был на грани отчаяния, ему попался небольшой газетный листок. Из него он узнал, что Теософское общество возобновило свою деятельность. Он вспомнил, что когда-то в молодости принадлежал к этому обществу. Он нанялся кочегаром на пароход, шедший из Рио-де-Жанейро в Бомбей. Так он попал в Индию. Это произошло в 1950 году.

— С тех пор я здесь, — сказал он.

Площадка под большим баньяном уже опустела. Дамы устали заниматься всемирным государством благоденствия. Автомобиль Сри Рама, мягко шурша шинами, скрылся за поворотом аллеи. Желтая луна, похожая на спелый апельсин, медленно поднималась над пышной кроной баньяна, и в ее свете отчетливо серебрились седые виски и темнели две горькие складки у рта испанского республиканца.

Люди в Теософском обществе очень разные. Есть правые, есть левые. Одни относятся с симпатией к Советскому Союзу, другие ненавидят его. Часть серьезно думает и мечтает об универсальном братстве и всемирном благоденствии, а некоторые спекулируют этим, прикрывая благородной идеей свои сомнительные политические убеждения. Кто-то верит в оккультную иерархию, другие отрицают все и занимаются материалистической философией. Разные люди, разные судьбы.

Однажды на аллее Блаватской меня остановил высокий худощавый человек. У него были резкие жесткие черты лица и седые коротко стриженные волосы. Во всей его подтянутой фигуре чувствовалась военная выправка.

— Здравствуйте! — сказал по-русски человек. — Меня зовут Золтан. Я из Венгрии. Мне сказали, вы русская.

— Да, я русская, — ответила я. — А вы откуда знаете русский язык?

— О, это целая история. Если хотите, я расскажу. Я ведь воевал против русских.

— Ну и как? — поинтересовалась я.

— Как видите, довоевался, — дружелюбно засмеялся Золтан.

Он принадлежал к одному из аристократических родов довоенной Венгрии. Он хорошо помнит свой замок. Теперь там разместилось какое-то государственное учреждение. Мужчины семьи Золтана всегда служили в армии. Эта карьера не миновала и его. К началу второй мировой войны Золтан оказался в чине генерала. Потом в Венгрии произошли большие перемены. К власти пришел Хорти, и страна стала союзницей Германии. Золтан был военным и привык, не думая, выполнять приказы. Один из таких приказов бросил его дивизию в снега России. Страшнее он не знал ничего в жизни. Они шли по замерзшей опустошенной стране, и единственным человеческим чувством, которое они познали там в полной мере, была ненависть к ним, оккупантам. Наступление продолжалось недолго. Потом дивизия попала в огненный котел. Из него вырвались немногие. Обмороженного и раненого генерала армии Хорти два русских автоматчика доставили в армейский штаб.

— Меня убьют? — спросил Золтан штабного переводчика. Тот неопределенно пожал плечами.

— Конечно, убьют, — уверенно сказал генерал. — Я видел здесь столько ненависти.

— Вы думаете, вы заслужили другое? — резко бросил переводчик. — На что вы рассчитывали?

— Я выполнял приказ, — Золтан опустил голову.

— В вашем чине можно было бы и думать, а не только выполнять приказы, — рассердился переводчик.

Потом его допрашивал русский офицер. Допрос длился долго, и Золтан чувствовал, что сейчас потеряет сознание. Давала себя знать рана. Офицер вежливо подвинул ему стакан с водой. И тогда он почему-то понял, что его не убьют. Как будто издали донесся голос переводчика:

— Генерал, ваши документы останутся в штабе. Теперь вы военнопленный и будете направлены в лагерь.

«Военнопленный, — подумал Золтан. — У нас был приказ русских в плен не брать. Почему они поступили так? Зачем им моя жизнь?»

В лагере, после того как его выписали из госпиталя, он продолжал думать над этим. Лагерь был смешанный. Там были немцы, итальянцы, венгры. Он с удивлением

обнаружил, что немцы относятся к нему, их союзнику, хуже, чем русская охрана лагеря. И опять генерал Золтан стал размышлять. «Почему люди, за которых венгры проливали кровь, обращаются с нами, как с собаками, а те, чью кровь они пролили, неизменно вежливы, кормят их и не унижают их человеческого достоинства. В чем тут дело?» — спрашивал себя Золтан. Он начал учить русский язык. Это помогло ему во многом разобраться. Венгерский генерал пытался понять душу народа, в плену у которого он находился.

— Вы удивительные люди! — воскликнул он. — В плену у вас я прошел школу настоящей человечности. Я всегда буду вам за это благодарен.

Но Россия не смогла изменить Золтана до конца. Аристократ и офицер, он не принял новой Венгрии. Теософское общество стало для него политическим убежищем. Здесь, в Адьяре, он попытался уйти от мира, от его острых проблем и его волнений. Но попытка эта оказалась не очень эффективной. Поэтому, когда мы с ним говорили, он невольно переводил беседу на Венгрию.

— Что вы знаете об этой стране? — спрашивал он. — Как там сейчас живут? Вы или ваши друзья там были?

И когда я отвечала, морщины его лица становились резче, а в глазах печально и тревожно металось что-то невысказанное и затаенное.

— Всемирное братство — это хорошо, — однажды сказал он мне. — Вы ведь сами этого не отрицаете. Но мне кажется, что понятие родины при этом должно остаться. Не так ли? Как вы думаете, сможет ли Теософское общество создать мир без войн и ненависти?

— Я, конечно, так не думаю.

— Почему? — поинтересовался Золтан. — Мы ведь немало сделали.

Да, объясняю я ему, цели Общества вполне гуманны. Много было сделано в изучении древней культуры Индии. Общество всегда сочувствовало национально-освободительному движению и выступало против войны. Это, безусловно, неплохо. Но как вы можете установить всемирное братство? Какие у вас для этого возможности? Социальную иерархию вы хотите заменить мифической оккультной иерархией. Но ведь эта последняя тоже насаждает неравенство. Кто-то получит право вершить судь-

бами мира, а кто-то должен подчиняться этим властителям. Ведь Блаватская считала себя избранной махатмой и поэтому претендовала на абсолютную власть. А власть немногих всегда порождает неравенство. Как же можно в таком случае думать о всемирном братстве? В вашем обществе тоже разные люди с разными политическими взглядами. Они между собой не могут договориться, куда же им до всемирного братства.

— Может быть, вы и правы, — вздыхает генерал. — Но Блаватская была все-таки великая женщина.

— Пусть так, — говорю я, — но это ровным счетом ничего не решает.

...Каждый день Золтан приходил в свой оффис и внимательно читал очередную партию писем Блаватской или ее рукописи. Он готовил их к изданию. Иногда я помогала ему разобрать непонятные русские строчки, написанные нервным почерком «великой женщины». Его секретарь, пожилая американка, каждый раз, видя меня, недовольно поджимала губы и не желала здороваться. По ее мнению, Советский Союз не подходит для всемирного братства. Бывший генерал армии Хорти думал несколько иначе. Но ход его мыслей был тоже достаточно противоречив. Иногда он отрывался от писем и поднимал седую голову к портрету, висевшему над его столом. С портрета сомнамбулическими глазами смотрела на него Елена Петровна Блаватская — основательница Теософского общества.

Рукмини Деви

На небольшом возвышении перед сценой сидела седоволосая женщина. Из-под густых, похожих на крылья чайки бровей по-молодому блестели миндалевидные черные глаза. Изящно очерченный нос украшала бриллиантовая звездочка. На ее коленях лежал ворох цветочных гирлянд. Женщина, не отрываясь, смотрела на сцену, где дрожало пламя масляного светильника, а черно-золотая корона Кираты задевала нависшие над сценой деревья. Глухо звучал аккомпанемент табла, а простодушный и смешной злой дух, покачивая широкими юбками, строил

свои нехитрые козни против грозного и сильного Арджуны. По зеленому гриму Арджуны медленно сползали капельки пота. Певец, придвинув к себе микрофон, выводил сложную мелодию песни о древних героях. Прозвучали последние звуки табла, певец поднялся и ушел за кулисы, а оба танцора «катакхали», наклонив свои шапки-короны, в нерешительности замерли перед женщиной. Она посмотрела на них смеющимися глазами, одобрительно кивнула и бросила какую-то фразу. И когда Кирата и Арджуна медленно уплыли со сцены, а на помосте остались лишь четкие лунные тени деревьев, женщина почувствовала, как она устала. Ей сегодня исполнился 61 год. Весь вечер ей пришлось принимать поздравления. Министр культуры произнес цветистую речь, но она показалась ей слишком длинной. К ней подходили иностранные дипломаты и по-европейски крепко жали ее тонкую смуглую руку. На столе перед ней лежала куча телеграмм. Ее поздравляли союзные министры, главный министр штата Мадрас, члены кабинета. Два молодых небрежно одетых поэта прочли в ее честь стихи. Журналисты почтительно шуршали блокнотами, а фоторепортеры слепили присутствующих внезапными вспышками своих блиццев. Сегодня ее имя звучало в самых различных сочетаниях: «мужественная», «неутомимая», «артистичная», «великолепная», «образованнейшая» и т. д. Для человека, которому исполнился 61 год, всего этого было слишком много. Женщина медленно поднялась и, вскинув красивую голову, усталой походкой прошла через сад, сквозь строй хорошо одетых людей, каждый из которых пытался поймать ее взгляд и чуть смущенную улыбку.

— Автомобиль госпожи Рукмини Деви! — крикнул темнолицый слуга в белом тюрбане в лунную тишину пальмовой аллеи. И там, в ее глубине, неожиданно вспыхнули две яркие фары. Юбилей Рукмини Деви был закончен.

В Индии вряд ли найдется место, где бы не знали или не слышали об этой седоволосой женщине с молодыми живыми глазами. Но судьба ее тесно связана с Тамилнадом, с его людьми и его искусством. Она родилась в Тамилнаде и продолжает жить там до сих пор. Что сделала она для Индии и почему ее имя звучит теперь по всей стране? Она была одной из немногих, кто в годы коло-

Нивальной зависимости сумел сохранить, развить и донести до народа часть его древней культуры. Такие вещи не забываются. Однажды она сказала: «Древнее индийское искусство было частью повседневной жизни и тем, в чем проявлялся индийский гений. Но теперешнее искусство рассчитано на показ. В старинных индийских домах даже кухонная посуда была прекрасно сделана, все в жизни было прекрасно и красочно. Творческий дух прекрасного должен сегодня возродиться в Индии. Мы должны научить наши глаза видеть красоту в куске бронзы. У нас в Индии великие сокровища, но мы не научились открывать их. Величайшие сокровища просты, а мы не в состоянии видеть их, потому что сами мы не просты». В этих великолепных словах заложена вся жизненная программа знаменитой Рукмини Деви. Ее трудный путь не был усеян цветочными гирляндами и розовыми лепестками. Они появились позже. Рукмини родилась в семье ортодоксального брахмана, знатока санскрита Нилаканты Шастри. Любознательная и живая девочка всегда тянулась к искусству. Она подолгу простаивала перед древними статуями богов в храмах, могла часами, не двигаясь, слушать волнующую и тревожную мелодию вины или ситары. Она легко усвоила санскрит и нередко днями просиживала над ведами или упанишадами. Родители принимали все это за религиозность и приверженность законам брахманской касты. Однако эта иллюзия рассеялась, когда шестнадцатилетняя Рукмини объявила, что она выходит замуж... за европейца. Это было неслыханно. Весь ортодоксальный Мадрас возмутился, и Нилаканта Шастри не знал, как справиться со строптивой дочерью. Европейцем, похитившим сердце его дочери, оказался молодой англичанин Эрандейл из Теософского общества в Адьяре. Рукмини пригрозили изгнанием из семьи. Однако это не подействовало. Жрецы обещали отлучить ее от касты. Рукмини выдержала и это.

— Ты брахманка, — говорили ей. — Дочь избранной касты. Никто еще не нарушал так наши законы. Ты за это заплатишься. Гнев богов падет на твою голову.

— Я не уверена в этом, — отвечала Рукмини. — Эрандейл такой же человек, как и я. Пусть я лучше потеряю касту, чем его.

— Он околдовал тебя, — сказал ей старый гуру их

смы, — эти теософы связаны с темными таинственными силами. Ты даже не знаешь, на что себя обрекаешь.

— Знаю. Но тем не менее я это сделаю, — заявила Рукмини.

Старый гуру печально покачал головой.

— Тебе для этого потребуется много мужества.

Мужества у Рукмини оказалось достаточно. Она не побоялась бросить открыто вызов брахманскому Мадрасу. За это ей пришлось расплачиваться годами унижений, непризнания, а иногда и страха. Она была первой брахманкой, дерзнувшей отвергнуть законы касты. Она вышла замуж за Эрандейла, и ортодоксальный Мадрас не простил ей этого. Для некоторых брахманов Рукмини Деви до сих пор остается неприкасаемой парией.

В Теософском обществе Рукмини подружилась с Анни Безант и стала деятельно ей помогать. Она много читала и многим интересовалась. И когда через четыре года чета Эрандейлов отправилась в долгое путешествие в Европу, Рукмини прочла немало лекций об искусстве, философии и религии Индии. Обратившись в Индию, возвращались через Австралию. Там, в Сиднее, Рукмини увидела афишу: «Анна Павлова. Русский балет». То, что она увидела на концерте Анны Павловой, потрясло ее и изменило ее жизнь. Она тогда поняла, что не уедет из Сиднея, не поговорив с русской балериной. На следующий день она робко вошла в отель, где остановилась Павлова. Здесь мужество ей изменило. Однако страхи и сомнения быстро прошли, когда Павлова с ней заговорила. Она расспрашивала ее об Индии и тем временем оценивающе рассматривала гибкую и грациозную фигуру молодой женщины.

— А что вы можете мне рассказать об индийских танцах? — спросила она Рукмини.

Выяснилось, что ее гостя почти ничего о них не знала. Да, у нас есть, вернее, был свой стиль танца — «бхаратнатьям», говорила Рукмини. Но теперь он забыт. Кажется, его еще танцуют девадаси, но она не видела этого сама. Она помнит только танцующие фигуры на барельефах храмов в Танджавуре и Чидамбараме. Эти фигуры необычайно выразительны, но ведь никто не может вдохнуть жизнь в древний камень.

— Иногда это удается, — задумчиво сказала Павло-

ва. — Но как это печально, — продолжала она, — что вы утратили такое великое искусство.

С этого дня Анна Павлова стала давать Рукмини Деви уроки русского балета. Ученица оказалась способной, и Павлова жалела, что у нее так мало времени. Она вскоре должна была покинуть Австралию, а Эрандейл торопил Рукмини с отъездом в Индию. В Мадрасе Рукмини часто вспоминала слова русской балерины: «Какое великое искусство вы утратили». Эти слова не давали ей покоя. Она посетила вновь храмы, на барельефах которых были запечатлены позы и движения древнего танца. Но камень не оживал, а фигуры по-прежнему оставались неподвижными. У нее не было перед глазами живой модели. Она пыталась найти что-нибудь подобное у девадаси. Но ей не везло. То, что ей показывали, мало походило на классический бхаратнатьям. Но она продолжала искать настойчиво и упорно. И наконец удача. Она увидела живой, настоящий бхаратнатьям. Его исполняла Минакхисундарам Пиллаи, девадаси. Впечатление было огромным. Но рядом с ним возникал навязчивый зрительный образ. Свежий, зеленый росток, пробивающийся сквозь мертвый пепел бесплодной земли. Прекрасный росток пришел из далекого прошлого, был слаб и мог погибнуть. И тогда дочь брахмана Рукмини Деви нанесла свой второй удар по ортодоксальному Мадрасу. Она стала брать уроки бхаратнатьям и выступать публично.

— Дочь брахмана превратилась в девадаси, — говорили в брахманском Майлапуре. — От этой девки всего можно ожидать. Она опозорила свою касту низким замужеством. Теперь низость становится ее профессией.

— Брахманка танцует перед публикой, — возмущались жрецы. — Поистине в Индии все перепуталось. Такого еще не знала наша несчастная страна.

И опять Рукмини понадобилось ее несгибаемое мужество. Мелкая травля перешла в угрозы. Угрозы запахло расправой. Но она продолжала делать свое дело. Она понимала, что работает на будущее. Для этого будущего она хотела сохранить зеленый росток. Вскоре о ней заговорили как о первоклассной танцовщице. Классический бхаратнатьям, повторяя скульптуру индусских храмов, наполнился живой кровью и плотью. Росток набирал силу. Он пышно зацвел, когда в 1936 году Рукмини Деви с помощью Теософского общества основала Калакшет-

ру — Академию искусств. Калакшетра была первым учебным заведением в Индии, где начали обучать настояще-му бхаратнатьям. Великой русской балерины, которая сожалела о гибели искусства индийского танца, уже не было в живых.

Калакшетре отвели участок в Адьяре, и там стали работать классы не только бхаратнатьям, но и катакхали, музыки, пения и традиционной живописи. После того как Индия стала независимой страной, правительство официально признало Калакшетру и выделило ей ежегодную дотацию. Школа Рукмини Деви превратилась в центр по обучению бхаратнатьям. Ее выпускники организовали танцевальные школы по всей Индии. Теперь крепкие зеленые ростки покрыли всю страну, ибо почва, на которой они выросли, перестала быть бесплодной.

Когда я приехала в Мадрас, Калакшетру перевели из тесных помещений Адьяра в загородный район Тируванмиюра. Среди зарослей кокосовых пальм и бананов раскинулся целый городок. Но он еще не был закончен. Достраивалось легкое современное здание театра, закладывались новые общежития для студентов, устанавливались последние стеллажи огромной библиотеки, расчищалась от строительного мусора площадка перед отделом публикаций. Танцевальные классы разместились в просторных хижинах, крытых пальмовыми листьями. Утром и вечером там шли занятия. Доносились глухие удары табла, босые ноги будущих мастеров бхаратнатьям стучали по земляному полу. Весь образ жизни в Калакшетре прост и традиционен. В последнее время Академия искусств значительно расширила штат своих преподавателей. Здесь работают известные артисты и композиторы: Варадачарья, Васудевачарья, Т. К. Чанду Наникар. При Калакшетре существует концертная труппа профессиональных актеров, певцов, танцоров и музыкантов. Труппа часто выступает в Мадрасе с танцевальными драмами. Неизменный режиссер и постановщик этих спектаклей — Рукмини Деви.

Большую часть дня она проводит в Калакшетре. Присутствует на занятиях, ведет уроки, читает лекции, проводит репетиции. Ее можно увидеть в самых неожиданных местах нового городка. Когда эта седоволосая женщина проходит по дорожкам Калакшетры, все встречающие ее складывают руки в почтительном пранаме. Не потому,

что перед ними глава Академии искусств. Они приветствуют большую актрису, человека, который пожертвовал во имя искусства своей кастой и положением в обществе. Но взамен она получила много больше — признание и благодарность своей страны.

Женский христианский колледж

— Войдите! — отзываюсь я на робкий стук.

Дверь открывается, и на пороге возникает фигура человека. Он одет в униформу цвета хаки. На лице, еще по-мальчишески округлом, застенчивая улыбка, а широко расставленные глаза смотрят чуть удивленно и тревожно. Я поднимаюсь с пола, где разбирала свои только что привезенные книги. Сегодня утром я переехала в небольшой коттедж Женского христианского колледжа.

— Простите, — говорит вошедший, — меня зовут Самуэл, я работаю сторожем в этом колледже. Я христианин, но слышал, что вы не верите в бога. Это так?

— Так, — улыбаюсь я.

Самуэл растерянно топчется на пороге. Потом прижимает руки к груди и умоляюще произносит:

— Мадам, пожалуйста, верьте в бога!

«Мадам» не знает, что сказать. Ей немного смешно, но этот искренний порыв трогает.

— Хорошо, Самуэл, — соглашаюсь я, — может быть, завтра получится, но сегодня нет.

— Тогда до завтра, — серьезно говорит Самуэл и, шаркая босыми ногами по каменным плитам, спускается с веранды.

«Вот так проблема», — думаю я, снова сядься рядом с грудой неразобранных книг. Мне уже кажется, что я совершила ошибку, согласившись поселиться в этом колледже. А что если они все по очереди каждый день будут обращать меня в христианство? Но уезжать отсюда не хочется. Здесь очень уютно. Домик стоит в глубине огромного сада, и только щебетание птиц нарушает тишину. Я устала от шумных отелей и согласилась сразу, когда администратор университета предложил мне этот

коттедж. Отсюда до университета, где я преподавала было совсем недалеко.

На следующий день Самуэл вновь появился на веранде коттеджа.

— Доброе утро, мадам, — вежливо сказал Самуэл. — Ну, как?

— Что «как»? — не сразу поняла я.

— Вы помните, я был у вас вчера и вы обещали...

— Ах, это насчет бога? — спохватываюсь я.

— Ну да, — подтверждает Самуэл, — насчет бога.

— Знаешь, — говорю ему я. — Сегодня еще нет, но вот через неделю может быть.

— Но вы ведь обещали сегодня, — обижается Самуэл.

— Сегодня ничего не получилось, — развожу я руками.

— Хорошо, — покоряется Самуэл. — Я приду через неделю.

И через неделю я, естественно, ничем порадовать Самуэла не могла. Он уже перестал обижаться и только каждый раз, когда видел меня, подавленно вздыхал.

Женский христианский колледж, одно из привилегированных учебных заведений Мадраса, был основан в 1915 году миссионерскими обществами трех стран — Англии, Канады и США. И хотя колледж сейчас присоединен к университету и официально признан правительством, печать исключительности и самостоятельности продолжает лежать на нем. Его учебные здания, общежития, лаборатории, библиотека, столовая, часовня и квартиры для преподавателей разместились в хорошо ухоженном саду, обнесенном невысокой каменной стеной. У железных ворот колледжа стоит бесстрастный маленький гуркха с тяжелым кукри на широком ремне. Это страж колледжа и его основная надежда. От ворот к главному зданию ведет широкая, посыпанная коралловым песком дорога. В главном здании находятся канцелярия колледжа, библиотека, зал для отдыха преподавателей и кабинет декана. Декан, мисс Мукерджи, женщина средних лет с жесткими чертами лица и елейной улыбкой, — полномостный хозяин колледжа и его духовный наставник. Ее белое сари мелькает по всей территории: то в столовой, то в общежитиях, то в учебных корпусах. Колледж считается одним из лучших женских учебных заведений Мадраса, и поэтому сюда поступают

не только индийские христиане, но и индусы, мусульмане и парсы. Колледж дорогой, и детей неимущих родителей здесь мало. Когда кончаются занятия, перед главным зданием выстраивается ряд автомобилей. За некоторыми приезжают велорикши, другие идут пешком к автобусной остановке. Автомобили осторожно везут свой драгоценный груз, медленно объезжая девушек, идущих пешком. Владелицы автомобилей равнодушно взирают на менее удачливых подруг и никогда не предлагают их подвезти. Каждому свое. Кому автомобиль, кому автобус, кому велорикша. Обладательницы автомобилей держатся в колледже особняком и не смешиваются с теми, кто ездит на велорикшах или ходит пешком.

Часть студенток, а их около двухсот, никуда не уезжают после занятий. Они живут здесь же, в общежитиях. При каждом общежитии есть своя дама-смотрительница из числа преподавателей. Эти дамы-смотрительницы наблюдают за нравственностью своих подопечных. Никто не может покинуть территорию колледжа без их разрешения. Разрешение для посещения города могут дать только группе девушек, но никогда — одной. Студентки, отправившиеся в кино или в гости к родственникам, держатся пугливой стайкой, осторожно обходят прохожих, ожидая от каждого встречного мужчины какого-нибудь подвоха или недостойного поступка. Мужчин в колледж дальше главного здания, где находится офис, не пускают. Даже если они родственники. Хотите видеть свою знакомую или родственницу, дайте Самуэлу свою визитную карточку. С этой карточкой Самуэл отправится в общежитие и приведет вам ту, которую нужно видеть. Вы сядете с ней в приемном зале и будете вести чинную беседу. А в это время в зале окажутся срочные дела у декана, у дамы-смотрительницы, у парочки-другой преподавателей и у нескольких любопытных подруг. Студенток тщательно оберегают до замужества от всякого «случайного» мужского общества. Преподаватели, особенно молодые, тоже, как правило, боятся этого общества. Все они в основном «мисс». Студентки их так и называют — «мисс», не считая нужным при этом упоминать имя или фамилию. «Да, мисс, — говорят они. — Нет, мисс. Хорошо, мисс».

Так же как и их студентки, они неохотно без сопровождения покидают территорию колледжа. Пойти в кино —

для них проблема. Надо набрать не менее пяти человек, чтобы обеспечить себе безопасность за стенами колледжа. И хотя никому из них ничего там не грозит, каждый раз визит в «тот мир» расценивается как подвиг. О нем потом говорят целую неделю. Все эти женщины, старые и молодые, годами живут в искусственной атмосфере изоляции, лишены обычного человеческого общества и давно надоели друг другу. Они развлекаются тем, что плетут мелкие интриги, образуют враждебные партии, наушничают друг на друга царствующей мисс Мукерджи. Лишь немногие стоят в стороне от «придворной» жизни. Но им это не прощают. Почти все преподавательницы — христианки. Они обучают студенток вполне современным предметам: истории и математике, философии и физике, химии и зоологии, английскому языку и ботанике. Но преподавание для них — только служба. Духовный их мир определяется другими категориями. И это в первую очередь религия. Христианство вырвало их из родной почвы, но не приобщило к своему миру. Никто из них как следует не знает культуры и традиций своего народа, и о Европе, откуда к ним пришло христианство, они имеют весьма смутное представление. Это противоречивое положение помимо их воли порождает острый душевный кризис, заставляет их искать «утешения» в религии, формирует из них нередко экзальтированных фанатичек. Их фанатизм часто принимает абсурдные формы. Преподавательница философии с маленькой головой и большим ртом чем-то неуловимо напоминала мне змею. Несколько раз я ловила на себе ее холодный, ненавидящий взгляд. Однажды я попыталась с ней заговорить, но она, посмотрев сквозь меня, ничего не ответила и прошла мимо.

— Вики, — спросила я преподавательницу физики, — почему она такая странная?

— Кто? — не поняла сразу Виктория.

— Та, что преподает философию.

— А, Змея? Да? — засмеялась Вики. — Ты, конечно, с ней пыталась разговаривать?

— Пыталась.

— Что она прошипела тебе в ответ?

— В том-то и дело, что ничего.

— И не удивляйся. Эта мисс всех ненавидит. А тебя она, наверно, не считает за человека. Ну кто ты, с ее точ-

ки зрения? — Виктория взяла меня доверительно за руку. — Нехристь — раз, коммунист — два, русская — три. Я думаю, у тебя набралось достаточно грехов.

Я кивнула.

— Ну так вот, — продолжала физик, — ты знаешь, что скоро будет конец света?

— Нет, не знаю.

— Фу, как не стыдно! — глаза Виктории смеялись. — Весь колледж уже об этом знает. Студенты третий день наводят чистоту в общежитии. А эта... — Виктория запнулась, — тоже готовит себя к концу света и не хочет иметь дела с грешниками. Поняла?

— С трудом, — ответила я и пошла к себе в коттедж ждать конца света.

До вечера он почему-то не наступил, и я, воспользовавшись краткой передышкой перед светопреставлением, вышла в сад подышать свежим воздухом. За густой порослью кустов я услышала приглушенные голоса.

— Дэзи, Дэзи, — звал кто-то, — иди сюда. Отсюда лучше видно.

В кустах что-то затрещало, и я увидела мелькнувшее сари.

— Как ты думаешь, — сказал другой голос, — откуда начнется конец света? Наверно, с этой стороны.

За кустами зашептались.

— Хорошо бы до экзаменов, — мечтательно сказал первый голос.

Прошли экзамены, а мир по-прежнему прочно стоял на месте. Но преподаватели были взбудоражены еще одной новостью. Мисс Манаси, которая преподавала тамильский язык, стали посещать «видения». Сначала ей явилась дева Мария, потом апостолы Петр и Павел и, наконец, сам святой Фома. К несчастью, мисс Манаси была моей соседкой по коттеджу. Однажды среди ночи раздался стук в мою дверь. «Что-то случилось», — подумала я и пошла открывать. На террасе в длинной нижней юбке стояла Манаси. Фонарь над входом освещал ее лицо с нездоровой, зеленоватого оттенка кожей и маленькими цепкими глазками.

— О! — сказала Манаси. — О!

— Что? — не поняла я.

— Вы ничего не видели? — с придыханием спросила моя соседка.

— Очередной сон, — ответила я.

— Нет! — вскричала Манаси. — Вы не видели сияния, которое шло из моей комнаты?

— Я сплю с закрытыми глазами. Что-нибудь загорелось?

— Как вы не можете понять! — тоном превосходства заметила Манаси. — Меня опять посетил Он.

— И вы решили меня пригласить в свою компанию?

— Нет, я хотела сообщить вам об этом счастливом видении.

— Следующий раз, — рассердилась я, — делайте это, пожалуйста, днем.

Кажется, мисс Манаси приняла мой совет. Как-то я зашла в зал для отдыха преподавателей просмотреть газету. Моему взору представилось странное зрелище. Посреди зала стояла Манаси с возбужденными глазами, а вокруг нее сидели несколько преподавателей, внимательно ее слушавших.

— И вот, — говорила Манаси, — я увидела сияние над крышей нашей столовой. Сначала я не придавала этому значения, но потом увидела белоснежные одежды ангелов. Как вы думаете, что они делали?

— Что? — как вздох, пронеслось по залу.

— Они принесли молоко нам на завтрак, — торжествующе закончила Манаси.

Наступило неловкое молчание.

— Простите, мисс Манаси, — сказала я, — вы имели возможность общаться с ними?

— Да, — поджала губы рассказчица. Она не могла простить мне ночного разговора.

— Очень хорошо, — продолжала я. — А вы не спросили, почему в молоке, что подают в столовой, так много воды. Его ангелы разбавляют?

Неловкая тишина взорвалась смехом. Мисс Манаси, бросив на меня злобный взгляд, с достоинством удалилась.

...На башне перед главным зданием бьют часы. «Бам, бам, бам...» — восемь ударов. С последним ударом просыпаются студенческие общежития. В утреннем свежем воздухе раздаются громкие голоса. Кто-то кого-то зовет, кто-то смеется. Посреди сада высится купол часовни, увенчанный черным строгим крестом. Сюда направляют-

ся и студентки и преподаватели. По дорожкам, посыпанным песком, шаркают ноги, мелькают цветные сари, европейские платья. Через несколько минут в часовне начнется утренняя молитва. Теперь на территории сада никого не видно, и только ряды тувель выстроились перед входом в часовню. Из часовни доносится пение. Поют хорошо и слаженно. Через полчаса все устремляются к столовой. Мисс Бакиамутту, заведующая столовой, стоит на пороге и, блестя пенсне, наблюдает, как рассаживаются студентки. На студенческой половине гремят металлические стаканы и тарелки. На половине преподавателей стоит общий стол, за которым собираются три раза в день все преподаватели, живущие в колледже. В ослепительно белом сари входит мисс Мукерджи. Все встают, и декан начинает читать молитву: «Отче наш, иже еси на небеси...» «Аминь», — отзывается наполненный зал. Теперь можно приступить к утренней трапезе. Преподаватели ведут за едой степенную беседу, но посматривают на часы. Ровно в девять начинаются занятия. Зал столовой постепенно пустеет, и весь поток направляется к учебным зданиям.

К часу дня все снова в столовой. Там вновь повторяется процедура с молитвой. После обеда колледж затихает. Те, кто живет в городе, уже покинули его. Обитатели общежитий погружены в послеобеденный сон. Только мается на жаре верный страж гуркха, да Самуэл сидит под колоннами главного здания, ожидая всяческих распоряжений. Постепенно колледж снова оживает. Наполняется библиотека, в лабораторном корпусе видны склоненные над колбами и пробирками девичьи головы. На спортивной площадке идут занятия. Девушки прыгают с мячом, разучивают вольные упражнения, бегают, преодолевая барьеры. На них теперь свободные кофточки и короткие широкие юбки. Особой ловкости никто из них не проявляет. Жарко, да и воспитание, как говорится, не то. Вечером опять молитва в часовне и обязательная проповедь, которую по очереди произносят преподаватели. Темы проповеди всегда имеют отношение к колледжу. Если проповедь читает мисс Умен, то под угрозой господней кары находятся студенты, манкирующие спортивными занятиями, если мисс Эдвардс, то кара нависает над не выполнившими лабораторных работ по физике и т. д.

Обеды в колледже сытными не назовешь, и поэтому студенты задолго до ужина тоскливо поглядывают на столовую, а некоторые даже предпочитают заниматься на ступенях перед входом. Это в основном «язычники», которые не ходят на молитву и терпеливо дожидаются ее конца. Но вот из часовни доносится благодное пение, возвещающее окончание послепопуденного поста.

После ужина каждый делает что хочет. Девушки разбредаются по саду, сидят группами или уединяются в укромных уголках. Некоторые читают, другие беседуют. Томительно тянется вечернее время. Преподаватели расходятся по своим квартирам или иногда сидят в зале, обсуждая студенческие новости и тщательно разбирая, кто, где, когда, с кем. Тех, кто уходит по вечерам в город в гости или развлечься, тоже обсуждают и гадают, что они в это время делают.

В десять часов вечера гуркха покидает свой пост и запирает железные ворота. До этого времени все должны быть в колледже. Если вы возвращаетесь к себе после десяти, то это уже ваше дело, как вы это сделаете. Одно можно сказать, что каменная ограда не очень высокая и имеет выступы с внешней стороны...

Однообразие жизни колледжа нарушается время от времени праздниками. Индусские праздники здесь не в почете. Мисс Мукерджи даже старается сократить число официальных свободных дней, которыми пользуется весь город. Но традиции и молодость нередко берут свое. Однажды два дня спустя после дивали на площадке перед основным общежитием вдруг раздались крики, взорвался и рассыпался цветными звездами фейерверк, заплясали бенгальские огни, вспыхнуло пламя факелов. Девушки, озаренные огнем, двигались по кругу в темпераментном танце, пели и смеялись. Рядом стояла пустая покинутая часовня, вздымая свой строгий крест к небу, над которым полыхал фейерверк. К танцующим и забавляющимся огнем подходили новые группы студенток и немедленно вливались в танцы и веселье. Над садом стоял разноголосый шум, совсем не обычный для такого времени. Среди танцующих и громко смеющихся девушек я увидела и христианок, которых выдавали только крестики, болтающиеся на тонких цепочках. А в остальном они были дочерьми своей Индии. Преподаватели, привлеченные шумом, собрались под колоннами главного

здания. Они тревожно перешептывались, не зная, что предпринять. А «языческая вакханалия», озаряемая веселыми огнями, продолжалась.

— Я никогда от них этого не ожидала, — произнесла мисс Мукерджи, презрительно опустив уголки губ. — И это называется господни дети. Они же язычники! Посмотрите на эти дикие танцы.

— Они искренне радуются и веселятся, — сказала я. — Ведь дивали очень красивый праздник. Разве в этом есть что-нибудь безнравственное?

— Конечно, — поддержала меня Виктория, — они молоды, а в колледже их держат все время в узде.

— Мисс Виктория, — холодно заметила декан, — уж не хотите ли вы к ним присоединиться? С каких пор вы осуждаете порядки в колледже? Если они вам не нравятся, вы можете...

— Мисс Мукерджи, — вмешалась я, — кажется, христиане всегда похвалялись своей терпимостью, а в ваших словах я ее не почувствовала.

Преподаватели один за другим начали исчезать.

— Вы меня неправильно поняли, — елейная улыбка заиграла на лице декана. — Я ничего не имею ни против этого праздника, ни против мисс Виктории. Я оторвалась от чтения Библии не для того, чтобы обсуждать эти незначительные вопросы. Спокойной ночи!

— Мисс Мукерджи, — робко начал кто-то из преподавателей, — что же делать вот с этим? — последовал красноречивый жест в сторону, где взрывался очередной фейерверк. Декан с оскорбленным видом пожала плечами.

— Это их дело. Теперь в этой стране все свободные и независимые. Если они взорвут часовню, я не удивлюсь.

Дивали — праздник нелегальный. А вот рождество... Рождество — это другое дело. Готовиться к нему начинают заранее. Рождественская ночь — последняя перед каникулами. Сначала устраивается обильный рождественский обед с мороженым и орехами. Преподавательская и студенческая «половины» ликвидируются. За каждым студенческим столом сидит преподаватель. У него в этот день своеобразная функция — прислуживать студентам. Преподаватель приносит чашки с супом, блюдо с рисом, расставляет вазочки с мороженым, наливает

кофе. Полоса отчуждения между преподавателями и студентами в этот день исчезает, но девушки себя чувствуют несколько неловко, и поэтому рождественский обед проходит не так шумно, как остальные. В столовой устанавливают вместо елки казуарину и украшают ее игрушками и куклами. Вечером начинается представление. Его дают преподаватели для студентов. Представление незамысловатое, состоящее из маленьких пьесок и этюдов. Но не в этом дело. В представлении участвуют все преподаватели. Чем смешнее они играют, тем лучше. В этот единственный вечер в году высокомерные «мисс» превращаются в обычных людей, сбрасывая с себя маску традиционного «синего чулка» и воспитателя по долгу. Актный зал пабит, все затаили дыхание, ожидая первого появления «актеров». Наконец занавес раздвигается, и на сцене в традиционной позе, заложив ногу за ногу и приставив флейту к губам, стоит бог Кришна. В другом месте и при других обстоятельствах это бы не вызвало ни у кого никакой реакции. Но Кришной была мисс Умен, преподавательница физкультуры. Та мисс Умен, которая не дает никому спуска и предает анафеме каждого пропустившего занятия. Обычные представления о строгом преподавателе рушатся. И это вызывает целую бурю. Зал содрогается от хохота.

— Bravo, bravo, мисс Умен! — летят подбадривающие крики.

Преподавательнице самой смешно, флейта подпрыгивает в ее руках, а зал стонет от восторга и хохота. В представлении участвует и мисс Мукерджи. Когда она появляется, зал почтительно замирает. Мисс Мукерджи единственная, кто остается по-прежнему неприступной и царствующей. Она играет положительную европейскую леди, и оттого, что она старается сохранить свою респектабельность и невыразительным голосом повторяет роль, мне ее становится жалко. На мисс Мукерджи современный европейский костюм, и от этого ее движения скованны. Накануне она прислала ко мне своего секретаря — мисс Джекоб.

— Послушайте, Людмила, — сказала застенчиво Джекоб, — европейские леди носят чулки?

— В Индии нет, — ответила я.

— Хорошо, — сказала секретарь, — я сообщу об этом декану.

Через некоторое время она снова появилась в моей комнате.

— Мисс Мукерджи, — начала она с порога, — спрашивает, как нужно укрепить чулки, чтобы они не сваливались.

Я объяснила.

И вот теперь мисс Мукерджи вела свою роль в полной европейской выкладке. Чувство неловкости овладело залом, и все облегченно вздохнули, когда декан наконец покинула сцену. В зале вновь воцарилось веселье, когда появилась преподавательница английского языка Шила Рассел в костюме дровосека. За ней, семеня короткими ногами, в короне, съехавшей на самые глаза, вышла заместитель декана, полная и маленькая мисс Теофлес. Из-под королевской короны победно поблескивали очки. Пьеса называлась «Король и дровосек». Но никто не следил за развитием действия. Все глаза были прикованы к мисс Теофлес. Каждое королевское движение, так не соответствующее ее облику, сопровождалось бурным восторгом и аплодисментами. По какому-то поводу король очень разгневался. В гневе он запахнул длинную мантию, запутался в ней и с легким взгласом «Ох!» самым натуральным образом растянулся на подмостках. Мои слова бессильны передать то, что творилось в зале. Хохот перешел в судорожные всхлипывания, по лицу зрителей катились слезы, несколько девушек опрометью выскочили из зала. А уважаемый заместитель декана, потеряв очки, беспомощно барахталась в необъятной королевской мантии. Наконец тонким, захлебывающимся голосом она крикнула: «Да помогите же!» Восторг зала не поддавался описанию. Первыми пришли в себя преподаватели. Ослабевшие от смеха, они вынули мисс Теофлес из мантии и поставили на ноги.

— Мои очки! — потребовала мисс Теофлес.

Ей подали очки.

— Корону!

И, снова водрузив ее на голову, заместитель декана начала играть с того места, на котором произошла катастрофа.

— Как ты смеешь мне возражать!

Но дровосек в ответ только сказал «О!» Потом снова повторил «О!» Шила Рассел совсем забыла свою роль.

— О! О! — передразнила ее мисс Теофлес. — Сколько можно говорить «О»! Потрудитесь сказать что-нибудь иное.

— Подскажите... — беспомощно прошептала Шила.

Так мисс Теофлес оказалась звездой рождественского представления.

После спектакля «актеры» гордо прошествовали сквозь строй шумно аплодирующих студентов и исчезли каждый в своей комнате...

Около четырех часов ночи я проснулась от каких-то странных звуков. Прислушавшись, я поняла, что где-то пели. Стройные девичьи голоса возвещали хвалу богу. «Так, — подумала я. — Лавры мисс Манаси мне, наверно, не дают покоя. Сейчас будет сияние и явится очередной апостол. Видимо, соседство иногда влияет... Мадрасский климат, должно быть, не по мне». А пение все приближалось и приближалось. Теперь оно не походило на галлюцинацию. На веранде раздались шарканье шагов, пение зазвучало совсем громко, и в дверь постучали.

«Интересно, — снова подумала я, — когда апостолы являлись Манаси, они стучались или просачивались так?» Стук повторился. Я набросила халат и подошла к двери. Сквозь щель в проеме лилось сияние. Была не была — и я открыла дверь. Прямо на меня уставилось улыбающееся лицо Деда-Мороза под красным капюшоном.

— Я Санта-Клаус, — сказал он голосом Сумитры Кумар.

Сумитра — Санта-Клаус стояла в окружении студентов, украшенных цветами. Каждая держала в руке зажженную свечу, и огоньки свечей ровно горели в теплом воздухе.

— Желаю тебе веселого Рождества. — И Санта-Клаус хихикнул, — от Лапландии до Москвы. Прими наш подарок.

Сумитра согнулась над мешком и вдруг зашептала:

— Куда вы дели эту конфету? Я говорила, не давайте ее никому.

Стоявшие рядом робко оправдывались.

— Ага, вот! — торжествующе возопил Санта-Клаус и протянул мне московскую конфету «Мишка на Севере». Где они ее достали, так и осталось для меня тайной.

— Спасибо, Сумитра! Я вас всех тоже поздравляю.

— Откуда вы узнали, что я Сумитра? — любопытствовал Санта-Клаус.

— По голосу.

— Смотрите, ангелы! — Сумитра стала в позу. — Это первый человек, который меня узнал, и тот — нехристианин. Так же как и я, — сказала она, понизив голос. — Ну, ангелы, вперед! У нас еще много работы.

Девушки запели, и огоньки свечей замелькали по дорожке, ведущей к главному зданию. Я оглянулась вокруг. Было еще совсем темно, и на небе стоял тонкий серебристый серп молодой луны. Низко над горизонтом светился ромб Южного Креста.

Утром на веранде коттеджа я встретила мисс Манаси.

— Вы знаете, — начала она, — сегодня, в рождественскую ночь, меня посетил целый сонм ангелов.

— Меня тоже, — сказала я злорадно.

У мисс Манаси отвисла челюсть...

В колледже была явная склонность к благотворительности. Два раза в год устраивали благотворительные ярмарки. Средства шли на миссионерскую школу. Весь сад в такие дни расцветивали флажками, приглашали музыкантов, устанавливали карусель и другие аттракционы. Круг посетителей ярмарки ограничивался родителями студентов и их знакомыми. На столиках раскладывали для продажи всякие безделушки, продавали чай и еду, приготовленную в столовой колледжа. Неумело организованные ярмарки приносили только убытки.

...Играет музыка, скрипит карусель, по саду гуляют люди. Меня останавливает Дэзи, преподавательница биологии.

— Послушай, — говорит она мне, — пойди прокатись на карусели. Мы заплатили 45 рупий этому парню, а не собрали и трети этой суммы. Пожалуйста, прокатись.

Я прокатилась.

— Что теперь еще надо делать, Дэзи?

Она засмеялась.

— Ты думаешь, спасешь эту прогорающую лавочку?

— Я не собираюсь спасать.

— И не надо! — почему-то рассердилась Дэзи. — С этим колледжем всегда так. Всякий раз они прогорают. В прошлом году продали билеты на концерт Падмини, а она заболела. Пришлось все возвращать обратно. Только спектакли приносят доход.

Спектакли — еще одно событие в жизни колледжа. В них обычно бывает занята наиболее активная часть студентов. К ним готовятся долго и со вкусом. И спектакли получаются неплохие. Кроме спектаклей есть еще журнал «Солнечный цветок». Он выпускается раз в год и печатается в настоящей типографии. Там вы можете найти отчеты об основных событиях в колледже, очерки и стихи, рассказы и сочинения на свободную тему.

И участники спектаклей, и редакторы, и авторы журнала — это в основном девушки-нехристианки. Больше всего среди «лидеров» общественной жизни индусок. Многие из них были моими друзьями. Они часто приходили ко мне и вели долгие беседы. Их интересовала наша страна и мои оценки индийских событий. Самой интересной из них была Сумитра Кумар. Высокая, с несколько тяжеловатыми чертами лица, она медленно произносила фразы, каждый раз взвешивая их. Сумитра хорошо писала очерки и была одной из одаренных актрис самодеятельной труппы. Красивая Субашины Сегхал, порывистая и несколько самоуверенная, без оглядки примыкала ко всем студенческим движениям. Но потом, разобравшись, порывала с организацией, ходила несколько дней с виноватым видом и снова вступала в очередной союз, который требовал применения ее энергии. Читра, несколько нескладная, с мечтательными глазами и упрямым лбом, не одобряла «политических» метаний Субашины, относилась осторожно ко всякого рода таким увлечениям и больше всего на свете интересовалась устройством и конструкцией космических кораблей. Сусанн Поль, девушка из Кералы, говорила всегда тихо, часто смущалась, но имела твердые убеждения, от которых никогда не отступалась. Она была одним из серьезных и благодарных читателей литературы о Советском Союзе. Минакши, небольшого роста полная девушка с живыми карими глазами, отличалась добротой, странно сочетавшейся в ней с традиционным брахманским высокомерием. Искренняя и прямая по натуре, она тем не менее ничего не делала просто. Любому ее поступку предшествовало целое предисловие с комментариями. Если другие студентки могли прийти ко мне просто в гости, то Минакши всегда придумывала для этого какую-нибудь важную причину.

— Я пришла, — начинала она с порога, — поздравить

вас с запуском спутника. Вас еще никто не поздравлял? Ну я так и знала, что буду первая. Поэтому и пришла.

— Садись, Минакши, — говорила я ей, — но с запуском спутника теперь не поздравляют. Поздравлять надо с запуском космического корабля.

— Да? А я не знала, — смущалась Минакши. — Между прочим, что вы думаете насчет нашего последнего спектакля?

И начинался разговор, за которым Минакши, собственно, и пришла.

Иногда Минакши мучилась в поисках повода для очередного посещения. Серьезного повода не было, и она шла на всякие уловки.

— Иду я мимо, — сказала она однажды, — и слышу кашель. «Айе! — подумала я. — Бедная Людмила сидит одна вдаль от дома и кашляет». Вот я и зашла.

— Вот беда-то! — в тон ей заметила я. — Действительно, сидит бедная вдаль от дома да еще кашляет. А если бы не кашляла?

— Ну, тогда другое дело, — смутилась Минакши. — А то ведь вы кашляете... Между прочим, я хотела спросить...

Кашель у меня прошел, и Минакши снова стала мучиться. Но наконец был найден выход из положения. Однажды Минакши зашла ко мне в обеденное время. Она села в кресло и положила на колени железную коробочку.

— Что это у тебя? — поинтересовалась я.

— А! — махнула рукой она. — Мой обед.

— Ты не ходишь в столовую?

— Нет. Вы ведь знаете, брахманам нельзя есть вместе с остальными.

— Где же ты ешь?

— Нахожу где-нибудь уголок.

— Ты можешь это делать у меня, — предложила я.

— Но... — смешалась Минакши.

— Я посижу на веранде. Располагайся.

— Ой, спасибо вам большое! А вы не будете надо мной смеяться? Многие смеются.

— Конечно, нет, — успокоила я девушку. — У каждого народа свои обычаи. Зачем же смеяться?

С тех пор надобность в других предложениях отпала...

Если посмотреть на студенток колледжа, когда они

покорно шествуют в часовню или, опустив глаза, приветствуют преподавателя, можно подумать, что волнения внешнего мира мало смущают их души. Но это только на первый взгляд. Напряженная духовная жизнь бьется в студенческих общежитиях и учебных аудиториях.

Пожалуй, ближе всех знает своих студенток преподавательница физкультуры Анна Умен. Ее каждый день можно видеть на спортивной площадке. Высокая, крепко сложенная, с широкими скулами и бесстрастным выражением лица, зажав в зубах судейский свисток, она небрежными жестами командует своими подопечными. Так же как и мисс Манаси, она моя соседка по коттеджу. Анну всегда волнует множество проблем, и, конечно, в первую очередь спортивные.

— Ты видела, как мои девчонки играют в волейбол? — спрашивает она меня.

— Видела.

— Ну и как?

— Плохо, конечно.

— Вот я и говорю им: «Как вы играете? На вас стыдно смотреть. Вы как следует даже прыгнуть не можете». Вот приезжала ваша волейбольная команда, тоже девушки. Но как они играли, как они играли! Почему бы и нашим так не научиться?

— Им нужна общая тренировка, — замечаю я.

— Слушай, — говорит Анна, хитро сощурив глаза, — покажи им, как это делается.

— Но я ведь не спортсмен.

— Э! — грозит она мне пальцем. — Я однажды видела, как ты перепрыгивала через ограду. Меня не проведешь. Хоть было и темно, я тебя сразу узнала. Научи их, как прыгать.

— Через ограду? — невинно спрашиваю я.

— Смейся, смейся, я ведь дело говорю, — вдруг обижается она.

Анна Умен — неизменный руководитель всех студенческих экскурсий. Когда собираются куда-нибудь ехать, девушки задают неизменный вопрос: «А мисс Умен поедет?» — «Поедет, поедет», — отвечают им. И тогда число желающих ехать превышает возможности колледжа. Но у Анны один критерий — хорошо ли ты занимаешься физкультурой. Прогульщицы сразу утрачивают надежду попасть в интересную экскурсию. По вечерам в простор-

ной комнате Умен всегда гости. Девушки бегут к ней со всякими делами.

— Мисс Умен, как вы думаете...

— Мисс Умен, разве она справедливо поступила?

— Мисс Умен, а это сари к рождеству годится?

— Мисс Умен, можно ли написать в такой форме?

— Мисс Умен, а этот фильм стоит смотреть?

Мисс Умен — то, мисс Умен — другое. И она терпеливо рассказывает, объясняет, поглядывая на девушек смеющимися глазами. Ни с кем из преподавателей она особенно не дружит.

— Мне надоели их суды и пересуды. Ничего интересного от них все равно не услышишь.

Мои отношения с ней складывались трудно. Мисс Умен вначале отнеслась ко мне очень настороженно.

— Так вы нехристианка? — в один из первых дней спросила она меня.

— Нет.

— Кто же вы?

— С этой точки зрения — никто.

— Первый раз вижу такого человека, — со всей прямотой заявила она мне и, возмущенно дернув плечами, отправилась к себе в комнату.

Потом она долго не проявляла попыток завязать со мной знакомство. Но наконец не выдержала. Она остановила меня на веранде.

— Послушайте, — сказала она, — я кое-что слышала о вашей системе образования. Не расскажите ли вы мне?

Я рассказала.

— Очень разумно, — резюмировала Умен. — Нам говорили о вас совсем другое. Но Библию вы все-таки не изучаете?

— Нет.

— Значит, вы ничего о ней не слыхали?

— Почему? — ответила я. — Я, например, Библию читала.

— Ничего не пойму, — развела руками Анна, — в бога не верят, система образования первоклассная, сама коммунист, а Библию читала. Я с вами совсем запуталась.

И Умен с присущей ей добросовестностью стала распутывать «роковой» узел. Никто в колледже не мог ответить ей на вопрос: как может случиться так, что человек не верит в бога, а сам — неплохой? Нормальный человек,

как все мы. Взглядов своих никому не навязывает, как некоторые христиане. С окружающими вежлив, со студентами дружит, другим помогает и с ближним делится. Проблема зрела в голове Анны, но разрешить ее было трудно. Миссионеры с детства ее пугали русскими коммунистами. И я была первой из них, с которой она столкнулась. Анна, честно следуя фактам, должна была пересмотреть свои представления о «нехристях». Раз в месяц к ней приходила бедная подметальщица, мать семерых детей. Каждый раз Умен давала ей 5 рупий. Однажды я увидела эту изможденную женщину, стоявшую у закрытых дверей Анны. Анна отбыла на несколько дней к себе в Кералу. Женщина переминалась с ноги на ногу и растерянно оглядывалась вокруг. Увидев меня, она обрадовалась, решив, что я знаю, где Умен. Я объяснила где. Женщина подняла на меня полные отчаяния глаза и затем, опустив голову, шаркающей походкой стала спускаться с веранды.

— Амма! — окликнула я ее, сообразив, кто она. — Вот 5 рупий, мисс Умен оставила для тебя.

Женщина подняла голову, и в ее глазах выражение отчаяния сменилось какой-то трепетной надеждой.

Через три дня Анна появилась в колледже. Утром она возникла на пороге моей комнаты.

— Так! — сказала она голосом, не предвещавшим ничего хорошего. — Христиане забывают о своем долге, а коммунисты и неверующие спасают голодных индийцев. Так? И при этом еще помалкивают. У вас все коммунисты такие?

— Какие такие? — не поняла я. — Все люди разные, а коммунисты — люди.

— Да нет! — засмеялась Умен. — Я хочу знать, другие так же поступили бы в твоей стране, как ты?

— Обязательно. Может быть, даже лучше поступили.

— Тогда, — сказала Анна, — беспомощно опускаясь в кресло, — я, кажется, за коммунизм. Но не против бога — ты это учти. Тут твоя пропаганда бесполезна.

Случай с подметальщицей не решил проблему, которая мучила Анну. Наоборот, он ее усложнил. И Умен отправилась за разъяснениями к своему патеру. Патер легко разрешил сложную этическую проблему. В воскресенье торжествующая Умен ворвалась ко мне в комнату.

— Ну, теперь все в порядке, — облегченно вздохнула она. — Мне теперь все стало ясно.

— Что ясно? — не поняла я.

— Да насчет тебя. Я спросила патера: может быть так, что человек хороший, а в бога не верит?

— Что же сказал патер? — заинтересовалась я.

— Он сказал: «Может. Значит, бог помимо воли этого человека в нем».

— Ба! — обрадовалась я. — Наконец найдено достойное место для христианского бога. А то никак не решат, где он. Внизу, вверху или еще где.

— Тьфу! — в сердцах сплюнула Умен. — Первый раз в жизни вижу такую богохульницу!

И, хлопнув дверью, удалилась. Однако вечером не отказалась пойти со мной в «Ананд», где в то время шел фильм «Баллада о солдате».

— Да, — сказала она, когда мы вышли из кинотеатра, — теперь я кое-что начинаю понимать.

Анна Умен была одна из немногих в колледже, кто хорошо знал культуру своей страны и с симпатией относился к индуизму. Она не признавала только идолопоклонства. Умен исправно посещала курс лекций по индусской философии, который в колледже читала доктор Чиннакесаван. Она каждый раз поражалась глубине и сложности древней философии, и тогда о христианстве с ней было трудно говорить. Она увлекалась антропологией, слушала лекции в университете, но диплома почему-то так и не защитила. Всякий раз, когда я возвращалась из очередной поездки в район племен, она досконально допрашивала, что я там видела, рассматривала мои фотографии, осторожно перебирала бамбуковые стрелы. Ее глаза становились грустными и задумчивыми. Но из любой задумчивости Анну выводил разговор о Керале. Она сердилась, если кто-нибудь отзывался с неуважением о ее родине. Рассказывала о кристалльных солнечных утрах этой страны, о кокосовых пальмах на берегах лагун, о танцах катакхали, о древних керальских храмах, о звучащих, как музыка, стихах, о бедности ее народа, о тысячах безработных.

— Как бы я хотела вернуться в Кералу, — всякий раз говорила она, — но я не найду там работы. А работа для меня все. Мой преподавательский стаж подходит к концу, и мне надо иметь кое-что на черный день, когда

я стану совсем старая. А этот колледж не из худших, хоть и живем мы в нем, как в монастыре.

Тем не менее она предпринимала не одну попытку расстаться с колледжем. Однако обстоятельства оказывались сильнее ее. А родная Керала не нуждалась, по видимому, в услугах Анны Умен. И несколько встряхнувшись после каникулярной поездки, она вновь выходила на спортивную площадку. Зажав в зубах судейский свисток, она наблюдала бесстрастными глазами, как прыгают и бегают воспитанницы Женского христианского колледжа в Мадрасе.

Январская «революция»

В жизни каждого колледжа бывают события, выбивающие его из привычной колеи, заставляющие взростеть его воспитанников и вынуждающие преподавателей подвергнуться экзамену на человеческие качества. Для Женского христианского колледжа таким событием было движение против языка хинди, которое началось на Юге в январе 1965 года. И если колледжу суждено будет пережить конец света, то можно считать, что его студенты уже смутно представляют себе размеры этого стихийного бедствия. Ибо элементы светопреставления явно наличествовали в январских событиях. Так по крайней мере думают преподаватели колледжа.

Внешне к движению против введения языка хинди в качестве государственного студентки колледжа отнеслись индифферентно. Они не ходили на митинги, не участвовали в демонстрациях, не писали меморандумов правительству. Они продолжали спокойно учиться и посещать утренние и вечерние молитвы. Однако это спокойствие оказалось обманчивым. Как выяснилось позже, студентки имели свое мнение насчет происходивших событий. Однако мисс Мукерджи и преподаватели были уверены в политической благонамеренности воспитанниц.

Все началось с того, что в Мадрасе стали закрывать колледжи, так как правительство считало студентов застрельщиками движения. Прежде всего перестали работать колледжи, студенты которых приняли активное участие в движении протеста. Если колледж закрывали, за

ним прочно закреплялась репутация возмутителя порядка. Мисс Мукерджи всеми силами старалась избежать такой репутации и, более того, стремилась показать лояльность колледжа к решению о языке хинди. 30 января, когда обстановка в городе накалилась, предписание прекратить работу получили все колледжи. Женский христианский колледж составлял исключение. Такое «доверие», оказанное ему министром образования, вызвало ряд действий декана, которые привели к совершенно противоположным результатам, нежели предполагалось.

Мисс Мукерджи начала с того, что устроила собрание преподавателей.

— У меня есть предложение колледж не закрывать, даже если мы вдруг получим предписание. Пусть все знают, что Женский христианский колледж не имеет отношения к политике и его студенты воспитываются в духе уважения правительственных решений.

— Да, да, — поддержала ее мисс Корфилд. — Пусть все знают, что наш колледж исключение и не замешан во всякого рода политических безобразиях. Я уверена, что мы можем полностью положиться на благоразумие наших студентов. Да поможет им бог.

— А что думают остальные? — спросила мисс Мукерджи жестко и непреклонно.

Остальные молчали. Но молчали они по-разному. Одни трусливо соглашались, другие не соглашались, но тоже молчали.

После собрания разъяренная Анна Умен налетела на меня.

— Все слышала? — спросила она меня.

— Все, — спокойно ответила я.

— Я считаю, — и в глазах Умен загорелся мрачный огонек, — что мы приняли неправильное решение. Мы поставили себя в исключительное положение. Мы должны быть заодно со всеми колледжами и переносить трудности создавшегося положения вместе. Мы, — запнулась она, — как это называется?

— Штрейкбрехеры, — подсказала я.

— Вот именно. Люди, стоящие вне солидарности с остальными. Мисс Мукерджи ловит рыбку в мутной водиче. Когда все кончится, о ней скажут, что она единственный декан, удержавший колледж в повиновении.

Она не понимает, что растлеваются этим молодые души воспитанниц. Слишком дорогая цена за личную славу.

— Анна, — сказала я осторожно, — наверное, многие были не согласны с решением, почему же вы молчали?

Умен горько усмехнулась.

— Знаешь сказку о коте и колокольчике?

Я такой сказки не знала.

— Так вот, — продолжала Умен. — Однажды собрались мыши и решили подарить коту колокольчик, чтобы знать, где он бродит. Сделали колокольчик. А подарить его не смогли. Не нашлось такой храброй мыши. Поэтому кот до сих пор ходит без колокольчика. Ясно? Так и среди нас не нашлось храброго. А все потому, что и наша работа, и наша карьера зависят от мисс Мукерджи. Она здесь полновластный диктатор. А преподаватели — просто марионетки. За какую ниточку декан потянет, то преподаватель и сделает. Без работы никому не хочется оставаться.

Утром следующего дня в колледж пришло правительственное предписание: прекратить работу. Но мисс Мукерджи уже закусил удила. Предписание не было обнаружено и держалось в секрете. Началась крупная игра. Ставкой в этой игре были личная слава декана и души ее воспитанниц. Днем мисс Мукерджи собрала в актовом зале студентов. В том зале, где совсем недавно шло веселое рождественское представление. Теперь здесь не слышно было смеха. Зал напряженно и приглушенно гудел, как потревоженный улей. Расчет декана был прост. Студенты вынесут решение не закрывать колледж и тем самым объявят о своей непричастности к движению. Затем она представит решение в министерство образования, и колледж станет исключительным примером для всего штата.

Не упоминая о предписании правительства, мисс Мукерджи решительно повела атаку на студентов.

— Вы знаете, — начала декан, — что преподаватели вынесли решение не закрывать колледж.

Ее слова гулко падали в напряженную, затаившуюся тишину зала. Преподаватели нервно заерзали на своих местах. Анна Умен резко подалась вперед, сжав ладони. Но потом как-то обмякла и застыла, вдавив широкую спину в кресло.

— Так вот, — отчетливо и резко произнесла мисс Му-

кержи, — кто хочет ехать домой и не хочет учиться, встаньте!

Фраза была явно провокационной, пахло запугиванием и шантажом. Но то, что произошло в следующее мгновение, обратило мисс Мукерджи в соляной столб, подобно жене Лота. По крайней мере половина зала, взволнованно задвигав стульями, встала.

«Храбрые мыши» не смели поднять на оторопевшего декана глаза, но упрямо стояли. И на шее кота появился колокольчик. Колокольчик зазвонил неуверенно и робко, но выдал своего хозяина. Выдал с головой. Соляной столб вновь стал мисс Мукерджи с искажившимся от гнева и разочарования лицом. Преподаватели втянули головы в плечи и, боясь встретиться с кем-нибудь взглядом, смотрели прямо перед собой.

— Ну хорошо же! — теперь в словах мисс Мукерджи звучала открытая угроза. — Те, кто не хочет учиться, пусть немедленно покинут колледж. Немедленно! Вы слышите, что я сказала!

— Это бесчеловечно! — звенящая фраза взмыла вверх, и преподаватели еще ниже нагнули головы. Мисс Манаси, не выдержав, тонко и непристойно хихикнула.

— Это бесчеловечно! — отозвалось в углах зала.

В январе на дорогах штата горели поезда и автобусы, банды погромщиков забрасывали пассажиров камнями. Было опасно передвигаться в городе, а в дальней дороге все могло случиться.

Но никто из «мышей» не дрогнул, никто не опустился на стул. А «кот» метался по сцене, звеня предательским колокольчиком, выдававшим каждое движение его души. Но теперь его уже никто не боялся. «Кота» больше не существовало, так же как и не было прежнего декана с елейной улыбкой на губах и лицемерными разговорами о человеческом милосердии. Когда первое испытание страхом было выдержано и поверженные «боги», жалко и беспомощно улыбаясь, уже ничего не могли поделать со своей паствой, встала Срилата. Именно она первая произнесла речь, которой началась январская «революция» в Женском христианском колледже.

— Почему мы должны оставаться в стороне? — громко и уверенно сказала девушка. — Мы все понимаем, что происходит. Мы тоже хотим протестовать.

— Правильно! Правильно! — закричали с мест. — Мы будем протестовать!

— Дайте мне слово! — поднялась Минакши.

— Говори, говори! — поддержали ее. На мисс Мукерджи уже никто не обращал внимания. Она стояла на сцене прямая, непримиренная, с бледными щеками, как будто покрытыми пудрой, отчетливо понимая, что проиграла бой.

— Разве не ясно, — начала Минакши, — что введение языка хинди в качестве государственного отразится на судьбах и карьере южноиндийской молодежи? Мы говорим на дравидийских языках, и хинди нам чужой.

— Послушайте, мисс Мукерджи, — вскопчила Субашины, — вы хотите сделать из нас штрейкбрехеров. Вы хотите, чтобы нас в знак презрения забросали камнями другие студенты. Этого вы хотите?

— Этого вам бояться нечего! — голос декана снова окреп. — Я выйду и поговорю со студентами, которые посмеют прийти с камнями.

Колокольчик вновь звякнул, и непочтительный хохот раздался в ответ.

— В вас сегодня говорит дух неповиновения! — крикнула она. — Идите и подумайте. Я вас соберу завтра и посмотрю, что вы скажете.

— А наше решение? — раздалось отовсюду голоса. — Да, наше решение!

— Предлагайте, предлагайте!

И зал выдохнул: «Закреть колледж!»

Таким образом, Женский христианский колледж оказался все-таки единственным в своем роде. Студенты сами приняли решение его закрыть.

Весь вечер бурлили общезития. «Революция» разрасталась, и преподаватели предпочитали отсиживаться в своих квартирах. Мисс Мукерджи тоже нигде не было видно.

Не знаю, понимала ли мисс Мукерджи, что сама больше всех содействовала возникновению в колледже «революционной ситуации». Но кое-что она, по всей видимости, поняла. На следующий день на собрании она объявила о правительственном предписании закрыть колледж. «Теперь этот вопрос обсуждению не подлежит, — сказала она. — Все, кто хочет остаться в общезитии, пусть остаются». Преданные ей преподаватели

впали в состояние оцепенения. Но этим мисс Мукерджи не отделалась. На собрании было избрано шесть делегатов для связи со студенческим комитетом и выработаны основные требования правительству.

— Я сама отнесу эти требования, — декан пыталась в создавшейся обстановке вернуть себе утерянное.

— Нет! — протестующе закричал зал, — это наше дело!

Делегатам не удалось связаться с комитетом. Члены комитета к тому времени уже были арестованы. Зато забастовка все-таки состоялась. Это была голодная забастовка протеста. Готовиться к ней стали накануне. Все усиленно ели. Ведь предстоял голодный день. Мани, шеф-повар столовой, только разводил руками.

— Никогда не видел, — удивлялся он, — чтобы они так ели. Подчистую. Ничего не осталось.

На следующий день забастовщики были охвачены неподдельным энтузиазмом. По мере приближения времени обеда энтузиазм стал утрачивать свои пылкие формы. Девушки вяло прохаживались по саду, тихо переговаривались или сидели, положив головы на колени. Наконец было решено, что лучший способ борьбы с голодом — это сон. Забастовщики улеглись на кровати. Однако Минакши и Субашини продолжали бродить по саду. На голодный желудок говорить не хотелось, да и особых новостей не было. Единственным человеком в колледже, кто знал, что происходит в городе, была я. Остальные не решались выходить за ворота. Минакши и Субашини отправились ко мне.

— Ну, как там? — спросила Субашини, устало опускаясь в кресло.

Я рассказала, как «там», и в свою очередь спросила, как «здесь».

— Бастуем, — уныло вздохнула Минакши.

— Есть хочется... — рассеянно протянула Субашини.

Вид у обеих был такой тоскливый и несчастный, что я не выдержала.

— У меня есть печенье, — сказала я. — Хотите?

— Что вы, что вы! — замахали руками мои гости. — Мы скорее умрем.

Однако обе пары глаз так и впились в пачку бисквитов, лежавшую на столе.

— Вот что, — засмеялась я. — Возьмите печенье, я ни-

кому об этом не скажу. И, ей-богу, солидарность студентов от этого не пострадает.

— Вы уверены? — с сомнением протянула Минакши.

— Абсолютно.

— Ну что ж, возьмем? — посмотрела на нее с надеждой Субашини.

— Пожалуй. Но только по одному. Слышишь?

На второй бисквит их уговорить не удалось.

Ночью голодные забастовщики беспокойно ворочались в своих постелях и с нетерпением ждали рассвета. В этот день Мани пришлось открыть столовую раньше времени. Он опять разводил руками:

— Подумайте! Все подчистую.

Борьба, видимо, требовала жертв даже от Мани. Постепенно страсти в колледже улеглись, стихийные митинги и забастовки кончились, правда, занятия еще не начались. Преподавателей снова начали почтительно величать «мисс». Декан вновь величественно плыла по саду, гордо неся голову, украшенную жасмином. Как обычно, звонил колокол часовни, призывая на очередную молитву. Но что-то в жизни за каменной оградой неуловимо изменилось. Теперь студенты знали, что они кое-чего стоят, и не благодаря своим наставникам, а вопреки им. Сознание этого заставляло их по-новому двигаться...

«Доброе утро, леди и джентльмены!»

Да, именно так он и сказал: «Доброе утро, леди и джентльмены! Как вы себя чувствуете? Как настроение? Посмотрите, какое сегодня прекрасное солнечное утро! Итак, начнем, пожалуй». И посмотрел на собравшихся веселыми, ни во что не верящими глазами. Три ксилофониста выступили вперед и, взмахнув палочками, заиграли веселый марш.

— Спасибо, — сказал он им и поправил очки, съехавшие на длинный нос. — Теперь прошу вас.

Певцы, смахнув с лица озабоченность, засветились жизнерадостными приклеенными улыбками:

Разве это не страшно печально,
Что я так хорош,
А мир так плох?

На слове «мир» они вытащили из карманов джинсов пистолеты и три раза выстрелили в воздух.

Переделаем мир!
Переделаем мир!

И снова пальнули из пистолетов. Он опять поправил очки и натянуто засмеялся.

— Не правда ли, смешно? — обратился он к собравшимся. Сидевшие на широких деревянных скамьях подростки и несколько студентов вразнобой крикнули, что это действительно смешно.

— Ну, а теперь, — сказал он бодрым тоном зазывалы и бывалого конференсье, — прошу вас быть откровенными с нами. Что вы думаете о «Моральном перевооружении»?

Зазывала носил имя великого человека. Мохандас Карамчанд Ганди был его дедом. В этой утренней сцене как будто все смешалось: великое имя, странный конференсье, пальба из пистолетов и, наконец, переделка мира. Что это? Но лучше рассказать все по порядку...

Все трое появились в колледже во время ужина. Самой видной из них была Омико Чиба. Она оказалась рядом со мной за столом. Высокая, с тонким фарфоровым лицом, она спокойно рассматривала сидящих своими чуть косо поставленными глазами. Смугловатую кисть украшал элегантный браслет с полудрагоценными камнями.

— Разрешите представиться, — обратилась она ко мне. — Омико Чиба из Японии.

Ее английский язык был безупречен, каким бывает он у людей, с детства говорящих на нем.

— Очень приятно, — отозвалась я.

Я не удивилась ее появлению. В колледже иностранные гости были часты.

— Вам нравится Мадрас? — вежливо поинтересовалась я.

Омико снисходительно улыбнулась, и я поняла, что задала слишком банальный вопрос.

— Чем вы здесь занимаетесь? — поспешно поправи-
лась я.

В чуть раскосых спокойных глазах японки мелькнуло
что-то вроде одобрения.

— Видите ли, — чуть покровительственно начала
она, — я и две мои подруги, одна из Новой Зеландии,
другая из Кейптауна, — революционеры.

— О! — от неожиданности сказала я.

— Это вас удивляет? — продолжала Омико, явно
польщенная эффектом своих слов. — Тем не менее это
так. Мы революционеры. Мое поколение появилось на
свет, когда мир оказался безнадежно испорченным. Если
вам это непонятно, я поясню. У одного денег много,
у другого пустые карманы. Капитализм имеет много язв,
что же касается коммунизма, то он себя не оправдал.
Вы, наверно, слышали о Советском Союзе?

— Угу, — промычала я, боясь подавиться очередной
ложкой риса.

— Так вот, Советский Союз существует почти 50 лет.
Может быть, вам известна такая цифра, хотя мно-
гие ее не знают. И до сих пор там есть недостатки,
как сказал их премьер, в воспитательной работе с мо-
лодежью.

— Так что же серьезнее — язвы капитализма или не-
достатки в воспитательной работе с молодежью в Совет-
ском Союзе?

Омико холодно и покровительственно посмотрела на
меня.

— Мы, революционеры, призваны лечить эти язвы и
поднять моральный уровень стран свободного мира.

— А как же насчет недостатков в воспитательной ра-
боте с молодежью в Советском Союзе? Может быть, им
тоже стоит помочь? — засмеялась я.

Омико недовольно подняла тонкую бровь, давая по-
нять, что фамильярности она не допустит.

— Для нас, революционеров нового типа, этот вопрос
решен, — назидательно сказала она. — Мы должны под-
нять капитализм на такие высоты, чтобы он мог противос-
тоять коммунизму, этому тоталитарному режиму. Вы
даже не представляете, что это за страна, никакая мо-
ральная революция им уже не поможет. Эти люди окон-
чательно испорчены классовой борьбой. Будь на вашем
месте кто-нибудь из Советского Союза, разве с ним мож-

но было бы говорить? Мы с вами цивилизованные люди, поэтому и можем свободно беседовать.

Если бы Омико Чива меньше слушала себя и обращала внимание на собеседника, может быть, она и поняла бы, в чем дело, или, во всяком случае, задумалась над той внезапной веселостью, которая охватила меня. Но Омико была выше этого и продолжала упоенно развивать свои мысли.

— Мы хотим добиться, чтобы капиталист перестал тратить деньги на себя, а рабочий не оставлял бы их в игорных домах. Знаете ли, я очень много путешествовала, — тон Омико становился все более доверительным, — так вот, в Рио-де-Жанейро, может быть, вы и знаете, что этот город находится в Бразилии, есть рабочие кварталы. Их обитатели пропивали деньги. Но когда мы там появились, они под нашим влиянием перестали это делать. Это была действительно революционная акция. А один капиталист не платил налогов, но под нашим влиянием раскаялся и все сразу заплатил.

— Вы не думаете, Омико, что для переделки мира надо сначала изменить социальные и экономические условия?

— Нет, — уверенно и категорически ответила японка. — У нас в Японии условия хорошие, а моральный уровень низкий.

— Вы путаете разные вещи, — возразила я. — Дело не в том, высок или низок жизненный уровень, а в том, каким образом люди добывают средства к жизни. Одни добывают их своим трудом, другие, эксплуатируя себе подобных. Очевидно, эта возможность эксплуатации и убивает нередко в людях человеческие качества.

— Это что-то новое! — высокомерно сказала Омико. — Главное — моральные ценности, остальное — второстепенное.

— Хорошо, пусть так, — сказала я, не став спорить. — Вы, очевидно, хотите совершить какую-то моральную революцию?

— Не хотим. Мы ее совершаем, — назидательно заметила моя собеседница.

— Вы уверены, что ваши моральные качества позволяют вам это делать?

— Да! Мы воспитываем в себе и других четыре главных качества. — И, загибая тонкие пальцы, Омико пере-

числила, — абсолютную честность, абсолютную чистоту, абсолютную неэгоистичность и абсолютную любовь.

Оставив на ее совести слово «абсолютный», я и поинтересовалась ею самой.

— Я из очень знаменитой и знатной семьи, — Омико гордо вскинула красивую голову. — Мой дед был большим политическим деятелем.

Выяснилось, что раньше Омико вела «легкую» жизнь и не интересовалась народом. А ее дед тем временем мошенничал на выборах. Потом Омико поняла бесполезность своего существования, перестала вести «легкую» жизнь, а дед Чива под ее влиянием прекратил мошенничать на выборах.

— Тогда, — с пафосом закончила Омико, — я решила отдать свое сердце, свой ум и талант служению великой цели. «Моральное перевооружение», к которому я присоединилась, — единственный путь, который приведет к созданию единого государства. И тогда угроза атомной войны будет предотвращена.

Вот на какой крючок клюнула эта молодая японка! Она вспомнила Хиросиму, сгоревших родственников, и тон ее стал совсем другим. В нем исчезла назидательность и появилась человеческая боль. Я поняла, что для нее было главным — предотвратить атомную войну. А руководители «Морального перевооружения» самым низким образом использовали ее чувства и ее самое.

— Да, — спохватилась наконец Омико, — из какой вы страны? Я как-то сразу об этом не спросила.

— С вашего позволения, из Советского Союза.

— Откуда? — вдруг прошептала она, еще не понимая всего случившегося.

— Из Советского Союза, — повторила я. — Почему это вас так взволновало?

— Как? В таком колледже и из Советского Союза? Я могла ожидать чего угодно, но только не этого.

Ее высокомерное фарфоровое лицо стало по-детски растерянным и беспомощным. Она быстро поднялась и направилась к своим подругам. Омико встревоженно что-то им зашептала, и та, что была из Кейптауна, презрительно и осуждающе посмотрела на нее и резко бросила какую-то фразу. Омико, по-видимому, стала оправдываться. Ее смугловатая кисть, украшенная дорогим

браслетом, то поднималась кверху, то бессильно падала вниз.

Преподаватели колледжа хитро и заговорщически поглядывали на меня. Они догадались, что произошло. Но никто не пришел на помощь Омико...

Тем не менее Омико Чиба и две другие поселились в нашем колледже. Той весной 1964 года своеобразная агитбригада «Морального перевооружения» в составе ста человек появилась в Мадрасе. В Индию ее пригласил Раджмохан Ганди, который организовал контору этого движения в Бомбее. Члены группы были расселены по колледжам, а руководителям были предоставлены частные квартиры, поскольку их не устраивал сомнительный комфорт индийских общежитий. В группу входили представители разных стран, в основном западноевропейских. Но среди них были и молодые люди из Австралии, Африки, Новой Зеландии.

К тому, что рассказала Омико Чиба о «Моральном перевооружении», остается добавить немного. Это проимпериалистическая организация, ведущая борьбу против коммунистического движения и стран социализма. Участники этой организации, связанные с такими людьми, как бывший западногерманский канцлер Аденауэр, пытаются доказать, что капитализм — единственный строй, который может «спасти» мир. Все дело только в том, что нужно поднять моральный уровень этого строя. Для этого и надо совершить пресловутую «революцию», которая наконец покончит с коммунизмом, развившимся на язвах капитализма. «Моральное перевооружение» используют самые махровые реакционные организации в своей идеологической борьбе против социализма.

С некоторых пор полем деятельности этого движения стал так называемый «третий мир». Часть молодежи из азиатских стран включилась в «Моральное перевооружение», привлеченная этической проповедью необходимости «высокой морали».

Группа, прибывшая в Мадрас, была далеко не однородна по своим взглядам. Представители западноевропейских стран не «разоблачали» капитализм и не говорили о его пороках. Их умы в первую очередь занимала антикоммунистическая пропаганда. Но здесь, в Индии, им не удалось развернуться как следует. Зато группи-

ровка, состоявшая из молодежи азиатских и африканских стран, открыто выступала против «язв» капитализма и заявляла, что капитализм как строй никуда не годится. Правда, они не принимали и социализма. Вся группа в Индии оказалась в двусмысленном положении. Ее руководители поняли, что выпячивать антикоммунистическую направленность «Морального перевооружения» здесь нельзя. Иначе их ожидает полный провал. И Раджмохан Ганди решил сделать основную ставку на «этическую» сторону движения. Но поскольку этика «Морального перевооружения» оказалась сомнительной, деятельность внука великого деда превратилась в фарс. В этот фарс были вовлечены неопытные, стихийно тянущиеся к добру души мадрасских школьников и студентов. В результате фарс стал пахнуть трагедией.

Итак, «Доброе утро, леди и джентльмены!», звуки ксилофона, бодрая песня, пистолетные выстрелы. Собрание мадрасской молодежи, организованное «Моральным перевооружением» под председательством Раджмохана Ганди, считается открытым. «Под председательством Ганди» — это имя завораживает, напоминает о самопожертвовании в борьбе за свободу народа, о великом его вожде и действует неотразимо. Ганди — символ нации. И человеку, носящему это имя, прощают многое: ухватки конферансье, низкое политиканство, заискивание перед европейскими заправилами «Морального перевооружения», сомнительные политические взгляды и тщеславие карьериста. «Как вы себя чувствуете? Как настроение? Какое сегодня прекрасное солнечное утро!»

И поднимается первый: «Доброе утро, я из колледжа Лойолы».

— Ну, что вы нам скажете? — вопрошает Ганди.

— Да вот, — мнется парень, касаясь пальцами бритого подбородка. — Я решил стать хорошим и сбрил бороду. Потому что носить бороду — это плохо.

— Хорошее начинание, — одобрительно кивает председатель. — Кто следующий?

К столу выходит худенькая студентка.

— Здравствуйте, девочки! — говорит она.

Мужская часть собрания возмущенно шумит.

— Здравствуйте, все, — смущенно поправляется она. — У меня был вспыльчивый характер. Я обратилась

в «Моральное перевооружение». Там мне дали очень хороший совет.

— Какой? — поинтересовались сидящие.

— Мне сказали: «Считай до пятидесяти перед тем, как что-то сказать». И теперь я действительно справляюсь с собой. Я не знаю, что бы я делала, — заканчивает она, — если бы к нам не приехала группа «Морального перевооружения».

— Прекрасно, прекрасно, — хвалит Ганди. — Достоинно подражания.

С места поднимается девочка лет двенадцати.

— Позвольте мне сказать, — тонкий голосок дрожит от волнения и напряжения.

— Конечно, конечно, — кивает председатель.

— Раньше я ссорилась с подругами, а теперь решила помириться.

— Я тоже ссорилась со своей сестрой, — вскакивает ее ровесница. — Например, из-за тарелки, кому из какой есть. Потом мы отправились на собрание «Морального перевооружения» и еще по дороге продолжали ссориться. После собрания сестра сказала, что была неправа, и попросила у меня прощения. А наш отец сказал: «Води ее на такие собрания каждый день».

— Конечно, конечно, — как-то невпопад произносит Ганди и, повернувшись к аудитории, ослепительно улыбается. Но глаза его смотрят сонно и раздраженно.

Исповедь продолжается. Иногда она принимает не такой невинный характер. В нее врываются настоящие человеческие страсти. Но они теперь отданы в равнодушные руки «Морального перевооружения».

— Теперь я скажу сам, — начинает председатель. — Кто хочет помочь нашей революции и уже начал изменяться к лучшему, должен закончить свое изменение сегодня. Надо спешить, нам предстоит изменить миллионы людей, и это должны сделать вы.

Аудитория в возрасте от 10 до 16 лет, облеченная такой глобальной ответственностью, начинает сопеть от сознания важности этой задачи.

— Да, да, — поддерживает Ганди долговязая блондинка из Кейптауна. — Сейчас я вам расскажу одну историю. Живет в Лондоне одна правдивая вдова. Она такая честная, что, глядя на нее, все становятся честными. За

десять лет ей удалось изменить к лучшему пять тысяч человек.

— Вот это вдова! — раздается чей-то иронический голос из задних рядов.

Но голос тонет в шуме одобрения и восторга.

— Так вот, займемся математикой, — вскакивает Ганди. — Это значит, что вдова изменяла в неделю десять человек. Чем вы хуже этой вдовы? Нет, вы лучше! Вы — наша надежда! Из вас выйдут великолепные политические лидеры!

«Лидеры» опять польщенно засопели.

— Вы тоже должны направлять на истинный путь не менее десяти человек в неделю. Рассказывайте им о «Моральном перевооружении», и они станут честными, добрыми и будут благодарить и нас и вас. Надо спешить! Не менее десяти человек в неделю! Вы поняли?

— Поняли! — нестройно прозвучало в ответ.

— Я хочу сказать! — к Ганди подошла девочка лет двенадцати. Она была так мала, что не могла достать до микрофона. — Мистер Ганди говорит правду. Я думаю, он будет так же велик, как его дед. Но я хочу сказать о другом. Я все время дралась с моим братом. Я била его семь раз в день. Теперь под влиянием «Морального перевооружения» я бью его только два раза в день. Я думаю, что, когда я его перестану бить совсем, он тоже примкнет к нашей революции. И это будет мой первый из тех десяти.

Девочка победно посмотрела на присутствующих и пошла на место.

— Великолепно, великолепно, — прокомментировал Ганди. — Всем вам надо брать с нее пример.

— Колотить своих братьев только два раза на дню? — вновь раздался тот же иронический голос.

Но на него никто не обратил внимания, потому что председатель предложил всем пять минут послушать свой «внутренний голос». «Внутренний голос — глас бога», — важно изрек он и тоже сел слушать.

— Ну а теперь, — снова поднялся Ганди, — мы можем продолжать.

Перед столом возникла школьница лет одиннадцати. Она смущенно оглядела присутствующих и шмыгнула носом.

— Я хочу рассказать о внутреннем голосе, — наконец

решилась она. — Мистер Ганди всегда советует нам слушать этот голос. Ну, так вот, я возвращалась домой и хотела перейти дорогу, потому что подошел мой автобус. Но в это время пришел другой и стал рядом. Я хотела перебежать дорогу перед ним, но внутренний голос мне сказал: «Не перебегай, не перебегай». А второй внутренний голос сказал: «Перебеги, перебеги». Но я послушалась первого голоса, дождалась другого автобуса и благополучно вернулась домой.

— Очень хорошо, очень хорошо, — закивал Ганди.
Певцы снова поднялись и бодро запели:

Разве это не страшно печально,
Что я так хорош,
А мир так плох?

В течение целого месяца «Моральное перевооружение» организовывало в утренние часы такие сборища. На них охотно ходили школьники, некоторые студенты, иногда появлялись взрослые. Взрослые смеялись над наивной исповедью детей, хмурились, когда выступал Ганди, задавали ехидные вопросы, но дальше этого не шли. На собраниях звучали не только такие выступления, которые я привела. Патриотическая тема занимала на них немалое место. Школьники и студенты давали слово служить своей стране, своему народу. Ибо они считали в отличие от руководителей «Морального перевооружения», что преданность родине является органической частью пресловутого морального уровня. Взрослые организаторы собраний снисходительно и вежливо выслушивали такие выступления. Однако молодежь и дети этого не замечали.

Почему же все-таки организация «Моральное перевооружение» сумела привлечь к себе симпатии некоторой части школьников и студентов Мадраса? Дело в том, что у этой части молодежи нет никакого политического опыта и им подчас бывает трудно разобраться в организациях, которые их нередко используют. Студенческие ассоциации и школьные клубы, как правило, аполитичны. Проблемы политического и социального характера, которые волнуют молодых людей, там не обсуждаются. А на собраниях «Морального перевооружения» можно

рассказать о том, какой ты хороший, и заслужить одобрение внука великого человека, можно обсудить некоторые политические вопросы и даже наметить план «революционного» изменения страны к лучшему. Можно открыто выразить свое недовольство несовершенством мира, гневно клеймить продажного министра или разоблачить грязную игру «морально опустившегося» мадрасского капиталиста. Такие возможности всегда привлекают молодежь, и если ее растущая политическая активность не находит соответствующего выхода, эту активность может использовать любая сомнительная организация. В данном случае такой организацией оказалось «Моральное перевооружение».

В Мадрасе же обстоятельства сложились так, что Ганди со своей компанией действовал беспрепятственно. Никто из противников «Морального перевооружения» не появился на собраниях, никто не выступил, не поднял дискуссии, не показал школьникам и студентам истинную суть «революционеров» из Западной Европы. Поэтому они спокойно под звон ксилофонов и бодрых песен растлевали души молодых людей. Под видом высоких моральных качеств они развивали в них самолюбие, пустое тщеславие, воспитывали чувство своей исключительности, приучали легко бросаться такими высокими словами, как «родина», «долг», «революция». Школьников и студентов готовили к восприятию действительных идей «Морального перевооружения». Их завлекали на орбиту, с которой бывает трудно сойти...

Группа «Морального перевооружения» не ограничивалась только собраниями. В Мадрасе пошла пьеса «Космос так привлекателен». В ней участвовали профессиональные актеры, приехавшие вместе с группой. И космическую тему, где наши заслуги несомненны, они сумели сделать антисоветской. Но пьеса в городе не пользовалась успехом. Обычно она шла в полупустом зале.

Поселившиеся в колледжах представители «Морального перевооружения» начали исподволь вести там свою работу. В результате Женский христианский колледж разбился на две группы — противников «Морального перевооружения» и его сторонников. Первые составляли большинство. К ним примкнули и преподаватели.

— Послушай, Людмила, — сказала мне Анна Умен, — ты не можешь сказать мне, что происходит. Говорят, ты

исправно посещаешь их собрания. Почему студентки так взбудоражены?

Я объяснила.

— Значит, они поселились у нас в общежитии, чтобы проповедовать свою «высокую мораль» и заставлять девочек признаваться в грехах? — с угрозой в голосе спросила Анна.

— Да, — подтвердила я.

— Ну хорошо же...

Самой активной в «нашей» тройке была девица из Кейптауна. Она хватала очередную жертву, говорила, какие все хорошие в «Моральном перевооружении», и заставляла признаваться в «грехах». Некоторые не выдерживали и начинали каяться. Судья смотрела светлыми выпуклыми глазами на девушек и время от времени говорила:

— Так, так. Дальше.

Я пыталась с ней разговориться. Но каждый раз получала односложные скользкие ответы.

— Сколько у вас сторонников в Индии? — однажды спросила я ее.

— 450 миллионов, — не моргнув глазом, ответила жительница далекого Кейптауна.

— Это что, абсолютная правдивость или невольное заблуждение?

— Это — первое, — враждебно взглянула на меня моя собеседница. — Те, кто не присоединился к нам сегодня, будут с нами завтра.

Группа привезла с собой литературу, но почему-то не распространяла ее. Это мне показалось подозрительным. На одном из собраний я подошла к Омико Чибо.

— Мисс Чибо, не могла бы я получить некоторые ваши издания?

Лицо Омико стало напряженным, в нем мелькнула растерянность, так хорошо знакомая мне по нашему первому разговору.

— Видите ли, мы сейчас заняты.

— Почему же вы не используете собрания для распространения вашей литературы? — невинно спросила я.

— Да, конечно, это мысль.

Наконец она подозвала высокого негра. В руках у него был чемодан, с которым, как я давно заметила, он не расставался.

Негр, воровато оглянувшись, полуоткрыл чемодан и стал показывать мне, косясь вокруг, журналы и книги. Я купила несколько журналов. Это были иллюстрированные издания «Морального перевооружения», отпечатанные в Лондоне и Женеве.

Быстро закрыв чемодан, негр подозрительно оглядел двух студентов, которые подошли к нам.

— А нам можно? — спросили они.

— Нет, нет, — торопливо сказала подросевшая Омико. — Потом, потом.

«Потом» не было. Я развернула журнал. С первой страницы смотрела улыбающаяся физиономия Аденауэра. Я стала листать дальше. «Мы осуждаем фашизм только за его теорию высшей расы». «20 миллионов бастуют против коммунистического режима в России». «Коммунизм стоит на дороге нашей революции». «Мистер Чива предлагает эффективный путь борьбы против коммунизма». «Только «Моральное перевооружение» может помочь Западному Берлину преодолеть кризис, в который ввергли его коммунисты». «Безбожный коммунизм — главная угроза миру».

Я поняла, почему эти журналы продолжали оставаться в чемодане высокого негра. Их направленность несколько не соответствовала индийской действительности. Омико не смотрела в мою сторону, но лицо ее по-прежнему оставалось напряженным.

Субашини была не в состоянии пропустить очередной организации. Она отправилась на собрание и, стоя у стола Ганди, произнесла речь. Смысл ее был такой: она еще не знает, что такое «Моральное перевооружение», но если его руководители действительно делают мир лучше и борются со злом, она готова присоединиться к движению.

— Ну, как я выступила? — потом спросила она меня.

— Великолепно, великолепно! — подражая тону Ганди, ответила я. — Кстати, ты не видела красивых иллюстрированных журналов, которые издает «Моральное перевооружение»?

— Нет. Но я бы посмотрела, — оживилась Субашини. Она уселась с журналами у меня на веранде.

— Что?! — вдруг раздалось оттуда. — Объясните мне, что это такое?

— Там все написано, — отозвалась я.

— Как же это так? — голос Субашини звучал хрипло и взволнованно. — Как же это так? Они говорят одно, а пишут другое. Посмотрите, они говорят об абсолютной любви, а сами проповедуют ненависть.

— Это к вопросу об абсолютной честности, — заметила я.

— Послушайте, если бы я знала! Я бы никогда не пошла на их паршивое собрание. Да как они смеют! — бушевала Субашини.

— Вот, вот, — засмеялась я. — Сначала надо знать, а потом примыкать. А то ты сначала примкнешь, а затем начинаешь выяснять, что за движение, что за организация.

— Ну, нет! Ну, нет! Это им не пройдет! — глаза Субашини загорелись решимостью. — Можно я возьму с собой эти журналы?

И журналы пошли по общежитию. Ряды сторонников «Морального перевооружения» катастрофически таяли. Только двое продолжали посещать собрания.

Омиго и ее подруги теперь демонстративно не здоровались со мной. Преподаватели возмущались, и я поняла, что можно очистить хотя бы Женский христианский колледж от «Морального перевооружения».

— Мисс Мукерджи, — спросила я за ужином, — что, христианская мораль уже изжила себя?

— Почему? Кто сказал? — насторожилась декан.

— Я сама вижу. Какие-то три иностранки заставляют ваших студенток исповедоваться и учат их, как жить.

— Вот именно, — поддержала меня Умен, — наше воспитание поставлено под сомнение. Видимо, только «Моральное перевооружение» способно привить студентам колледжа нравственные идеалы.

Мисс Мукерджи молча поднялась, окинула помрачевшими глазами столовую и вышла.

На следующий день три фигуры с чемоданами уныло потащились к выходу.

— Трам, пам, пам, пам, — запела громко траурный марш Шопена Субашини, стоявшая на пороге главного здания. — Вынос тела состоялся...

Но в городе продолжались собрания и митинги. Наконец на сцену выплыл второй дед мистера Ганди — Раджагопалачария. Организатор реакционной партии «Сватантра», он был ярым антикоммунистом и, конечно,

не преминул воспользоваться пребыванием в городе группы «Морального перевооружения».

Тяжело опираясь на палку, восьмидесятилетний Раджагопалачария прошел к столу очередного собрания и опустился на угодливо подставленный стул. В темных очках, с впалыми щеками, он начал глухим, старческим голосом медленно выговаривать слова.

— Я являюсь свидетелем, — Раджагопалачария переставил палку, — интересного события. Сегодня я услышал хорошую речь моего внука. Этого достаточно для меня как для деда, но этого мало для меня как для политического деятеля. Очень хорошо, что многие из здесь присутствующих понимают, что они должны делать. Бог благословит их. Вы молоды и невинны, да поможет вам бог. А мы будем молиться за то, чтобы вы сохранили свою твердость на избранном вами пути.

Старик закашлялся и большим носовым платком отер лысину. И снова зазвучал его надтреснутый невыразительный голос. Он давал «добрые» советы участникам движения. Как опытный политический лидер, Раджагопалачария сразу подметил слабые стороны движения в Индии. Он хотел, чтобы эти недостатки были ликвидированы. Ему не нравилось, что группа «Морального перевооружения» ведет пропаганду только на английском языке.

— Вы должны знать индийские языки, говорить на них. Ваши песни и музыка пусть будут индийскими. Тогда вы легко найдете доступ к сердцам молодежи.

Улыбаясь бледными губами, он не забывал нахваливать своего внука, в котором он видел дух того, великого деда.

— Я поздравляю Раджмохана, — гордо возвестил он, — с выдающейся работой, которую он проделал.

Младший Ганди вспыхнул от удовольствия и первый заплодировал своему деду.

Так Раджагопалачария благословил «Моральное перевооружение». Когда в городе стало известно, что он открыто поддерживает новую организацию, многие стали понимать, в чем дело. А между тем «Сватантра» под эгидой «Морального перевооружения» стала организовывать «Молодежный фронт». Однако «Фронт» не имел успеха, так же как и сама партия. В Южной Индии возникли кратковременные лагеря, где члены группы «Мо-

рального перевооружения» пытались подготовить для движения индийские кадры. Особого результата это не принесло. Раджмохан Ганди отправился в Бомбей, откуда он время от времени атаковывал Мадрас различными циркулярами, памфлетами, проспектами и обещаниями. Иногда в индийской прессе появлялись сообщения о конференциях «Морального перевооружения». Сто «революционеров» уехали из Мадраса. С ними отбыли и Омико Чива с подругами. Ажиотаж в городе поутих. Но ядовитые семена были посеяны и кое-где дали свои всходы.

Пророк Тамилнада. Дравиды против ариев

Глубокий старик с окладистой бородой, одернув черную рубашку, протянул руки вперед. Там, по шатким ступеням трибуны, к старику шел мальчик лет пяти. Черная такса по имени Дитто, тряхнув широкими ушами, глухо заворчала и вопросительно уставилась на мальчика. Такса принадлежала старику, но он теперь не обращал на нее внимания. Его выцветшие глаза из-за стекол очков в простой оправе не отрываясь следили за неуверенными шагами мальчика. Мальчик нечаянно зацепил черный флаг с красным кругом посередине и смутился. Дитто строго посмотрела на флаг и мальчика, подняла кверху кожаный нос и несколько раз пролаяла от удивления. Наконец мальчик приблизился к старику и протянул ему мешочек, в котором звякнули монеты.

— Господин Будда, — чуть заикаясь, начал мальчик. — Господин великий Будда, — поправился он. — Здесь 86 пайс, мы собрали это для вас.

— Спасибо, — просто ответил старик. — Но я не Будда. Ты ошибся.

— Я часто ошибаюсь, — сказал мальчик. — Теперь я пойду.

Старик повернулся и поискал глазами таксу. Дитто улеглась у самого края помоста трибуны и легкомысленно помахивала лохматым хвостом перед группой людей, одетых в черные рубашки.

— Господин Рамасвами, — произнес полицейский ре-

портер, сидевший в одних носках за низеньким столом у трибуны. — Я готов, можете начинать.

Старик разгладил бороду, подвинул микрофон и оглядел людей, сидящих прямо на пыльной земле перекрестка. Несколько неярких фонарей тускло освещали сидящих. Там, где примыкавшие к перекрестку улицы тонули в темноте, угадывалась стоящая толпа. Над толпой смутными и размытыми пятнами покачивались красносиние тюрбаны полицейских.

Старик, наклонившись к микрофону, чуть глуховатым голосом сказал:

— Товарищи! Женщины, мужчины и дети!

Темная рука полицейского репортера поспешно забежала по чистому листу бумаги.

Периар Рамасвами начал свою речь.

— Недавно мы узнали, что советский космонавт покинул кабину и шагнул в космос. Советский Союз идет от одной вершины науки к другой. А вы ходите от одного храма к другому. Жрецы-брахманы выдумали для вас богов. Вы им поклоняетесь. Они держат вас в невежестве. Черные рубашки, которые носят члены Дравидийской партии, — это символ вашего невежества и темноты. И в этом вашем невежестве повинны брахманы.

Люди слушали Рамасвами, и в глазах многих появилось выражение молитвенного благоговения. Ибо все они принадлежали к низшим кастам и говоривший старик с бородой апостола много лет беззаветно и преданно защищал их интересы и боролся за их права.

— Да, во всем повинны брахманы, — говорил «апостол». — Это они мешают конгрессиистскому правительству выполнять социалистическую программу и хотят повернуть историю страны вспять. Это они поддерживают реакцию в Индии, эксплуатируют ее трудящихся. Брахманы повинны в каждом социальном зле.

— Будьте осторожны! — Рамасвами резко поднял руку в предупреждающем жесте. — Брахманы хотят свергнуть правительство, они хотят вернуть старые времена своего господства. Если это случится, у вас не будет будущего. Не будет будущего и у ваших детей. Будьте бдительны!

Полицейский офицер, посмотрев на часы, стал пробираться к трибуне.

— Уже 10 часов, — сказал он секретарю. — Уберите микрофоны.

В те напряженные дни агитации против языка хинди было издано распоряжение не проводить митингов после 10 часов вечера. Микрофоны убрали, но никто из присутствующих не ушел. Люди подвинулись вплотную к трибуне, а Рамасвами, не повышая голоса, продолжал говорить. Полицейские оказались теперь в центре толпы, внимательно вслушивались в слова оратора и одобрительно кивали своими красно-синими тюрбанами.

К 12 часам ночи лидер Дравидийской партии кончил свою речь. Он начал ее в 8 часов вечера. 4 часа он говорил без отдыха, не покидая трибуны. Для человека 86 лет это было бы утомительно. Но для Рамасвами не существовало усталости. Люди в черных рубашках бросились к трибуне. Они подняли оратора и осторожно под руки свели вниз. Ноги плохо слушались старика. Толпа медленно двинулась за великим Рамасвами. Его усадили в автомобиль, и машина двинулась, с трудом прокладывая себе дорогу.

— Великий, — сказал человек в черной рубашке, сидевший рядом со стариком, — вас пригласили здесь в один дом на ужин. Хозяин будет рад, если вы окажете ему эту честь.

— Ужин? — спросил Рамасвами. — Разве я не ужинал?

— Нет.

— Но ведь уже поздно, и мы потревожим добрых людей.

— Они очень настаивают.

— Хорошо. — И старик устало прикрыл глаза.

Автомобиль мчался по пустынным улицам ночного города, и черный флажок с красным кругом посередине полоскался на радиаторе. Вслед за автомобилем по черному небу бежал красный диск луны.

— Кажется, здесь, — произнес шофер, когда автомобиль свернул в узенькую грязную улочку, по бокам которой выстроились ветхие домишки и хижины. В одной из них горел свет. Хозяин дома ждал на пороге. Рамасвами помогли выйти из машины. Человек на пороге подтянул дхоти в заплатках и поднял большие ладони, на которых явственно проступали шершавые бугры мозолей.

Затем он согнул колени и хотел «взять прах» от ног гостя.

— Нет, нет, — энергично затряс бородой Рамасвами, — не смей этого делать. Я не святой и не бог. Не унижайся.

Человек распрямил колени, и Рамасвами пожал его большую руку. В хижине на циновке, лежавшей прямо на земляном полу, была разложена еда. Аккуратные горки риса на зеленых банановых листьях. Это было все, что мог предложить мадрасский рикша Великому...

Рамасвами — одна из ярких и значительных фигур современного Тамилнада. Его называют «Великим», «Буддой», «пророком». Но, несмотря на высокие имена, Рамасвами остается человеком со всеми присущими ему достоинствами и недостатками. И пожалуй, во всем Тамилнаде нет более противоречивой по своим взглядам личности, чем великий Рамасвами.

Родившийся в семье крупного фабриканта и помещика, ортодоксального представителя одной из высших каст наикеров, он отверг традиционный путь и со временем превратился в своеобразного «апостола шудр» — людей низших, угнетенных каст. Неистощимую энергию борца он направил против традиционных устоев общества, против кастовой системы, против богов и брахманов. Он был образцом бескорыстного служения простым людям Тамилнада и в этом служении шел до конца, не признавая никаких компромиссов и отклонений. Так же до конца он оставался верен и своим ошибкам. Выступая в защиту угнетенного большинства Южной Индии, он противопоставил Юг Северу, дравидов — ариям и выдвинул сомнительную идею самостоятельного государства Дравидистан. Выступая против кастовой системы, защищая права «низших», он слепо отверг классовую структуру современного общества. В этом обществе он видел единственных носителей зла — брахманов. В 10 лет он бросил школу, отказавшись от того традиционного образования, которое давали закрытые индусские учебные заведения. В 16 лет он стал знатоком индусской религии и мифологии. В 19 лет, уже женившись, стал сознательно нарушать законы касты, ел и пил с неприкасаемыми, приглашал в дом «низших». Он снял тали со своей тринадцатилетней жены, так как считал его символом рабства замужней женщины. Запретил ей обы-

вать ему ноги, как это делали покорные индусские жены, и требовал, чтобы она ела с ним вместе как равная. Отец думал, что сын помешался, и пытался наставить его на путь истинный. Однако конфликт в семье разразился, и в 25 лет Рамасвами порвал с отцом и ушел из его дома.

Впереди была неизвестность. Полуголодный, без средств к существованию, он решил отправиться по «святым» местам. Он думал, что индусские «святые», садху и аскеты, смогут ответить на его вопросы, смогут помочь в его исканиях справедливости и правды. Ему казалось, что те, в ком присутствует «дух божий», могут указать ему единственно правильный путь. Он отправился в Калькутту, потом в Бенарес. Он шел от одного «святого» города к другому, присоединялся к бродячим садху, нищенствовал и делил с ними их убогий ночлег и скудную пищу. Рамасвами думал, что, приняв тяготы жизни санияси, заплатит за все несправедливости и за все зло. Заплатит и станет чистым. Грязь этого мира больше не коснется его. Но постепенно он начал видеть и понимать другое. Садху и санияси сами не были «чистыми». Большинство из них спекулировали именем бога на невежестве миллионов индусов. Он увидел, что «святые» паразитируют на живом организме народа. Они были ленивы, развращенны и питали отвращение к любому труду. Они грызлись между собой за «выгодные» места, нечестными способами добивались популярности у паствы, подло подсиживали друг друга, были жадны и невежественны. Они, как попугаи, бессмысленно повторяли молитвы, как фокусники, придумывали новые детали ритуала. Жадный огонек загорался в глазах этих людей, когда они видели, как медные и серебряные монетки падают в их плоски. Они были нечистоплотны и наивно кичились тем, что поднялись над простыми людьми и стоят ближе к богу. Они не отвергали кастовой системы, а, наоборот, прочно за нее держались, хорошо сознавая, что власть их покоится на этом неравенстве. И Рамасвами задумался о том, как может бог все это допускать. Если он допускает, то он не бог, а обычный человек, так же как и садху, добившийся хитростью и обманом поклонения себе. «Святые» города и садху убили в Рамасвами веру в бога. Он понял, что бога выдумали жрецы. Жрецы-брахманы. И никогда им этого не простил. Это

они были виноваты в невежестве народа, в том, что нет в этой стране равенства. Он больше не искал у саняси и садху ответов на то, что мучило его. Он не искал правды и справедливости у богов.

Оборванный, истощенный, с расшатанным здоровьем, он вернулся после скитаний домой. Его отец умер, и теперь он и его брат оказались наследниками процветающего и крупного дела. Однако ни фабрика, ни поместье не интересовали его. Рамасвами все больше и больше привлекала общественная деятельность. Через некоторое время он был избран председателем муниципалитета своего родного города Эрوده. Ни один из членов муниципалитета не решился появиться в кварталах, перенаселенных беднотой, когда в городе вспыхнула эпидемия чумы. Это сделал только Рамасвами. Он бесстрашно входил в хижины, над которыми витала черная смерть. Утешал плачущих женщин и детей, помогал санитарам хоронить трупы, находил помещения, чтобы поставить лишние больничные койки. Заставил команду дезинфекторов обслуживать городские трущобы. Уговорил брата пожертвовать крупную сумму на борьбу с эпидемией. Члены местного комитета Национального конгресса увидели, что председатель муниципалитета не совсем обычный человек. Его авторитет в городе после эпидемии стал непререкаемым. Тогда же состоялась встреча Рамасвами с одним из руководителей Конгресса — Раджагопалачарией. В те дни Рамасвами еще не знал, что этот тонкогубый брахман в темных очках через несколько лет станет его врагом № 1.

Раджагопалачария рассыпался в комплиментах по поводу общественной деятельности Рамасвами.

— Вы так себя проявили, как никто из конгрессистов, — журчал бесцветный голос Раджагопалачарии. — Мы боремся за независимость этой несчастной страны. Руководство Конгресса было бы очень радо, если бы вы оказали честь стать членом нашей организации.

— Честь? — улыбнулся Рамасвами. — Это, по-моему, честь для меня. Я давно слежу за Гандиджи. Мне нравится, что он выступает в защиту прав неприкасаемых.

Тонкая усмешка скользнула по губам Раджагопалачарии. Но Рамасвами не заметил ее.

— Видите ли, это ведь не главное — борьба с неприкасаемостью. Главное — независимость.

— Конечно, конечно, — Рамасвами сделал порывистое движение в сторону собеседника. Тот осторожно отступил. — Только независимость поможет ликвидировать нам зло кастовой системы. Но хорошо, что Конгресс уже сейчас начинает с этим бороться.

И снова еле заметная усмешка тронула губы Раджагопалачарии.

Так Рамасвами стал конгрессистом.

А в стране назревали важные события. Просачивались слухи, что в далекой России восставший народ сверг царя и взял власть в свои руки. То там, то здесь вспыхивали стихийные волнения. По железным дорогам шли эшелоны с карателями. Английские чиновники предпочитали с заходом солнца не появляться на улицах. И, наконец, весть об Амритсарском расстреле всколыхнула всю страну. Ганди объявил о массовой кампании гражданского неповиновения. Рамасвами стал во главе кампании протеста на юге Индии. В эти дни его можно было видеть везде: среди демонстрантов, с пикетчиками у лавок с английскими товарами, выступающим на митингах, в первых рядах бастующих. Потом он провел вторую кампанию неповиновения. Он не щадил ни себя, ни средств, которые еще оставались от отцовского наследства. В 1920 году он стал президентом комитета Национального конгресса Тамилнада. Он старался поспеть везде и помочь всем. Когда в княжестве Траванкур (Керала) началась кампания в защиту прав неприкасаемых, выяснилось, что руководители арестованы. Рамасвами отправился туда, чтобы принять на себя руководство. Встреча, которую оказали Рамасвами в Тривандруме, привела в замешательство местных конгрессистов и крайне удивила его самого. В сопровождении почетного эскорта появился министр махараджи. Перед Рамасвами распахнули лакированные дверцы автомобиля с гербом махараджи, и руководитель кампании протеста утонул в шелковых подушках. Его провезли по улицам как важного государственного гостя, и стражники в красных тюрбанах распахнули перед ним ворота дворца. Его ввели в высокий зал с колоннами, где на троне восседал махараджа. Крупная бриллиантовая брошь сверкала в его тюрбане. При виде Рамасвами махараджа поднял тучное тело с подушек трона и милостиво протянул ему руку. Но важный гость не заметил руки. Сидевшие у под-

ножия трона придворные тревожно зашептались. Махараджа, казалось, не обратил на инцидент внимания.

— Я рад приветствовать сына моего старого друга в моих владениях, — льстиво пропел он.

Тут Рамасвами вспомнил, что отец не раз похвалялся высоким знакомством. Вот в чем дело! Он ожидал, что его арестуют, а вместо этого его принимает сам правитель и предлагает свое гостеприимство. «Друг махараджи! Кто же после этого здесь будет иметь со мной дело?» Он понял, что попал в искусно расставленную ловушку. Князь продолжал улыбаться.

— Ты можешь жить в моем дворце сколько захочешь.

— Я приехал сюда не за тем, — резко ответил Рамасвами.

Улыбка махараджи стала натянутой, а заплывшие глазки теперь смотрели зло и раздраженно. Он сделал знак придворным удалиться. Те нехотя поднялись и, перешептываясь, поплелись из тронного зала.

— Так зачем же ты приехал?

— Я приехал бороться.

— Против кого? — полная губа махараджи отвисла, но глаза смотрели жестко.

— Против вас, — ответил «гость». — Против всей вашей несправедливой системы угнетения низших каст.

— Вот как! Я бы тебе не советовал этого делать.

— Уж это я решу сам, — дерзко заявил Рамасвами. — Вы можете меня арестовать.

— Ну, это я успею сделать, — махараджа хлопнул в ладоши.

Появился безмолвный страж.

— Уведи его. Пусть идет куда хочет. Мы обознались. Это не тот человек.

Рамасвами был действительно «не тот человек» для дворца. Через несколько дней его арестовали. Ему все же пришлось воспользоваться гостеприимством траванкурского махараджи. Но это был не дворец, а зловонная сырая яма княжеской тюрьмы. Там он провел несколько месяцев...

Двадцатые годы многому научили Рамасвами. Он понимал, что в Конгрессе не все благополучно. Иногда не было единой линии. Умеренные страшились массовой борьбы и не хотели иметь дело с «чернью». Изнуритель-

ности и опасности кампаний гражданского неповиновения они предпочитали спокойные заседания хорошо одетых, образованных людей, сочиняющих петиции английскому правительству. В Тамилнаде умеренных возглавляла Анни Безант. Случилось так, что большинство из них были брахманами. Рамасвами яростно нападал на Безант и умеренных. Брахманы презрительно опускали уголки губ и говорили, что президент-небрахман до добра не доведет. Политическая борьба стала приобретать оттенок кастовых разногласий. Брахман — небрахман. Большинство брахманов — имущие, в Конгрессе они подерживали умеренных. Большинство небрахманов — неимущие. В Конгрессе они представляли радикальное течение. Так постепенно социальные противоречия для Рамасвами подменялись кастовыми. Политические противники президента стали обвинять его в антибрахманских настроениях и в разжигании общинных разногласий. Обстановка в Конгрессе Тамилнада обострилась в связи с историей так называемого «гурукулама». В дистрикте Тирунелвели при помощи Конгресса был учрежден своеобразный институт — «гурукулам» — по примеру аналогичных институтов древней Индии. Студенты там изучали философию и основы индуистской религии. Значительное внимание в воспитании студентов уделялось развитию духа патриотизма. Во главе института был поставлен брахман В. С. Айер. Через некоторое время выяснилось, что студенты-брахманы оказались там в привилегированном положении. У них была лучшая еда, им предоставили лучшие комнаты в общежитии. Небрахманы не допускались к общению с брахманами, дабы не нарушить «чистоту» высокой касты дваждырожденных. Прогрессивная общественность Тамилнада была возмущена порядками в «гурукуламе», а Рамасвами отказался финансировать институт. Он потребовал, чтобы брахманы и небрахманы хотя бы сообща молились. Но порядки в «гурукуламе» оставались прежними, и Рамасвами пришлось поднять против него общественное мнение. В результате институт закрыли. Конгрессистские брахманы не простили ему этого. В знак протеста целая группа их во главе с Раджагопалачарией вышла из комитета Конгресса. С тех пор Раджагопалачария считал главным врагом Рамасвами. Последний ответил ему тем же. Так разногласия между умеренными и

радикалами в Конгрессе были переведены в плоскость борьбы небрахманов против брахманов.

Мысль Рамасвами с тех пор стала работать только в одном направлении. Брахманы составляют только три процента населения Тамилнада, говорил он, а в Конгрессе они занимают все руководящие посты. И Рамасвами потребовал привести руководство Конгресса в соответствие с этой пропорцией. Умеренные поняли, чем это им грозит. Они отвергли все резолюции Рамасвами. В 1925 году Рамасвами вышел из Конгресса. С тех пор основной его целью становится борьба против брахманов. Для него они превратились в символ всех зол. Брахман — это умеренность в политике, имущий эксплуататор, брахман — это носитель всех темных сторон индуизма, держащий миллионы в невежестве, брахман — это защитник кастовой системы и проповедник извечного неравенства. Идеалы борьбы за независимость Рамасвами принес в жертву кастовым разногласиям. Прогрессивно мыслящий человек, он остался рабом древних традиций, не сумел подняться над ними, не смог разглядеть социальных противоречий, иногда принимавших форму кастовых конфликтов. Он ступил на ложный путь и до конца остался ему верен. В этом и состоит его трагедия как политического деятеля, в этом его противоречивость. Пророк Тамилнада постепенно становился его лжепророком и не замечал этого.

Выйдя из Конгресса, он начал «движение за самоуважение». Движение это носило ярко выраженный антибрахманский общинный характер. Рамасвами выступал против кастовой системы, но на деле способствовал ее сохранению. Консолидируя вокруг своего движения низшие касты, он развивал в них чувство именно кастовой солидарности. Вопреки логике своих взглядов, он примкнул к Либеральной федерации, так называемой «Джастис парти», только потому, что она была небрахманской. Его не остановило, что эта партия была более умеренной, чем «брахманское» руководство Конгресса Тамилнада. Она добивалась самоуправления в рамках Британской империи. Его не смущало, что партия представляла интересы крупных помещиков и торговцев Тамилнада и финансировалась ими же. Слово «небрахман» обрело для Рамасвами магическую силу. Как призрачный волшебный занавес, оно скрывало от него и нена-

вистную политическую умеренность, и подобострастную покорность английским властям, и эксплуататорские доходы имущей верхушки Либеральной федерации. Всего этого он не прощал только брахманам. В его душе назревал кризис, и он не был в состоянии найти выход. Он чувствовал, что стройная система его взглядов где-то дала трещину. Он оказался в тулупе. Как выйти из него? Как избежать суда собственной совести? Кто в этом мире может помочь ему?

Решение пришло само собой. Есть страна, где проблемы, над которыми он бился, разрешены. Этой страной была Советская Россия. Рамасвами никогда не скрывал своих симпатий к Октябрьской революции. Он говорил о ней с восхищением. В 1931 году 52-летний Рамасвами уехал из Мадраса. Многие знали, куда он отправился. В Афинах ему удалось связаться с греческими коммунистами. Те помогли ему сесть на пароход, шедший в Одессу. Так Рамасвами оказался в Москве. Там ему сказали, что Советское правительство считает его своим гостем...

Через несколько дней его принял председатель ЦИК СССР Михаил Иванович Калинин. Рамасвами знал, что человек, занимающий этот высокий пост, был сыном простого крестьянина. «Неприкасаемый», — подумал он, когда входил в кабинет Калинина. «Неприкасаемый», лукаво улыбаясь в стриженую бородку, пошел навстречу Рамасвами. Они проговорили очень долго. За окном кабинета наступили ранние московские сумерки, а гость из Тамилнада все слушал председателя ЦИК. Его поразила простота, доброжелательность и заинтересованность Калинина. Тогда он понял, что, приехав в Советский Союз, не ошибся. Кажется, он нашел здесь то, что искал всю жизнь, — равенство. Здесь не было богатых и бедных. «Неприкасаемые» управляли государством. Положение в обществе люди завоевывали собственным трудом. Бог не властвовал над их умами.

И он решил увидеть в этой стране как можно больше. Ему помогли в этом. Известные люди стали его друзьями. Емельян Ярославский навещал его в скромном гостиничном номере. Город сменялся городом: Москва, Ленинград, Баку, Тбилиси, Сочи... Он посещал фабрики и колхозы, школы и больницы, научные институты и центры искусства. Его энергия поражала. Он спал по несколько часов в сутки. Его интересовало буквально всё

и все. Он беседовал с политическими деятелями и философами, учителями и писателями, художниками и учеными. Он видел, как десятки миллионов людей самоотверженно трудятся на благо своей страны, и результаты этого труда были осязаемы. Он вспоминал бенаресских садху и приходил в ярость. Разве они могли претендовать на знание истины? Теперь он знал, где можно найти истину. На первомайском митинге его попросили сказать речь. Он рассказал об угнетенной Индии, о несправедливости и нищете ее народа. Несколько тысяч человек слушали его, затаив дыхание. На глазах у некоторых он заметил слезы. И тогда вновь мелькнула мысль. Они сочувствуют потому, что сами были когда-то «низшими». Они — «небрахманы».

Три месяца, проведенные в России, показались ему целой жизнью. Жизнью его мечты. Ему не хотелось с ней расставаться. Он обратился в правительство с просьбой о советском гражданстве. Но тень незаслуженного подозрения легла на него. Ему отказали. Он не обиделся и не ожесточился. Все хорошее, что он видел, не могло быть испорчено плохим. Он уехал нашим другом и таким остался на всю жизнь.

В далеком Мадрасе он стал писать статьи о России. Это были первые строки, написанные в Тамилнаде, где была рассказана правда о великой стране. Рамасвами писал о первой и второй пятилетках, о колхозах, о советской демократии. Он опубликовал книгу «Взгляд Ленина на религию» и брошюру о философии коммунизма. Он выступал на митингах и собраниях. Он знал, что вокруг него уже сгущаются тучи, но продолжал рассказывать о Советской России до того самого дня, когда на пороге его дома возникла фигура английского полицейского офицера.

— Вы арестованы, господин Рамасвами, — вежливо сказал он, поигрывая стеклом. — Мы не хотели вас сразу трогать, вы, к сожалению, слишком популярны. К тому же мы ждали, что вы одумаетесь.

Суд был скорый и неправый. «За активную пропаганду коммунизма и Советской России, — гласило обвинительное заключение, — девять месяцев тюрьмы строгого режима».

Из-за Рамасвами даже Либеральную федерацию стали считать «прокоммунистической». Но характер ее от

этого не изменился. Она по-прежнему оставалась «антибрахманской». Так же как и деятельность самого Рамасвами. Сложность обстановки в Тамилнаде и противоречивость самого Рамасвами как политического деятеля не позволили выйти ему из тупика. Он просто заставил себя о нем не думать. В 1938 году он третий раз попал в тюрьму. Непосредственным виновником случившегося был его давнишний враг Раджагопалачария. Вместе с Рамасвами были арестованы две с половиной тысячи человек, участвовавшие в кампании протеста против введения в школах Тамилнада языка хинди в качестве обязательного предмета. Раджагопалачария возглавлял в то время конгрессистское правительство, сформированное после победы Конгресса на выборах 1937 года. Раджагопалачария, отдавший приказ об аресте Рамасвами, был для последнего прежде всего брахманом, а не представителем правого крыла Национального конгресса. И Рамасвами снова обрушился на брахманов. Постепенно антибрахманская проблема стала для него расширяться и переросла в проблему дравиды — арии. Арии — пришельцы, арии — завоеватели. Хинди — это их язык. Он забывал, что английский, против которого он не протестовал, тоже был языком пришельцев и завоевателей. Но у англичан не было брахманов, и это решило для него многое. Арии — дравиды. Угнетатели и угнетенные.

Он садится писать комментарий к индийскому эпосу «Рамаяна». «Рамаяна», отмечает он, отражает борьбу ариев и дравидов. Там нет богов, там действуют обычные смертные. Поэтому «Рамаяна» не может рассматриваться как священная книга. Против этого возразить трудно. Но далее комментарий полон противоречий. «Рамаяна» не имеет исторического значения, утверждает Рамасвами, потому что она написана брахманами. Там обожествлены арии во главе с царем Рамой и опорочены дравиды. Дравиды представлены в виде злых духов — ракшасов, а их предводитель Раван назван демоном. Тенденциозная критика Рамасвами привела к противоположному результату. Арии были опорочены, а дравиды — возвеличены. Богатые человеческие характеры главных героев «Рамаяны», формировавшиеся в определенных исторических условиях и носившие на себе отпечаток той древней эпохи, Рамасвами рассматривал

с точки зрения современной морали. Человеческая и историческая достоверность героев попала под огонь пристрастной и малообъективной критики. Так, Рама, главный герой, царь Айодхи, обладает только отрицательными качествами. Он многоженец (хотя многоженство в ту пору не считалось пороком), подозрителен, властолюбив, жесток, не уважает женщин, а главное, умирает как простой смертный.

Отец Рамы, Дасаратха, — распущенный многоженец. Сита, жена Рамы, — незаконнорожденная, старше его, ссорится с членами семьи Рамы, кокетничает с Раваном и уходит от Рамы добровольно, влюбившись в того же Равана. Бхарата, старший брат Рамы, не уважает своего отца. Лакшман, младший брат, тоже не уважает отца и даже хочет его убить. Он жесток, а временами недостойно пристаёт к Сите. Ближайший друг Рамы, Сугрива, предал своего брата, а Хануман убил много невинных людей, когда в погоне за Раваном сжег остров Ланку (Цейлон). Зато Раван, по мнению Рамасвами, представлявший дравидийское начало, оказался вместилищем всех добродетелей. Он был великим святым, толкователем священных книг, почитал дравидийского бога Шиву, уважал женщин и не приставал к ним.

В своем комментарии Рамасвами осудил арийскую культуру и противопоставил ей более древнюю — дравидийскую. На то, что обе культуры взаимодействовали в течение веков, на то, что теперь подчас бывает трудно выделить из индийской культуры чисто дравидийские или чисто арийские элементы, Рамасвами не обратил внимания. Он старался подчеркнуть не то общее, что объединяет Индию, а то, что ее разъединяет. Арии являлись для него носителями кастовой системы, и этого было достаточно, чтобы осудить их культуру в целом. На севере Индии сложились группы крупной монополистической буржуазии, и этого было достаточно для Рамасвами, чтобы обвинить Север в том, что он эксплуатирует Юг. За каждым выступлением Рамасвами слышался голос южноиндийской средней и мелкой буржуазии — «небрахманов». Но сам он этого голоса не слышал и был искренне уверен, что защищает интересы всех угнетенных дравидов, принадлежащих к «небрахманским» кастам. Он не хотел видеть классового деления общества, и оно ему за это отомстило. Он стал защитником южноиндий-

ской буржуазии, той имущей верхушки, с которой не хотел иметь ничего общего.

В 1944 году он преобразовал Либеральную федерацию, потерявшую всякий авторитет, в «Дравида кажагам» — Дравидийскую партию и стал ее пожизненным президентом. «Дравидийское движение, — писал он, — это религиозно-социальная организация, целью которой является восстановление общества на гуманной и рациональной основе». На самом деле он жестоко заблуждался. Дравидийское движение питал сомнительный и нечистый источник растущих противоречий между буржуазией Севера и Юга. «Юг не должен более эксплуатироваться Севером, — утверждал он. — Необходимо создать самостоятельное государство Дравидистан. Южная Индия была независимой до английского завоевания. Надо восстановить эту независимость. У нас богатые ресурсы, мы должны использовать их сами». Ложный путь вел его все дальше по дороге ошибок и заблуждений. Дравидийское движение приобрело ярко выраженный националистический и сепаратистский характер. И пресловутый «антибрахманизм» занимал в нем не последнее место.

Рамасвами был неутомим. Митинги, собрания, демонстрации. Человека с бородой апостола знали по всему Тамилнаду. Представители низших каст видели в нем своего спасителя, нового Будду. За ним шли безземельные крестьяне и неграмотные рабочие, студенты и мелкие лавочники, рикши и портовые грузчики. Они с надеждой взирали на своего пророка, вдохновенно повторяя за ним: «Пусть уйдут арии, пусть брахманы оставят нас в покое, пусть будет „Дравидистан“». Дравидистан — «гуманное и рациональное» общество, где каждый дравид будет свободным и сытым. Они не понимали, что их эксплуататоры — дравидийская буржуазия и помещики — останутся в Дравидистане. Ведь никто не требовал, чтобы они ушли...

И все-таки Рамасвами вносил в движение свои этические нормы. Пророк оставался чист как личность. Президент одной из крупнейших партий Тамилнада, он не хотел политической власти. Великий Рамасвами дольствовал властью над сердцами и душами угнетенных и неправых. Он не хотел денег. Все, что у него было, он щедро отдавал Дравидийской партии. Он осу-

ждал буржуазную демократию и не желал участвовать в выборах. Его не интересовали места ни в законодательных собраниях, ни в парламенте. Он выступал против партий, борющихся за власть, ибо власть, утверждал он, создает новую социальную иерархию, порождает неравенство. Но те, чьи интересы он защищал, думали иначе. Дравидийская буржуазия нуждалась и во власти, и в деньгах, и в новой социальной иерархии. Наступил момент, когда этические принципы великого Рамасвами и части его приверженцев пришли в непримиримое противоречие с интересами большинства участников дравидийского движения. Старые принципы работы и безусловный «антибрахманизм» не устраивали ни среднюю, ни мелкую буржуазию Тамилнада. Независимость страны изменила политическую обстановку. Но Рамасвами ничего не хотел менять в партии. В 1949 году он оказался в меньшинстве. Дравидийская партия раскололась. Несогласные с Рамасвами создали «Дравиду муннетра кажagam» — Дравидийскую прогрессивную партию. Будущее оказалось за ней. Но это уже отдельная история. В Дравидийской партии осталось несколько десятков тысяч последователей великого Рамасвами. Однако это его не обескуражило.

В 1952 году к власти в штате вновь пришел ненавистный враг и сверстник Раджагопалачария.

— Брахманы хотят стать хозяевами независимой страны. Будьте бдительны. Вы не должны этого допустить, — снова звучал голос Рамасвами на митингах.

Его поддержали те, кто считал Раджагопалачария реакционером. И в 1954 году кабинет врага № 1 пал. Главным министром штата стал Камарадж. Он сформировал «небрахманское» правительство. В лице Рамасвами это правительство обрело горячего сторонника. Он громил его врагов и был беспощаден, если ими оказывались брахманы. «Брахманы против социализма, — заявлял он. — Это они выступают против социалистической программы Национального конгресса, против прогрессивных мероприятий правительства Камараджа». И снова он обвинял брахманов во всех трудностях и неурядицах в штате.

От речей и газетных статей он перешел к действиям. «На каком основании северяне во время праздника Рамлила издеваются над дравидийским Раваном?

Почему сжигают его изображение?» — спрашивал он. И в ответ тысячная толпа людей в черных рубашках сжигала изображения Рамы. Пусть исчезнет отовсюду слово «брахманский», заявлял он. И на улицах перед так называемыми брахманскими ресторанами появлялись пикетчики в черных рубашках. Им объясняли, что слово «брахманский» имеет традиционное значение, что речь идет только о вегетарианской кухне отеля или ресторана, что этими ресторанами пользуются и небрахманы. Но объяснения не возымели действия. 200 пикетчиков окружили «брахманское» кафе «Мюрэли» в Мадрасе и, держась за руки, не пускали туда посетителей небрахманов. Кампания превратилась в абсурд. Дравидийская партия сама ограничивала действия небрахманов. Когда великий Рамасвами пообещал Камараджу сжечь национальный флаг, если в штате введут хинди — язык северян и ариев, последний понял, что это не пустая угроза. Он знал, что Рамасвами доводит каждое дело до конца. Президент небольшой партии, он оказался достаточно сильным и влиятельным, чтобы начать повсеместную агитацию за Конгресс небрахмана Камараджа, и эта агитация принесла свои плоды. В 1964 году Камарадж стал председателем Национального конгресса. «Конгресс превращается в небрахманскую организацию, — говорил Рамасвами. — Теперь мы должны поддерживать его и его программу». Ему исполнилось тогда 85 лет, но он по-прежнему был энергичен, подвижен и мог выступать на митингах по несколько часов кряду.

На узенькой улочке около главной Маунт Роуд стоит скромный двухэтажный дом. Рамасвами обычно живет в нем, когда задерживается в Мадрасе. В этом доме и состоялась моя встреча с Великим — Перияром. Меня провел к нему редактор газеты «Свобода», которую издает Дравидийская партия. Навстречу мне поднялся седобородый, несколько грузноватый старик. Из-под стекол очков в простой железной оправе на меня смотрели неожиданно молодые глаза.

— Проходите, проходите, товарищ, — сказал Рамасвами, крепко пожимая мне руку. — Я вас ждал. Люди из вашей страны нечастые гости у меня. Но я всегда им рад.

Поджав босые ноги, он уселся на широкую деревянную кровать.

— Это хорошо, что вы пришли. Из-за этих брахманов люди из других стран не знают о нас правды. Ведь почти все газеты в штате в их руках. У нас существуют только две касты — брахманы и небрахманы. Угнетатели и угнетенные. И они никогда между собой не примирятся.

— Но, может быть, — возразила я, — есть какой-то путь к примирению. Ведь теперь часто кастовое положение не соответствует социально-экономическому.

— Нет, — твердо ответил Перияр. — Пути нет. В течение десятилетий я добивался этого. Но брахман всегда останется брахманом. Полюбуйтесь на Дравидийскую прогрессивную партию. Когда-то все они были со мной. А теперь спелись с брахманами. И принимают к себе даже мусульман и христиан. Я не хочу иметь с ними дела. Они предали наши принципы.

— Сколько членов в вашей партии? — спросила я.

Рамасвами задумался, потер высокий лоб и позвал секретаря.

— Принеси, пожалуйста, списки, — попросил он. И, повернувшись ко мне, смущенно улыбнулся: — Я что-то стал забывать цифры.

Секретарь принес несколько толстых конторских книг и положил их на кровать рядом с Перияром. Тот взял одну из них, раскрыл и, по-стариковски кряхтя, что-то забормотал про себя. Все это как-то не вязалось с моим представлением о лидере политической партии. Но в следующее мгновение я поняла, что этот налет «домашности» на партийных делах Перияра не случаен. Его партия была его домом и его жизнью. Вне своего движения он не существовал. Поэтому так по-домашнему просто, сидя на кровати, водил пальцем по партийным спискам один из крупных политических деятелей Тамилнада.

— Вот, вот, сейчас, — говорил он как бы про себя, — кажется, я не ошибся. — Он поднял глаза, оторвавшись от книги, — 60 тысяч. Осталось только 60 тысяч. И тысяча отделений партии по всему Тамилнаду.

— Да, да, — с готовностью подтвердил секретарь.

— Вы тоже не помните, сколько членов в партии? — спросила я его.

— Помню, — смутился секретарь, — но видите ли...

И я поняла, что Перияр привык делать все сам.

— А как там, в Москве? — неожиданно спросил ста-

рик, задумчиво улыбаясь в свою пышную бороду апостола.

— Вы бы ее не узнали, — ответила я. — Ведь после вашего визита прошло столько лет.

— Да, да, — оживился Рамасвами, — прошло столько лет, а я помню все, как будто это было вчера. Я помню комнату в гостинице «Новая Москва», Красную площадь и море красных знамен на первомайской демонстрации. Я тогда действительно был очень счастлив. Такое не забывается. Москва... — бережно произнес он это слово. — У меня там была переводчица, симпатичная и умная девушка. Зина Пиликина, — неожиданно четко выговорил он. — Вот видите, число членов своей партии забыл, а Зину — нет, — лукаво и чуть грустно усмехнулся Рамасвами. — Она, наверно, сейчас старая.

— Наверно, — согласилась я, — если еще жива. А сколько вам лет?

— Восемьдесят пять.

— Восемьдесят шесть, — поправил его секретарь.

— Да, да, мне восемьдесят шесть, — засмеялся Рамасвами, — хотел показаться перед вами моложе, вот и сказал восемьдесят пять. А меня сразу уличили. В Москве я был совсем молодым. И все там были молодые. Как мне хотелось остаться там навсегда. Но ничего не получилось. Теперь я об этом не жалею. Я честно служил своей родине и сделал все, что было в моих силах. Для себя мне ничего не надо.

— Господин Рамасвами, — напомнили ему, — через полчаса митинг.

— Да, да, — закивал он головой. — Я помню. Сегодня я обязательно скажу им о Москве и о вашей стране.

Он тяжело поднялся, пожал мне руку и медленно, с трудом двинулся к выходу. Он все еще продолжал быть пророком...

Красное и черное

По обеим сторонам длинной пыльной улицы без тротуаров тянутся приземистые обшарпанные дома и хижинки, покрытые пальмовыми листьями. Кое-где меж домов

и хижин вкраплены редкие маленькие лавчонки. За домами высятся почерневшие от жирной грязи цистерны с горючим. Юркий, окутанный клубами едкого дыма паровозик то и дело снует по узкоколейке, ведущей к гавани. Из прокопченных мастерских, расположенных рядом с узкоколейкой, доносится дробный несмолкающий стук. Около хижин темнокожие люди в набедренных повязках чинят разложенные прямо на земле сети. По улице носятся оборванные босоногие мальчишки, не знающие ни школы, ни сытой жизни. На этой улице, где каждый знает всех, появление нового человека — событие. И прежде всего для мальчишек. Вот они с криком ринулись в узкий грязный переулок. Через несколько мгновений оттуда появляется группа людей. Двое из них несут красно-черные флаги. За ними уныло, опустив хвост, плетется пес неопределенной масти. К ошейнику пса прикреплен красно-черный флажок. Ватага мальчишек, держась на почтительном расстоянии, следует за псом. Позванивая монетами в консервных банках, люди движутся вдоль улицы.

— «Дравида муннетра кажагам» — ваша партия! — начинает один из них голосом зазывалы. — Она защищает интересы всех угнетенных! Жертвуйте на вашу партию.

Рыбаки, чинящие сети, поднимают головы и равнодушно провожают взглядом процессию.

— Дравидийская прогрессивная партия... — снова начинает идущий впереди человек.

Толстый лавочник вышел из-за прилавка и ждет людей с флагами. Те приближаются к лавке, гремит мелочь, брошенная в банку.

— Дравидийская прогрессивная партия — ваша партия!

И так от лавки к лавке. Их хозяева — единственные состоятельные люди на этой улице. Они бросают в банки серебряные монеты, получают расписку и ревниво наблюдают за соседними лавками. Дадут или не дадут? У рыбаков и рабочих мастерских денег нет, а поэтому около их хижин активисты партии не задерживаются.

— Дравидийская прогрессивная партия — ваша партия! Жертвуйте на вашу партию!

Медленно плывут вдоль улицы два черно-красных

флага. Красная полоса означает революцию, черная — невежество дравидов.

Эти флаги появились в Мадрасе в 1949 году, когда большая группа членов Дравидийской партии во главе с киносценаристом Аннадураи покинула великого Рамасвами. Их не устраивало то, что Дравидийская партия стоит в стороне от политической борьбы за власть, что она теряет возможность провести своих кандидатов в парламент и Законодательное собрание штата. Их не устраивал терявший свое значение и ставший одиозным «антибрахманизм» Рамасвами. Им уже не нужен был старый вождь с причудами «святого» и с отжившими этическими принципами. У них появились свои вожди, которые не хотели оставаться в тени, падавшей на них от легендарной фигуры Великого. Они сами хотели быть великими. Аннадураи стал их первым признанным вождем. Противоречия между ним и Рамасвами нарастали, как снежный ком, катящийся с горы, но повод для раскола представился только в 1949 году.

В этом же году новая партия «Дравида муннетра кажагам», или сокращенно ДМК, была внесена в списки политических партий Тамилнада. Она имела ярко выраженный мелкобуржуазный характер, но ее поддержала средняя и часть крупной буржуазии, недовольной правлением конгрессистов. Она была популярна среди городских низов: рабочих, рыбаков, рикш, кули. Среди тех, для которых слово «социализм» значило больше, чем просто надежда. А это слово стояло в программе новой партии. «Нашей целью, — было написано в программе, — является создание суверенной, независимой социалистической республики Дравидистан». Дравидистан... Требование, которое выдвинул великий Рамасвами, осталось лозунгом ДМК. За ним стояла тень отвергнутого вождя. Этого нельзя было допустить. И идеологическая машина ДМК заработала на всю мощь. Люди с высшим образованием умели красиво и умно говорить на хорошем тамильском языке на митингах и собраниях. «Дравиды, — говорили они, — до сих пор были без должного руководства. Они не могли противостоять Северу. Теперь у дравидов есть руководство — партия ДМК». «Северяне, — писали они, — заняли руководящие посты в Национальном конгрессе, правительстве, парламенте. Северяне не признают культуру Юга, Юг низведен на положение

колонии Севера. ДМК начинает эпоху Ренессанса на Юге». Ни слова о Рамасвами, ни слова о Дравидийской партии. Как будто их не было. Да, их не было. А есть ДМК и ее вождь Аннадураи. Великий Аннадураи. Тот, чьи портреты красуются на календарях, выпускаемых партией, рядом с Марксом, Лениным, Ганди и Неру. Тот, которого в день его шестидесятилетия в 1968 году назовут «великим, как император Акбар». И будут сравнивать «эпоху Аннадураи» с блеском древних дравидийских империй Чолов и Паллаво.

В 1962 году лозунг «Борьба за Дравидистан» был снят, так как оказался невыгодным в сложившейся ситуации. В 1957 году Дравидийская прогрессивная партия получила 2 места в парламенте и 45 мест в Законодательном собрании штата, в 1962 году в парламенте было уже 9 депутатов от ДМК и 50 — в Законодательном собрании штата. В 1967 году ДМК сформировала свое правительство в Тамилнаде.

Красно-черные флаги и портреты Аннадураи постепенно захватывали весь Тамилнад. Они появлялись в маленьких городках и деревнях, в поселках и промышленных центрах. Потом они перешли границы штата и заперестрели в Майсуре, Керале, Андхре. Дравидийский Юг признал новую партию. К 1965 году в ее рядах насчитывалось 533 тысячи человек. Она превратилась в главную оппозиционную силу Конгрессу. Лозунги, которые она теперь выдвигала, имели, несомненно, прогрессивный характер. ДМК требовала наделить безземельных земель, ограничить размеры помещичьего землевладения до 15 акров, ввести фиксированную заработную плату рабочего, провести национализацию кинопромышленности, банков, транспорта, расширить систему народного образования.

С самого начала своей деятельности ДМК настаивала на том, чтобы государственным языком и после 1965 года остался английский. Чем ближе становился срок замены английского на хинди, тем активнее действовала ДМК. Партия проводила митинги и демонстрации, Аннадураи грозился устроить публичное сожжение 17-й статьи индийской конституции, согласно которой язык хинди с января 1965 года вводился в качестве государственного. В дни демонстраций партии Мадрас оказывался свидетелем массовых процессий и манифестаций...

В тот день с утра по городу курсировали автобусы, украшенные черно-красными флагами. В каждом переулке, на каждой улице можно было видеть велосипедистов. У рулей их велосипедов были укреплены черно-красные флажки. Велосипедисты метались из одного конца города в другой, подолгу задерживались на его окраинных улицах, о чем-то переговаривались с лавочниками, передавали друг другу какие-то списки. Несколько позже появились полицейские патрули, и офицеры, отрывисто отдавая команду, выстраивали их вдоль улиц, где, как предполагалось, пройдут демонстранты. И наконец процессия ДМК захлестнула одну из главных артерий города — Пунамалли Хай Роуд. Движение было остановлено. Черно-красная волна флагов, флажков, транспарантов залила широкую магистраль, захватывая соседние улицы и переулки. Во главе процессии на открытом грузовике ехало руководство партии. Я успела разглядеть крупную голову Аннадураи и фатоватые усики Недунжлиана. Грузовик шел за грузовиком, а в глаза настойчиво лезло красное, черное; черное, красное. За грузовиками медленно плыл густой поток людей. Под черно-красными флагами шли рабочие и клерки, студенты и лавочники, кули и учителя, обитатели трущоб и известные киносценаристы. Неумолкающий гул стоял над движущейся змеей процессией. Сквозь этот гул временами прорывался слаженный хор голосов:

— Долой хинди! Долой хинди!

— Хинди уничтожит культуру дравидов! Хинди уничтожит культуру дравидов!

— Не дадим Северу никаких возможностей! Не дадим...

И снова:

— Долой хинди!

Вдруг в одном месте процессии возникло замешательство. Откуда-то взвился трехцветный флаг Национального конгресса и застыл на несколько секунд в напряженных, вцепившихся в него руках. Потом наклонился и медленно сполз на землю. Чей-то срывающийся голос закричал:

— Хинди здесь ни при чем! Вы хотите власти!

Но идущая толпа вынесла горстку людей с конгрессистским флагом на тротуар, и те встали, смущенно и растерянно улыбаясь. Изорванное трехцветное по-

лотнище, как подбитая птица, лежало в пыли у их ног.

А черно-красные флаги гордо плыли над обнаженными головами демонстрантов, как грозные провозвестники неизбежно надвигающихся событий... Хвост процессии с замыкавшим его полицейским грузовиком показался не скоро. Но вот и он исчез за поворотом. На горячем асфальте остались обрывки красно-черной бумаги.

Вдруг из переулка выбежал молодой парень. На его голову была почему-то нахлобучена подушка, которую он придерживал правой рукой. Одна сторона подушки была черная, другая — красная. Парень выскочил на магистраль и затрусил по ней со своей подушкой вслед за демонстрацией. Эта нелепая подушка и несколько отрешенный вид ее владельца рассмешили меня.

— Смешно? — вдруг услышала я рядом с собой.

— Во всяком случае, не грустно, — ответила я.

— Я бы не сказал... — задумчиво произнес человек. — Меня зовут Сампатх. Я вижу, вы заинтересовались всем этим. Хотите, я вам кое-что расскажу?

...Он был членом парламента от ДМК, этот человек с тонким умным лицом и смеющимися глазами. Он организовывал партию вместе с Аннадураи. Теперь обо всем этом можно говорить в прошедшем времени. Потому что Сампатх уже не имеет отношения к Дравидийской прогрессивной партии. Сам Аннадураи венчал его цветочной гирляндой, когда Сампатх в 1957 году оказался депутатом парламента. Ему устроили торжественные проводы, когда он отправился в Дели на сессию. Произносили речи. Аннадураи тоже сказал немало слов. Сампатх был счастлив, что наконец сможет по-настоящему бороться за идеалы партии, и был горд доверием, которое ему оказали.

Парламент ввел его в круг общеиндийских дел. Пытливый и всегда ищущий, он сошелся близко с людьми из других штатов. Он разговаривал с пенджабцами и маратхами, знал, о чем думают бенгальцы и раджастанцы. Он принадлежал к оппозиции и интуитивно тянулся к тем, кто мыслил прогрессивно. Жизнь в Дели, так непохожая на мадрасскую, захватила его своей политической остротой и интеллектуальной напряженностью. Он стал постепенно понимать, что у него много единомышленников в других штатах. Они тоже мечтали о социа-

лизме и выступали против «своих» же североиндийских монополистов и крупных дельцов. «Так почему же мы должны отделяться? — начал сомневаться он. — Ведь не только одни дравиды мыслят прогрессивно». Он слышал, как коммунист из Бихара однажды громил беспощадно монополиста Тата, говорил о его высоких доходах и тяжелых условиях труда на его металлургических заводах. Сампатх вспомнил, что Аннадураи и некоторые лидеры ДМК намного либеральнее относились к таким крупным дельцам, как Четтиар, Найду или Махалингам. Ведь они были дравиды. Аннадураи заигрывал с ними и пользовался их деньгами. Стройная система политических взглядов Сампатха здесь, на парламентской скамье, дала первую, пока еще незаметную трещину. Он говорил с коммунистами и левыми социалистами, с радикально мыслящими конгрессистами и представителями пестрой компании «независимых». Все они убедительно доказывали, что прогресс страны требует объединения всех усилий, а не их разъединения. Постепенно он и сам стал приходить к этой мысли. Но она была еще нечеткой и сырой, многое ему было неясным. Слишком долго он пил отравленный напиток марки «Дравидистан», с тех пор как включился в работу Дравидийской партии. Яд улещивался медленно и болезненно. Он возвращался в Мадрас с очередной сессии, его встречали товарищи по партии, чествовали и открыто говорили о своих надеждах. Но теперь он уже не разделял этих надежд. Однако был достаточно осторожен, чтобы промолчать об этом. Он знал, что ему не простят отступничества. Да и сам он еще далеко не был уверен в правильности своих новых мыслей. Уверенность пришла позже...

Москва цветами встречала индийских парламентариев. Вежливый гид-переводчик предупредительно распахнул перед Сампатхом дверцу светлой «Волги».

— Вы не похожи на русского, — сказал он юноше, — у вас темный цвет лица, вы не европеец.

— Да, я не русский, — просто ответил переводчик, — я из Узбекистана.

— И ваш язык не похож на русский?

— Нет, — ответил юноша. — И культура у нас другая.

— Как же вы уживаетесь с русскими? — удивленно спросил Сампатх.

Юноша улыбнулся наивности далекого гостя.

— У нас одна цель. Все наши народы строят новое общество.

«Вот как! — подумал Сампатх. — У них разная культура, а одна цель».

Переводчик перечислил ему национальные республики. Их оказалось не меньше, чем штатов в Индии. Когда Председатель Верховного Совета СССР спросил Сампатха, что его больше всего интересует, тот не колеблясь ответил:

— Ваше содружество наций. Я хочу узнать, как вы смогли этого добиться.

— Хорошо, — сказал председатель. — Вы узнаете.

За месяц он узнал, увидел и передумал так много, что порой ему казалось, голова не выдержит такого напряжения. Но голова и сам Сампатх выдержали.

— Меня больше всего поразило, — говорил Сампатх, и в его голосе звучали нотки неподдельного восхищения, — что в СССР смогли создать единство всех народов, смогли создать условия, при которых все нации имеют равные права, уважают друг друга и при этом не утрачивают своей культурной индивидуальности и самобытности. И тогда я решил, что путь вашей страны самый правильный, что Индия должна сделать так же. Я понял, что только такое единство поможет нашим народам стать на путь социального прогресса. Только единство всех прогрессивных сил, только это, — повторил он.

Он вернулся в Мадрас, и снова его венчали цветочной гирляндой. Потом состоялась эта памятная встреча с Аннадураи и другими лидерами ДМК. Теперь он не скрывал своих взглядов, потому что был твердо уверен в их правильности. Он сказал то, о чем думал.

— Борьба за Дравидистан не имеет будущего.

Его слова падали в напряженную тишину. Он пытался по глазам определить, о чем думают эти люди. Но они отводили глаза. Только Аннадураи смотрел на него тяжело и непримиримо.

— Наша сила в единстве. Мы все — индийцы. Лозунг «Борьба за Дравидистан» должен быть снят.

Он говорил долго и горячо. Некоторые уже не прятали глаз, и Сампатх понял, что они с ним согласны. Ему не хотелось смотреть на Аннадураи. Он хорошо знал этого человека. В тот вечер многие поддержали Сампат-

ха. Аннадураи остался в меньшинстве. Но это ничего не решало. Сампатх знал, что Аннадураи ни перед чем не остановится.

Через несколько дней он уехал в Дели, но тревожное настроение не покидало его. Вскоре сбылись все его мрачные предчувствия. Аннадураи поднял против него кампанию.

— Он сделал это исподтишка и недостойно, — возмущался Сампатх, — он молчал, пока я был в Мадрасе. И сразу воспользовался моим отъездом.

Среди членов ДМК поползли слухи: «Сампатх продался Конгрессу», «Его купил сам Неру», «Он стал агентом Севера и предал дравидов». В газетах партии стали появляться статьи, подписанные анонимными авторами. Вокруг Сампатха образовалась пустота. Он понял, что с ним расправились.

— Отступник! Предатель! — эти слова бросали ему в лицо незнакомые люди с черно-красными эмблемами на рубашках.

Аннадураи ждал, что «отступник» придет и раскается. Но этого не случилось. Ведь в Сампатхе текла кровь самого Перияра. Он был его племянником. Но сумел увидеть больше Великого и нашел в себе силы пойти дальше его. Сампатх не стал мириться с Аннадураи. В 1959 году он покинул ДМК. Черно-красный флаг больше не был властен над ним.

Но Сампатх не привык оставаться за бортом. Надо было что-то предпринимать. Вместе с ним из партии Аннадураи вышли несколько его единомышленников. Они создали новую партию — Национальную партию тамиллов. Социализм и автономия штатов в единой Индии стали основными ее требованиями. Однако новой организации трудно было конкурировать с ДМК, с ее ораторами, деньгами, демагогией.

В 1964 году председатель Национального конгресса тамил Камарадж обратился с призывом ко всем партиям Юга. Он предложил тем, кто борется за социализм, влиться в Национальный конгресс. Первой откликнулась на призыв Камараджа Национальная партия тамиллов. Так Сампатх стал конгрессистом.

— Вот, видите, — говорил Сампатх, — они только говорят о социализме и этим привлекают трудящихся. А на самом деле они ярые, ограниченные националисты.

ДМК в своей работе во многом опирается на молодежь. А молодежь еще политически неопытна, неспособна разобратся, где красное, где черное.

Да, где красное, где черное — иногда бывает трудно определить. Тут нужно думать. А это не всегда удается. И поэтому черно-красные флаги полощутся над Мадра-сом.

Белая звезда Раджаджи

Человек, которому Индия обязана появлением ее реакционной партии «Сватантра», сидел в простом плетеном кресле у низкого столика с телефоном. Эта комната примыкала к его конторе в издательстве «Калки», где выпускалась газета партии — «Свараджа». Над деревянной кроватью, стоявшей против кресла, висел плохо написанный маслом портрет Ганди. Человека звали Чакраварти Раджагопалачария. Сквозь сильные линзы очков на меня настороженно и изучающе глядели старческие глаза.

— Вы не боитесь, что пришли сюда? — спросил он неприятным, скрипучим голосом.

— Боюсь, — ответила я. — Очень боюсь. Даже ноги подкашиваются от страха.

Он вскинул облысевшую голову и пристально посмотрел на меня, стараясь определить, говорю ли я правду или шучу.

— По вас это не очень заметно, — разочарованно протянул он.

— А вы бы хотели, чтобы было заметно? Так?

— Я пошутил, — натянуто улыбнулся он.

— Даже шутка в устах такого человека, как вы, имеет значение. Ведь вы шутили со значением, не так ли? И я даже знаю с каким.

— Вы, конечно, правы, — подозрительно быстро сдался он. — Ваша страна старается с такими, как я, не иметь дела.

— Вы ведь тоже не хотите иметь с нами дело, — заметила я.

— У нас есть основания.

— У нас тоже.

Он провел пергаментной рукой по впалой щеке.

«Готовит очередную ловушку? — подумала я. — Зачем он это делает? «Обкатывает» противника? Ведет «разведку» боем?»

Тусклые глаза его неожиданно оживились.

— С вами, русскими, трудно разговаривать, — каким-то иным, доверительным тоном начал он.

— В таком стиле вообще трудно разговаривать.

— Нет, я имею в виду другое. Вы хорошо тренированы, у вас быстрый ум. Конечно, вы и должны быть такими. У вас была великолепная политическая школа в то время, когда Россия была одна. Одна против всех. Это было удивительное время. — В его голосе зазвучали нотки неподдельного уважения.

Я поняла, что Раджагопалачария умеет ценить сильных противников.

— Очень жаль, что мы расходимся с вами во взглядах.

— Но мы об этом не жалеем, — заметила я.

— Возможно, возможно, — Раджагопалачария почему-то утратил первоначальную агрессивность.

Он вновь приобрел ее, когда я затронула некоторые политические вопросы. Голос его стал снова скрипучим, с тонких губ не сходила ироническая усмешка.

— Люди не понимают, — говорил он, — опасности таких политических партий, как Национальный конгресс и коммунистическая. Все они ведут к диктатуре.

— Что вы имеете в виду под диктатурой? — спросила я.

— Власть одной партии, — жестко ответил он.

— Но ведь «Сватантра» тоже к этому стремится. Почему ей можно, а Конгрессу и компартии нельзя?

— У нас другие принципы, — скрипел его голос, — Конгресс неправильно делает, что развивает общественный сектор, а не частный. В результате люди с капиталом не могут заниматься свободным предпринимательством. А народ гнется под тяжестью налогов. Именно налоги — основной источник финансирования общественного сектора.

— Послушайте, господин Раджагопалачария, — рассердилась я. — Вам хорошо известно, под тяжестью чего гнется индийский народ. Эксплуатация капиталистов,

помещиков превосходит тяжесть налогов. Хотите, я докажу вам это с цифрами в руках?

— Не надо, — глаза старика вновь потускнели. — Я был прав. С русскими трудно говорить.

— Не будем говорить о русских. Скажите, пожалуйста, — попросила я. — Каковы сейчас позиции вашей партии?

— «Сватантра» — мое детище. Но, несмотря на все усилия, она еще слаба. Очень слаба. 12 тысяч человек. Наша партия для многих непривлекательна. В нее не хотят вступать, — и снова пергаментная рука коснулась впалой щеки. — Я, кажется, устал, — сказал он, поднимаясь. — И еще вы должны знать, что я не люблю коммунистов и вашу страну.

— Я это знаю, — ответила я.

— Но мне было интересно с вами. Заходите, мы еще побеседуем.

Теперь он только организатор «Сватантры». А что у него было в прошлом? Почему имя Раджагопалачария, или, как его зовут, Раджаджи, известно не только Тамилнаду, но и всей Индии? Сын богатого тамильского помещика, адвокат по профессии, Раджагопалачария был одним из сподвижников Ганди. Сподвижники Ганди были разные, и Раджагопалачария представлял среди них целое направление. От этого направления он никогда не отступал и никогда не скрывал свою принадлежность к нему. Он был крайне правым, человеком, всегда защищавшим интересы своего класса со всей присущей ему прямоотой и искренностью. Он сидел в тюрьме, подвергался репрессиям, но никогда не упускал эти интересы из виду. Он никогда не забывал о них, принимая участие в национально-освободительном движении. В 1942 году, когда вся страна протестовала против миссии Криппса, которая стремилась оттянуть предоставление Индии независимости, он поддержал ее. На митингах в него бросали камнями и грязью, но он с удивительной стойкостью продолжал отстаивать свою точку зрения. Он был одним из немногих конгрессистов, которые признали разумным требование об отделении мусульманских областей Индии и образовании Пакистана. Он вышел из Национального конгресса, не согласившись с его руководителями, которые отстаивали единство страны. В 1946 году он получил во временном правитель-

стве портфель министра образования. Английские власти его ценили. В 1947 году он стал генерал-губернатором доминиона Индийский Союз, сменив на этом посту английского вице-короля лорда Маунтбэттена. В 1950 году Индия была объявлена республикой и пост Раджагопалачарии был упразднен.

Теперь он с тревогой наблюдал за некоторыми новыми тенденциями в политике Национального конгресса. Его коробило слово «социализм», хотя он плохо представлял, что это такое. Однажды ему сказали: «Вам следует когда-нибудь прочесть Маркса». Он ответил: «Никогда. Ни строчки». Теория, против которой он боролся, была ему незнакома. Он знал только одно: социализм ликвидирует собственность. И земельную в том числе. Этого он не мог допустить. Его пугали разговоры об ограничении крупного капитала. Он не мог простить Конгрессу ни организации государственного сектора, ни земельных реформ, ни установления дружеских отношений с Советским Союзом. Тем не менее его авторитет в известных кругах Конгресса был достаточно высок. В 1952 году он стал главным министром штата Мадрас. Он продержался на этом посту всего два года. После отставки он прочно окопался в Мадрасе и оттуда продолжал обстреливать все прогрессивное, все, что ему, сыну крупного помещика, не нравилось.

Там, где он был своим, он занимал самое высокое положение. Он был ортодоксальным брахманом. Представителем того воинствующего «брахманизма», которое вызвало в Тамилнаде антибрахманское движение. Он никогда не покидал пределы своей страны, хотя не раз имел возможность побывать в Европе или Америке. Он не сделал этого, потому что боялся «потерять» касту. Она значила для него не меньше, чем свой класс.

Тогда же, в 1952 году, он назвал Коммунистическую партию Индии врагом № 1. Было бы странно, если бы случилось иначе. Раджагопалачария всегда был последовательным в своих взглядах и удивительно цельным в своей убежденности. Спасительное при оценке политических деятелей слово «противоречивость» ни в какой степени не может быть к нему применено. Он знал одно: строй Советской России враждебен его классу и его взглядам. И этого было достаточно. Он жадно ловил

наши промахи и ошибки, неизбежные на новом пути. Раздувал их на страницах своих газет, и они превращались там в катастрофы глобального порядка. В пику нам он поддерживал контрреволюцию в Венгрии, смеялся над нашими достижениями в космосе, издевался над борьбой против культа личности, иронизировал по поводу пятилетних планов. И делал это умело и педантично. Он отрицал все, что было связано с Советским Союзом. Он не признавал даже его вклада в борьбу за мир, хотя и писал его премьеру письма, настаивая на всеобщем разоружении.

Несмотря на все это, влияние Раджагопалачарии как личности на определенные круги Тамилнада, и в первую очередь брахманов, достаточно велико. Они могут не соглашаться с его политическими взглядами, но многие из них сочтут за честь быть его гостями, принимать его у себя или разговаривать с ним. В чем здесь секрет? Он один из видных граждан Мадраса и со многими людьми в городе независимо от их политических убеждений поддерживает чисто человеческие отношения. Среди его знакомых есть и коммунисты. ореол сподвижника Ганди и участника национально-освободительного движения играет не последнюю роль в его популярности. Помимо этого Раджагопалачария — один из образованнейших людей Тамилнада. Прекрасный знаток санскрита и древней индуистской литературы, он неплохо разбирается в работах европейских писателей. Знает и ценит М. Горького и Л. Толстого. Его бескомпромиссность, смелость как политического деятеля, его отвращение к политической конъюнктуре, уважение к противнику, прямота в суждениях, простота и скромность образа жизни вызывают симпатии разных людей независимо от их взглядов и убеждений. Несомненно, Раджагопалачария — незаурядная личность.

Естественно, что такой человек, как он, долго оставаться не у дел не мог. В 1959 году у него возникли кое-какие планы в отношении сплочения сил, враждебных социальному прогрессу. От слов он перешел к делам. Весной появилась его статья с обоснованием необходимости для Индии консервативной партии. По его мнению, такая партия должна стать в стране главной оппозиционной силой. Теперь не проходило и недели, чтобы будущий лидер консерваторов не выступил на митинге.

Он обрушивался с присущей ему язвительностью на политику конгрессистского правительства. Он выражал недовольство кооперативными хозяйствами и предсказывал, что они приведут к снижению сельскохозяйственной продукции. Он негодовал по поводу желаний Конгресса ограничить земельные владения помещиков и жалел индийских дельцов, которым не дают развернуться. Крупные помещики Тамилнада и бизнесмены зашевелились. Издательство «Калки» перестало походить на обычное учреждение. Все время подъезжали машины, хлопали двери, в комнатах спорили и громко разговаривали. Раджагопалачария царил над всем этим.

В апреле в Мадрасе он собрал симпозиум своих единомышленников.

— Я за то, — сказал он, — чтобы партия была умеренной.

В ответ в зале раздался громкий смех. Собравшиеся знали, сколь «умерен» был он в своей критике правительства. Но смех не обидел Раджагопалачарию, он принял его как знак одобрения. Поощренный, он сел на своего любимого конька — стал критиковать Конгресс. Он обвинял его в союзе с левыми силами. Говорил, что Конгресс делает это из страха перед коммунистами, являющимися главной оппозицией.

Премьер-министр все время спешит. Он никому не дает подумать. Поэтому нужна «партия тормоза», которая заставит правительство более основательно рассматривать важные вопросы.

— Такая партия нам необходима, — заявили все. Разногласия были только по ряду организационных вопросов.

На следующий день Джавахарлал Неру прилетел в Мадрас. Ему было кое-что известно о намерениях Раджагопалачарии. На мадрасском аэродроме Неру увидел его высокую фигуру, опиравшуюся на палку. Они обнялись в знак старой дружбы. Премьер пытливо посмотрел в глаза Раджагопалачарии. Тот не отвел глаза, но ничем не выдал себя. Премьер был проницателен и знал, что здесь, на благодатном Юге, предстоит серьезная борьба. Поэтому на первом же митинге в честь открытия памятника Ганди он говорил о Раджагопалачарии, о его статьях и речах. Неру был предельно тактичен. Он учитывал то влияние, которым пользовался его по-

литический противник в городе. Многие до сих пор, говорил премьер, прислушиваются, что скажет Раджаджи. Тем бóльшая ответственность ложится на его плечи.

Но для Раджагопалачарии не существовало ответственности перед прогрессом, перед народом своей страны. Он признавал лишь ответственность перед своим классом. Раджагопалачария немедленно собрал митинг, где вновь напал на Неру и Конгресс. В течение целой недели Мадрас был свидетелем острой борьбы между двумя крупными деятелями — Неру и Раджагопалачарией. Газеты того периода были заполнены их статьями. Неру защищал Национальный конгресс, его политическую линию, прогрессивные мероприятия правительства. Раджагопалачария все отвергал и упрямо проводил мысль о необходимости новой партии. Они расстались, ни в чем не убедив друг друга. Они стояли на разных позициях, и каждый умело защищал свое дело.

После отъезда Неру Раджагопалачария понял, что нужно спешить.

В тот день здание издательства «Калки» напоминало штаб, ведущий военные действия. Оно было окружено кольцом автомобилей, беспрерывно звонили телефоны, выпуск газеты «Свараджа» задерживался, а в комнате Раджагопалачарии шло совещание, о сути которого не догадывался даже сын Раджагопалачарии — Нарасимха. Он был конгрессистом. А в комнате Раджагопалачарии шли последние приготовления, утрясались последние вопросы. И прежде всего самый главный — кто будет руководителем новой партии. В последний момент Раджагопалачария перестал говорить о «воле провидения», якобы препятствующей его «активной политической деятельности». Он дал согласие.

Вечером того же дня в актовом зале колледжа Вивекананды собрался митинг. Аудитория не была многочисленной. Бережно поддерживаемый под руку правым социалистом Масани, Раджагопалачария поднялся на кафедру.

— Сегодня утром, — раздался его скрипучий голос, — была создана новая партия — «Сватантра».

Все идеи и мысли Раджагопалачарии нашли свое отражение в ее программе. Партия выступила против: аграрных реформ, государственного сектора, ограниче-

ний иностранного капитала, пятилетних планов, экономических и дружественных связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Она поддержала: неограниченное помещичье землевладение, свободное предпринимательство частного капитала, широкие возможности для иностранного капитала, расширение и укрепление связей с империалистическими странами Запада. Новая партия выступила против социализма, коммунистов и демократического движения.

Итак, рождение «Сватантры» состоялось, и колыбелью ее оказался Мадрас. Новая партия была столь откровенно реакционной, что рассчитывать на массовую поддержку не могла. 12 тысяч членов партии... А кто эти 12 тысяч? Крупные помещики, предприниматели, монополисты, интеллигенция, связанная с ними, бывшие князья. Партия превратилась во всеиндийскую, но это не прибавило ей сочувствующих. Однако финансовая ее база оказалась довольно солидной. Сотни тысяч рупий потекли в ее казну от князей, богатых дельцов, помещиков. Эти деньги помогли «Сватантре» сплотить вокруг себя такие реакционные силы, как «Джан Сангх», правые социалисты, индусские фанатики, организации князей. Деньги помогли ей привлечь и ряд случайных попутчиков, таких, как партия ДМК и Мусульманская лига. Эти же деньги способствовали тому, что число мест «Сватантры» в парламенте увеличивалось от выборов к выборам.

В декабре 1964 года Мадрас отмечал 87 лет Раджагопалачарии. Индусские жрецы в храмах читали в его честь молитвы, густая толпа его почитателей собралась около издательства «Калки». Газеты пестрели его портретами: Раджаджи улыбается, Раджаджи серьезен, Раджаджи с детьми, Раджаджи со студентами, Раджаджи в храме и т. д. Его трепетно и проникновенно поздравляли махарани и махараджи, крупные банкиры и монополисты, владельцы фабрик и поместий. Цветочные гирлянды, букеты цветов. И это все для юбиляра. И как завершающий штрих торжества — над городом реяли 87 флагов. Голубые полотнища с белой звездой в центре. Белая звезда Раджаджи — основателя партии «Сватантра»...

Против хинди

Черное душное небо нависло над городом. Лишь на западе, там, где недавно село солнце, еще пылал красный цвет. На границе красного и черного, где смешались цвета, тянулась темно-бордовая полоса. Полыхающий закат отразился в воде Коума. В этом черном небосводе и кровавых волнах таилось что-то зловещее. Редкие прохожие спешили добраться домой, на улицах не было слышно привычного громаханья городских автобусов. Только из конца в конец неслись выкрики мальчишек-газетчиков.

— Газета «Мейл»! Покупайте «Мейл»! Студенческие пикеты арестованы! Забастовка разрастается!

И снова:

— Студенческие пикеты арестованы! Читайте «Мейл»! Вечерние новости! Забастовка... — замерло где-то вдали.

Лица полицейских неестественно стыли в мертвенном свете люминесцентных фонарей. Так выглядел Мадрас в один из февральских вечеров 1965 года, когда на Юге началось движение против хинди. Политическая обстановка на Юге к январю 1965 года оказалась чрезвычайно сложной и напряженной. Согласно конституции в январе должны были ввести язык хинди в качестве государственного вместо английского. Однако противоречия между крупной североиндийской буржуазией, говорящей на хинди, и буржуазией других национальных районов к этому моменту настолько обострились, что проблема государственного языка превратилась в важнейший политический вопрос. Хинди не имеет ничего общего с дравидийскими языками, и овладеть им южанину нелегко. Более того, поступить на государственную службу можно было только в том случае, если выдерживался экзамен по государственному языку. Когда это был английский, Север и Юг оказывались в одинаковом положении. Но хинди в качестве государственного языка предоставлял неоспоримые преимущества Северу и северной буржуазии. Кроме того, часть южноиндийской интеллигенции, и в первую очередь студенчество, опасалась, что язык хинди в какой-то мере ограничит развитие

родных, дравидийских языков. Все это вызвало волну недовольства на Юге. Этим недовольством сумели воспользоваться такие партии, как «Дравида муннетра кажагам», «Сватантра», и силы, связанные с ними. Они считали, что настал наконец удобный момент выступить против Национального конгресса и его правительства на дравидийском юге. Но лучше рассказать обо всем по порядку.

Двадцать пятого января, в канун Дня республики, процессия студентов, насчитывавшая несколько тысяч человек, двинулась вдоль набережной к Форту святого Георгия. Студенты остановились у ворот форта, так как внутрь их не пустили, и потребовали, чтобы их представителей принял главный министр штата Бхактаватсалам. Они хотели вручить правительству штата меморандум, в котором протестовали против введения хинди. Студенты простояли перед фортом три часа, но у главного министра не нашлось для них времени. Более того, студентам пригрозили полицией, и они вынуждены были разойтись. Новость быстро облетела город, и студенческие общежития забурлили. В них появились агитаторы партии ДМК. Но не только они. В некоторые общежития ворвалась полиция, и завязались потасовки. На следующий день рядом с трехцветными национальными флагами появились черные. Флаги протеста. Так в Мадрасе началось движение против хинди, которое перебросилось на весь штат и соседние области. Дневник, который я вела в то время, дает некоторое представление о происходивших событиях.

27 января. Утро началось с демонстрации студентов Колледжа искусств. Во дворе колледжа собрались группы возбужденных и громко разговаривающих юношей. На каменной изгороди были наклеены листовки и написан лозунг «Долой хинди!» Затем все построились и с бумажными транспарантами двинулись на главную улицу — Маунт Роуд. «Долой хинди! Долой хинди!» — скандировали демонстранты. Однако полиция остановила студентов и не пустила на главную улицу. Демонстрация потекла в направлении к вокзалу Эгмор. По всему городу шли студенческие процессии. В них участвовали Президентский колледж, Католический колледж Лойолы, Инженерный колледж. Министерство образования предписало закрыть все учебные заведения до понедель-

ника. У ворот закрытых колледжей дежурили полицейские наряды.

28 января. Демонстрации продолжаются. Два человека в знак протеста против введения хинди сожгли себя заживо. Еженедельник ДМК вышел с яркой обложкой: в черно-красном пламени корчится человек. На набережной состоялся митинг студентов, на котором сожгли книги на языке хинди. Газеты сообщили о расстреле студенческой демонстрации в Чидамбараме. Один убит, один ранен. Все демонстрации и выступления студентов носят пока стихийный характер. Они все против хинди, но единого мнения о том, что делать дальше, нет. Одни считают, что нужно оставить английский язык, другие — ввести в качестве официального языка тамильский. Главный министр штата обвинил деканов колледжей в том, что они потворствуют студенческому движению. В ответ на это по городу распространены листовки. «Не верьте безосновательной лжи, — говорилось в них, — что деканы колледжей вдохновляют нас. Мы достаточно самостоятельны, чтобы иметь уважение и любовь к родному языку».

30 января. Правительственным указом все колледжи штата закрыты до 8 февраля. Студентам предложили немедленно покинуть общежития и отправиться домой. Со всех концов Тамилнада поступают сообщения о расстрелах студенческих демонстраций и избиениях. Полиция пустила слезоточивый газ в общежитие Колледжа Панчаяппа.

1 февраля. Напряжение в городе нарастает. Студенческий совет по агитации против хинди только частично сохранил контроль над движением. Однако движение пока еще носит мирный характер. Только полиция гоняет из конца в конец города бегущие толпы студентов, пытающихся защититься от бамбуковых палок, пуль и слезоточивого газа. Ассоциация мадрасских адвокатов выступила с протестом против введения хинди. В городе идут аресты. Среди арестованных много студентов, а также члены партии ДМК. На аэродроме в Бангалуре председатель Национального конгресса Камарадж встретился с премьер-министром Шастри. Они обсуждали положение, создавшееся на Юге. Никаких официальных заявлений пока не последовало. Мадрасские студенты обратились к президенту республики и пре-

мьер-министру с просьбой помочь им защитить свои права.

2 февраля. По всему штату идут студенческие демонстрации. В Мадураи, Тиручирапалли, Чидамбараме.

3 февраля. Все улицы города испещрены лозунгами. На шоссе перед университетом написано: «Введение хинди ущемляет права народов, не говорящих на хинди». Шастри твердо сказал «нет» лидеру ДМК Аннадураи, когда тот потребовал пересмотра конституции. Премьер-министр сделал заявление представителям прессы: «Мы должны вводить хинди постепенно и не быть опрометчивыми в штатах, говорящих не на хинди». Однако заявление прошло почти незамеченным в городе. Арестован полицейский, который стрелял в надпись на языке хинди и кричал: «Долой хинди!»

4 февраля. Идут студенческие демонстрации по всему штату. В Пондишери полиция пустила в ход палки и ранила 22 студента. В Тирупуре 700 студентов вынесли резолюцию протеста против хинди. В Веллуре процессия студентов с черными флагами в полном молчании прошла по улицам города. В Мадрасе собрались представители студенчества штата и создали Студенческий совет Тамилнада по агитации против хинди. Совет потребовал не вводить хинди в штате.

5 февраля. Объявлено о мобилизации всех сил полиции.

6 февраля. Студенческий совет Тамилнада по агитации против хинди решил продолжать кампанию. На 8 февраля назначена всеобщая студенческая голодная забастовка. Забастовка, предупредил совет, должна иметь мирный характер.

8 февраля. Сегодня снова начались занятия в колледжах, но в город пока вернулось меньше половины уехавших студентов. Волна студенческих выступлений захлебнулась, разбившись о палки полицейских. В объявленной на сегодня голодной забастовке участвуют далеко не все. Во дворе Президентского колледжа несколько десятков голодающих студентов сидят и лежат на траве. У них усталые и измученные лица. Около ограды на тротуаре разложены странички студенческих тетрадей. «Долой хинди!», «Хинди задавит тамильский», — написано на них. Тут же стоит железная касса — «жертвуйте на нужды борющихся студентов». Около лозунгов

и кассы толпится человек двадцать прохожих. Гремит мелочь. Вдоль набережной патрулируют полицейские автомобили. Но гуляющих много, и, как обычно, в этот вечер играет духовой оркестр. После занятий в университете я возвращаюсь в свой колледж пешком. Около Колледжа искусств меня останавливает полицейский офицер.

— Далеко идете? — спрашивает он меня.

— В свой колледж, — отвечаю я.

— Не ходите одна. Хотите, я вам дам провожатого?

— В этом нет необходимости.

— Будьте осторожны. Мы ожидаем сегодня крупные волнения.

— Пока они мне не мешали.

— Теперь могут помешать, — говорит офицер и, подумав, добавляет: — Что-то изменилось сегодня. Я еще сам не пойму что. — И неожиданно спрашивает: — Ваше имя?

— Зачем вам?

— Если что случится, чтобы я знал.

— Ну если только для этого, то спокойной ночи.

Полицейский иронически улыбается.

— Спокойной ночи, — все же отвечает он.

Я иду и чувствую, как он смотрит мне вслед. Из-за угла показывается полицейская машина.

В этот же вечер я узнала, что Студенческий совет раскололся. Одни стояли за возобновление занятий, другие — за продолжение кампании протеста.

9 февраля. Вчерашняя голодная забастовка кончилась, не принеся ощутимых результатов. В Студенческом совете продолжается раскол. Девять десятых членов совета высказались за то, чтобы государственным языком оставался только английский. Однако большинство студентов их не поддерживают. Теперь бастуют почти все колледжи. Вся Маунт Роуд оцеплена полицией. Ползут слухи о всеобщей забастовке — хартале — в пятницу, 12-го. На набережной необычно пусто. Крупный полицейский отряд сосредоточен на улице, примыкающей к набережной. Полицейские охраняют почтовые отделения. Весь город как будто замер в ожидании чего-то неотвратимого.

Мадрасская тюрьма переполнена студентами. Среди них и члены совета.

Я вспоминаю слова полицейского офицера: «Что-то изменилось». Но что? Пока я только чувствую, как сгущается атмосфера. Но что это? Кто объяснит? До меня докатываются только отдаленные слухи: подожгли английскую школу... Зачем? Кому это надо? Разве студенты это могут? Остановили поезд. Забросали пассажиров камнями. Разве они виноваты во введении хинди? Я пока не понимаю, что происходит.

10 февраля. Какая-то странная напряженность охватывает город. На Маунт Роуд в полицейские машины загружали арестованных студентов. Около Колледжа искусств на тротуаре сидят бастующие студенты. Инженерный колледж тоже продолжает бастовать. Во дворе Президентского колледжа висят черные флаги. Автобусное сообщение между центром города и набережной остановлено. К прохожим подходят люди с железными кружками и требуют: «Дайте что-нибудь на агитацию против хинди». Эти люди не похожи на студентов. Они босы, в грязных рубашках, волосы всклокочены. Один из них подошел ко мне.

— Эй, — сказал он нахально, — давай на забастовку.

— Какую забастовку? — притворилась я непонимающей.

— Ну этих... как их? Студентов.

— А ты студент? — поинтересовалась я.

— Студент, — осклабился он.

— Из какого колледжа?

— Да из этого... Как его? Забыл.

Еще несколько таких «студентов», стоя чуть поодаль, прислушивались к разговору. Что-то специфически одинаковое было в манере их поведения. Где я их видела? Ну да! Портовый район, окраинные улицы трущоб. Люмпен. Типичный мадрасский люмпен. Большинство из них не работают и не желают этого делать. Целыми днями они, растянувшись, лежат на тротуаре, греются на песке набережной. Вечерами они толпятся у подозрительных лавчонок, где идет подпольная торговля аракой. И играют под уличными фонарями, бросая засаленные карты на чахлую траву газонов. Теперь они выползли из своих щелей и смело разгуливают по центру города, выдавая себя за студентов. Может быть, их привлекла возможность нажиться на «агитации против хинди»? Почему они так осмелели? Сегодня мне окончательно стала ясной пози-

ция «Сватантры». Раджагопалачария решительно выступил против хинди и потребовал оставить английский в качестве государственного языка. Неясно пока, чем руководствуется этот человек, который вводил хинди в Мадрасе в 1937 году и старался насадить его в 1952 году. Более того, члены партии «Сватантра» на севере выступают за хинди. Мне теперь начинает казаться, что существует какая-то невидимая связь между уважаемым брахманом Раджагопалачарией и люмпеном, который наводнил центр города. В Мадрасе идут митинги, куда почему-то не допускают представителей прессы. У одного журналиста отняли фотоаппарат, у другого — разбили. Говорят, что это студенческие митинги, но я этому не верю. Арестованных лидеров ДМК выпустили снова. Студенческое движение отходит куда-то на задний план перед надвигающимися, пока неизвестными мне событиями. Вечером на Маунт Роуд кричат газетчики:

- Армия в боевой готовности!
- Полиция в трех городах стреляла в студентов!
- Читайте «Мейл»! Читайте...

Почему армия в боевой готовности? Неужели против студентов?

11 февраля. Утром на Маунт Роуд прибывают все новые отряды полиции. Полицейские короткими перебежками рассыпаются по улице, занимая близлежащие переулки. Я дождалась автобуса и поехала к себе в колледж. Остановки за две до вокзала Эгмор я увидела толпу людей, бегущих навстречу автобусу. Двое полицейских остановили автобус и сказали водителю, что ехать к вокзалу нельзя. Автобус свернул на мост перед Пунамалли Хай Роуд. Как только машина въехала на мост, я увидела две плотные шеренги людей у его перил. Грязные рубахи, нечесанные волосы, диковатые пустые глаза, рты, искаженные криком, переходящим в вой. Да, это были они, люмпен. С двух сторон на автобус обрушился град камней. Швыряли большими кусками кирпичей, норовя попасть в открытые окна. Автобус рванулся вперед, зазвенело разбитое ветровое стекло, и водитель, вытирая кровь с лица, пригнул голову. Стоявшие в проходе автобуса кинулись на пол. Камни грохотали по обшивке машины, и с двух сторон неслись нечленораздельные крики и вой. Что-то не позволило мне улечься на пол. Вдруг пожилая женщина, сидевшая у окна, охнула

и стала странно оседать, заваливаясь на левый бок. Потом она протянула руки, как будто в поисках опоры, и подняла залитое кровью лицо. Ее стащили на пол, но люди растерялись и не знали, что делать. А по обшивке автобуса гремели камни. У конца моста я соскочила с подножки на ходу, и мимо моего уха просвистел обломок кирпича.

Я двинулась по направлению к Эгмору. Со стороны вокзала раздавались крики и выстрелы. Вокзал имел жалкий вид. Разбитые стекла, искореженные кассовые окошки, груда камней и кирпича на полу в зале ожидания. Двери на платформу были закрыты. Электропоезда не ходили. На путях стоял поезд, зияя выбитыми окнами вагонов. На их изуродованной обшивке грязными полосами тянулись следы недавно потушенного огня. На площади перед вокзалом бушевала толпа уже знакомых мне типов. Небольшой полицейский отряд, взявшись за руки, пытался оттеснить толпу от вокзала. Но та напирала, и обломки кирпичей летели в разные стороны. Тогда полицейский офицер в разорванной рубашке и без фуражки взмахнул рукой. Грянул залп. «О-о-о-о!» — пронеслось над толпой. Где-то сбоку образовался водоворот, и я увидела, как человек, на белой рубашке которого растекалось красное пятно, все падал и падал, но не мог упасть. «О-о-о-о!» — понеслось снова. И толпа хлынула в узкие переулки, сбивая на ходу редких прохожих. Площадь внезапно опустела, и полицейский офицер, стерев пот с лица, подошел к человеку в белой рубашке, который наконец упал.

Магазины и лавки, расположенные вдоль площади, стали закрываться. И пока я шла к колледжу, на моем пути все закрывались и закрывались лавки. Редкие прохожие, пугливо прислушиваясь, спешили домой. В западной части города прекратилось движение автобусов. Телефонная линия между Мадрасом и Тамбарамом оказалась полностью поврежденной. В Четпете толпа разбила два поезда. Вагоны грудой обломков лежали на рельсах. В городе царила растерянность. Министерство просвещения распорядилось закрыть колледжи до первого марта и немедленно очистить общежития. Однако в 6 часов вечера по радио передали приказ полицейского комиссара — никого не выпускать за пределы общежитий. Родителей просят не выпускать детей из домов.

В городе вводится круглосуточное полицейское патрулирование. Автобусы будут ходить только до 7.30 вечера. Граждан просят не появляться после этого времени на улицах. В колледже нам раздали свечи, так как опасались, что будет повреждена электросеть. Ворота колледжа закрыли. Никого не выпускали и никого не впускали. Как в осаде. Каждые полчаса радио сообщало новости. Они не утешительные. Подоженные полицейские машины, разбитые почтовые отделения, остановленные и искореженные поезда, избитые пассажиры, горящие автобусы, расстрелы, пожары в продовольственных складах.

Газеты выходят нерегулярно. Газетчики работают в страшных условиях. Камни — с одной стороны, пули полицейских — с другой...

В 8.30 по радио будет говорить премьер-министр Шастри. Около приемника в преподавательском холле собрался почти весь колледж. Зеленый огонек приемника хитро подмигивал собравшимся. В ящике что-то потрескивало. Все нетерпеливо поглядывали на часы. Наконец зеленый огонек еще раз подмигнул и раздался старческий бесстрастный голос премьера. Полились общие, ничего не значащие слова. Премьер разъяснял статьи конституции, ссылаясь на высказывания Неру. Ни слова о положении на Юге, никаких призывов, никаких обращений... Расходились разочарованные.

А в городе продолжались погромы. Теперь становилось ясным, что большинство студентов к погромам отношения не имело. Вырвалась на поверхность какая-то слепая, темная сила, разбивающая без смысла и цели все на своем пути. Эта сила смела и подмяла под себя мирное студенческое движение. Погромщики, судя по их действиям, никакого отношения к политическому движению против хинди не имеют. Кто-то стоит за их спиной. Но кто? Пока это не ясно. Ночью над городом прерывисто гудели самолеты. От аэродрома к центру шли машины с прибывшими войсками.

12 февраля. В городе объявлен хартал. Закрыты все лавки и магазины. Не работают учреждения и предприятия. Не действует городской транспорт. Работают только рикши. Из конца в конец города снуют машины с воинскими частями. Поезда не пришли на вокзал Эгмор, обслуживающий южное направление. Главная улица оцеплена солдатами. На них стальные каски, тяжелые

башмаки. Они стоят, опираясь на ружейные приклады. Появление войск произвело определенное впечатление на погромщиков. Главный почтамт охраняется большим отрядом солдат. Напротив стоит ожидающая чего-то огромная толпа. Между толпой и солдатами шныряют люди в засаленных шортах. Они диковато косятся то на солдат, то на толпу. На стенах домов висят листовки Всеиндийского конгресса профсоюзов, в которых выражается сочувствие жертвам, павшим в борьбе. На изгороди Колледжа искусств слова: «Бхактаватсалам должен уйти в отставку», «В штате убито 168 студентов». По радио объявили о комендантском часе. После восьми вечера и до шести утра никто не должен появляться на улице. Нарушители будут арестованы. Директор одной из школ сжег себя в знак протеста против введения языка хинди. Газеты на тамильском языке зияют белыми, незаполненными шрифтом полосами. Цензура. Наш колледж продолжает находиться в осаде. Все боятся, что погромщики могут ворваться в студенческое общежитие. К полиции обращаться нет смысла. Ее пребывание в колледже тоже нежелательно. В колледже кончились запасы продовольствия, и пока никто не знает, как их возобновить. К середине дня стали ползти слухи о погромах в различных концах города. Толпы людей носились по улицам, сметая все на своем пути. Над городом плыл едкий дым пожарищ. Горели поезда на вокзалах, автобусы, телефонные будки. Два междугородных автобуса были остановлены в нескольких милях от Мадраса. Погромщики велели выйти пассажирам, побили их камнями, а автобусы сожгли. Газеты пишут об антисоциальных элементах, которые составляют основной костяк погромщиков. Несколько полицейских, попавших в их руки, были зверски убиты. Люмпен грязной волной погромов, грабежей, избиений, поджогов и убийств ударил по движению. В этой, казалось, стихийной «деятельности» все же существуют свои закономерности. Разрушают в основном государственную собственность. Поджигают и разбивают государственные автобусы. Они красного цвета. Но ни один из автобусов частных компаний не пострадал. Кто-то явно руководит этой темной силой, и она уж не такая неорганизованная.

13 февраля. Ночью над городом разразился сильный ливень. Он смыл с мадрасских улиц кровь, пепел и ло-

зунги, написанные мелом на асфальте. Атмосфера явно освежилась. Спал гнетущий зной, висевший над раскаленным городом все эти дни. Утром было опубликовано заявление Студенческого совета о том, что агитация против хинди прекращается. Сегодня восстановлено автобусное движение, магазины, лавки, учреждения вновь открылись, деловая жизнь вошла в свое обычное русло. Газета «Хинду» опубликовала ряд снимков под заголовком «Рука вандала». На них изображены сгоревшие поезда, разобранные рельсы, разбитые телефонные будки, изуродованные здания вокзалов и почтовых отделений. «Штат понес убытков, — сообщала газета, — на 10 миллионов рупий, и это только по предварительным подсчетам!» «Мейл» опубликовала заявление главного министра штата Бхактаватсалама. «Я имею сведения, — говорил он, — что за всеми этими поджогами, погромами и т. д. стоит партия ДМК, а также некоторые представители крупного капитала». Он высказал мнение, что погромы были хорошо спланированы и организованы.

16 февраля. В Мадрасе спокойно. Однако в штате и по всему Югу продолжают погромы.

17 февраля. Сегодня я получила от университетских властей предписание прекратить занятия на курсах русского языка до 1 марта. Все эти дни мы продолжали заниматься. Я пошла за разъяснениями к проректору.

— Вы должны решить этот вопрос сами, — сказал он. — Но если вы хотите продолжать занятия, кончайте их до наступления темноты. Иначе с вами со всеми могут расправиться.

Мы не захотели, чтобы с нами расправились, и подчинились решению.

Колледжи возобновили занятия только 9 марта. Однако центральное правительство не приняло к этому времени никакого решения, и студенты продолжали волноваться. Время от времени вспыхивали забастовки, но погромы в городе прекратились. Армия загнала люмпен снова в щели. Даже лидеры ДМК призывали студентов нормально продолжать занятия. Полиция и войска находились в состоянии боевой готовности и продолжали патрулировать город.

Что же произошло в Мадрасе в действительности?

Студенты начали движение протеста против введения языка хинди, и это движение развивалось вполне мирно до 8 февраля. Несмотря на это, основная сила полицейских репрессий была обрушена на это движение. После 8 февраля начались погромы и на арене движения появились иные силы. Это была «Сватантра», связанные с ней представители крупного капитала и часть лидеров партии ДМК. Все они пытались воспользоваться сложной обстановкой в штате и недовольством языковой политикой конгрессистского правительства, для того чтобы свергнуть это правительство. В штате, по существу, начался реакционный путч, где основную роль играла партия «Сватантра». Этот блок и стоял за спинами погромщиков. Мадрасская полиция вела себя во время погромов несколько сомнительно. Она бездействовала в начале погромов. Шли разговоры о том, что у нее «связаны руки». Кто связал ей руки, сказать трудно. Однако Перияр утверждал, что не обошлось без конгрессистских министров, принадлежащих к правому крылу. Перияр называл их брахманами, но, по всей видимости, дело обстояло гораздо сложнее. Надо сказать, что великий Рамасвами интуитивно почувствовал, что движение против хинди использовано реакционными силами. Он мужественно и бескомпромиссно выступал на митингах в поддержку конгрессистского правительства в разгар погромов. Ему грозили расправой, но он не испугался. Погромщики напали на его дом, выбили стекла его автомобиля, когда он проезжал по городу. Но и это не испугало лидера Дравидийской партии. Он продолжал свое дело и удержал многих от бездумного участия в погромах.

Кто же оказался в числе погромщиков? Люмпен, безработные, часть рабочих текстильных фабрик, содержатели лавок араки, которых не устраивал «сухой закон», и даже полицейские, связанные с лавочниками и получавшие от последних взятки за подпольную торговлю аракой. Погромщиков покупали. На подкуп шли «черные деньги», укрытые крупными дельцами от обложения налогами.

И последнее. Попытка реакционного путча не удалась. В Мадрасе и Тамилнаде оказались силы, которые смогли противостоять этому. Погромщиков и их хозяев не поддержали. Путч всплыл и захлебнулся в собствен-

*Четки и чаша из кокосового ореха—
главные атрибуты храмового нищего*

ных криках, истерике и неоправданной жестокости. На этот раз Мадрас выдержал испытание на верность прогрессу.

Летом 1965 года, когда я покидала город, казалось, уже ничто не говорило о тех бурных событиях, которые пришлось всем пережить. Студенты разъехались на каникулы, железнодорожные пути были восстановлены, вокзалы отремонтированы, нечесаные люди с диковатым взглядом заняли свои привычные места на припортовых улицах и на окраинах рабочих кварталов. Только улыбка на бледных губах Раджагопалачарии стала жестче и определеннее, а в глазах его извечного врага Перияра не остыла еще боль пережитого. Аннадураи громил конгрессистов на митингах, предчувствуя начало своей «эпохи». Она установилась через два года после всеобщих выборов, и движение против хинди и последующие за ним погромы сыграли в этом немаловажную роль.

Когда обтекаемое серебристое тело «Каравеллы» поднялось над мадрасским аэродромом, я увидела, как город вновь надвигается на меня. Самолет совершил прощальный крут, и внизу поплыли белые и розовые дома, кокосовые пальмы, разогретая асфальтовая стрела Маунт Роуд и трехцветный флаг над бастионами Форта святого Георгия. Через несколько минут все ушло куда-то влево и растворилось в знойной дымке, окутывавшей город. Самолет повис над океаном, где неправдоподобно и отчетливо застыли сине-зеленые морщины волн. Но я знала, что там, внизу, они с шумом и грохотом обрушиваются на белый коралловый песок мадрасского побережья...

Мадрас современен. Он возник на древней земле Тамилнада, но от древности там осталось немного. Англичане изгоняли ее отовсюду. Они не понимали ее, и она им мешала. Традиционный уклад жизни по-настоящему сохранился в маленьких городах, бывших когда-то историческими центрами. Процесс «европеизации» обошел их стороной. И поэтому в Тируванаималаи (Тируваннамалай), в Канчипураме, в Чидамбараме и в других городах можно встретить то, что существовало в Индии много веков назад. Эти приметы прошлого, донесенные до наших дней, интересовали меня больше всего. Им, по всей видимости, осталось жить недолго. Я решила воспользоваться возможностью увидеть все это и предприняла путешествие по штату. Это путешествие не было непрерывным. Мне приходилось пользоваться короткими «уикэндами», праздничными днями, каникулами. Но и то, что мне удалось увидеть и услышать во время этих непродолжительных поездок, заслуживает, на мой взгляд, внимания...

Гора Священного огня.

Великий риши

На мадрасском вокзале Эгмор мы сели в обычный современный поезд. Мы — это мой приятель Махадева, его мать, старая набожная брахманка, и я. И хотя вокруг была обычная вокзальная суета, свистели паровозы, подкатывали к подъезду такси, ярко горели люминесцентные фонари, ощущение чего-то необычного уже охватило меня. Мы ехали в Тируванаималаи, небольшой храмовой городок, расположенный в 120 милях от Мадраса. Там ежегодно в конце дождливого сезона проводится старинный праздник «картикадипам». На горе

Аруначала, у подножия которой стоит Тируванаималаи, зажигают священный огонь в честь Аруначалесварара — бога горы Солнца.

Поезд отошел от перрона, замелькали огни окраин Мадраса. Затем потянулись рисовые поля, освещенные луной. Небо расчистилось, и набухшие дождевые тучи ушли куда-то к горизонту. Проносились электрические фонари небольших станций и поселков. Разноголосо кричали лягушки, так, как это бывает в дождливый сезон. Примостившись на свободной полке, подремывала мать Махадевы.

— Слушайте, — сказал мне Махадева.

— Что? — не сразу поняла я, выходя из задумчивости.

— Слушайте, — повторил он, — как кричат лягушки. У них, как и у людей, есть свои касты. И каждая каста квакает по-разному.

Я прислушалась и поняла, что лягушачьи голоса звучали неодинаково.

— Вот слышите, — продолжал Махадева. — Это кричит лягушка-брахман. Басом, важно, с сознанием собственного достоинства.

В это время совсем рядом с вагоном раздалась пронзительная рулада.

— А это, — прокомментировал Махадева, — вайшьи. Они кричат, как торговцы на рынке, зазывающие покупателей. А теперь слышите? Квак-квак-квак. Очень ритмично.

— А эти к какой касте принадлежат? — поинтересовалась я.

— Неужели не догадаетесь? Они кричат, как будто стучат молоточком по металлу. Это ювелиры. Низшая каста.

Я засмеялась. Мне никогда не приходили в голову такие сравнения. Кваканье лягушек звучало для меня всегда слитно и неприятно. Неожиданно к слаженному лягушачьему хору присоединилось еще несколько голосов. Эти лягушки орали бесцеременно и с каким-то подвыванием.

— Слышите? — снова спросил Махадева. — Как, по-вашему, они кричат?

— Нахально, — ответила я.

— Вы почти угадали, — засмеялся Махадева. — Они кричат воинственно. Это кшатрии.

— Где кшатрии? — встрепенулась его мать.

— Спи, мама, — успокоил ее Махадева. — Это лягушки-кшатрии.

— Я тебе покажу лягушки-кшатрии! — рассердилась старуха. — Вечно у тебя всякие фантазии. Может быть, еще есть и лягушки-брахманы?

Мы переглянулись, но благоразумно промолчали. Мать у Махадевы была строгая женщина. Вскоре она снова задремала, и ее покорный сын, понизив голос, рассказал мне все об остальных лягушках. Наконец поезд остановился у освещенной платформы.

— Виллупурам, — сказал Махадева. — Сейчас будем пересаживаться.

Была уже глубокая ночь, когда мы, пробираясь между рельсами, зашагали в сторону от станции. Луна уже зашла, и ветер гнал по темному с редкими звездами небу рваные облака.

— Куда мы идем? — спросила я.

Махадева подтянул дхоти и загадочно улыбнулся.

— Иди, иди, — сказала старуха, — он знает, что делает.

Через несколько минут в темном тупике зачернела громада неосвещенного состава.

— Наш поезд, — понизив голос, сообщил Махадева.

Около вагонов метались какие-то люди, но я не могла в темноте разглядеть их лиц.

А дальше все происходило как во сне. Мне показалось, что я совершила пересадку не только в пространстве, но и во времени. Это чувство так и не покидало меня во время поездки в Тируванаималаи. Мы втиснулись в купе третьего класса. Моим глазам предстала странная картина, тускло освещенная огарком свечи. Тесно прижавшись друг к другу, в купе сидели люди.

— Они все пилигримы, — шепнул мне Махадева. — Не удивляйтесь.

На грязном полу вагона вповалку спали дети. Неопрятные, всклокоченные женщины в сари без кофточек стали тянуть к нам руки, покрытые татуировкой. Их пальцы с ногтями, похожими на загнутые когти, все тянулись и тянулись ко мне. Я невольно отступила. Раздался надтреснутый, хриплый смех. Смеялась старуха, сидевшая на полу. Седые космы волос закрывали ее лицо.

— Дай мне 25 пайс, — сказала она.

— Зачем тебе, амма? — спросила я.

— Я хочу влезть на гору, — и снова засмеялась слабоумно и хрипло.

— На гору пускают бесплатно.

— Э, нет! — захныкала старуха и затрясла седыми космами. — Шива каждый раз просит у меня на горе 25 пайс.

— Не слушай ее! Не слушай! — пронзительно закричала женщина, которая протягивала ко мне татуированные руки. Я всмотрелась в ее лицо, и оно показалось мне фантастическим. Круглое и серое, как ржаная лепешка, с маленькими глазками и огромным носом картошкой, оно надвигалось на меня и подмигивало красными, воспаленными веками. Рядом, как в тумане, раскачивалась узкая бледная физиономия другой женщины, более похожая на череп, чем на живое человеческое лицо. Старуха с крючковатым носом, доходившим почти до подбородка, которая сидела тут же на скамье, растолкала своих соседей и усадила нас. Снова раздался откуда-то с полу хриплый смех:

— Амма, 25 пайс для Шивы. Для возлюбленного бога Шивы.

На старуху шикнули, и она наконец успокоилась. Худой, высохший брахман в грязном дхоти и с косичкой, раскачиваясь, распевал древние мантры. Проход в купе был забит людьми. Одни были в каких-то покрывалах, другие обнажены до пояса. Их тела и лица были разрисованы белой и желтой краской. Мне все еще казалось, что я вижу фантастический сон. За окном купе стыла черная тишина и не было слышно даже кваканья лягушек. И, как бы усиливая мое ощущение неправдоподобности происходившего, поезд тихо и бесшумно поплыл куда-то, покидая XX век и уходя в прошлое. Теперь он шел по какой-то другой стране. В этой стране не было электричества, фабричных труб и света автомобильных фар. Поезд останавливался у призрачных поселков, окутанных сонной тьмой, и лишь изредка ему светили оранжевые керосиновые фонари на низких гранитных столбах. И на каждой остановке тьма выбрасывала к вагонам толпы полуобнаженных, украшенных древними знаками, иступленных людей.

— Аруначала! Аруначала! — плыл крик, врываясь

в открытые окна, и рты пилигримов беззвучно открывались и закрывались.

Перед рассветом тьма сгустилась, и я не могла различить на небе даже дождевых туч. Я долго и пристально всматривалась в него и вдруг увидела, как впереди неверно и призрачно сквозь дождевую сетку запылал огненный крест. Я даже не удивилась. Ведь во сне мы не удивляемся и все воспринимаем как должное. Махадева тоже увидел крест.

— Гопурам храма, — сказал он, позевывая. — Иллюминация в честь праздника.

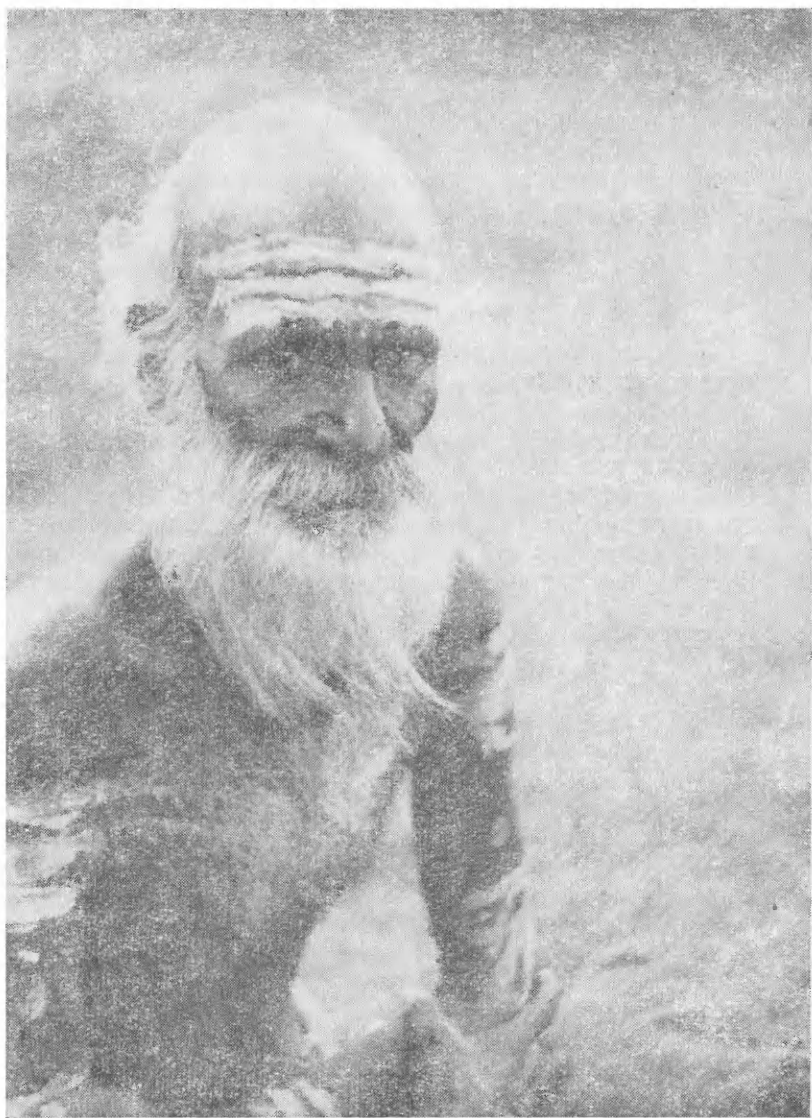
Банковский клерк XX века, он прекрасно уживался в прошлом. Его оно не беспокоило и не тревожило, как меня. Сон прошлого продолжался. Забрел серый рассвет, продолжал накрапывать дождь. У станции стояли тонги, запряженные быками. Чуть откинутые назад рога быков были украшены медными набалдашниками с колокольчиками. Одна из таких тонг повезла нас по грязным и мокрым узким улочкам. В предрассветной мгле размытыми, приглушенными красками рисовались гранитная громада горы Священного огня и четыре башни храма, расположенного у ее основания. Хотя было очень рано, входы многочисленных лавок светились желтыми огнями сквозь пелену дождя. Наша тонга плыла в густом потоке пилигримов. Сколько их было? Трудно сказать. Наверно, тысячи. Десятки тысяч. А может быть, сотни тысяч. Шли крестьяне, завернутые в грубые шерстяные одеяла, шли санияси в оранжевых одеждах с четками, свисающими на грудь, шли разрисованные, с длинными космами нечесаных волос садху, шли полуобнаженные брахманы со шнурами дваждырожденных через левое плечо, шли женщины в ярких сари, позванивая браслетами. У многих на руках были дети. Казалось, происходит грандиозная киносъемка. Но операторов не было, а многие из идущих никогда не видели кино. По обочине дороги с двух сторон плотной стеной расположились нищие и прокаженные. Они вопили, корчились, выкрикивали бессвязные фразы и протягивали изуродованные руки к катившейся мимо толпе пилигримов. Рядом с нищими и прокаженными разместились гадалышки с зелеными попугаями и чернобородые задумчивые астрологи. Бродячие фокусники и жонглеры раскладывали свое нехитрое имущество тут же на утопанных множест-

вом ног площадках. Все это проплывало мимо меня в громкоголосье, криках, в ярких красках одежды, неся с собой что-то забытое, утраченное в той жизни, откуда я пришла. В священных водоемах, мимо которых мы проезжали, пилигримы совершали омовение. Из-за поворота показался небольшой храм. Длиннобородый жрец звонил в колокольчик, а вокруг каменного почерневшего от времени идола один за другим мерно и ритмично двигались люди. Потом потянулись галереи странноприимных домов, где находят себе приют приехавшие в Тируванаималаи пилигримы. Я случайно подняла голову и уже не в силах была оторваться от представившегося мне зрелища. На открытых галереях сидели длинноволосые бородатые люди, их лица и тела были разрисованы священными знаками. Между ними то там, то тут мелькали санияси в оранжевых балахонах. Галереи нависали над самой дорогой, и люди, сидевшие там, делали нам какие-то знаки, улыбались и о чем-то переговаривались между собой.

— Что они хотят? — спросила я Махадеву, сидевшего рядом с возницей.

— Они приглашают нас к себе, — ответил он. — Но у нас есть другое пристанище.

Мать Махадевы вдруг неожиданно высоким голосом запела древний священный гимн, и пилигримы, шагавшие рядом с тонгой, подхватили его. Наконец улица кончилась, и я поняла, что с ней кончился этот удивительный город. Где-то впереди, за сеткой дождя, угадывались поля. Тонга подъехала к последнему дому, огороженному высокой каменной стеной. У стены, как прибой, шумела праздничная ярмарка. Мы вошли в незапертые ворота и остановились посреди обширного двора. На веранде дома металась какая-то странная фигура в белом сари, с распущенными волосами. Мы подошли ближе, и я увидела молодую женщину. Она подняла голову, и странный ее облик поразил меня не меньше, чем ее непонятные упражнения на веранде. У нее были широкие скулы, большой, некрасивый рот, выцветшая, бледная кожа и глаза, состоявшие из одних расширенных зрачков. И эти зрачки смотрели не на нас, а куда-то внутрь их владелицы. Такие глаза бывают часто у слепых. На губах женщины играла легкая загадочная улыбка. На слабых руках чуть позвякивали прозрачные браслеты. У меня

Лицо и тело тируванаималайского пилигрима разрисованы священными знаками

создалось впечатление, что эта обесцвеченная женщина провела многие годы под землей и только сейчас вышла на свет, чтобы встретиться нас. Она ничего не говорила и продолжала так же смотреть, поигрывая странной улыбкой на бледных губах. Махадева и его мать неожиданно упали ниц перед ней и на некоторое время застыли распростертыми на полу веранды у ее ног. Белая женщина и я теперь стояли друг против друга. «Час от часу не легче», — подумала я. Молчание становилось тягостным, а мои спутники продолжали лежать на полу.

— Здравствуйте! — сказала я, не зная, как быть.

Но белая женщина не ответила, а только показала глазами на лежавших.

— Нет, — сказала я. — Мне не нужно.

Тогда она махнула рукой в знак согласия и небрежно благословила лежавших. Когда те поднялись, она молча вложила в руку каждому из них по палочке. Махадева и его мать сунули палочки в рот. И я догадалась, что это палочки для чистки зубов. Белая женщина неслышно исчезла, а на веранду вышел старик, похожий на Циолковского.

— О! — приветливо сказал он. — Прибыли гости. Входи, входи, Махадева. О вас я слышал, — сказал он, обращаясь ко мне. — Я Челам, хозяин этого дома.

— Челам? — переспросила я, еще не веря своим ушам.

— Да, здесь я тоже Челам, — мягко подтвердил он. — Вы видели Саурис?

— Женщина в белом сари?

— Да, — сказал Челам. — Женщина в белом сари. Она святая.

— Очень святая, — подхватила мать Махадевы.

— Но ваши книги... — начала я.

— Что мои книги? — в глазах Челама появилась тревога.

— Как что? — сказала я. — Телинганское восстание, борьба за свободу, отрицание традиций индуизма. Как это понять? Вы же Челам?

— Да, я Челам, — грустно сказал он. — Бывший писатель. В 1950 году я все бросил. Теперь моя дочь святая, а дом полон паломников. Такова жизнь.

«Боже, — подумала я, — даже Челам в этом мире

совсем другой, а не тот Челам, которого я знала по книгам как революционного писателя и атеиста в том, моем мире. Какая драма стоит за всем этим?» Узнать мне этого не удалось. А факт остался фактом. «Здесь я тоже Челам», — вспомнила я слова.

— Идемте в дом, — вывел меня из задумчивости хозяин. — Для вас там все приготовлено.

Дом был обширный, с большим внутренним двором и просторными комнатами. Мы оказались не единственными гостями Челама. Человек двадцать пилигримов, поклонников Саурис, тоже нашли здесь пристанище. В углу одной из комнат я вновь увидела белую женщину. Она сидела в позе самосозерцания, ее лицо напоминало застывшую маску, глаза, как и раньше, смотрели внутрь. Я нарочно несколько раз прошла мимо, но ни один мускул на лице-маске не дрогнул. Только на губах застыла странная улыбка Джоконды.

— Саурис! — тихонько позвала я, потеряв терпение.

— Да, — неожиданно отозвалась она и посмотрела на меня глазами-зрачками.

— Что вы делали сейчас?

— Я концентрировалась. Слушала свою душу.

— Ну и как?

— Это как музыка, — ответила она.

— А что вы делаете кроме этого?

— Ничего.

— Как? Вот так сидите целыми днями и ничего не делаете?

Она не ответила мне и вновь впала в самосозерцание.

— Саурис! — снова зову я ее.

— Да, — отвечает она.

— Как же можно ничего не делать? В чем смысл этого? Объясните.

Но святая Саурис молчит. А я думаю, как легко быть в Индии святым, во всяком случае таким святым, как Саурис. Неожиданно она нарушает молчание.

— Я читаю художественную литературу.

— Великолепно, — говорю я. — Это уже что-то.

— Иногда пишу.

— Совсем хорошо. А публикуют?

— Да. Отец посылает мои работы в журналы.

В это время появляется Челам. Он слышал конец нашего разговора и как-то неловко улыбается. У него

в глазах такое выражение, какое бывает у честных людей, когда их заставляют говорить неправду. Он болезненно морщится, когда Саурис повышает голос. Потому что ее голос тогда становится фальшиво веселым и приобретает оттенок истеричности. Я не понимаю Саурис, а она, возможно, не понимает меня. Но что нас разделяет? Ложь или что-то другое? Остальные два дня Саурис явно избегала меня, и, когда я обращалась к ней, в ее странных глазах мелькало беспокойство.

В тот же день мы отправились в храм. Он посвящен богу Шиве и существует уже по крайней мере десять веков. Его четыре топурама напоминают дозорные башни, а высокая каменная стена более соответствует крепости, нежели храму. Говорят, этот храм-крепость выдержал немало битв и осад в прошлом. В массивные стены вделаны тяжелые, обшитые железом ворота. Множество лавок и лавчонок окружают храм. Пилигримы и нищие в странных одеждах толкуются у лавок, торгуются, что-то покупают. Здесь продают статуэтки богов, кокосовые орехи для жертвоприношений, цветную пудру для раскраски лица, гирлянды терпко пахнущих цветов. Между лавками расхаживают санияси в оранжевых одеждах, садху в набедренных повязках. Их тела выкрашены в немыслимые цвета. Вот идет сиреневый садху. За ним, важно ступая босыми ногами по лужам, движется синий. Прислонясь к храмовым воротам, стоит с половинкой кокосового ореха желтый. Над пестрой толпой пилигримов, нищих и святых стоит неумолкающий шум, сквозь который прорываются отдельные крики. Около священных колесниц расположились заклинатели змей. Резкие тревожные звуки их флейт вплетаются в общий шум и тонут в нем. Кобры, раздувая шеи, ритмично раскачиваются и следят холодными осатаневшими глазами за толпой,двигающейся мимо. Гремят бубны и барабаны бродячих актеров, плывут павлиньи перья над их тюрбанами. Маленькие обезьяны пугливо жмутся к ногам своих поводырей и строят смешные рожи всем, кто обращает на них внимание. Зазывно звучат голоса фокусников: «Только здесь! Только один раз! В этом священном городе вы можете увидеть такое чудо!» Предметы мелькают и исчезают в их руках, а потом появляются снова. Толпа мальчишек неотрывно следует за фокусниками. В глазах детей светится восторг и почтение. У западных

ворот храма на высоком бамбуковом турнике работают акробаты. Их гибкие темные тела то взлетают над толпой, то, опустившись, исчезают в ней. У подножия турника стоит женщина в красных шароварах. Она не отрывает тревожных, щедро насурмленных глаз от парников, взлетающих над толпой. Мы с трудом проталкиваемся между лавок, нищих, пилигримов, фокусников к массивным воротам храма.

Во дворе храма среди рядов пестро раскрашенных нищих и садху стоит слон и смотрит грустными мудрыми глазами на ту суету, которая происходит у его ног. На лбу слона выведены три белых горизонтальных полосы. Слон — шиваит. Мы протискиваемся в центральный молитвенный зал. Здесь, как обычно, царит полумрак, мечутся желтые язычки пламени масляных дипаков. Стоит крепкий запах потных человеческих тел, прогорклого топленого масла и горячей камфары. Железные плиты храма залиты гхи, кокосовым молоком, забросаны кожурой бананов. К каждому богу стоит длинная очередь. За порядком в очереди наблюдают полицейские в красно-синих тюрбанах, нанятые храмовой администрацией по случаю праздника. Чад горящих светильников плывет над пилигримами, как гранаты, взрываются брошенные с силой на железный пол кокосовые орехи перед изображением лингама, сыплются крупные золотистые цветы чампака на драгоценные камни богини Раджесвари, падают, простираясь на полу, люди в древних одеждах перед танцующим четырехруким Шивой. Ироническая улыбка стынет на каменных губах танцующего бога. Сколько лет он здесь танцует? Год? Сто? Может быть, тысячу? Левая нога Шивы поднята в стремительно изящном движении. Тысячу лет он не может ее опустить. И тысячу лет люди, поколение за поколением, падают в трепещущую тень божественной ноги. «Ом! Ом!» — как стон, несется из-за колонн храма, украшенных барельефами. В синеватом чаду полуобнаженные жрецы, как древние маги, совершают таинственный ритуал. Он непонятен большинству присутствующих, но они знают, что так надо. «Так надо», — подмигивает Шива. «Так надо», — загадочно улыбается богиня Раджесвари. «Так надо», — вторят им жрецы. «Не спрашивайте ни о чем и платите деньги». Деньги за молитву Шиве, деньги за молитву Раджесвари, деньги за то, что жрец разобьет

ваш кокосовый орех перед каменным идолом, деньги за то, что дваждырожденный делает магический круг светильником перед лингамом. «Ом! Ом! Ом!» — стонет снова кто-то.

«Аруначала! Аруначала! Свет нашей жизни! Священный огонь бытия!» Каменная змея извивается над черным цилиндром лингама, щедро политым кокосовым маслом. У дальней стены молитвенного зала рядом стоят горшки с гхи. Здесь платят мзду священной горе. Сегодня это масло будет гореть на ее вершине. И если ты хочешь, чтобы исполнились твои желания, купи горшок и поднимись с ним на гору. А если не можешь сам подняться, найми кули. Вот они стоят тут же, сбившись в тесную группу. За несколько рупий они пройдут десять миль по горной дороге на вершину и принесут тебе исполнение желания. Это ведь не дорого, правда?

В храме я окончательно теряю ощущение реальности. После бессонной ночи голова становится легкой и чуть кружится. Мне кажется, что я стою здесь тысячу лет и жду, когда Шива опустит свою стремительную ногу на железные плиты зала. Кто-то трогает меня за руку. Ну, конечно, это мать Махадевы.

— Идем, амма, — говорит она. — Нам еще надо подняться на Аруначалу.

Я с сомнением смотрю на старую женщину. Махадева говорил, что ей 75 лет. Сможет ли она пройти десять миль до вершины?

Откуда-то из полумрака появляется Махадева. Он поворачивает ко мне раскрашенное белыми полосами лицо и машет рукой в направлении к выходу.

— Аруначала, — коротко говорит он.

По небу плывут низкие облака, но в их разрывах кое-где уже просвечивает голубое небо. Дождь прекратился, и гора Священного огня нависает над городом, пряча вершину в лохматые тучи. Мы идем мимо харчевен, где сидят садху и санияси, жадно втягивая ноздрями аппетитный запах жареного теста. Нескончаемый поток пилигримов течет мимо нас. Мы ныряем в этот поток, и он несет нас к каменистой тропе, которая начинается неподалеку от храма. На подъеме мои чапали скользят, я выскакиваю из них и съезжаю вниз. Но надо идти. Через милю, когда мы оказываемся на крутом склоне, я вижу храм и Тируванаималан как на ладони. От храма к горе

тянется, извиваясь, цепочка пилигримов. Она продолжается и наверху, пересекает перевал и растворяется в низко висящем облаке. Мы идем медленно, обходя крупные валуны, и скользим по размытой почве. Впереди идет мать Махадевы, и я с удивлением начинаю замечать, что она отрывается от нас, и теперь я вижу ее синее сари, мелькающее среди пилигримов, наверху, у подножия скалы.

— Вот это да, — говорю я Махадеве.

Он довольно смеется.

— Я боялся за нее. А теперь вижу, мои опасения напрасны.

Мы пересекаем первый перевал. За ним сразу же встает другой. Вершина, окутанная облаками, отодвигается все дальше. Мои чапали размокли, и теперь я гадаю, выдержат ремешки или нет. Нет, не выдержали. Ремень на правой ноге предательски лопаается. Я беру чапали в руки и продолжаю идти в одном. Идущие сочувствуют мне, дают советы, незлобливо подсмеиваются. На очередном перевале мы останавливаемся передохнуть. Мать Махадевы уже давно нас поджидает. Тут же рядом с ней расположилась группа юношей.

— На гору? — спрашивают они меня.

— Да.

— Дойдете? Ведь еще очень долго. Мы решили уже спускаться.

— Я еще попробую подняться.

Они с сомнением качают головами. Мимо нас продолжает катиться поредевший поток пилигримов. Женщины, мужчины, дети, старики, кули с палками-коромыслами, на концах которых висят гроздьями горшки с гхи. Весь этот поток устремляется вверх, к Аруначале. Проходим еще один перевал и попадаем в облако. Сыплется холодная изморось, клочья тумана цепляются за валуны и деревья. Тропа изрядно полита гхи, и его запах стойко держится в тумане. И снова вверх. Миля за милей, туда, к вершине Священного огня. Я теряю счет милям, счет времени. Моя правая нога разбита и кровоточит. А впереди так же неумоимо мелькает сари 75-летней матери Махадевы. Долгие подъемы, короткие спуски, ложбины, облака. И наконец последний каменистый подъем. Мы с трудом преодолеваем его. И когда оказываемся на краю верхней площадки, нас приветствует там мать

Махадевы. Плоская вершина Аруначалы плотно окутана туманом, и я с трудом различаю предметы, находящиеся на ней. Несколько закопченных камней, цистерна с монетками на дне и множество горшков с гхи. Дует холодный, промозглый ветер, и те, кто стоят на вершине, зябко кутаются в одеяла и куски ткани. Остаться здесь долго неприятно, и мы спешим спуститься с площадки под защиту большого валуна. Я смотрю на мать Махадевы, но не замечаю никаких признаков усталости на ее морщинистом темном лице.

— Идемте, идемте, — торопит она нас. — Скоро зажгут священный огонь. На вершине в это время никто не должен оставаться.

Действительно, надо спешить. Мы начинаем спускаться. Впереди еще десять миль трудной каменной дороги. Но к шести часам мы уже были внизу. Это казалось фантастичным, как и все в эту ночь и в этот день.

— Вы устали? — спросила я мать Махадевы.

— Нет, — бодро ответила старуха. — Я совсем не устала. Мне помог Шива. Он вознес меня на вершину.

И я лишний раз убедилась в великой силе самовнушения.

Когда солнце село, по верхним карнизам гопурамов заплясали язычки светильников. Толпы паломников собрались у подножия горы и устремили взоры на ее вершину. Небо очистилось, и Аруначала четко вырисовывалась на его звездном фоне. Вдруг раздались три выстрела, толпа закричала. «Ом! Ом! Ом!», — застонали вокруг, и над горой затрепетало оранжевое пламя священного огня. Главное таинство «картикадипам» свершилось. И тотчас вспыхнули светильники иллюминации на домах и лавках города, взлетел вверх разноцветный фейерверк, рассыпались холодные искры бенгальских огней, запрыгали, взрываясь, шутихи. Толпы возбужденных людей спешили к храму, где пламя светильников на его гопурамах перемигивалось со священным огнем на горе...

Когда мы вернулись к Челаму, там шла праздничная пуджа. На полу просторной комнаты среди гостей-паломников сидела Саурис. Мы присели тут же. Резким, неприятным голосом Саурис пела гимн Шиве. Остальные с застывшими улыбками слушали ее. В углу я заметила юношу, лицо которого странно дергалось в такт пению

Саурис. Когда она кончила, юноша поднялся, взял светильник, сделал им несколько круговых движений, как жрец в храме, и позвонил в медный колокольчик. Все по очереди стали подходить к Саурис, прося благословения. Первым это сделал Челам. Саурис, улыбаясь своей странной улыбкой, слабым движением бледной руки благословляла распростертые перед нею тела. Когда процедура была кончена, все снова уселись на свои места. Наступило время «общения с богом». Присутствующие неподвижно замерли и закрыли глаза. То же самое сделала Саурис. Сколь долго должна была продолжаться концентрация, я не знала. Я сидела, наблюдая эти неподвижные изваяния, и думала, а что если это будет продолжаться всю ночь? В углу стояло удобное кресло, и я решила, что на худой конец я выплюсь в нем. Но через час лица сидевших стали оживать. Саурис подняла бесцветные ресницы и, удивленно посмотрев на меня, сказала:

— Так вы здесь все время сидели?

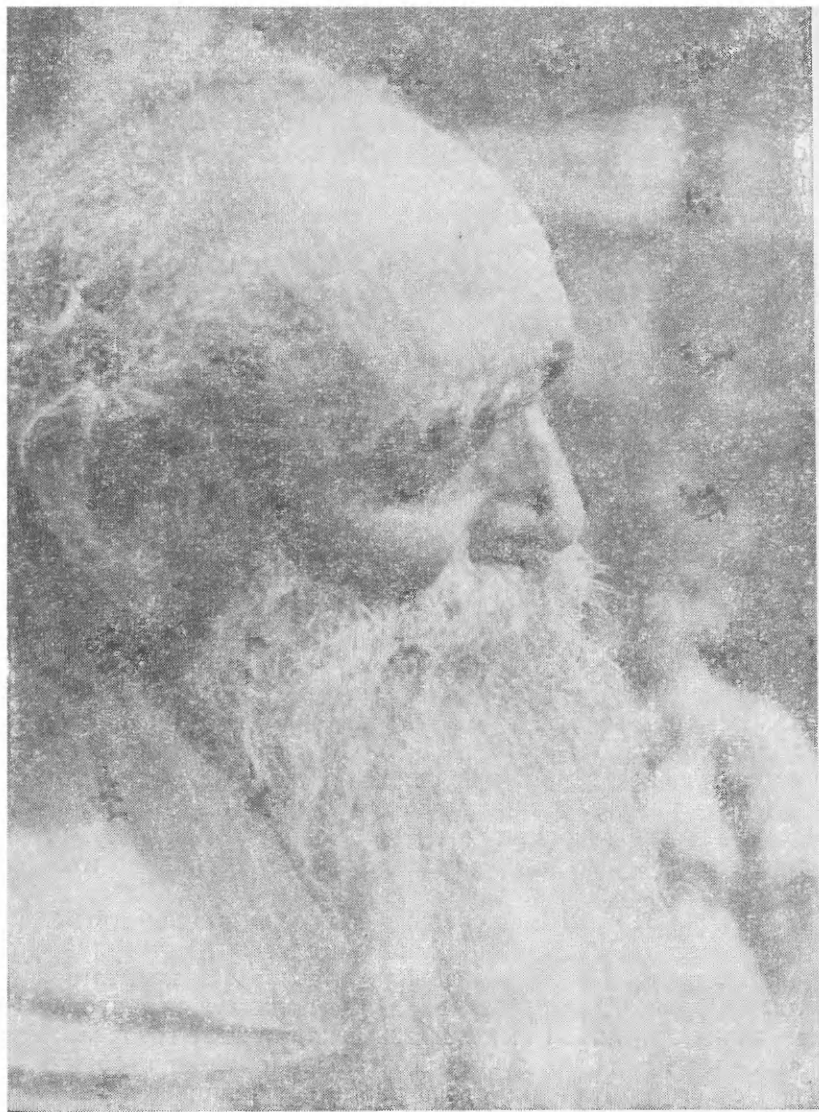
— Сидела, — подтвердила я.

Она поднялась и, все так же странно улыбаясь, ушла во внутренний двор. Ее белое сари как будто растворилось в лунном свете, заливавшем все вокруг.

В одной из комнат были приготовлены циновки для спанья. Я вытянулась с наслаждением на своем жестком ложе и только теперь почувствовала, как устала и как болят мои разбитые ноги. Я закрыла веки, и откуда-то из светящейся темноты появился Шива и, опустив танцующую ногу, злорадно посмотрел на меня.

— Святая, говоришь? — ехидно спросил он. — Художественную литературу читаешь? — и погрозил мне длинным каменным пальцем.

Я поняла, что Шива говорит по-русски, и засмеялась. Бог снова поднял каменную ногу и обиженно отвернулся. Постепенно Шиву заслонило бледное, расплывчатое лицо Саурис. Она протягивала мне палочку для зубов и резким голосом мальчишки-рекламщика говорила: «Лучшая паста для зубов «Колгейт». Помогает в общении с богом». Палочка стала расти, превращаясь в бамбуковый шест. Наверху шеста вращался сиреневый садху. Он скалил испорченные зубы и кричал: «Священный огонь! Священный огонь!» Снизу поднялась танцующая кобра и спросила: «Вы пойдете в ашрам?» И потом пов-

*Ученик Великого риши —
Сундарсан Айер*

торила вопрос голосом Челама. Я открыла глаза и увидела залитую солнцем комнату. На пороге стоял Челам и спрашивал мать Махадевы:

— Вы пойдете в ашрам?

Утро уже давно наступило. Оно было солнечным и свежим. Дождливый сезон кончился. Он всегда кончается после того, как вспыхивает пламя на горе Священного огня. Было первое декабря 1963 года.

После завтрака Махадева мне сказал, что здесь, на горе, много ашрамов. С древних времен на Аруначале находили убежище многие шиваитские святые. Эта традиция продолжается до сих пор.

Ашрам, куда мы пришли, был основан Рамана Махарши — Великим риши, или мудрецом. Он умер в 1950 году, а легенды о нем живут на юге Индии по сей день. Несколько легких строений ашрама расположены в пальмовой роще неподалеку от подножия горы Священного огня. Там нас встретил ученик Рамана Махарши и теперешний секретарь ашрама Сундаресан Айер. С длинной седой бородой, высоким мощным лбом и каким-то детским выражением глаз, он вежливо и мягко спросил меня, откуда я. Я ответила. Айер несколько удивленно посмотрел на меня и сказал:

— Россия — очень интересная страна. Я бы сказал, великая страна. Вы дали миру Толстого и Достоевского. Я рад видеть вас здесь, у нас в ашраме.

— Она вчера поднялась на Аруначалу, — вдруг выпалил Махадева.

— Вы правильно сделали, — ласково заметил Айер. — Если вы интересуетесь нашей культурой, то побывать на Аруначале необходимо. Это очень древняя гора. Она старше священных Гималаев. Хотите, я вам покажу комнату Великого риши?

— С удовольствием, — ответила я.

Махадева сиял, явно польщенный таким вниманием Сундаресана Айера. Мы прошли мимо нескольких низких строений, около которых сидели члены ашрама, и оказались около скромного домика.

— Сюда, — сказал Айер.

Мы вошли в небольшую, прохладную и чисто прибранную комнату. С большого портрета на нас смотрел человек. Коротко стриженные седые волосы, ясные молодые глаза, рот, изогнутый в чуть смущенной улыбке.

— Это свами Рамана Махарши, — сказал Айер.

В скромно обставленной комнате стоял мягкий диван, покрытый шкурой леопарда, письменный стол с несколькими изящными безделушками и полка с книгами. Вот, пожалуй, и все.

— Великий риши был очень скромным человеком, — мягко звучал голос секретаря. — Он, несмотря на свои знания, никогда не претендовал на исключительность и не позволял фанатически поклоняться себе. Однажды, когда пришла к нему одна женщина и стала в припадке фанатизма биться головой о порог, свами спросил: «Кто это колет кокосовые орехи о мой порог?»

Мы постояли немного в комнате и вышли через заднюю дверь.

— Рамана Махарши, — продолжал рассказывать Сундаресан Айер, — очень любил детей. Вот, посмотрите, в этом здании размещается школа вед. Здесь дети получают традиционное воспитание, изучают священные веды и начинают практиковаться в йоге.

Несколько десятков мальчиков в одних только дхоти окружили нас. Они были выдержанны и вежливы, но в глазах их светилось нескрываемое детское любопытство.

— Кем ты хочешь быть? — спросила я малыша лет восьми, который оказался рядом со мной.

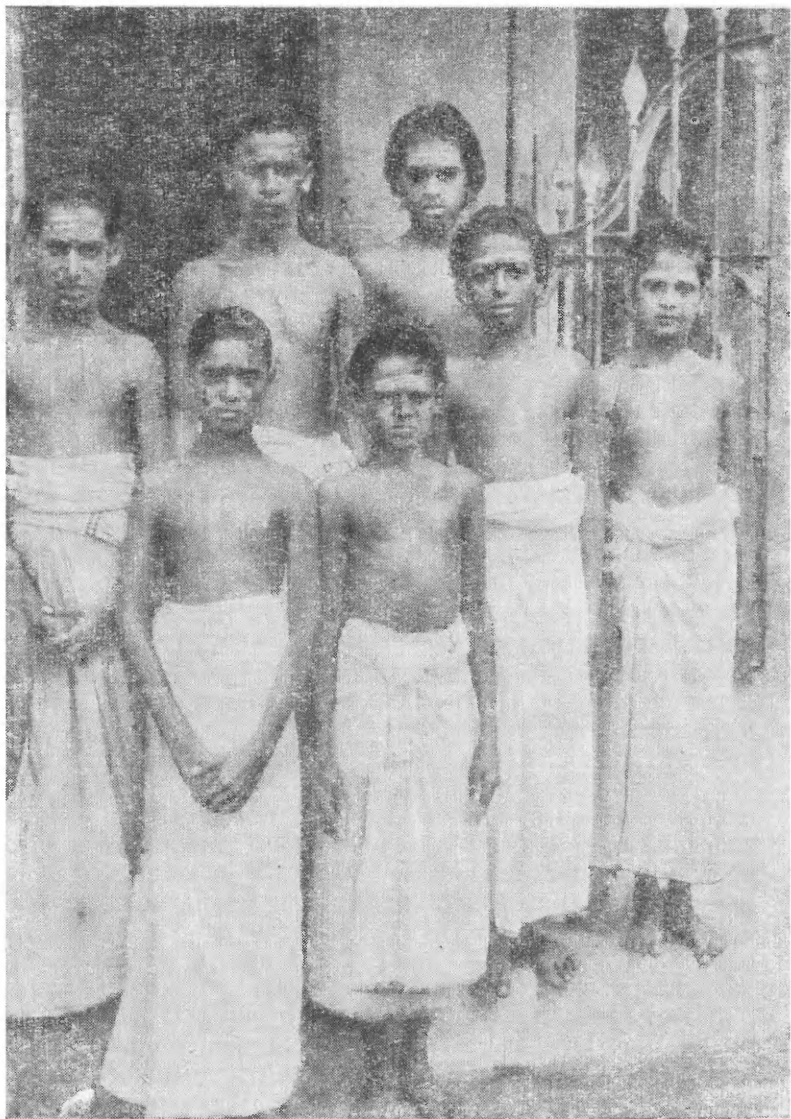
— Махарши, — не раздумывая, выпалил он. Все засмеялись.

— Ты думаешь, это так легко? — спросил Айер.

Малыш смутился и спрятался за спину своих товарищей.

Мы осмотрели небольшой храм, жилые помещения, где женщинам запрещено оставаться на ночь, отдел публикаций. Ашрам выпускает обширную литературу о Махарше и его учении.

Несомненно, Рамана Махарши был незаурядной личностью, а его жизнь и моральные принципы заслуживают того, чтобы о них написать. В индуизме подчас уживаются самые противоположные вещи: примитивное идолопоклонство и развитая философия, иногда даже материалистического толка, безоглядный фанатизм и критическое осмысление законов природы, дешевое шарлатанство и серьезная работа над духовным и физическим совершенствованием человека, преступность и корысть честолюбивых садху и высокие моральные качества. По-види-

*Эти мальчики из школы вед
станут жрецами*

мому, Рамана Махарши воплощал в себе то лучшее, что сохранила для нас древняя индуистская культура.

В декабре 1879 года в семье брахмана Сундарамы Айера родился мальчик. Его назвали Венкатараманом. Сундарам Айер занимал видное положение в городе Тиручузли. Мальчик рос обыкновенным ребенком, в меру подвижным, в меру задумчивым, и, казалось, ничто не предвещало в нем будущего великого мудреца. Когда Венкатараман подрос, его отдали в школу в Мадурай, принадлежавшую американской миссии. В школе он не проявлял особой склонности к занятиям. Он предпочитал гонять в футбол и проводил долгие часы в плавательном бассейне. Религия его не интересовала, и он равнодушно проходил мимо красочных гопурамов знаменитого храма Минакши. Учителя жаловались на нерадивого ученика, но школьный спортивный клуб гордился ловким и подвижным мальчиком. В нем было все обычно, так же как и в сотнях его сверстников. Но страна, где он жил, была необычной. Ее древние традиции, еще не понятые до конца Западом, продолжали существовать и оказывать свое влияние на людей.

Когда Венкатараману исполнилось 16 лет, ему пришла в голову мысль о смерти. Эта мысль была так сильна, что юноша почти реально ощутил приближение смерти. Его обуял страх. Ноги ослабели, тело покрылось холодным потом, дыхание замедлилось. Но тут произошло нечто странное, о чем он рассказывал впоследствии не раз. Он понял, что тело его умирает, а его дух, его «я» остается. Произошло какое-то раздвоение. Этот случай заставил его обратиться к своему внутреннему миру, что обычно делают индийские йоги, занимаясь духовной практикой. Однажды в школе во время занятий он неожиданно впал в транс. Так проявилась особая духовная одаренность будущего риши. С тех пор он утратил всякий интерес к школе и ко всему тому, что окружало его. А потом пришло окончательное решение. Объяснить его он не мог. От кого-то из родственников он слышал о Тируванаималаи. Он понял, что ему надо ехать туда. Взяв у отца три рупии, он незаметно исчез из дому, решив во что бы то ни стало добраться до Тируванаималаи. Это был долгий и трудный путь. На станции ему объяснили, как проехать в этот город. Венкатараман вскоре обнаружил, что трех рупий для этого недостаточно.

Часть пути ему пришлось пройти пешком. Но на еду денег не было. Голод одолевал его, и он несколько раз падал в обморок, но продолжал идти. Наконец ему пришлось продать самое ценное, что у него было. Серьги. На вырученные деньги он купил еды. Через много дней пути в предрассветной мгле перед ним выросли четыре гопурама храма Тируванаималаи и затянутая облаками вершина горы Священного огня. Он вошел в ворота храма. Там почему-то никого не оказалось. Он разорвал свою одежду, выбросил остатки еды и шнур дваждырожденного. Его шаги гулко раздавались под сводами зала с колоннами. Он остановился около одной из них, уселся рядом, скрестив ноги, и погрузился в самосозерцание. Так перестал существовать ученик миссионерской школы, футболист и пловец, сын своих родителей Венкатараман Айер.

А в Тиручузли и Мадурай была поднята на ноги полиция. Все искали исчезнувшего школьника. Но поиски не дали никаких результатов. Подозревали, что он сбежал с труппой бродячих актеров, приехавших в Мадурай из Тривандрума. Никто ни в семье, ни в городе не мог себе представить, что сбежавший сидел в это время в храме в Тируванаималаи с закрытыми глазами и молчал. О чем он думал, сказать трудно. Что он видел, мы тоже не знаем.

Храмовой колокол возвестил начало утренней молитвы. В зале с колоннами появились первые посетители. Они увидели мальчика в позе санияси и удивились.

— Эй, ты, парень, — окликнул его один из них, — ты что здесь сидишь?

Но сидящий не ответил и не поднял век. Вокруг собрался народ.

— Смотри, смотри, — сказал старик со шнуром дваждырожденного через плечо, — он думает, что он санияси.

— Да, да, — поддержали его другие, — нашелся новый святой. Сейчас он взлетит прямо на Аруначалу.

Вокруг раздался непочтительный смех. Но сидящий, казалось, ничего не слышал.

— Эй, брось притворяться, — крикнул молодой студент. — Я скажу жрецу, и он тебя отсюда выгонит. Лучше иди побираться во двор храма.

— Он хочет нас одурачить! — раздавались голоса. — Пусть идет и садится за парту.

— Конечно, он сбежал из школы!

— Кто сбежал из школы? — группа школьников-мальчишек протиснулась к сидящему.

— Вот он сбежал из школы!

И град камней обрушился на юношу. Тот вздрогнул и открыл глаза. Камни ранили и царапали обнаженное тело.

— А ну прекратите! — закричал жрец. — Что это вы здесь устроили?

Школьники разбежались, но взрослые остались. По городу разнеслась весть, что какой-то мальчишка, подражая санияси, сидит в храме. Любопытные все время окружали его, мальчишки бросали в него камнями, толкали и пачкали грязью. Сердобольные женщины иногда бросали ему бананы, но он не притрагивался к ним. Он понял, что ему не дадут спокойно сидеть в этом зале с колоннами. Он ушел в темное подземелье, расположенное под изображением лингама. Там было душно, сыро и темно. В подземелье на него набросились муравьи, москиты и какие-то черви. Но, погруженный в самого себя, он не обращал на них внимания. Его спина покрылась ранами и язвами, рубцы от которых остались на всю жизнь. Он достиг такого состояния, когда собственное тело перестало для него существовать. Он жил внутренней напряженной жизнью, и внешний мир отодвинулся очень далеко. Правда, этот внешний мир давал все время знать о себе. Мальчишки вскоре обнаружили его в подземелье и вновь стали забрасывать его камнями. Их отгоняли палками, но это не помогало.

Наконец кое-кто понял, что в подземелье сидит не мальчик, подражающий санияси, а человек, который стал на традиционный путь духовного совершенствования, предписываемый философией йоги. Его вывели в зал с колоннами, и теперь над ним никто не смеялся. Его признали даже местные садху. Молчаливый санияси сидел то в храме, то в храмовом саду, то под деревом на дороге. Некоторые паломники пытались поклоняться ему, а один даже совершил перед ним пуджу, как перед идолом. Он ел только тогда, когда ему клали пищу в рот. Тело его, много месяцев не мытое, было покрыто грязью, струпьями и язвами, длинные, отросшие волосы скатались и напоминали паклю, а нестриженные ногти превратились в закрученные ленты. Популярность молодого

свами росла, хотя он продолжал молчать. Он отвечал на вопросы письменно. Однажды он написал на бумажке свое имя и город, откуда пришел. И родственники наконец-то узнали о нем. В Тируванаималаи срочно был откомандирован его дядя. Он ходил по городу и спрашивал о племяннике. В конце дня ему показали манговую рощу. Там он нашел Венкатарамана. Дядя не сразу узнал его в грязном аскете с отрешенными глазами на истощенном лице. Вокруг Венкатарамана сидели несколько паломников. Дядя, скрывая свое изумление, почтительно приблизился к нему и коснулся его ног. Но по глазам Венкатарамана он не мог определить, узнал ли тот его или нет. «Мальчишку немедленно надо отправить домой, — подумал дядя. — Пусть его хотя бы отмоют. Он, кажется, совсем свихнулся». И заговорил с Венкатараманом мягко и вежливо, как с больным.

— Мы все очень рады, — сказал дядя, — что ты достиг такого почета. Но ты не знаешь, сколько огорчений ты нам причинил. Подумай о своей матери.

Но Венкатараман молчал.

— Зачем ты сидишь здесь? — продолжал дядя. — Ты можешь, если хочешь, сесть рядом с собственным домом, и мы могли бы все на тебя смотреть.

Племянник не отвечал. Дядя покинул упрямого свами, но вернулся к нему на следующий день. Однако и этот день не принес никаких результатов. Дядя отбыл в Мадурай, и через некоторое время в Тируванаималаи появилась мать Венкатарамана. Она нашла сына лежащим на валуне в самом жалком состоянии. Она бросилась к нему и заплакала. Но сын, казалось, не обратил на нее внимания. Все, что говорила ему мать, не трогало его. Она приходила к нему много дней подряд, уговаривала, угрожала, плакала, сердилась. Но все оказалось бесполезным. Тогда она поняла, что во второй раз потеряла сына. С тяжелым сердцем она возвратилась домой. Много лет спустя она вернулась к нему в ашрам, чтобы провести свои последние годы подле потерянного сына. Она продолжала оставаться его матерью.

После отъезда матери он переселился на Аруначалу в пещеру Вирупакша. Теперь он стал настоящим отшельником. Люди проходили трудный путь через джунгли, чтобы увидеть его. Его спрашивали о многом, и ответы свами свидетельствовали о глубокой и зрелой философ-

ской мысли. Он объяснял, что такое «я» и как его осознать. Сам он накопил в этом отношении большой опыт. Как это произошло, трудно сказать. Но в Индии такие вещи случаются с людьми, занимающимися йогой. Когда он пришел в Тируванаималаи, он имел весьма смутное представление о священных ведах. В пещере же Вирупакша он уже толковал и объяснял древние законы вед. К нему приходили ученые. Санскритолог Ганапати Муни после беседы с ним о священных индусских книгах понял, что молодой свами — человек необычных способностей. Он первый назвал его Махарши — Великим мудрецом.

Махарши не был похож на других садху, которые в изобилии населяли Тируванаималаи и его окрестности. Это был пестрый и странный мир людей, живущих за счет невежества многочисленных паломников. Хитрые и ленивые, они стремились добиться популярности различными сомнительными средствами. Каждый из них пытался стать «святым». Безграмотные и неумные, они бормотали слова молитв и заклинаний, не разбираясь в их смысле. Все непонятное действовало на наивных приверженцев индуизма самым притягательным образом. Садху распускали слухи о «чудесах», которые они могли творить, о том, что они являются «посредниками» между богами и людьми. Каждый из них ревниво относился к славе другого. Это были своеобразные конкурирующие компании со своими неписаными законами, со своей специфической солидарностью и со своими «секретами производства». Нередко эти «секреты» попахивали прямым шарлатанством и мошенничеством. В конкурентной борьбе «святые» садху не гнушались никакими средствами. Растущая популярность Махарши давно беспокоила их. Многие постоянные клиенты тируванаималайских садху стали завсегдатаями пещеры на Аруначале. А с этим «святые» не могли смириться.

Один седобородый садху жил по соседству с Махарши. Он нередко навещал своего молодого соседа, вел философские беседы, прикрывая цепкие глазки тяжелыми веками. Иногда он просто сидел, перебирая длинную нить четок. И только изредка бросал изучающие взгляды на Махарши. От старика и его оранжевого балахона веяло миром и спокойствием. Но спокойствие это оказалось обманчивым. Большой валун, который упал рядом с Ма-

харши, был спущен старческой рукой, так набожно перебиравшей четки. Цель действия старого садху не оставляла сомнений. Он хотел убить своего соседа. Махарши отворачивался, когда слышал гнусавый голос седобородого садху, проповедовавшего мир души. Махарши редко теперь выходил из пещеры. Валуны больше не сыпались, но через некоторое время у пещеры появилась целая компания садху. Они переминались с ноги на ногу, отводили глаза и перешептывались между собой.

— Свами, — начал старший из них. — Мы пришли из Подикаи, где живет мудрец Агастья.

Махарши знал, что древний риши Агастья умер много веков тому назад.

— Нет, нет, он до сих пор жив, — утверждали хитрые садху.

— Агастья, — продолжал старший, — просил взять вас на конференцию йогов в Срирангам, а затем доставить в Подикаи.

Махарши молчал. Он понимал, что, если поддастся этой наивной уловке и уйдет из пещеры, садху его убьют. Он хорошо знал их повадки. Один из учеников Махарши, сидевший около пещеры, быстро поднялся и перебил старшего садху.

— Да, да, — еле сдерживая смех, сказал он, — мы уже получили известие о вашем прибытии, а также приказ Агастья поджарить вас на огне. Эй, садху, — крикнул он одному из них, — что же ты стоишь? Рой яму для огня!

Садху тревожно зашептались. Искусные мистификаторы, они сами легко поддавались на любую мистификацию. Садху стали пятиться к узкой каменистой тропе, потом повернулись и, сбивая друг друга, потрусили рысцей вниз. Садху не удалось убить Великого риши, который им мешал. Они перешли к другой тактике. У каждого мудреца должен был быть учитель. У Махарши его почему-то не было. Неплохо было бы объявить себя учителем, или гуру, такого человека и разделить с ним славу. Первый «гуру» не заставил себя долго ждать. Назывался он садху Балананда. Он бесцеремонно появился в пещере, назвал себя учителем Махарши и ввел ряд нововведений в жизни отшельника. «Гуру» проявил недюжинную коммерческую хватку и стал брать деньги за вход в пе-

щеру Махарши. С тех, кто просто сидел и слушал, меньше, с тех, кто разговаривал с Великим риши, больше. Но вскоре эта деятельность была прекращена самым решительным образом. Махарши со своим учеником выбросили вещи Балананды из пещеры и не пустили его больше туда. Садху пришел в ярость и даже плюнул в Великого риши. Это ему обошлось дорого. Ученики Рамана Махарши, забыв наставления своего учителя о ненасилии, набросились на садху и отколотили его. Балананде ничего не оставалось, как убраться из Тируванаималаи. Но неудачи продолжали преследовать незадачливого «гуру». Он влез в купе вагона без билета, и контролер высадил его, снабдив еще одним подзатыльником. Балананда сел в следующий поезд, но пристал к юноше, который не оказал «гуру» должного уважения. Крепкий удар туплей по голове заставил садху забыть требуемые им правила этикета. Но Балананда был не из тех, кто быстро мирится с неудачами и потерями. Он вновь появился у пещеры Рамана Махарши.

— Ты Великий риши, — сказал он ему. — Но я более великий, чем ты. Я сейчас покажу тебе свою силу, и тогда ты признаешь меня своим гуру.

Он уселся перед Махарши и стал смотреть ему в глаза.

— Сейчас ты впадешь в транс, — важно сказал садху.

Через полчаса у Балананды стали слипаться глаза, и он... заснул.

После этого «гуру» счел за благо навсегда исчезнуть с горизонта Великого риши. Место учителя осталось вакантным, но ненадолго. Одним прекрасным утром снизу с тропинки раздалось протяжное пение. Вслед за последней нотой вынырнула всклоченная голова очередного садху.

— Мир тебе, — сказал садху.

Махарши пригласил его сесть.

— Бог явился мне... — начал садху.

— Неужели? — удивился Махарши.

— Да, да, бог явился мне во сне, — продолжал садху, — и приказал мне быть твоим учителем, — и вызывающе посмотрел на Махарши.

— Хорошо, — ответил тот. — Пусть бог явится мне тоже и сообщит о своем решении.

Садху приоткрыл от неожиданности рот и не знал, что на это сказать. Потом он молча поднялся и поплелся вниз по тропе. И вновь оттуда раздалось заунывное пение. Садху отправился на поиски нового ученика.

С животными у Махарши сложились отношения более удачно, нежели с садху. У него был особый дар общения с ними. Такими способностями обладали многие индийские мудрецы, и история сохранила немало легенд. В дни Рамана Махарши джунгли, покрывающие Аруначалу, изобиловали разными зверями и змеями. Он умно обращался с кобрами, и те никогда не кусали его. Говорят, что он мог с ними беседовать. Он нередко примирял враждующие стада обезьян, и те иногда сами к нему за этим приходили. Однажды Махарши нашел около своей пещеры искусанного и умирающего обезьяненка. Он вылечил и вывел его. Когда обезьяна подросла, она вернулась в стадо и стала его вожаком. Иногда она приходила навестить своего спасителя. Через несколько лет две обезьяны принесли в ашрам Махарши умирающего вожака. Великий мудрец похоронил его со всеми почестями. Махарши обращался с животными, как с людьми, считая, что они заслуживают равного людям уважения и мягкости в обращении. В ашраме долгое время жила корова по имени Лакшми. Говорят, она все понимала. Каждый день она приходила приветствовать Махарши и даже присутствовала на его беседах. У Махарши было несколько собак, и каждая из них оставила по себе интересную память. Одна из них обладала очень развитым чувством собственного достоинства. Когда однажды ее избил приезжий брахман, она ушла из ашрама и не вернулась. Судьба другого пса была более трагической. Кто-то несправедливо отругал его, и пес в знак протеста утопился в священном водоеме. А третий пес много лет неутомимо служил гидом. Он водил гостей ашрама и паломников по окрестностям Тируванаималаи, показывал интересные пещеры и храмы и всегда приводил всех обратно. Махарши даже в самые трудные для него минуты продолжал заботиться о животных. Когда Великий риши умирал, то одними из его последних слов были: «Накормили ли сегодня павлинов?» Отношением к животным часто определяется сумма качеств, которыми обладает человек.

По всей видимости, у Рамана Махарши эти качества были на значительной высоте. Он был требователен к себе и снисходителен к другим. Несмотря на большую популярность и поклонение, он никогда не позволял ставить себя в исключительное положение. Великий риши не носил эффектного оранжевого балахона индусских саняси и свами и не раскрашивал лица. Единственной его одеждой была белоснежная набедренная повязка. Он не разрешал оказывать себе ритуальных почестей и совершать в его честь церемонии и молитвы. Махарши не гнушался никакой работой и старался делать в ашраме то же, что и другие. Часы работы над своими статьями и книгами перемежались у него с самоконцентрацией, необходимой йогу, с лекциями, беседами и с помощью по кухне ашрама, где он обычно резал овощи. Он неуклонно выполнял все правила ашрама и мягко и тактично высмеивал людей, которые пытались делать для него исключения или стремились показать его превосходство над другими. Однажды, рассказывают, к Рамана Махарши на беседу пришла европейская женщина. Она сидела рядом с ним, вытянув ноги, так как не умела сидеть в традиционной позе со скрещенными ногами. У Махарши были ревматические ноги, и он тоже избегал такой позы. Один из членов ашрама, увидев женщину, довольно грубо сказал ей: — Мадам, скрестите ноги! У нас в ашраме сидят только так! Иначе вам придется уйти!

Женщина смутилась, а Махарши, ни слова не говоря, скрестил свои больные ноги.

— Свами, — удивился ретивый член ашрама, — я ведь просил так сделать не вас, а эту женщину.

— Неважно, — спокойно ответил Махарши, — раз есть такое правило в ашраме, я обязан подчиниться.

К концу жизни здоровье Махарши резко ухудшилось. Давала себя знать полная лишений аскетическая жизнь. С большим трудом удалось заставить Махарши выполнять предписанный ему врачами режим. Он не признавал кастового деления и одинаково ровно обращался с брахманом и неприкасаемым. Он не запрещал брахманам придерживаться своих кастовых обычаев. Но когда те садились за отдельную трапезу, глава ашрама никогда к ним не присоединялся.

У Махарши было много учеников. Каждый день тысячи людей посещали его ашрам, стремясь с ним погово-

ритель и получить то устойчивое состояние спокойствия, которое так необходимо человеку в жизни. И, говорят, они его получали. В этом был один из секретов воздействия Великого риши на людей. Почитатели Махарши приносили в ашрам деньги и еду. Он никогда не брал себе ничего. Еду он делил между своими учениками и гостями ашрама. Деньги отдавал на нужды ашрама. Если денег оказывалось больше, чем необходимо, их раздавали нищим и бедным. Он был оригинальным мыслителем, хотя никогда не считал себя таковым. Его учение базировалось на древней философской системе адвайты, и главную роль в нем играла теория и практика самопознания. Махарши считал освобождение от желаний путем к совершенствованию. Но он не превращал свое учение в религию и не настаивал на том, чтобы его последователи уходили «от мира». Он придавал большое значение духовной сущности человека, отделяя ее от физической. Конечно, это краткое и приблизительное изложение не исчерпывает всего богатства и сложности учения Великого риши. Он пытался поставить это учение на практическую основу и, по-видимому, кое-чего в этом достиг. Он был йогом, постигшим высокие ступени в практике. Он обладал необычными способностями, которые иногда путем длительной тренировки вырабатывают в себе йоги. Но Махарши никогда не спекулировал на таких способностях (если они существовали) и не старался их проявлять. Такие вещи неотразимо действуют на людей религиозных. Даже если они полицейские чиновники. Мистер Хэмфри был помощником полицейского комиссара. В свободное от службы время он ревностно читал Библию, священные веды и вскоре понял, что карьера полицейского не для него. То ли дело Иисус Христос! Он спасал весь мир, а мистер Хэмфри спасал только Британскую империю, и то в ограниченных рамках провинциального полицейского участка. Он наслушался легенд и рассказов об индийских учителях-мудрецах и решил попытать счастья. Может быть, с их помощью скромному полицейскому чиновнику удастся занять пост «спасителя». Они научат его творить чудеса, а способности к этим чудесам он определенно в себе подозревал. Одним прекрасным утром по тихим улицам Тируванаималаи прогрохотал мотоцикл, и кандидат в мессии в полицейском мундире предстал перед Великим риши.

— Я хочу делать такие чудеса, как Иисус Христос или по крайней мере Кришна, — сказал он.

Великий риши вскинул голову и посмотрел смеющимися глазами на мистера Хэмфри.

— Желание похвально.

— И еще я хочу спасти мир. Только не знаю, как это сделать.

— Этого никто не знает.

Полицейский разочарованно присвистнул.

— Но вы обладаете секретом творить чудеса. Почему вы не хотите поделиться со мной?

— Мои «чудеса», — иронически усмехнулся Великий риши, — результат долгой практики, основанной на учении адвайты.

— А в чем его суть?

Махарши терпеливо разъяснил суть учения мистери Хэмфри. Тот понял мало, хотя и очень старался.

— Так, значит, я не могу быть спасителем и творить чудеса? — на прощание спросил он Махарши.

— Я не советую вам этого делать, — и снова глаза Махарши засмеялись.

Мистер Хэмфри не в состоянии был перенести такое разочарование. Он подал в отставку, уехал в Англию и наконец обрел душевный покой в одном из католических монастырей.

А Великий риши продолжал заниматься своими повседневными делами: правил гранки, резал овощи, читал лекции. Ашрам расширялся и к 1949 году обрел теперешний вид. Но главе ашрама судьба отпустила считанные дни. У Махарши на левой руке появилась опухоль. Она росла, и обычное лечение не помогало. Через некоторое время выяснилось, что опухоль злокачественная. У великого мудреца начался рак. На ампутацию руки он не согласился. Ему сделали три операции, но опухоль прогрессировала. Но ни болезнь, ни операции не заставили его изменить обычный распорядок жизни. Он продолжал читать лекции и беседовать с посетителями. По мнению врачей, он должен был испытывать страшные боли. Но на его лице по-прежнему светилась чуть застенчивая улыбка, и ни один мускул не выдавал страданий. Казалось, его тело существовало отдельно и не имело к нему отношения. Во время одной из сложных операций (он к тому же отказался от наркоза) Махарши спокойным голосом

прочел своим ученикам лекцию. Контроль над телом, который он развил в себе, был поразительным. Сотни людей продолжали приходить к нему, и он часами с ними разговаривал. Наконец стало известно, что Великий риши умирает. Многие пришли в ашрам с ним проститься. Он принял всех, кого успел. Его смерть была необычной. Пораженное раком тело не агонизировало. Он закрыл глаза и сказал:

— Ну вот.

Кто-то заплакал.

— Не надо, — сказал он. — Я никуда не уйду. Я здесь.

Был апрель 1950 года. Весть о смерти Рамана Махарши разнеслась по городу. Непрерывный поток людей вливался в ворота ашрама. Великого риши не стало. Но память о нем как о человеке необычном, «святом» продолжает жить в Индии.

Танджавур. Наследник Шиваджи

У самого входа во дворец меня встретил принц. Небольшого роста, сухощавый, с продолговатыми задумчивыми глазами, он протянул мне тонкую руку, унизанную перстнями. Драгоценные камни колец мерцали, переливаясь на смуглых пальцах. Пожатие его руки было мягким и еле ощутимым. Когда-то руки его предка, знаменитого Шиваджи, легко задушили в железных объятиях биджапурского командующего Афзаль Хана. Тонкие пальцы принца не были способны на такое усилие, они были слабы и изнеженны. Но принц держался с достоинством, как подобает представителю правящей династии.

— Меня зовут Викрамасинг. Принц Викрамасинг, — поправился он. — Мадам Брагата говорила мне о вас. Старшего принца, моего отца, сейчас нет в Танджавуре. Но я обо всем распорядился. Для вас завтра откроют Великий храм в неурочное время.

— Спасибо, — ответила я. — А откуда вы знаете мадам Брагату?

— Видите ли, она мой преподаватель в колледже. Я ее студент.

И принц слегка смутился, решив, очевидно, что я подумаю о том, что кто-то может им распоряжаться. Мадам Брагата, например.

— Я учусь в колледже Серфоджи, — заспешил он, — Его основал мой прапрадед махараджа Серфоджи.

Теперь мадам Брагата была поставлена на свое место, и принц надменно вздернул голову на тонкой шее. Я улыбнулась, и принц снова почему-то смутился.

— Я знаю, в вашей стране нет принцев, и вам, наверное, удивительно встретить такого.

— Да, — подтвердила я. — У нас действительно нет принцев. Ни старших, ни младших, ни маленьких, ни больших.

— Я так и знал, — сказал младший принц и печально посмотрел на выщербленные ступени дворца. — У нас их тоже скоро не будет. Этот дворец, да и то не весь, — все, что осталось от нашего обширного королевства. Мой отец, раджа Рама Сахиб, получает сейчас правительственную пенсию всего 9 тысяч рупий в год. Мы не в состоянии содержать на нее даже дворец.

— Так и не содержите, — легкомысленно сказала я.

Принц растерялся. Он удивленно вскинул на меня продолговатые глаза и зачем-то покрутил перстень с крупным бриллиантом.

— А как же традиции? Предки? Все это надо оставить? У нас так много связано с этим дворцом...

В это время я заметила странно одетого человека, пробиравшегося в толпе гуляющих. На нем был длинный сюртук и плоско посаженный на голову красный тюрбан. Завидев нас, человек как-то сразу согнулся и, сгибаясь, и разгибаясь, приближался к нам. Я поняла, что он кому-то кланяется. На немолодом темном его лице играла пугливо-льстивая улыбка. Принц проследил мой взгляд, и у него вырвалось досадливое восклицание:

— Я, кажется, совсем забыл...

Человек в длинном сюртуке мелкими шажками обежал меня и предстал перед моим собеседником.

— Принц, — жалобным тоном сказал он, — вас просили подготовиться к завтрашнему семинару.

— Знаю, знаю, — драгоценные камни колец сверкнули в нетерпеливом жесте, — убирайся. Я сейчас приду.

— Хорошо, хорошо, принц, — залепетал кланяющийся человек. — Не гневайтесь, пожалуйста.

— Простите, — повернулся ко мне принц. — Мне действительно надо сегодня подготовить вопрос по теории прибавочной стоимости. Если вам не трудно, приходите, пожалуйста, к нам во дворец завтра. Я вам покажу немало интересного. — Он резко повернулся, и толпа гуляющих горожан почтительно перед ним расступилась.

Пока принц Викрамасинг штудировал теорию прибавочной стоимости, я решила осмотреть дворец. Конечно, только ту часть, которая была доступна для публики. Дворец занимал несколько кварталов и был обнесен высокой глухой стеной. Узкие улочки Танджавура, одного из древних городов Южной Индии, роились вокруг дворца, разбегаясь от него запутанными переулками и тупиками. В центральной части дворца стояла нескладная сторожевая башня, глядя пустыми глазницами бойниц на город, шумевший у дворцовых стен. Наступил вечер, и на территории дворца вспыхнули огни. Там расположилась выставка Танджавурского дистрикта. На дворцовых зданиях и временных павильонах призывно плясала разноцветная реклама. Разряженный слон, покачивая хоботом, медленно двигался по мощеной дворцовой площади. Сотни людей шумели, прогуливаясь у ярко освещенных стендов. И только там, где еще жили младший и старший принцы, было тихо и темно. Но никто не обращал внимания на резиденцию бывшей королевской семьи. Люди привыкли к тому, что она существует. Потомки блистательного маратхского полководца XVII века давно превратились в реликвию города и стали его традицией. Об этой реликвии можно рассказывать гостям, но ее не обязательно видеть. До поздней ночи не затихая шумел дворец бывших маратхских правителей, но шумел теперь по-иному, чем когда-то.

Собственно дворец и кое-какая земельная собственность — это все, что оставили англичане потомкам последнего владетельного махараджи Танджавура в 1855 году. Махараджа принадлежал к роду Шиваджи, который в XVII веке создал Маратхское государство в противовес Могольской империи. Королевство, или княжество, Танджавур до маратхского завоевания управлялось наяками Виджаянагара и Мадурани. С середины XVII века Танджавур становится маратхским, и на его трон садится

брат великого Шиваджи — Экоджи. Воин и правитель Экоджи не мог тогда и представить, какая судьба уготована его далеким потомкам... Он не имел представления о теории прибавочной стоимости и о формациях, сменяющих одна другую.

На следующий день я отправилась в гости к принцу. Теперь при дневном свете я лучше рассмотрела дворец. Скорее его можно было назвать замком-крепостью. Шаги гулко раздавались в пустых и полутемных сводчатых переходах. Казалось, им не будет конца. Один переход сменял другой. Они разветвлялись, и я уже потеряла надежду найти королевские покои. Наконец один из переходов уперся в ворота. У ворот, сидя на корточках, дремали два человека.

— Айя! — позвала я одного из них. — Как мне пройти к принцу Викрамасингу?

— К принцу? — переспросил тот, еще как следует не понимая, что от него хотят.

— К принцу, — повторила я.

— А! — наконец смысл моей просьбы дошел до него. — Мы стража принца, — гордо заявил он. — Сейчас открою ворота.

Ворота открылись и снова захлопнулись, и я очутилась в крошечной тьме. Пахло сыростью и мышами. Откуда-то слева раздался шорох, и под сводчатым потолком вспыхнула тусклая и пыльная электрическая лампочка. Она осветила каменные плиты центральной части помещения, в то время как дальние углы продолжала скрывать темнота. Справа я заметила узкую лестницу с крутыми ступенями.

— Сюда, пожалуйста! — сказал кто-то.

И я ступила на лестницу. Тусклый свет сюда не достигал, и какую-то часть пути я двигалась на ощупь в темноте. Наконец тьма стала сереть и рассеиваться, и я увидела неяркий дневной свет. Лестница привела в большой полупустой зал. Узкие окна зала покрывал густой слой пыли. Из-за стола со сломанной ножкой поднялся человек в длинном сюртуке.

— Это приемная его высочества, — объяснил он мне. — Что вы хотите?

Я сказала.

— Вашу визитную карточку, — протянул он ко мне сухую руку с неопрятными ногтями.

У меня ее не оказалось. Человек в длинном сюртуке укоризненно посмотрел на меня и, ни слова не говоря, знаками велел следовать за ним.

В полутемной комнате у окна стоял маленький принц Викрамасинг. Здесь он казался еще меньше, под этим огромным лепным потолком. Он повернул ко мне тонкое лицо с продолговатыми глазами.

— Старшего принца все нет, — сказал он, нервно потирая драгоценные камни колец. — Но что же мы стоим? Идемте.

Комната, в которую мы вошли, была обставлена лучше, чем другие. По стенам висели миниатюры маратхских правителей. Откуда-то из угла насмешливо-пронзительно смотрели глаза основателя королевства — Экоджи I. Ободранная и просиженная мебель в стиле прошлого века стояла вперемежку с великолепной бронзовой скульптурой времен Чола. Из сводчатого запыленного окна сочился тусклый свет, и я не сразу заметила, что стены комнаты обшарпаны и украшены потеками. С потолка темного дерева свешивались две стеклянные люстры со множеством подвесок. На всех жилых помещениях и на этой комнате лежала печать запустения. Все напоминало временное убежище человека, который в спешке захватил с собой случайные и странные предметы из разных эпох. Наверно, оно так и было. Каждый правитель приносил что-то из своей эпохи и сваливал в своем дворце. И теперь здесь находилось все то, что удалось сберечь нерадивым и изнеженным потомкам. Я села на кресло, и из него неожиданно поднялось облако пыли.

— Да, пыль, — сказал принц. — Везде пыль. Она нас скоро задушит. Старшего принца почему-то это не волнует. А я задыхаюсь. От королевства осталась одна пыль да портреты предков.

Я выразительно посмотрела на драгоценные кольца принца. Он вспыхнул и спрятал руки за спину.

— Очень трудно со всем этим управляться, — как-то буднично и по-деловому сказал он. — У нас осталась треть дворца и всего восемьдесят слуг. Да и те ленивы. Стараются где-нибудь поспать, а не работать. Даже пыль не могут вытереть.

— Купите пылесос, — посоветовала я.

— Пылесос дорог, а старший принц очень скупой. Но почему он до сих пор не вернулся? — и задумчиво

провел тонкими пальцами по высокому лбу. — Идемте, я вам кое-что покажу.

Минуя узкие переходы и лестницы с крутыми ступенями, мы добрались до сторожевой башни. Зал, в который мы попали, был грязен и запылен. Посередине стоял раскрытый ломберный стол и несколько потертых кресел.

— Теперь башня не используется по назначению. Когда-то в этом зале находились офицеры стражи. Теперь старший принц иногда здесь играет в карты со своими гостями.

Из зала мы вышли на крышу. Замок-дворец предстал передо мной множеством плоских крыш, соединенных узкими лентами переходов. Где-то внизу сновали маленькие фигурки людей.

— Когда-то это все принадлежало старшему принцу, — переступая босыми ногами по нагретой крыше, сказал Викрамасинг.

— А что теперь делает старший принц? — спросила я.

— О, он теперь видная общественная фигура. Раджа — член двух известных клубов — «Ротари» и «Ланч клуб». Кроме этого ему приходится выполнять обязанности попечителя девятнадцати храмов в дистрикте. Эти храмы принадлежат дворцу. У нас есть земельная собственность, и этим тоже приходится заниматься.

— Значит, ваше положение не такое уж безнадежное?

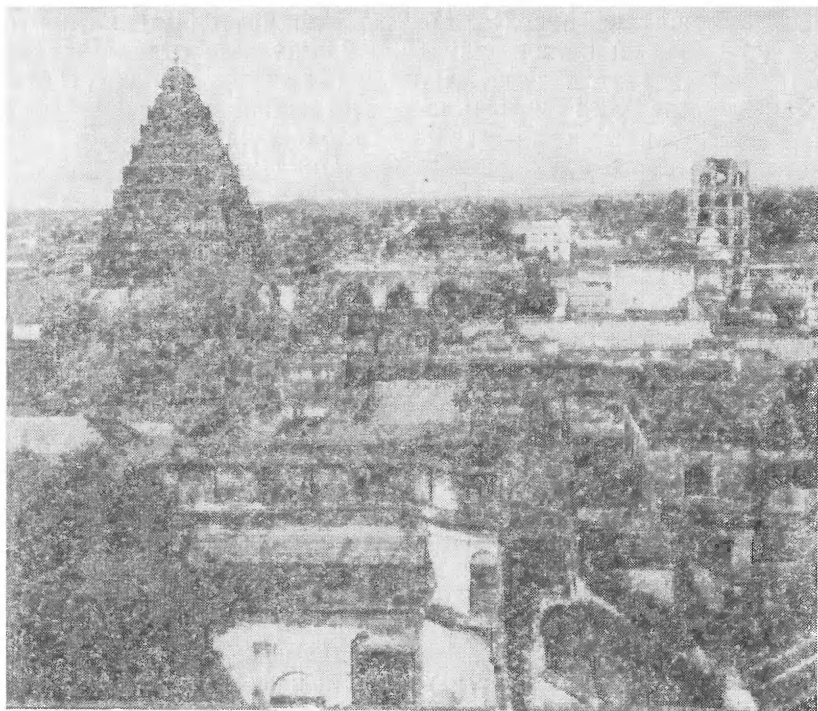
— Возможно, и так. Но старший принц считает, что при англичанах нам жилось намного лучше. Англичане относились к нам лучше, чем собственный народ.

— Но ведь англичане отобрали у вас королевство, — сказала я.

— Это было давно, — спокойно сказал маленький принц. — Зато при англичанах у нас было множество слуг, шикарный выезд, конюшни, веселые приемы и балы.

— И не было пыли?

— Да, представьте себе, — оживился принц, — действительно, все говорят, что не было пыли. Я ведь всего этого уже не застал, — и тоскливо посмотрел на ту часть дворца, которая уже не принадлежала королевской семье. — А теперь мне приходится даже ходить в колледж. Старший принц учился дома, ему мой дед нанимал учителей. Сейчас учителя дороги, и отец не желает идти на такие расходы.

*Дворец бывших правителей
Танджавура занимает
несколько кварталов*

— И поэтому вам приходится изучать теорию прибавочной стоимости?

— Но, вы знаете, она мне никак не дается. Чего-то я в ней не понимаю.

— Когда у человека треть такого огромного дворца, восемьдесят слуг и драгоценные камни, понять эту теорию ему трудно.

— Вы так думаете? — принц задумчиво посмотрел на дворцовые крыши.

С башни мы спустились в зал дурбара. Даже в запущенном состоянии он еще производил сильное впечатле-

ние. Высокий потолок поддерживали колонны, на стенах сохранилась роспись. Между колоннами были натянуты веревки, и на них висели рубашки, полотенца, дхоти. На узорчатом полу на циновках спали вповалку полицейские. Как выяснилось, это был полицейский отряд, обслуживающий выставку. Старший принц позволил им разместиться в зале дурбара. Пока мы ходили по залу, рассматривая полустертую роспись, откуда-то из-за колонн снова появился кланяющийся человек в длинном сюртуке.

— Принц, — тонким голосом запричитал он, — я не заметил, как вы ушли. Простите меня. Здесь я вас нашел.

— Не мешай нам, — буркнул принц, и человек в длинном сюртуке отошел от нас на несколько шагов, но потом продолжал полусогнутой тенью следовать за нами.

— Раньше меня сопровождало много слуг, — сказал Викрамасинг. — Теперь вот только двое. Второй где-то бездельничает.

— А разве вы один не в состоянии ходить по дворцу?

Принц удивленно поднял тонкие брови.

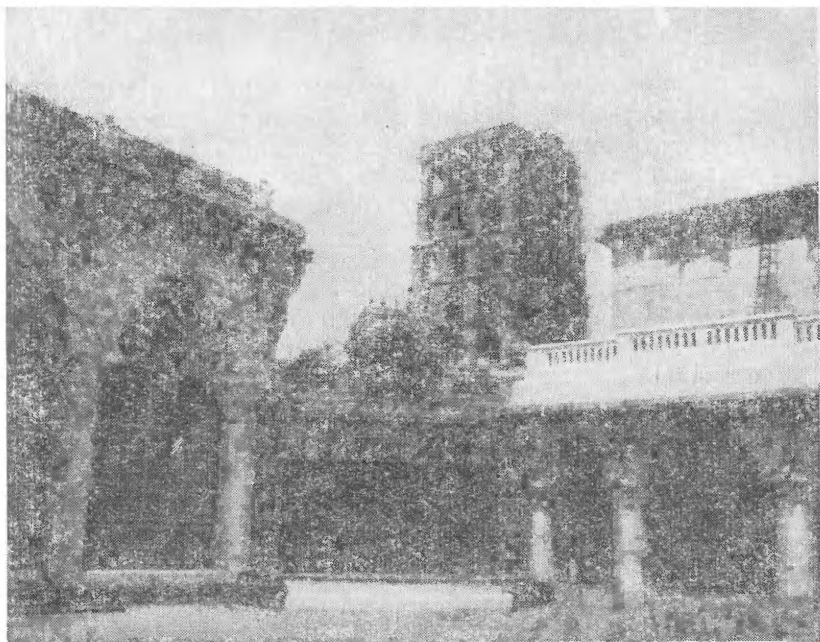
— А как же традиции? Должен же я отличаться чем-то от других?

— Мне кажется, это не обязательно.

— Но я ведь из королевской семьи...

Из зала дурбара мы прошли в павильон, где разместилась художественная выставка. Она на три четверти состояла из коллекции старшего принца. По стенам было развешано старинное маратхское оружие, стояли китайские фарфоровые вазы, в витринах лежали тонкие безделушки из пожелтевшей слоновой кости, музыкальные инструменты, резные раковины, причудливо выделанные кокосовые орехи. Служитель выставки угодливо согнулся перед принцем, а личный слуга принца надменно посмотрел на служителя и небрежным жестом отодвинул его в сторону. Принц чувствовал себя хозяином галереи. Люди, осматривавшие коллекции, почтительно расступались перед ним. Викрамасинг подходил к витринам, раскрывал их и брал все, что ему нравилось, оттуда.

— Вот, посмотрите, — говорил он, держа уникальную бронзовую фигурку Шивы в тонких пальцах, — это бронза периода Чолов. Мой отец — большой любитель вещей XI—XII веков. Если он видит что-либо подобное, он не жалеет денег. А вот здесь коллекция игральных карт. Ви-

Сторожевая башня дворца смотрит бойницами на город

дите, они сделаны из слоновой кости и кожи. Какой-то из этих комплектов был привезен из Европы в XVI веке. Только я не помню какой.

— Принц, — обратился к нему его «телохранитель», — вы прошли мимо статуи вашего предка.

— Ах да! — досадливо поморщился Викрамасинг. — Эта мраморная статуя изображает великого Серфоджи. Сфотографируйте ее.

Статуя, с моей точки зрения, не представляла никакой художественной ценности, и я отказалась ее снять, сославшись на недостаток света. Мы осмотрели всю коллекцию. Она была богатой и разнообразной.

— Вам нравится? — спросил принц.

— Очень, — искренне сказала я.

— Это еще не главное наше богатство, — принц покраснел от удовольствия. — Вы были в библиотеке «Сарасвати Махал»?

Я побывала в этой библиотеке перед тем как посетить апартаменты принца. «Сарасвати Махал» занимала одно из обширных дворцовых помещений. В ней находилась коллекция уникальных книг и рукописей, собранных правителями Танджавура на протяжении нескольких веков. Теперь «Сарасвати Махал» — публичная библиотека, находящаяся в ведении государства. Но принц по-прежнему считает ее неотъемлемой частью своего дворца. В прохладных низких залах библиотеки тихо. За столами сидят люди, погруженные в изучение редких книг и рукописей. На стенах библиотеки висят миниатюры — портреты правителей Танджавура из династии Шиваджи. В библиотеке до сих пор хранится архив маратхских правителей. На полках аккуратно разложены узкие сброшюрованные книжицы пальмовых рукописей. Самая ранняя из них относится к IX веку. «Сарасвати Махал» обладает богатейшим собранием старинных манускриптов на санскрите, маратхском языке, на телугу, тамильском, малаяли, каннада. Сорок тысяч рукописей! Цифра довольно внушительная. При библиотеке имеется штат научных сотрудников, обрабатывающих эти редчайшие манускрипты и готовящих их к публикации. Однако работа идет очень медленно.

— Не хватает квалифицированных работников, — пожаловался мне главный библиотекарь. — За все эти годы только 120 рукописей смогли увидеть свет. Остальные по-прежнему лежат нетронутыми в наших хранилищах.

У библиотеки я рассталась с младшим принцем.

— Приходите к нам, когда вернется старший принц, — сказал он и протянул мне слабую руку, унизанную драгоценными камнями.

Великий храм — главная достопримечательность Танджавура. Его почти шестидесятиметровая пирамида розоватого камня вознеслась над городскими улицами, над плоскими крышами домов, над дворцом бывших правителей. Вдоль внешней стены храма тянется крепостной ров, наполненный водой. На воротах надпись: «Наследственный попечитель раджа Рама Сахиб». Через ворота меня впустили в храм, при-

*Шестидесятиметровая пирамида
Великого храма возвышается
над Танджавуром*

дирчиво осведомившись, та ли я «европейская леди», о которой говорил младший принц. За воротами оказалась еще одна стена с контрфорсами и бастionsами. Мощный двор храма был пустынен. Под навесом лежал каменный священный бык — «нанди» с меланхолично-равнодушными продолговатыми глазами. С гопурама на меня смотрели боги с мягкими, жесткими и ироническими улыбками. Как будто я попала в заколдованный мир. Шум города сюда не доносился, а пирамида и двор, залитые ярким солнцем, принадлежали явно какому-то иному времени. Я обернулась и увидела вдоль парапета целую вереницу танцующих фигурок. Фигурки сгибались и разгибались в традиционных позах бхаратнатьям и, казалось, жили и дышали. Каждое их застывшее движение было исполнено изящества и экспрессии. Каждая из них замерла только на какое-то мгновение. Теперь я была уверена, что танцовщицы останавливаются только тогда, когда я смотрю на них. Стоит мне отвернуться, и они продолжают свой танец со стремительными движениями у меня за спиной. Я решила проверить, так ли это. Отвернувшись от парапета, я хотела подловить хоть одну обманщицу-фигурку. Какой-то шорох раздался у меня за спиной, и я поняла, что танцовщицы перешептываются и смеются на своем каменном парапете. Я быстро повернулась, и одна из них, не успев опустить ногу, замерла с растерянной улыбкой. «Сейчас, сейчас, — подумала я, — все равно кого-нибудь поймаю». Шорох стал более явственным.

— Нельзя поймать неуловимое, — неожиданно произнес чей-то голос. — Пусть танцуют. Они делают это уже много веков. Не старайтесь их выследить. Это еще никому не удавалось.

Передо мной стоял сухощавый немолодой жрец с брахманским узелком на затылке.

— Сколько лет стоит этот храм? — спросила я.

— Много, — сказал жрец и поднял на меня выцветшие глаза. — Вы слышали, наверное, о могущественной империи Чолов? — продолжал он. — Четыре века, с IX по XII, Танджавур был столицей империи. Каждый император стремился украсить этот город. Они строили дворцы, замки и красивые городские стены. Теперь все это — руины. А от некоторых сооружений не осталось и камня. Люди и время разрушили многое. Только этот

храм не тронули. Блистательный Раджараджа приказал воздвигнуть Великий храм. Его закончили в 1009 году. Две улицы были специально построены рядом с храмом. По указу Раджараджи там поселились 400 танцовщиц. Они танцевали в стиле бхаратнатьям. Потом наступили времена, когда люди забыли древнее искусство танца. Им было не до этого. Они много воевали, и храмы превратились в крепости. Великий храм был сильнейшей крепостью Юга. Но даже он не спас Танджавур от англичан. Маратхские правители забыли славу Чолов и могущество Виджаянагара. Они спасали свой дворец и свои богатства. Но англичанам не удалось добраться до сокровищ Великого храма. Императоры дарили храму золото, украшения, драгоценные камни, земли и деревни. Кое-что удалось сохранить и до сих пор.

Жрец проявил излишнюю скромность и осмотрительность, когда сказал, что сохранено «кое-что». Великий храм — один из богатых в Южной Индии. За его крепостной стеной, в его кладовых и подземельях, хранятся сокровища еще времен императоров Чолов. К сокровищам никого не допускают, и их никому не показывают. Ценности храму дарили не только цари династии Чола. Но и императоры Виджаянагара, наяки Мадураи и маратхские правители. До сих пор считается богоугодным делом делать подношения Великому храму. Правда, состав «дарителей» несколько изменился. Теперь это крупные дельцы Южной Индии и Танджавура, богатые помещики, отставные раджи и махараджи. Почитатели храма победнее тоже всегда что-то приносят сюда. Они опускают в специальные кружки смятые рупии, серебряные анны и медные пайсы. До аграрной реформы храм был владельцем крупных земельных угодий, и крестьяне, работавшие на этой земле, находились в полном распоряжении храмовой администрации. В общей сложности Великому храму принадлежало не менее тысячи акров плодороднейшей земли. Теперь, когда храмовые земли взяты под государственное управление, денежный доход с них все-таки продолжает поступать в казну храма. 500 тысяч рупий в год — доход, которым располагают жрецы Великого храма. Чистый доход несколько меньше, поскольку значительные суммы идут на содержание самого храма. Пирамида из розового камня, как и много лет назад, сосет деньги и ценности со всего округа.

Императоры династии Чола были покровителями искусства, танцев и музыки. Именно здесь, в Танджавуре, зародился особый тип музыки — карнатикский. Город до сих пор является ее центром. В храме, особенно в праздничные дни, можно услышать великолепные концерты карнатикской музыки в исполнении лучших южноиндийских музыкантов. Сухощавый жрец ведет под прохладные своды пирамиды. Здесь храмовые стены расписаны старинными фресками. Они исполнены в стиле фресок пещерных храмов Аджанты, и в них преобладают те же тона: коричневые, белые, желтые, зеленые. Краски слегка приглушены полумраком зала, но линия рисунка осталась четкой и выразительной. Застывшие в стремительном движении, похожие на летящих богинь танцующие девадаси, продолговатые глаза древних риши, или мудрецов, высокие тиары и надменно изогнутые губы императоров Чолов. Краска на некоторых фресках осыпалась и потускнела, но от этого рисунки приобрели свою особую, непередаваемую прелесть.

— Здесь почти все осталось таким же, как при императоре Раджарадже,—замечает жрец.—Переделано было очень немного. А фрески еще от тех времен. Но что мы знаем о тех временах? Что осталось от них? Удивительные фрески, статуи богов, Великий храм да девадаси, танцующие бхаратнатьям...

— По-моему, немало. А рукописи?

— Конечно, рукописи. Но многие из них до сих пор не прочитаны.

— Мне об этом говорил библиотекарь в «Сарасвати Махал».

— Но при чем здесь «Сарасвати Махал»? — удивляется жрец. — В Великом храме есть свои рукописи. Но они до сих пор не прочитаны.

Мы вновь выходим на пустынный храмовой двор.

— Вот, посмотрите, — жрец показывает на пирамиду гопурама, — вам ничего не кажется там странным?

Я поднимаю голову и медленно скольжу взглядом по каменным статуям. Стоп! Действительно, что-то необычное. Фигура человека в странной одежде. Черты лица жесткие, на плечи спадают длинные волосы. Ну, конечно! Это же европеец. Европеец на гопураме индийского храма X века. Откуда? И кто он? Я вопросительно смотрю на жреца. Но тот только разводит руками.

— Конечно, европеец, — отвечает он на мои мысли. — Но кто — неизвестно. Может быть, вы знаете европейского путешественника, который посетил Индию в IX или X веке?

Нет, я такого не знаю. Все известные европейские путешественники были в Индии гораздо позже.

— Империя Чолов, — в раздумье говорит жрец, — имела довольно тесные связи с Европой. При их дворе европейцы не были диковиной. Но кто они — пока неизвестно. И каким путем они попали в Индию в те времена, никто не знает.

Мы идем по двору храма, а европеец насмешливо и укоризненно смотрит с гопурама индийского храма мне вслед...

На следующий день Брагата, преподаватель колледжа Серфоджи, сказала мне:

— Не хотели бы вы посмотреть место, где жил крупный тамильский поэт и святой Тьягарайя? Мы обязаны ему карнатикской музыкой.

Я согласилась. День был уже на исходе, когда мы с Брагатой сели в автобус, идущий в одно из предместий Танджавура. Город быстро кончился, и мы ехали мимо рисовых полей, хижин, крытых пальмовыми листьями, мимо добротных помещичьих усадеб. Автобус останавливался в небольших городках с храмами и фортами. Солнце уже зашло, и небо на западе было окрашено в ярко-розовый цвет. Такого же цвета были воды реки Кавери, по берегу которой мы теперь ехали. На розовом небе чернели силуэты деревенских храмов и перистые листья кокосовых пальм. Наконец кондуктор объявил:

— Тирувайяру!

— Мы приехали, — сказала Брагата.

Было уже темно. От небольшой городской площади, где остановился автобус, тянулись узкие, плохо освещенные улицы. Возница тонги, запряженной быками, спросил нас, куда нам нужно.

— К Тьягарайе, — сказала Брагата.

Возница кивнул в знак согласия и жестом показал на тонгу, приглашая садиться. Быки тронули с места и медленно зашагали, тонга закачалась, как на мелкой волне, и все двинулось куда-то в темноту. И только над нашими головами шумели раскачиваемые ветром кроны кокосовых пальм, и по их листьям прыгал молодой

месяц. Через полчаса впереди мелькнул огонек, потом еще раз. Сквозь деревья мы увидели освещенное одноэтажное здание.

— Приехали, — сказал возница.

Здание было сооружено над могилой Тьягарайи, известного музыканта и святого. Мы вошли в помещение. По стенам довольно просторного зала висели мраморные доски с текстами песен и священных гимнов Тьягарайи. Тут же стояли статуи богов, среди которых выделялась фигура Рамы. Музыкант особенно чтит его. Рассказывают, что Тьягарайя до зрелого возраста не интересовался поэзией, хотя и с удовольствием слушал музыку. Потом случилось так, что у него умерла дочь, а через некоторое время — и жена. Тьягарайя очень тяжело переживал свое горе. Он ходил на берег маленькой речушки, около его городка, и часами сидел, смотря на медленно текущие воды. Там у него и созрело решение уйти от мира и стать отшельником. Тьягарайя бросил дом и поселился в уединенном месте. Долгие часы одиночества и размышлений сделали его восприимчивым к красотам природы. Он обнаружил, что деревья и река, у которых он поселился, все время звучат, и в этих звуках уловил какую-то внутреннюю гармонию. Так появились его первые песни, созданные в своеобразной манере карнатикской музыки. Позже он стал сочинять гимны в честь Рамы. Окрестные жители приходили его слушать, и слава об отшельнике, поэте и музыканте разнеслась по всему округу. Через несколько лет о Тьягарайе уже знали повсюду в Тамилнаде. Люди из самых отдаленных мест приезжали его послушать. И до сих пор каждый январь в родном городке Тьягарайи устраиваются музыкальные фестивали, на которых исполняются прекрасные и печальные песни отшельника.

Во втором зале находилась могила Тьягарайи, над которой был сооружен алтарь. Центральную часть алтаря занимала бронзовая фигура музыканта, смотрящего грустными и пронизательными глазами куда-то вдаль. Перед статуей горел масляный светильник. У алтаря к нам подошел молодой парень в одежде жреца.

— Вы такие поздние посетители, — сказал он нам, — наверно, очень интересуетесь Тьягарайей.

— Да, — подвердила я.

— Я его правнук и главный жрец этого мандира.

Сюда приходит много людей поклониться святому поэту, и я совершаю молитву перед его статуей.

«Они поклоняются поэту и музыканту, как богу», — подумала я. Жрец, казалось, прочел мои мысли.

— Да, люди поклоняются Тьягарайе, как богу. Ибо человек может быть богом и всегда достоин поклонения. Если, конечно, он сделал что-то хорошее для людей.

— Значит, индусские боги тоже были людьми? — спросила я жреца.

— Вы совершенно правы, — ответил он. — Боги были тоже людьми. Только они развили у себя несколько необычные способности. И Кришна и Рама жили среди людей, и в их появлении в мире нет ничего странного.

По правде сказать, я не ожидала от жреца таких высказываний. Действительно, индуизм очень сложная религия. Ее боги продолжают появляться, одни умерли недавно, другие — современники. «Человек может быть богом», — сказал жрец. Не каждый атеист решится на такую интерпретацию. Но ведь жрец был правнуком бога... Он проводил нас до тонги и сказал на прощание:

— Приезжайте еще. На следующей неделе я совершу пуджу перед Тьягарайей.

— Разве это так необходимо — пуджа? — поддела я жреца.

— Необходимо, — улыбнулся он. — Ведь невежественные люди могут приобщиться к тому высокому, что было в Тьягарайе, только через пуджу.

— А вы не пробовали сделать это иначе? — поинтересовалась я.

— Зачем? Наши традиции освящены тысячелетиями. Иначе не нужны были бы брахманы. Ведь мы посредники между богами и людьми.

Теперь передо мной был настоящий индусский жрец, «пастырь» невежественных людей, низших каст. Личность странная и противоречивая, как и сам индуизм.

И снова тонга повезла нас в темноту от светящегося в ночи храма, где главным богом был музыкант и поэт.

На следующий день я уехала из Танджавура. Мне было жалко расставаться с ним. Автобус запылил по шоссе, ведущему к Мадрасу, а там, позади, остались младший принц в своем пыльном «королевстве», веселые танцовщицы на Великом храме и печальный поэт в пустынном зале с мраморными досками его песен...

Бог в розовом пеньюаре.
Ашрам-коммуна. Город
рассвета

В небольшой полутемной комнате, куда вели крутые ступени, утопая худым телом в мягком кресле, сидел бог в розовом пеньюаре. Он предстал перед Мэри в образе довольно пожилой дамы французского происхождения. Даму здесь все звали матерью, а в книгах, которые выходили в этом приморском городке, слово «мать» писали с большой буквы. Мэри замешкалась у входа и смущенно стала теревить цветы, которые ей вручили у лестницы с крутыми ступенями. Бог поднял выцветшие глаза, и Мэри показалось, что розоватый отсвет пеньюара странно изменил их цвет. Она неловко поклонилась и протянула матери-богу цветы. Бог протянул ей молча руку и коснулся сухими холодными ладонями рук Мэри. Теперь владелица розового пеньюара пристально смотрела девушке в глаза. Это было утомительно и неприятно. Но Мэри не отвела взгляда и стала рассматривать сидящую перед ней женщину с репутацией бога. Лицо знаменитой матери — главы ашрама Пондишери — было цвета старинной пергаментной бумаги, а сквозь редкие тонкие волосы на голове просвечивала сухая, старческая кожа. От долгого глядения в глаза матери голова Мэри стала пустой, и она забыла то, о чем хотела спросить, когда ехала сюда. Она собрала всю свою волю и вспомнила какой-то вопрос, хотя и не главный. Облизнув пересохшие губы, Мэри задала его. Бог заговорил глуховатым голосом, медленно, со значением выговаривая слова:

— Я не говорю. Все, что нужно, ты почувствуешь в своем сердце.

Мэри вдруг почему-то стало жалко времени, потраченного на поездку в этот странный ашрам. «Бог называется! — сердито подумала она про себя, — разговаривать не хочет». Но бог-мать не обратила внимания на ее мысли, хотя Мэри и предупреждали, что глава ашрама читает их свободно, как книги на французском языке.

— Я дам тебе благословение, — вновь раздался глуховатый голос.

«Мне нужно поговорить об Ауробиндо Гхоше и його, — подумала Мэри. — А что я буду делать с благословением? Стоило так волноваться перед этой встречей».

Дама в розовом пеньюаре протянула Мэри сухие старческие ладони и взяла ее руки.

— Иди, — сказала она. — Я благословляю тебя.

Мэри поднялась и с чувством недоумения и разочарования направилась к выходу. Она забыла даже сказать «до свидания».

У крутой лестницы ее ждали люди в белых свободных одеждах. Они надели ей на шею гирлянду из розовых лепестков. Мэри усмехнулась, вспомнив, как она торопилась из Мадраса в Пондишери с телеграммой из ашрама. В телеграмме был указан день и час, когда мать согласилась ее принять.

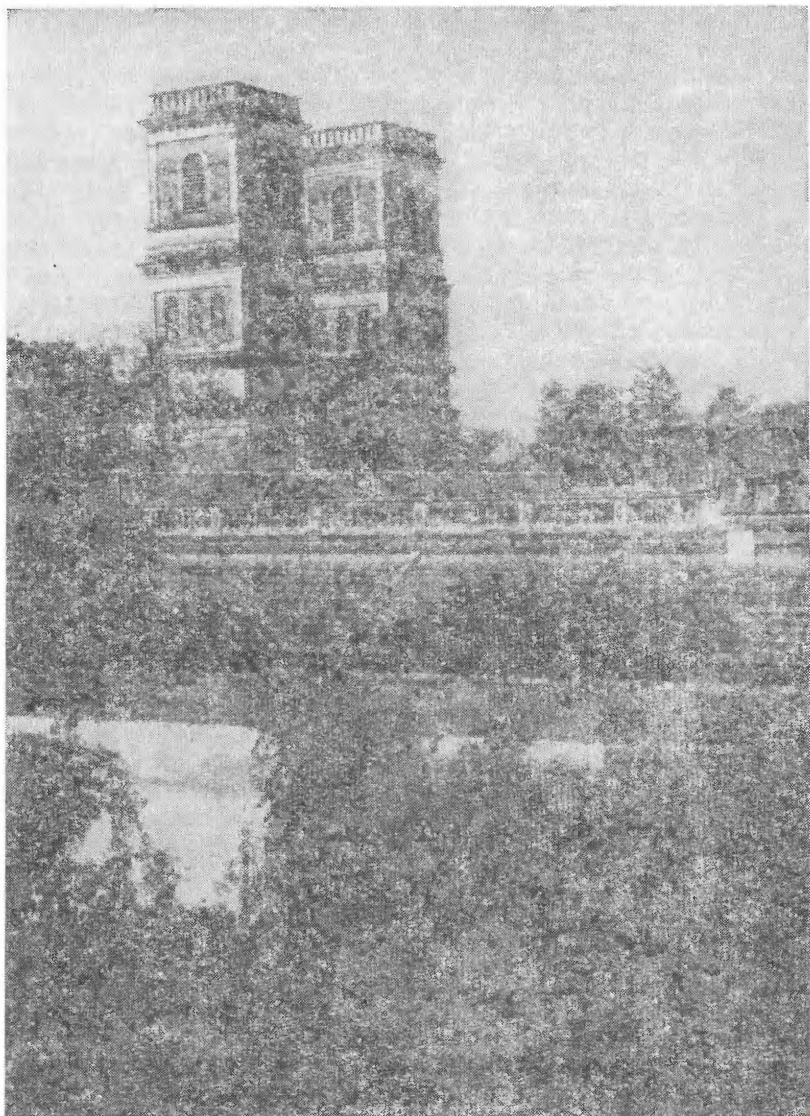
Когда я узнала об этом, то уже не завидовала Мэри, преподавательнице английского языка в одном из мадрасских колледжей. Я решила не просить об аудиенции, которая давала только благословение. Но ашрам продолжал по-прежнему интересоваться мной, потому что он был несколько необычным даже для этой страны храмов, святых, обителей и йогов.

Всего-навсего 160 километров от Мадраса, и вы попадаете в другой мир — в бывшую французскую Индию. Город Пондишери и небольшая территория вокруг него — это все, что осталось французам после длительной и малоудачной борьбы с Англией за обладание далекой и сказочной Индией. В этом городе рикши обращаются к вам на французском языке, полицейские носят синие каскетки французских ажанов, а в тропическое небо вонзаются готические шпили католических церквей и соборов. В 1954 году Пондишери официально получил независимость и был присоединен к Индии. Но до сих пор консульство с трехцветным французским флагом на флагштоке играет немаловажную роль в городских делах. От Мадраса до Пондишери ходит рейсовый автобус четыре раза в день. Город начинается хижинами, домами с плоскими крышами, узкими улочками, засаженными кокосовыми пальмами. Это индийская часть Пондишери, его «черный город». Французский Пондишери, или европейская его часть, с широкими улицами и бульварами, расположился на берегу океана. Океанский бриз свободно гуляет по улицам Дебюсси и Дюма, по улицам Капуцинов и Ксавье, по улицам Капитана Мариуса и Дюпле. Он врывается в уютные чистые дворики, затянутые плю-

щом и засаженные яркими тропическими цветами, треплет подола монашеских ряс, надувает тенты кафе, где столики стоят прямо на тротуаре, пробует голос в старинной башне и старается сбросить надтреснутый алебастровый угол герба с королевскими лилиями. Бриз поднимает океанскую волну и швыряет соленые капли на бронзовую фигуру командора Дюпле в завитом бронзовом парике, сыплет горсти кораллового песка на круглую башню маяка и на лежащие у кромки прибоя рыбацкие лодки. Он покачивает на волне пароход с белоснежными палубными надстройками, единственное судно на рейде, и гонит стаи кричащих чаек к пустынным причалам пондишерийской гавани. Редкие прохожие куда-то медленно бредут по своим, одним им нужным делам. Изредка прогрохочет автобус или, шурша велосипедными шинами, проедет рикша. И снова сонная тишина накрывает рю и готические шпили соборов. Только бриз не унимаясь звучит над городом, покинутым своими бывшими хозяевами.

По вечерам над этой частью города плывет колокольный звон и, смешиваясь с шумом прибоя, теряется в пустынных, скупо освещенных улицах. В домах зажигаются огни и желтыми квадратами оконных переплетов ложатся на чисто подметенные тротуары. Главная улица — рю Дюпле — оживает на какой-то момент, нарушая скуку и тишину провинциального французского города. На ней вспыхивает длинная вереница фонарей, уходящая своими зеленоватыми огнями куда-то в розовый закат. Поднимаются жалюзи магазинов, а жители выносят стулья на тротуар и занимают на весь вечер наблюдательные посты. Французы, по каким-то соображениям не уехавшие из Пондишери, помахивая тросточками прошлого века, степенно бредут по улице, изредка заигрывают со встречными девушками и, наконец, оседают в ресторанах, редко разбросанных по городу. В ресторане они потягивают холодное пиво, нехотя, сквозь зубы бросают ничего не значащие фразы соседу по столику, лениво следят за стремительными движениями золотых рыбок в зеленоватой воде ресторанного аквариума и время от времени делают знак рукой пожилой француженке, хозяйке ресторана, которая в ожидании заказов и гостей вяжет извечный шерстяной чулок.

Город засыпает рано, и только на прибрежной полосе

*Католический собор
в Пондишери*

продолжают возиться с лодками и сетями рыбаки да изредка раздается пьяная песня загрузивших в этом тихом и скучном городе матросов с единственного корабля на пондишерийском рейде. Но тем не менее Пондишери — город необычный. Вперемежку с городскими зданиями вы увидите там дома, выкрашенные в розовый и серый цвет. Это уже не Пондишери, это ашрам. Город в городе. Его здания занимают не менее трети Пондишери. Ашрам — организация автономная, не подлежащая городской юрисдикции.

Мимо глухой каменной стены, из-за которой видны пышные кроны деревьев, я иду к небольшой калитке. Нигде не видно ни надписей, ни вывесок. Я осторожно открываю калитку и по узкой мощеной дорожке вхожу в дом. На одной из дверей написано: «Приемная». Я толкаю дверь и оказываюсь нос к носу с молодым человеком.

— Произведения матери кончились! — кричит он. — Приемная закрывается! Могила Ауробиндо — по коридору прямо, выйти в сад и налево!

— Подождите, — говорю я. — Я ничего не понимаю.

— А здесь и понимать нечего! — снова кричит он. И смотрит на меня злыми, раздраженными глазами. — Целый день идут посетители, и я должен отвечать на их дурацкие вопросы. Что вы стоите? — набрасывается он на меня вновь. — Я же сказал, ашрам закрывается. Мать не принимает, а могила Ауробиндо прямо по коридору...

— А кого-нибудь из ашрама, кроме вас, я могла бы увидеть?

Молодой человек делает прыжок в мою сторону.

— Я же вам сказал, суббота и воскресенье — в ашраме выходные дни!

Я осторожно прикрываю за собой дверь и с облегчением покидаю разбушевавшегося клерка.

На следующий день в отеле «Континенталь» меня нашли мои пондишерийские друзья.

— Ашрам? — недоверчиво переспросила я. — Нет, я подожду. Если в приемной меня только обругали, то в ашраме могут побить.

Мистер Гупта, член знаменитого ашрама, удивленно посмотрел на меня сквозь толстые стекла очков и молча покинул мой номер. С кем он говорил и о чем, я не знаю. Только клерка из приемной я уже не видела, а ашрам

гостеприимно распахнул передо мной двери. Но об ашраме лучше рассказать по порядку.

В 1872 году в семье калькуттского адвоката родился мальчик, которого назвали Ауробиндо. Ауробиндо Гхош. Когда ему исполнилось 7 лет, его вместе с двумя младшими братьями отправили учиться в Англию. Там он прожил 14 лет и окончил Кембриджский университет. Еще в Лондоне он встретился с махараджей Бароды, понравился ему и по возвращении в Индию был взят к нему на службу. В Бароде он провел 13 лет. Сначала работал в налоговом департаменте, а потом преподавал английский язык в Бародском колледже. Уже там в полной мере проявился его интерес к философии и к древней индийской культуре. В то же время его волновали судьбы родины и ее угнетенное положение. Когда в 1905 году по указу лорда Керзона был разделен Бенгал и вспыхнуло движение протеста, положившее начало подъему национально-освободительной борьбы, Ауробиндо Гхош покинул Бароду и присоединился к движению. Мы знаем Ауробиндо Гхоша прежде всего как лидера национально-освободительного движения. В Бенгале он вступил в партию Индийский национальный конгресс и примкнул к его радикальному крылу, к так называемым экстремистам. Он активно участвовал в бойкоте английских товаров, английских учреждений и колледжей. Под его редакцией выходила газета «Банде Матарам». Гхош стремился превратить умеренный Национальный конгресс в центр борьбы за подлинную независимость Индии. Он был председателем Конгресса на его суратской сессии в 1907 году, когда в результате острой борьбы произошел раскол партии и экстремисты, сторонники боевых действий, были вынуждены покинуть ряды Национального конгресса. В 1908 году Ауробиндо Гхош и некоторые его сторонники были арестованы и посажены в тюрьму в Алипуре. Там ему пришлось просидеть целый год. В тюрьме Гхош изучал языки и начал практиковать йогу, которая впоследствии резко изменила его путь. Когда через год Ауробиндо вышел из тюрьмы, в национальном движении царили депрессия, растерянность и разочарование. Гхош тоже поддался этим чувствам.

В 1910 году он вынужден был бежать из Британской Индии в Пондишери. В то время французская колония

охотно предоставляла убежище тем, кто боролся против английского господства. В Пондишери Гхош чувствовал себя временным гостем и не оставлял надежды вернуться в Бенгал к активной политической деятельности. Однако дни и месяцы вынужденного безделья вновь заставили его заняться йогой. И чем больше он это делал, тем меньшее место в его мыслях и поступках занимала политика. И наконец, он вовсе перестал ею интересоваться. Он стал считать йогу единственным путем к освобождению. Но философию йоги он переосмыслил по-своему. Оригинальность мыслей и аскетический образ жизни привлекли к нему внимание. Его стали называть «святым», и у него появились ученики. Если есть учитель и ученики, то возникает ашрам. Так произошло и в Пондишери.

Ауробиндо Гхош не был обычным учителем в традиционном индусском смысле. Занимаясь много практической йогой, он в то же время пытался осмыслить эту философию и творчески ее познать. Он обнаружил, что большинство путей, которые ведут к так называемому «освобождению», уводят человека от реальности и изолированы от жизни. «А что если, — размышлял Ауробиндо, — все достижения йоги поставить на службу человеку?» Йога должна перестать быть уделом аскетов и святых, пытающихся достичь освобождения души, решил он. В учении йоги есть немало сторон, которые помогут человеку стать лучше, разовьют в нем высокие качества и способности. Тогда, возможно, и сама жизнь станет лучше. Стоит попробовать. Та сила, которую дает йога человеку, может быть использована для перестройки жизни. И он смело отмел некоторые канонизированные положения индуизма и буддизма. «Мир не является иллюзией, — писал он, — откуда душа стремится к небесам или нирване. Мир — это сцена духовной эволюции человека, посредством которой материальное несознание превращается в божественное сознание». Нужно ли пугаться слова «божественный»? Вряд ли. У Ауробиндо была своя терминология, которая соответствовала тогдашнему уровню знаний и науки. «Божественное» сознание он отождествлял с совершенным сознанием человека, стоящего на высокой ступени эволюции. Внутренние возможности человеческого духа очень велики, утверждал он. Надо только открыть эти возможности, тогда появятся

новые пути к познанию прекрасного, гармонии, силы и знаний. Он считал, что управлять этими возможностями помогает йога. Йога учит человека, писал он, контролировать свое тело и его нужды, помогает ему избавиться от дурных наклонностей и низменных инстинктов, преодолеть такие чувства, как ненависть, зависть, ревность, жадность, эгоизм.

Самостоятельный путь йоги труден и долог, размышлял Гхош. Для того чтобы его пройти, необходим наставник, помогающий человеку преодолеть сложности этого пути. Но наставник должен стоять на более высокой ступени эволюции. И Гхош стал развивать в себе соответствующие качества. Он старался быть равным со всеми, стремился понять и почувствовать страдание и горе людей, часто отказывал себе в необходимом. Своим учением он не содействовал старой религии, его философия не создавала и новой. Мысли Гхоша были поглощены иной целью. Человек должен стать совершенным, насколько позволяют ему условия данной эпохи. Человек может стать богом, и нет бога, кроме человека. Условия... Он не был законченным идеалистом и понимал, сколько значат материальные условия для развития сознания. Он знал, что существующий строй ничего общего не имеет с искомым совершенством. Однако Ауробиндо Гхош не представлял себе, как можно изменить этот строй. И он решил создать иные материальные условия на небольшой территории ашрама в Пондишери. Он начал свой эксперимент, и границы его пролегли по каменной изгороди ашрама. Так возник ашрам-коммуна.

А в это время в далекой России бушевала великая революция. Один строй сменился другим. Гхош с волнением следил за всем, что происходило в России. Бывший экстремист, а теперь наставник йогов, он не был согласен с некоторыми методами этой ломки. Но он считал, что там, за Гималаями, живут люди, родственные ему по духу, ибо ими движет та же цель — сделать человека выше и счастливее. И поэтому советские люди всегда почетные гости ашрама. Советские делегации, советские журналисты, советские гимнасты, советские дипломаты, советские книги, советские фильмы, курсы русского языка, горстка советской земли при закладке будущего города Ауровилля.

У Ауробиндо Гхоша нашлось в Индии немало единомышленников. Они помогали ему создавать ашрам-коммуны своим трудом и своими деньгами. Последние 25 лет Ауробиндо Гхош провел в полной неподвижности. Эта неподвижность, согласно учению йоги, дала ему возможность достигнуть высокой ступени. Говорят, он обладал многими удивительными качествами, и в частности владел в совершенстве искусством телепатии.

Основатель ашрама-коммуны умер в 1950 году, и главой ашрама стала француженка, мадам Мира Алфасса. Она и была тем богом в розовом пенюаре, перед которым однажды предстала Мэри. Почему именно богом? Ауробиндо Гхош считал, что именно в мадам Алфасса сосредоточена та «божественная» сила, которая поднимает сознание человека на более высокую ступень. «Божественная мать, — писал он, — есть сознание и сила божественного, которая является матерью всего». Мать, или мадам Алфасса, была, по мнению Гхоша, одной из форм бога. В своей сути учение Ауробиндо не было мистическим. Но слова и терминология, которые он использовал для объяснения вещей и явлений, реально существующих, помогли некоторым создать мистический занавес над его учением и деятельностью ашрама. Иглава ашрама немало постаралась в этом отношении. Она ввела ритуал благословений, писала и сочиняла молитвы, создала культ Ауробиндо Гхоша, окружила непроницаемой тайной свои занятия йогой и свою деятельность как наставника. Она организовала своеобразную иерархию в ашраме, которая в определенной мере противоречит проповедуемой Гхошем идее равенства. На самом верху этой иерархии стоит сама мадам Алфасса, окруженная небольшим числом учеников и приближенных. Практика йоги играет основную роль в их жизни. Их настоящие имена неизвестны. Среди них есть немало европейцев. Предполагается, что они ведут аскетический образ жизни, не курят, не пьют и не занимаются политикой. Однако мне говорили, что имеются отклонения от этих правил ашрама. На ступень ниже этой верхушки стоят остальные члены ашрама, которые пользуются материальными привилегиями и занимают определенное общественное место. Самая низкая ступень — это Общество Ауробиндо Гхоша, вступить в которое может каждый, поддерживающий идеи основателя ашрама.

Однако не каждый из общества может попасть в члены ашрама. Эта иерархия существует несколько десятков лет, и ее границы свято оберегаются.

Нужно сказать, что теперешняя глава ашрама проявила в свое время большие организаторские и коммерческие способности. Мадам Алфасса — человек, вне всякого сомнения, незаурядный. Она неплохой музыкант. Ее рисунки привлекают своей необычностью и смелостью. Ее стихи и небольшие новеллы изящны по стилю и глубоки по содержанию. Ее умению чувствовать прекрасное и показать другим это прекрасное можно позавидовать. Она родилась в Париже в 1878 году. Говорят, в детстве она была необычным ребенком и некоторые ее способности проявлялись еще тогда. В молодости она сочувствовала революционному движению и была связана с некоторыми русскими эмигрантами — участниками революции 1905 года. Дочь состоятельных родителей (отец ее был банкиром), она довольно рано порвала со своей семьей. Судьба сначала забросила ее в Африку, в Танжер, затем она приехала в 1914 году в Пондишери. Здесь она познакомилась с Ауробиндо Гхошем и стала его единомышленницей. Когда началась первая мировая война, ей пришлось уехать во Францию. Через пять лет, в 1920 году, она вновь вернулась в Пондишери и с тех пор не покидала его.

Любой гость ашрама в первую очередь хочет видеть ее и познакомиться с ней. Я не была исключением. Когда я сказала об этом секретарю Общества Ауробиндо Гхоша, он впал в задумчивость.

— Видите ли, в чем дело, — начал он, — мать сейчас нездорова. И вообще она почти не говорит. А ваши мысли прочтет как по книге.

«Лучше не надо, — подумала я. — Пусть лучше мои мысли останутся непрочитанными». Я застеснялась и не настаивала на встрече.

— Ну, а что вас еще интересует? — заметив мое замешательство, спросил секретарь.

— Вы, например.

Теперь смутился секретарь.

— Нет, — сказал он. — Уж лучше я вам расскажу о матери. Что вы о ней знаете?

— Пока ничего.

— Мать — самая великая среди нас йога, — сказал

он. — Она контактирует со своими учениками на расстоянии.

— Телепатия? — спросила я.

— Да, да, — закивал секретарь головой. — Ведь Ауробиндо считает телепатию более совершенной связью, чем язык. Он писал, что со временем, в процессе дальнейшей эволюции, человечество перейдет на телепатическую связь.

— А что она еще умеет делать?

— Передвигать вещи.

— Телекинез?

— Можно и так назвать.

— Вот бы посмотреть... — мечтательно сказала я.

— Как же вы посмотрите, — неожиданно взглянул на меня в упор секретарь, — когда вы только и думаете о своем шестичасовом автобусе. Побудьте еще день. Я вас отвезу на своей машине в Мадрас, и вы не опоздаете к занятиям в университете.

Я потрянула головой, сбрасывая наваждение. Секретарь ничего не знал о моих планах, и я не сказала ему, на сколько дней приехала. О шестичасовом автобусе я думала по-русски. О занятиях — тоже.

— Ну, так как же насчет того, чтобы посмотреть? — хитро улыбнулся он.

— Спасибо, я уже...

— Что уже? — не понял он.

— Посмотрела...

Секретаря звали Наваджата, что значит «новорожденный». Такое имя дала ему мать. Он входил в узкий круг ее учеников, жил в ашраме и в свободное время занимался делами Общества Ауробиндо Гхоша. Когда-то у него было другое имя и другое занятие. Может быть, в Бомбее до сих пор помнят одного из крупных бизнесменов, владельца фабрики, киностудии и большого магазина. Его доходы исчислялись миллионами рупий. У него были автомобили, комфортабельный особняк на Малабарском холме, загородная вилла в Джуху и благосклонность кинозвезд. У него было все, что мог предоставить в его распоряжение веселый, падкий на развлечения Бомбей. Не было одного — душевного равновесия. Внутренний мир человека очень сложен. Он сложен и у бизнесмена, и у ученого, и у простого кули. Какими путями шла мысль Наваджаты в этом сложном

мире — сказать трудно. Об этом периоде своей жизни он говорит очень скупо.

— Я думал, в чем смысл жизни, — рассказывает он. — В деньгах? Но деньги приходят и уходят. Иногда их много, иногда мало. Смысла явно в них не было. Может быть, смысл таился в том, что они давали мне? В комфорте, в автомобиле последней марки, в смазливой кинозвезде? Но среди этого я иногда терял свое человеческое достоинство и чувствовал себя несчастным. Значит, в этом тоже не было смысла. Иногда мне казалось, что я нахожу этот смысл. Но когда винные пары улетучивались, я снова терял его. В поисках смысла жизни я утратил вкус к самой жизни. Я перестал вести дела как следует, неделями не брился, ссорился с подчиненными и бил очередную любовницу. Один из моих друзей посоветовал мне съездить в пондишерийский ашрам. Я долго не мог собраться. «При чем тут ашрам? — думал я. — В святые я не собираюсь». А потом все-таки решил поехать. Попытка — не пытка. Что я терял? Несколько дней? Но у меня их было много. Однако в ашраме я задержался на месяц. И понял главное. Смысл жизни.

— Так в чем же он для вас состоит, Наваджата? — спросила я.

— Сделать себя и других лучше. Пусть все будут равны — если не материально, то психологически.

— Психологическим равенством сыт не будешь.

— Да, конечно. Но тут что-то надо делать. Что, я пока не знаю. Ауробиндо тоже себе этого ясно не представлял.

Наваджата не вернулся в Бомбей. Через своих посредников он ликвидировал дело, а капитал — 27 миллионов рупий — перевел на счет ашрама. Могут сказать, что Наваджата или лицемер, или безнадежный идеалист. Не знаю. Я не смогла прочесть его мыслей. Но факт отказа от огромного состояния остается фактом. Я ничего не могу добавить к этому.

— Вы видели Амбу? — спросили меня в ашраме. — Нет еще? Обязательно с ним познакомьтесь. Не пожалеете.

— Кто такой Амбу? И имя какое-то странное.

— Так назвала его мать. Амбу — один из наших лучших экспертов по гимнастике йоги.

Домик Амбу я нашла на тихой зеленой улице. Двор перед домиком был вымощен асфальтом, а на асфальте стояло несколько велосипедов. Мне не пришлось стучаться в дом. Как только я вошла во двор, на пороге появился гибкий юноша в набедренной повязке и, тряхнув густой шапкой волос, спадавших на плечи, изящно поклонился.

— Амбу, — просто сказал он. — Входите.

Я увидела его глаза и поняла, что этот человек жил больше, чем я предполагала.

— Сколько вам лет? — спросила я его.

— Пятьдесят пять.

Я еще раз оглядела его фигуру и с сомнением покачала головой.

— Правда, пятьдесят пять, — улыбнулся он. — Почему вы не верите?

— Я приняла вас за юношу, — сказала я.

— А, это! Но ведь я всю жизнь занимаюсь гимнастикой йоги, а она не дает телу стареть. Кроме этого живу я беззаботно, занимаюсь любимым делом, а это всегда позволяет сохранить молодость не только тела, но и души.

— Значит, вы здесь вполне счастливы?

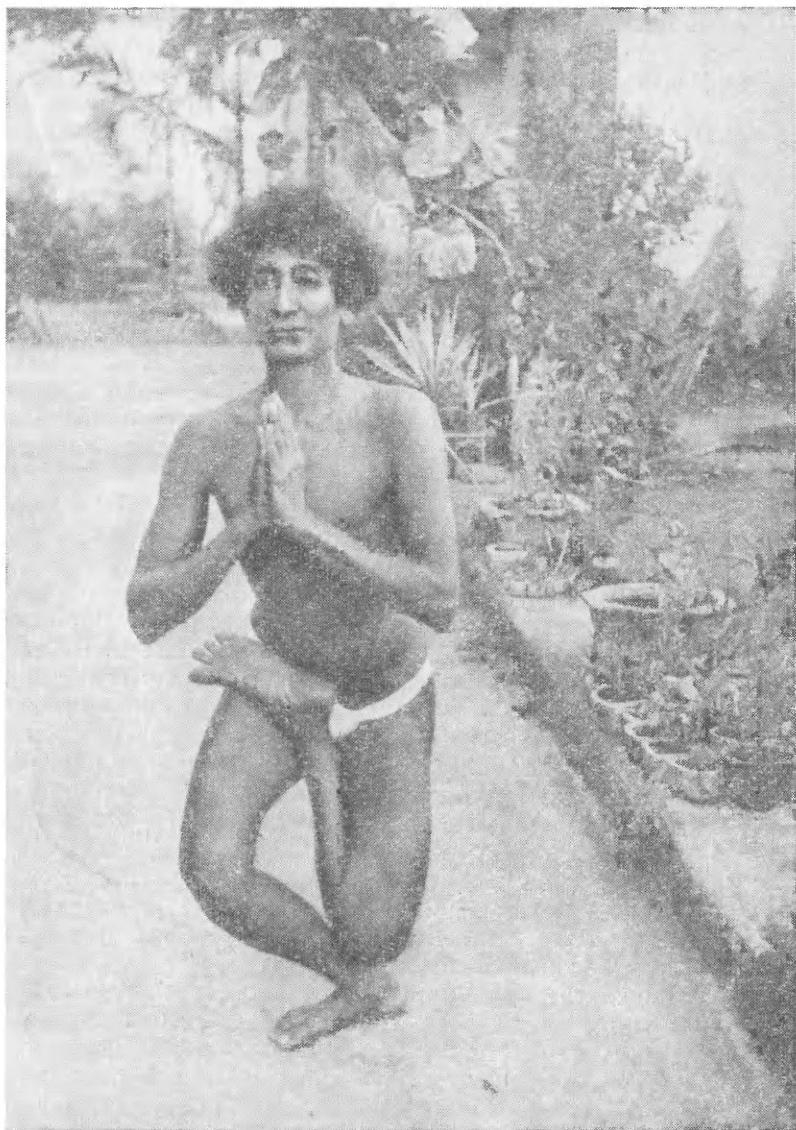
— Да, да! — подтвердил Амбу. — Я чувствую себя счастливым и богатым уже потому, что могу делать других счастливыми и приносить им радость.

— Каким образом вы приносите им радость?

— Вы знаете, — сказал Амбу, беря меня доверительно за руку, — гимнастика йоги приносит людям радость. Она делает ваше тело здоровым, подвижным и выносливым. А это всегда радостно сознавать. Человек, занимающийся такой гимнастикой, всегда сохраняет ровное, хорошее настроение, не раздражается и относится к другим, даже малознакомым людям, как к своим друзьям. Ведь вы тоже хотите этого, не так ли? Иначе зачем бы вы ко мне пришли.

— Я пришла, к сожалению, не за этим. Просто мне захотелось с вами познакомиться.

— И это можно, — улыбнулся Амбу, обнажив ровный ряд крепких белых зубов. — Только я вам советую все-таки заняться этой гимнастикой. Не сейчас, но когда-нибудь. Вы увидите сами, что это такое. Но что же мы здесь стоим? Войдите ко мне в дом.

*Амбу начинает упражнения
гимнастики йоги*

Я вошла. В доме оказалась маленькая полутемная прихожая, откуда я попала в просторную светлую комнату. По стенам комнаты висели старинные миниатюры и стояли стеклянные шкафы, сплошь заполненные небольшими по размеру бронзовыми статуэтками. Комната напоминала собой музей.

— Здесь моя коллекция индийской бронзы, — Амбу сделал гибкое движение в сторону шкафов. — Я собираю бронзу вот уже несколько десятков лет. Мне нравится выразительная лаконичность этих фигурок. Среди них есть очень редкие экземпляры, выполненные древними мастерами Индии. Посмотрите на этого танцующего Шиву. Что вы скажете о нем?

Действительно, статуэтка была великолепной. Казалось, бронзовое тело Шивы жило, двигалось и дышало. Изящный и стремительный изгиб его четырех рук создавал иллюзию танцевального вихря.

— Эту фигурку сделали в XIII веке. Мастера и художники того времени прекрасно знали человеческое тело и умели показать его красоту.

Он вел меня от шкафа к шкафу, бережно доставал бронзовые фигурки и объяснял, почему они ему нравятся и как ему удалось их достать. Коллекция бронзы была первоклассной. Амбу прекрасно разбирался в старинном искусстве, но делал это как-то легко, между прочим.

— Своих учеников, — говорил он, — я учу не только гимнастике, но и пониманию художественных произведений. Они сознательно должны постигнуть красоту и совершенство человеческого тела, а искусство им в этом помогает.

Вскоре я поняла, что Амбу не был просто учителем гимнастики. В нем было что-то большее. И это большее придавало его мыслям и поступкам своеобразную законченность и особый смысл.

Я еще раз удивилась, когда узнала, что Амбу не учился ни в школе, ни в университете. Он был порядочным лентяем в детстве, по его собственной характеристике. В 15 лет он сбежал из дому и бродил по стране. Он перебивался нищенством и случайным заработком. Бродяжничал Амбу три года. Спал на тротуарах и вокзалах больших городов, находил временный приют в деревнях, подолгу жил в лесу в полном уединении и питался всем, что попадало под руку. Восемнадцатилетним

юношей он пришел в Пондишери. У ворот ашрама он попросил поесть. Его впустили и накормили. Мать, проходившая по двору ашрама, случайно его заметила.

— Тебе здесь нравится? — спросила она его.

Амбу, дожевывая банан, утвердительно кивнул.

— Можешь здесь остаться, — сказала мать.

Он тогда не знал, кто она.

— Нет, — ответил Амбу. — Я здесь только немного поживу, а потом пойду дальше.

Он немного пожил, но дальше не пошел. В ашраме он занялся гимнастикой йоги и остался в Пондишери.

Мы сидим на циновке, постланной посередине комнаты. Я слушаю рассказ Амбу и наблюдаю за его движениями. Эти движения гибки, свободны и изящны.

— В гимнастике йоги, — объясняет Амбу, — огромную роль, если не главную, играет дыхание и кровообращение. Теперь я могу контролировать и то и другое. Я знаю, как циркулирует кровь, какие сосуды наполняются, и чувствую давление крови в них.

Он легко поднимается с циновки, подходит к окну и закрывает его.

— Я хочу вам показать кое-что. А движение воздуха мне будет мешать. Поэтому я закрыл окно. Элементарные упражнения йоги вам, наверное, известны.

Я утвердительно киваю.

— Я вам покажу, что можно сделать на их основе. Отодвиньтесь немного в сторону. Вот смотрите, я свободно управляю своими внутренними органами.

Я вижу, как под диафрагмой Амбу вспухает бугор, живот становится плоским, как доска, и прилипает к спине. Но это было только начало. Все, что последовало за этим, не поддается никакому описанию. Я в свое время видела выступления акробатов, гимнастов различных стилей. Я не видела только Амбу. Теперь я смотрела на него и сомневалась, человек ли передо мной. Он извивался, как змея, и мне казалось, что кости его конечностей мягкие. Амбу завязывался в узел и так же легко развязывался. Его внутренности смещались и занимали необычное для них положение. Он сгибался и медленно пролезал под самим собой. Его руки и ноги гнулись в самых необычных направлениях, и порой мне казалось, что Амбу разбирает себя на части. Это было захватывающее зрелище. Я поняла, что связать такого человека, как

Амбу, невозможно. Он освободится от пут в две минуты. Мышцы на его руках сжимались, и руки становились по-детски тонкими. В какой-то момент он весь стал плоским, как будто по его телу провезли дорожный каток. Он сворачивался колесом, и это колесо только усилиями мышц живота катилось по комнате. Когда весь этот каскад неправдоподобных упражнений кончился, Амбу поднялся с циновки и глубоко вздохнул. Его гибкое тело с гладкой эластичной кожей было совершенно сухим. Я не заметила ни капли пота.

— Теперь мне нужно полчаса на то, чтобы восстановить прежний ритм дыхания, — сказал он.

— Но вы даже не задохнулись, — заметила я.

— Нарушение ритма дыхания незаметно для неопытного человека.

Амбу подогнул ноги, уселся на циновку и устало прикрыл глаза...

Потом меня познакомили с Меданандой, одним из образованнейших людей ашрама. «Медананда» означает «свет знания». Кем был в прошлом этот седой человек с задумчивым мягким взглядом, я так и не узнала. Двадцать пять лет назад, когда фашистская Германия победно шла по Европе, этот немец приехал в Пондишери и остался здесь. Медананда водил меня по библиотеке ашрама, показывал переводы советских книг и рассказывал о редких санскритских рукописях, над которыми он работал. В большом книгохранилище библиотеки было чисто и уютно. Над деревянными воощеными лесенками висели африканские маски и картины из Шантиникетана. Я узнала, что Медананда давно занимается йогой и принадлежит к узкому кругу учеников главы ашрама.

Мы спустились вниз. Свет у входа был уже погашен, но на ступеньках библиотеки сидели юноши и девушки. Откуда-то из глубины библиотечного холла донеслись знакомые звуки. Кто-то играл на рояле.

— Шуберт? — спросила я Медананду.

— Да, — ответил он, мягко улыбнувшись. — У нас сегодня концерт. А это студенты нашего университета, — кивнул он на сидящих.

Мне вдруг тоже захотелось посидеть и вот так, в темноте послушать Шуберта. Я опустилась на ступеньки, а Медананда неподвижно замер у колонны. Откуда-то из темноты доносился шум прибоя, но он не мешал музыке.

Я не знала, о чем думал Медананда и что или кого вспоминал. Когда отзвучала музыка и неожиданно вспыхнул свет, Медананда резко отвернул лицо. Но я успела заметить: оно было мокрым...

Каждый вечер в шесть часов все, кто занимается йогой в ашраме, собираются на медитацию. Что такое медитация, я себе точно не представляю. Я знаю только, что она играет важную роль в практике йоги. Медитирующий в какой-то момент полностью выбывает из внешнего мира, из его волнений и тревог. Говорят, медитация восстанавливает нервную систему и развивает контакты, невозможные в обычной жизни. Но медитация — это искусство, которым владеет не каждый. Я, например, не владею. Но тем не менее я не отказалась посетить час медитации.

Солнце уже село и кончились короткие тропические сумерки, когда я подошла к огороженной каменным забором площади. К воротам медленно и не торопясь подходили люди в свободных белых одеждах. Площадь была освещена несколькими фонарями. Люди входили в ворота и, тихо переговариваясь между собой, рассаживались прямо на земле. Один за другим стали гаснуть фонари, и площадь, заполненная сидящими, погрузилась в темноту, и только высоко над всем стояла россыпь колючеярких звезд. Разговоры смолкли, и все, казалось, приготовились к чему-то необычному. У меня тоже появилось это чувство ожидания. Вдруг откуда-то сверху раздался мощный аккорд музыки. Спокойная и прекрасная мелодия затопила площадь, и каждый мой нерв отозвался на нее. А музыка плыла, вырываясь откуда-то из темноты, в ней то появлялись, то исчезали тревожные ноты, сменяясь звуками, в которых естественная гармония удивительно сочеталась с этим звездным небом, людьми в белой одежде и далеким шумом морского прибоя. Она то напоминала электронную музыку космического века, то вдруг звучала древней, давно забытой песней. Я не могла понять, была ли лившаяся из темноты мелодия музыкой прошлого или будущего. Я только знала твердо, что в своем настоящем я ничего подобного не слышала. Мелодия захватывала своей странной тревогой, она выражала что-то мне пока недоступное и непонятное. Медленно, как будто следуя необычной музыке, меж звезд плыли облака и вращались голубоватые лучи пондишерийского

маяка. На душе сразу стало спокойно и хорошо, как будто кто-то теплой и большой рукой погладил меня по голове. Так продолжалось минут десять. Затем звуки стали затихать, они медленно уплывали вдаль, и наконец последняя нота, захлебнувшись, умерла где-то в звездном небе. Мадам Алфасса оторвалась от фисгармонии, на которой она исполняла свою пьесу. Теперь, когда музыка умолкла, остались только звезды, шум океанских волн и люди в белых одеждах, сидевшие неподвижно с закрытыми глазами. Я повертелась на месте и не встретила ни одного взгляда. Все были погружены в самосозерцание, одна я не могла этого сделать. Я думала об Ауробиндо Гхоше, об ашраме, об удивительной музыке, которую мне довелось услышать в столь необычных обстоятельствах. Я смотрела на часы, минутная стрелка ползла медленно, но мне не было скучно. Может быть, потому, что мне очень редко удавалось так спокойно заняться своими мыслями. Минут через двадцать на стене ограды осветилась карта Индии с эмблемой ашрама посередине. Затем зажглись фонари, и люди молча стали подниматься со своих мест. Сеанс медитации, или самосозерцания, окончился. Он оставил какой-то след в моей душе, но какой именно, я до сих пор еще не знаю...

Концерт Шуберта, люди в белых одеждах, час медитации, Амбу, увлеченный своим делом, прекрасная библиотека, глава ашрама, делающая людей лучше, размеренная, спокойная жизнь — все это внешние проявления жизни в ашраме, которые можно назвать и приятными и привлекательными. Но нельзя забывать, что ашрам-коммуна — это большое коммерческое предприятие, несколько необычное, но действующее на принципах капиталистического предпринимательства. Никакие благородные идеи и способности йогов не могут спасти ашрам от воздействия внешнего мира и его законов. Мир капитала и наживы, бьющийся у стен ашрама, подмывает его устои, влияет на психологию его людей, сводит в ряде случаев эксперимент великого мечтателя на нет.

Среди членов ашрама, можно сказать, осуществлен коммунистический принцип «От каждого по способностям, каждому по потребностям». «Труд не должен быть средством для добычи средств к существованию, а потребностью человека выразить себя, развить свои способности и возможности» — так писала в свое время ма-

дам Алфасса. Эта идея в какой-то мере осуществлена в самом ашраме. Каждый его член занимается своим любимым делом сколько хочет и когда хочет. Архитектор строит дома, скульптор лепит, поэт пишет стихи, исследователь сидит над книгами и рукописями, химик работает в лаборатории, преподаватель учит школьников и студентов. Члены ашрама не получают заработной платы. Ашрам предоставляет им бесплатное жилье и мебель, одежду и книги, питание и транспорт. Короче говоря, все то, в чем нуждается современный человек. Члены ашрама-коммуны полностью освобождены от материальных забот и хлопот по устройству своей жизни. Все это делает за них ашрам. Но вряд ли можно идеализировать такое положение.

В члены ашрама попадают лишь избранные единицы. И эти «единицы» живут как им хочется, пользуясь материальными возможностями ашрама. А эти возможности довольно широки. Ашрам — своеобразное предприятие с капиталом в 80 миллионов рупий. Единоличный распорядитель этого капитала — глава ашрама. И поэтому почтение и преклонение, которое испытывают его члены перед матерью, не всегда основываются на «духовной потребности». 80 миллионов в этом случае играют свою «низменную» роль.

Откуда взялись эти миллионы? Часть из них была получена в качестве пожертвований от людей, разделявших взгляды и идеи Ауробиндо Гхоша. Другая же часть, несомненно бóльшая, — это доходы. Вот факты. Ашраму принадлежит 200 зданий в городе. В этих зданиях размещены: завод по производству нержавеющей стали, сахарный завод, мебельные и сапожные мастерские, авторемонтные мастерские и кузни, переплетные, кожаные, ткацкие, бумагоделательные мастерские, типография и издательство, пекарня, столовая, прачечная, кухни, поликлиники, санитарная служба, автотранспортная служба с гаражами собственных машин, гостиницы, фотостудия, магазины, почта, канализационная служба, электростанция, мельница, маслобойка и т. д. Все это — собственность ашрама. Помимо этого ашрам владеет рисовыми полями, садами, огородами, птичниками, молочными фермами, цветочным хозяйством, плантациями кокосовых пальм и сахарного тростника. Продукция заводов, фабрик, мастерских и плантаций идет

не только на удовлетворение нужд членов ашрама, но и на рынок. Около двух тысяч оплачиваемых рабочих занято на производстве в ашраме. Правда, некоторые члены ашрама тоже работают на тех же фабриках и в мастерских, на тех же полях и плантациях, но не они основная рабочая сила. Все предприятия ашрама держатся на плечах наемных пролетариев, которые каждый день создают для ашрама прибавочную стоимость. И ее норма определена законами капиталистического общества. Теми же законами определяется и норма эксплуатации на предприятиях ашрама.

Оттого что плодами эксплуатации этих тысяч рабочих и крестьян пользуется не один человек, а несколько сот членов ашрама, дело не меняется. Принцип и механизм эксплуатации остается прежним. Несколько сот «избранных» и «совершенных» людей, рассуждая о равенстве, свободе и любви, присваивают себе труд менее совершенных и «неизбранных» людей. Труд последних, который является «средством для добычи средств к существованию», обеспечивает членам ашрама возможность превратить собственный труд в «потребность человека выразить себя, развить свои способности и возможности». Человек, на которого работает другой, не может быть совершенным с самой главной точки зрения. Социальной. Попытка установить общество совершенных людей, лично свободных от эксплуатации и наживы, без ломки окружающих социально-экономических отношений никогда не давала результата. Мечта оставалась мечтой, благородные устремления превращались в бесплодную утопию.

Неразрешенные противоречия в положении самого ашрама, возникшие в результате стремления соединить несоединимое, мстят за себя. Они мстят за себя интригами и борьбой членов ашрама за расположение и благосклонность матери, владелицы 80 миллионов. Они проявляются в случаях, когда дельцы, далекие от идей ашрама, вкладывают в него свои капиталы, как в выгодное предприятие. Они дают себя знать в сомнительных средствах получения доходов, формируют ущербную психологию людей, рассуждающих о равенстве и братстве, но пользующихся без колебаний плодами труда других. Справедливости ради следует сказать, что условия труда на предприятиях ашрама лучше, а заработная плата

несколько выше, чем в других местах. Но все эти улучшения и облегчения не меняют сути дела и в большинстве случаев носят обычный филантропический характер. Правда и то, что в главной конторе служб ашрама висит изречение матери: «Ни одному рабочему не должны давать работу, превышающую его силы. Делать так бесчеловечно и несправедливо». Правда и то, что рабочие пользуются бесплатной медицинской помощью, а нуждающиеся могут питаться в бесплатной столовой ашрама. Правда и то, что им преподносят подарки, дают денежные премии и предоставляют кредит из кассы ашрама. Правда, что дети рабочих могут посещать бесплатную школу и что на предприятиях ашрама нет стачек и забастовок. Но правда и то, что рабочий создает прибавочную стоимость, которой пользуется ашрам. Правда и то, что жизненный уровень рабочих в ашраме немногим выше жизненного уровня их собратьев, занятых на обычных капиталистических предприятиях.

Каждый месяц на содержание ашрама идет 150 тысяч рупий. Их нужно откуда-то брать. В капиталистическом обществе для этого только один путь...

Эти 150 тысяч рупий помогают ашраму формировать «совершенных» людей. Их стараются создавать везде: в узком кругу учеников мадам Алфасса, в Обществе Ауробиндо Гхоша, в многочисленных службах ашрама и, наконец, в Международном центре образования. Этот центр заслуживает того, чтобы поподробнее о нем рассказать. Принципы, на которых строится работа центра, интересны и, может быть, страдают меньшей противоречивостью, чем деятельность самого ашрама. Образование там бесплатное. «Я не буду торговать образованием», — заявила глава ашрама, и это прозвучало вполне убедительно. Незначительная сумма — 10—25 рупий в год, — которую вносят в кассу ашрама школьники и студенты, является, по существу, платой за пользование учебниками, материалом для экспериментов, инструментами и т. д. В центре имеются просторные светлые аудитории, удобные общежития для учащихся, специальная столовая, библиотеки, химические и физические лаборатории, опытные участки, кинозал, театр, помещение для выставок литературных, исторических, знакомящих с искусством, концертные залы, стадион, бассейн, теннисные корты, волейбольные и баскетбольные площадки, учеб-

ные ринги для бокса, прекрасно оборудованный гимнастический зал. В центре работают 160 высококвалифицированных преподавателей для средней и высшей школы. Студенты и школьники получают в ашраме вполне современное образование, уровень которого несколько выше, чем в других индийских учебных заведениях. Ашрам имеет возможность приглашать специалистов из зарубежных стран, и этой возможностью он широко пользуется.

В детском саду ашрама, в школе и университете занимаются 450 человек. Люди из самых различных стран, не только индийцы, доверяют ашраму воспитание и образование своих детей. Желающих всегда очень много, но попадает сюда не каждый. Отбор производится несколько необычным образом. Им ведает сама глава ашрама. Из многих сотен детских фотографий, которые ложатся на ее стол ежегодно, она отбирает несколько десятков, полагаясь только на свою интуицию. Говорят, эта интуиция еще ни разу не подвела мадам Алфасса. Как правило, принятые в школу ашрама — это одаренные дети, отличающиеся незаурядными способностями в какой-либо области человеческих знаний. Именно из них в ашраме и пытаются воспитать будущих созидателей современного человеческого общества. Система перевода из класса в класс тоже несколько необычна, а может быть, и спорна. Переводят по определенному предмету, в котором ученик проявил какие-то способности. Ребенок может не успевать по математике, но хорошо знать историю. Его переводят в следующий класс по истории. И наоборот. В результате в последнем классе у большинства учеников уже складываются свои определенные интересы и наклонности. Успевающий по истории поступает в университет на историческое отделение, по математике — на математическое, по химии — на химическое и т. д. Но знания по определенному предмету и приобретение специальности еще не являются главным. Основное — это воспитание по методу и принципам, разработанным в свое время Ауробиндо Гхошем и развитым впоследствии матерью. Ни в школе, ни в университете не выдают ни аттестатов, ни дипломов. Школьников и студентов приучают к мысли о том, что образование дается им для самих себя, для удовлетворения их интеллектуальных запросов, а не для того, чтобы заработать больше денег или приобрести какое-то положение в обществе

и устроить свою жизнь поудобнее. Тем не менее спрос на специалистов, подготовленных центром образования, довольно высок и в некоторых других странах. Многие из этих специалистов остаются в Пондишери и работают в ашраме в его многочисленных службах.

Что касается принципов воспитания, то мне хотелось бы привести слова главы ашрама. «Должно быть на земле где-то место, — писала она, — на которое не претендовала бы ни одна нация; место, где все люди доброй воли по их искреннему желанию могли бы жить свободно, как граждане мира, подчиняясь только единственной власти, власти верховной истины; место мира, согласия, гармонии, где все боевые инстинкты человека использовались бы исключительно для того, чтобы победить страдания и нищету, преодолеть его слабости и невежество, одержать триумф над его ограниченностями и неспособностями; место, где потребности духа и забота о прогрессе получили бы преимущество над удовлетворением желаний, страстей, над стремлением к материальным удовольствиям и наслаждениям. В этом месте дети смогли бы развиваться и расти в неразрывном контакте со своей душой». Но даже автор этих строк понимает, как далеко до осуществления этой мечты. О таких временах мечтали лучшие люди человечества, и называли их по-разному. Коммунизм — одно из этих названий.

Сознавая скромность своих средств, мать пондишерийского ашрама тем не менее пытается реализовать некоторые из этих принципов в системе воспитания центра образования. В процессе этого воспитания у школьников и студентов пытаются развить пять важнейших аспектов личности. Прежде всего это так называемый физический аспект. Действительно, в ашраме придается огромное значение здоровью и физическому воспитанию учащихся. Я видела прекрасный стадион, гимнастический зал, спортивные площадки. Они были всегда заполнены загорелыми и крепкими детьми, юношами и девушками. Ни одна площадка не стояла без дела. На боксерском ринге две девицы профессионально тузили друг друга. В бассейн со стартовых тумб поминутно срывались стремительные пловцы, а на турниках и брусьях поднимались, напрягая хорошо развитые мышцы, юные гимнасты. И хотя взрослых я нигде не заметила, все делалось серьезно, без излишней суеты и криков, которые царят на обычных

наших спортивных площадках. Все, и дети и молодежь, были одеты в шорты, легкие рубашки и блузки. Было приятно видеть, как легко и свободно держатся дети, как стройны и тренированы фигуры юношей, как гибки и грациозны тела девушек. Специальные врачи следят за фигурой и осанкой учащихся и немедленно исправляют дефекты. Для этого также создана и массажная клиника, где практикуется богатый набор методов древнеиндийского массажа, дающий прекрасные результаты. Многие из ребят занимаются гимнастикой йоги, однако к этому их никто не принуждает. Хотите — занимайтесь, хотите — нет.

Аспект так называемого «жизненного воспитания» имеет своей целью подготовить молодежь к практической деятельности и восприятию жизни во всем ее богатстве. Детям дают ответственные задания, проверяют их организационные способности. Развивают в них чувства искренности, прямоты и чести. Учат самостоятельно разбираться в сложных жизненных ситуациях. Эстетическое воспитание является неотъемлемой частью этого аспекта. Каждый ребенок, юноша и девушка должны любить искусство и уметь разбираться в нем. Если кто-либо проявляет талант в какой-либо области искусства, ему предоставляют возможность его совершенствовать. В центре работают классы живописи, танца, музыки, драматического искусства, пения. При этом надо сказать, что все эти классы отличаются профессиональным уровнем. Для эстетического воспитания обычно отводятся вечера. В эти часы вы не увидите празднующихся групп подростков или молодежи, которым нечем себя занять. Их нет на улицах, но вы найдете их в концертных залах, студиях, театре. Каждый из них чем-то занят и увлечен. Они идут туда сами, их никто к этому не принуждает. В них воспитана потребность к прекрасному, и они видят во всем этом свой отдых, а не скучное занятие по учебному плану. Мне пришлось разговаривать со многими из них. Одни были совсем еще дети, другие — постарше, но я не обнаружила среди них ни одного равнодушного к искусству. Детям оно просто нравилось, ребята постарше разбирались в нем достаточно профессионально.

Для меня наибольший интерес представлял аспект умственного воспитания. Различными методами и средствами в детях и молодежи развивают, на мой взгляд,

необходимые и ценные качества. Я назову некоторые из них. Умение быть сосредоточенным и внимательным, широко и глубоко мыслить, способность постичь главную идею и контролировать свои мысли. Развитие этих качеств происходит в период аудиторных занятий. Мне пришлось присутствовать на одном из уроков физики в 8-м классе, и я поразились квалифицированностью ответов некоторых 13- и 14-летних ребят. Они не только свободно пользовались новейшими понятиями физики, но и ясно себе представляли то место, которое занимает то или иное открытие в системе человеческого прогресса.

Духовное и психологическое воспитание в центре неизбежно приводит к йоге и той философии, которая была разработана Ауробиндо Гхошем.

Школьники и студенты центра ашрама, я бы сказала, оказывают благотворное влияние на всех пондишерийских детей. Молодежи из ашрама начинают подражать в их сдержанности и вежливости, в безукоризненной культуре поведения, в умении себя держать независимо и с достоинством.

Каждый год Международный центр образования выпускает своих воспитанников. Часть из них, как говорится, «уходит в мир». Устоят ли они перед этим несовершенным миром, сохранят ли те ценные качества, которые приобрели в школе и университете ашрама? Но это уже другой вопрос.

Кому мешает такая организация, как ашрам в Пондшери? Казалось бы, никому. Правительство Индии его всячески поддерживает. Его культурная и просветительская деятельность широко известна за пределами страны. Однако все оказалось гораздо сложнее, чем могло бы быть.

Когда в январе 1965 года в штате началось движение против языка хинди, ашрам, верный своему принципу невмешательства в политические вопросы, остался в стороне от движения. Но ашрам многими узами был связан с внешним миром, и внешний мир не оставил его в покое. Обстановка вокруг ашрама была далеко не мирной. И философия Ауробиндо Гхоша, и занятия йогой, и принципы жизни, не похожие на обычные, вызвали скрытую враждебность реакции, воинственно настроенных католиков, считавших ашрам «инструментом дьявола», и просто

пондишерийских обывателей, для которых многое в деятельности ашрама оставалось непонятным. Тамильские бизнесмены, чьим могущественным конкурентом был ашрам, тоже ждали момента, чтобы свести счеты с преуспевающим на деловой стезе соперником. Даже пондишерийские студенты, которым не раз ставили в пример учащихся из центра образования, затаили на ашрам смутную и необъяснимую обиду. Когда в штате начались спровоцированные реакцией погромы, вокруг ашрама поднялась неясная возня. Какие-то люди шныряли вокруг его предприятий и зданий, в соборах католические патеры открыто предавали анафеме имена основателей ашрама, студенты пытались затеять драки с его учащимися. Впоследствии стало известно, что пондишерийские католики и конкурирующие с ашрамом бизнесмены были ответственны за события, которые разыгрались вечером и ночью 11 февраля 1965 года.

Казалось, этот день ничего плохого ашраму не предвещал. Где-то в городе происходили демонстрации, где-то были погромы, но членов ашрама это мало интересовало. Никто из них не высказывался ни за хинди в качестве государственного языка, ни против хинди. Языковые страсти, бушевавшие вокруг ашрама, формально его не касались. Вечером, как обычно, члены ашрама отправились на час медитации. Их дома пустовали, в главном здании ашрама остались мать и несколько человек, занятые обычной работой.

Погромщики, многие из которых были куплены дельцами и католиками, ворвались на железнодорожную станцию, забросали камнями ее персонал и подожгли здание станции. Они были пьяны, вооружены палками и камнями. После разгрома станции озверевшая толпа бросилась к ашраму. Прежде всего нападению подверглись его предприятия. Весь путь погромщиков был отмечен разрушениями и пожарами. Они разграбили и сожгли продовольственный склад, подожгли мастерскую по выделке бумаги. Выкрикивая бессвязные фразы, размахивая палками и бросая во все стороны камни, погромщики стали врываться в жилые дома. Они ломали мебель, выбивали окна, высаживали двери, жгли книги и забирали с собой все, что могли унести. Они выбрасывали кровати из клиники ашрама, били банки с медикаментами, ломали дорогие хирургические инструменты.

Горело подожженное с нескольких сторон детское общежитие, горела почта. Бумаги и письма превращались в хлопья летящего по ветру пепла.

Наконец основные силы погромщиков собрались у главного здания ашрама. Повозки рикш и тонги, груженные камнями, непрерывно подъезжали к воротам. Ворота вышибли в несколько минут. Срывая двери с петель и выбивая окна, погромщики, среди которых было немало местных католиков и какая-то часть студентов, ворвались в бережно сохраняемую комнату Ауробиндо Гхоша. Но они не посмели войти к матери. Суеверный страх перед тем необычным, что приписывалось этой женщине, сделал свое дело. Даже ненависть не смогла побороть этот страх. Единственное, на что решились эти люди, — это бросать камни в окно матери, и то с безопасного расстояния. Звонки в полицию не принесли никаких результатов. Небольшой полицейский отряд Пондишери не смог или не хотел справиться с погромщиками. И тогда в ашраме поняли, что придется защищаться самим.

После медитации всем пришлось вернуться в мир страшной действительности. Молодые мужчины и юноши составили боевой отряд. Безоружные, они смело бросились на толпу, и протрезвевшие к тому времени погромщики дрогнули. Они побежали, сбивая друг друга, и только на расстоянии продолжали бросать камни в защитников ашрама. Несколько членов ашрама были ранены в схватке с хулиганами, и двое из них находились в тяжелом состоянии. Но они продолжали теснить толпу, и наконец погромщиков удалось разогнать. Груженные камнями повозки рикш и тонги поспешно ретировались. Школьники центра образования тушили горящую почту. Только к полуночи подоспела полиция, которая стала хватать не успевших укрыться погромщиков. К исходу ночи к Пондишери были подтянуты армейские подразделения. Утром среди дымящихся развалин и разгромленных домов были выставлены солдатские патрули. Пондишерийские обыватели равнодушно отводили глаза от всего того, что было сделано ночью. Католики собирались группками, и угрожающий шепот полз с одной улицы на другую. Дельцы осторожно, стараясь не выдать себя, расплачивались с теми, кто еще не попал в полицию и не был арестован. А мать писала декларацию, где она еще раз объясняла цели ашрама и обвиняла тех, кто прини-

мал участие в погроме. Погром был грозным предупреждением ашраму в его попытке создать иное общество в недрах капиталистического строя.

Шло время, и постепенно страшная ночь 11 февраля 1965 года стала забываться. Обстановка в Пондишери нормализовалась, и все те, кто затаил злобу на ашрам, расплзлись по щелям, ожидая нового удобного случая. Жизнь в ашраме пошла своим чередом. Но с некоторых пор там все чаще и чаще звучало новое слово — «Ауровилль». Оно проскакивало в беседах, появилось в документах и в скупых фразах матери. Ауровилль — город Рассвета. Это слово было незнакомо многим, но со временем оно стало приобретать реальное и конкретное содержание. Ашрам решил заложить новый город. Город, где найдут свое воплощение идеи Ауробиндо Гхоша и матери.

В феврале 1968 года самолеты стали доставлять в Индию делегации из различных стран. Некоторых из них встречала премьер-министр Индии Индира Ганди. Делегации направлялись в пондишерийский ашрам. К 21 февраля, ко дню девяностолетия матери, там собралось около 15 тысяч иностранных гостей и индийцев. А в нескольких милях к северу от Пондишери сооружали огромный амфитеатр. Утром 28 февраля 1968 года тысячи людей заполнили его. Было очень тихо, и только члены ашрама взволнованно переговаривались между собой. В наступившей тишине неожиданно раздался удар гонга. Его серебристый звук еще не успел растаять в утреннем свежем воздухе, когда кто-то громко по-французски произнес первые слова:

— Привет из Ауровилля всем людям доброй воли!

Слова неслись из динамиков, укрепленных на столбах около амфитеатра. Слова принадлежали матери, которая в это время сидела перед микрофоном в своей комнате в ашраме.

— Ауровилль никому не принадлежит, — продолжал голос. — Ауровилль принадлежит всему человечеству. Но жить в нем смогут только те, в ком есть часть божественного сознания. Все, кто жаждет прогресса и вдохновлен высокими идеалами истины, приглашаются в Ауровилль. Ауровилль будет местом бесконечного образования, постоянного прогресса и юности, которая никогда не стареет. Ауровилль будет мостом между прошлым и будущим, который использует достижения того и другого.

Как только смолкли последние слова главы ашрама, из динамиков полилась широкой рекой музыка, та странная и волнующая музыка, в которой было и прошлое и будущее. Забилось на ветру голубое знамя с эмблемой ашрама, которое, медленно ступая, несла девушка. Рядом с ней шел юноша, держа в руках ящичек с землей ашрама. Они приблизились к мраморной урне, сделанной в форме лотоса, и высыпали в нее землю. Вслед за ними потянулись транспаранты с названиями стран, чью землю закладывали сегодня в мраморную урну. Их было много — не менее 120. Афганистан и Алжир, Аргентина и Австралия, Болгария и Бирма, Канада и Конго, Чили и Куба, Дания и Венгрия, Индонезия и Иран, Италия и Япония, Люксембург и Монголия, Пакистан и Польша, Португалия и Турция, США и Вьетнам, СССР и ОАР. Закладка земли символизировала единство людей доброй воли почти всего мира. Когда последний представитель положил землю своей страны в мраморный лотос, к урне подошел человек в свободной белой одежде, напоминая римскую тогу. Это был секретарь ашрама Налини Канта Гупта. Он запечатал наполненный землей многих стран мраморный лотос. Так был заложен город Рассвета. В этот день на почте ашрама ставили специальный штамп на корреспонденцию: «Ауровилль — город будущего».

В 1966 году проект постройки международного города Ауровилля, представленный ашрамом, был утвержден правительством Индии. В октябре того же года резолюция об Ауровилле была внесена на рассмотрение конференции ЮНЕСКО в Париже. «Это будет город, — гласила резолюция, — красоты, культуры, науки, где каждый будет иметь возможность жить в гармонии и свободе». На конференции не нашлось ни одного делегата, кто бы выступил против резолюции. Советский представитель А. А. Фомин сказал по этому поводу: «Советская делегация полностью поддерживает проект резолюции, внесенный Индией». ЮНЕСКО обещала оказать ашраму финансовую помощь. В самом ашраме был утвержден специальный для этого фонд.

Для постройки города, где, предполагается, будет 50 тысяч жителей, выделили к северу от Пондишери участок в 20 квадратных километров. Рядом с участком находится прекрасный пляж, окаймленный зарослями ко-

косовых пальм. Постройка города будет завершена в двадцатилетний период, и затраты составят 5 млрд. рублей. Что же собой будет представлять Ауровилль? По существу, это будет тот же ашрам, с теми же жизненными принципами и, возможно, с теми же противоречиями, которые он сейчас в себе несет. Главный архитектор города — француз Роже Анжер (Roger Anger), один из представителей школы Корбюзье. Ауровилль предполагается разделить на четыре зоны: жилую, международную, культурную и промышленную. В жилой зоне будут находиться дома жителей города. В международной разместятся различные павильоны, где будет представлено лучшее в культуре и науке различных стран. Культурная зона отводится международному университету и спортивным сооружениям. Промышленную зону займут различные предприятия и мастерские, среди них мукомольный комбинат, кондитерская фабрика, фабрика по производству мороженого. Кроме того, там будут комплексные сельские хозяйства, молочные фермы, оранжереи. Промышленная зона станет экономической основой, на которой будет базироваться благосостояние ауровилльцев.

Ауровилль застроят современными зданиями со всеми удобствами, но там не будет ни заборов, ни оград. Кольцо садов охватит всю жилую часть. В центре разместится огромный парк и озеро, которое будет соединено каналами с различными частями города. На улицах, обсаженных цветами и украшенных мозаичными панно, забьют фонтаны, потянутся движущиеся тротуары и линии моноралли. В город пригласят бизнесменов, чьи предприятия не будут облагаться налогом. В то же время будет предпринят ряд мер, которые предотвратят накопление богатств в руках немногих. Именно это и вызывает наибольшее сомнение. Но будущее покажет. Создатели Ауровилля рассматривают город как огромную экспериментальную лабораторию по созданию нового человека и новых человеческих отношений. Как и любой эксперимент, он, очевидно, не будет свободен от ошибок и промахов. В городе постепенно ликвидируют деньги, но эта ликвидация произойдет на той же противоречивой основе, как и в самом ашраме. Каждому предоставят работу по вкусу. Официальной религии в Ауровилле не будет, но свободу каждого в этом отношении стеснять не станут. Никаких судебных органов в городе не учредят.

«Каждый будет сам себе судьей», — пишут создатели Ауровилля. Те, кто нарушит принципы жизни в городе, будут просто из него изгоняться.

Город Рассвета заложен. Сделаны первые шаги. Интересный эксперимент, вдохновителем которого был большой философ и убежденный демократ Ауробиндо Гхош, продолжается. Чем он кончится, покажет будущее...

Город танцующего Шивы. Тайна храма Натараджи

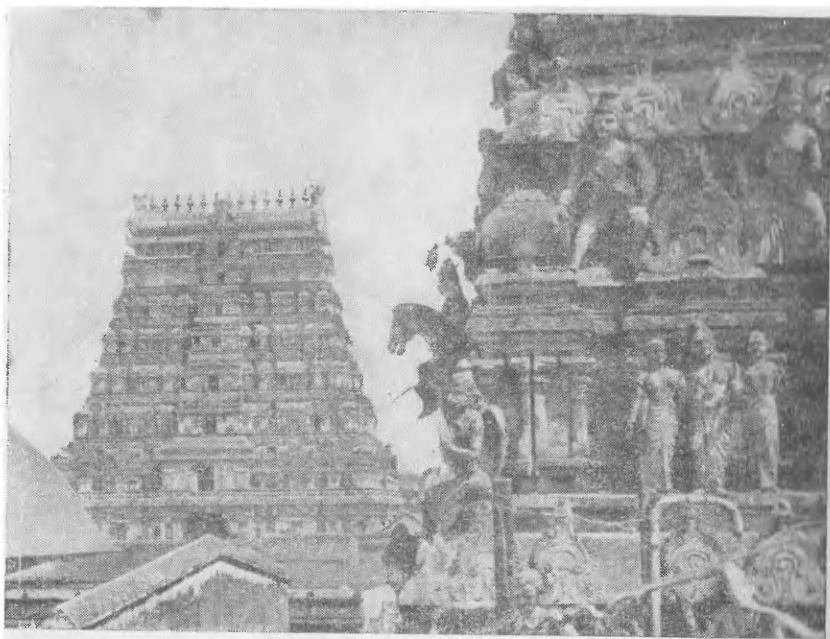
Наступившую тишину внезапно разорвал резкий звон медного колокола, зазвонили маленькие колокольчики, и два полуобнаженных брахмана со священными шнурами дваждырожденных ударили в медные тарелки. Храмовой зал, над которым трепетало красное полотно закатного неба, наполнился до краев звонким шумом. Сотни рук, изогнутых в каком-то порыве, потянулись к танцующему Шиве, на золотых ногах которого играли отблески масляных светильников. Но руки не могли дотянуться до бога, потому что между ними и Шивой стояли со странными полуулыбками двадцать жрецов, чьи волосы, стянутые в узлы сбоку, повторяли прическу танцующего бога. Из-за их спин неверным и лукавым блеском светилась бриллиантовая диадема Шивы. Протянутые руки остановились на полдороге, и по толпе пронесся вздох, который не смогли заглушить храмовые колокола. Но их звон с минуты на минуту нарастал, забили барабаны, и все это слилось в чудовищном танцевальном ритме. Ритме таинственного космического танца. Из-за спин стоявших жрецов поднялось оранжевое пламя и поплыло вместе с подносом к богу с золотыми танцующими ногами. Теперь сверкал не только бриллиантовый полумесяц в бронзовых волосах Шивы, но вспыхнули и заиграли его рубиновые и изумрудные украшения. Жрец стал быстрее вращать огненный поднос, и, наконец, все слилось в единый огненный круг, в котором плясали как будто ожившие золотые ноги бога-человека, пришедшего сюда много веков тому назад. Люди снова простирали руки к пламенному кругу, что-то кричали и пели, их полуобнаженные тела, разрисованные белыми полосами, раскачива-

лись в каком-то известном только им ритме. Внезапно все смолкло, и только голос жреца, читавшего мантры-заклипания, нарушал странную тишину. Через несколько мгновений вновь ударили колокола, забили барабаны, поплыло колеблющееся пламя, поднялись трепещущие руки к багровому закатному небу, на фоне которого высились пирамиды гопурамов, окрашенные последними лучами заходящего солнца в нестерпимо оранжевый цвет. Звон колоколов и звуки барабанов неслись туда, к красному небу и оранжевым пирамидам, а над простертыми руками, сверкая драгоценными камнями, безумный бог танцевал свой вечный космический танец...

Затем снова все оборвалось, и пуджа в честь Шивы в Чидамбарамском храме кончилась. Люди, переговариваясь о своих повседневных делах, стали расходиться, а жрецы толпились у массивной двери, из-за которой еще поблескивал бриллиантовый полумесяц в бронзовых волосах.

В Чидамбарам, старинный храмовой город, расположенный в 150 милях от Мадраса, я приехала в феврале 1964 года. Сначала я попала в Аннаималайский университет, один из крупнейших университетов Южной Индии. Мне показывали прекрасно оборудованные лаборатории, современные здания студенческих общежитий, библиотеку, где хранятся многие тысячи книг и рукописей, стадион и просторные светлые аудитории для занятий. Университетский городок утопал в зелени садов и парков, по аллеям которых разгуливали серьезные и немногословные студенты. Это был новый Чидамбарам. Старый город находился рядом, за рекой с низкими берегами.

В этом Чидамбараме узкие пыльные улочки тесно застроены домами с плоскими черепичными крышами. По улицам снуют повозки рикш, позванивая колокольчиками, трясутся тонги, запряженные низкорослыми лошадками. На выщербленных тротуарах сидят продавцы фруктов и сладостей, бойко торгуют мелкие лавчонки, лениво бродят худые, облезшие собаки. Но современная жизнь уже обосновалась и здесь. Высятся здания отелей, работает кинотеатр, поблескивают вывесками банковские конторы и фирменные учреждения, гостеприимно распахнуты двери кафе и ресторанов. Однако все это еще связано с прошлым. Ибо кинотеатр — имени Натараджи-Шивы, ресторан — тоже, на лавках с тканями изображен танцующий четырехрукий бог.

*Чидамбарамский храм построен
более тысячи лет назад*

Центр Чидамбарамы — его знаменитый храм. «Чидамбарам» значит «Город бога космического танца». Когда-то здесь не было ни храма, ни лавок, ни улиц. Густые, непроходимые джунгли покрывали долину реки с низкими глинистыми берегами. В февральскую ночь полнолуния Шива-Натараджа плясал на поляне свой космический танец. С тех пор прошло немало веков. На поляне вырос храм, построенный более тысячи лет назад, а узкие улицы оттеснили деревья и кустарник. Живой Шива теперь не танцует здесь лунными ночами, его золотые ноги навсегда замерли в стремительном движении за массивной дверью, охраняемой жрецами. Золотые ноги Шивы и его бриллиантовая диадема — не единственное сокровище храма. За долгие годы храм накопил немало ценностей. Его одаривали императоры династии Чолов,

*На барельефах Чидамбарского
храма танцуют каменные девадаси*

*Алое дхоти — традиционное
одеяние главного жреца
в Чидамбараме*

ему подносили драгоценности местные раджи, индийские купцы Ост-Индской компании отсчитывали ему золотые монеты, английские губернаторы щедро оформляли храму владельческие права на земли и целые деревни. Поэтому крыша главного святилища храма сверкает чистым листовым золотом, а равнодушные статуи богов украшены жемчугом, алмазами, рубинами и изумрудами. Триста лет назад раджа Рамнатха подарил храму невиданные зеленые рубины. До сих пор никто так и не смог их оценить. Говорят, что храм владеет ценностями на миллион рупий. На мой взгляд, эта сумма занижена. Главной достопримечательностью храма является фигура танцующего Шивы, вырезанная из единого куска сиреневого рубина. Но о нем позже...

Четыре прямые, как стрелы, улицы ведут к храму. Вдоль улиц тянутся лавки, где продают все необходимое для ритуала. Через ворота, увенчанные гопурамом, я вхожу во двор храма. Двор просторен, вымощен и чисто подметен. Группа брахманов сидит у колонн центрального зала, крыша которого покрыта золотом. Чуть неподалеку блестит зеркальная поверхность священного водоема. Я подхожу к группе сидящих. Один из них поднимается и вежливо приветствует меня. Его волосы, как и у остальных, собраны в узел не на затылке, а сбоку. Узкое, продолговатое лицо с тонким носом, совсем не похожее на дравидийское, украшено тремя горизонтальными линиями.

— Вы первый раз в нашем храме? — спрашивает он.

— Да, — подтверждаю я.

— Тогда я вам помогу. В нашем храме неиндусы тоже желанные гости. Мы не закрываем от них своего святилища. Вы можете присутствовать и на пудже. Хотите посмотреть Натараджа?

Мы проходим между колоннами и останавливаемся перед внутренней комнатой. Золотые ноги Шивы чуть поблескивают в полумраке зала.

— Смотрите, — говорит брахман, — Натараджа танцует космический танец.

— Почему космический? — спрашиваю я.

— Наш храм посвящен космосу, и Натараджа своим танцем символизирует его единство.

— Как странно, — говорю я. — Храм, посвященный космосу. Откуда это у вас? Учение о единстве космоса и вдруг — боги? Мне трудно это понять.

— В мире очень много странного, — шурит брахман узкие светло-карие глаза. — Люди быстро забывают свое прошлое, и потому так много странностей. Бог в образе человека — это просто символ. Мы, брахманы, поклоняемся высшей космической энергии, а идолы — это для тех, кто не может постичь наших знаний.

— Какими же знаниями о космосе вы обладаете? — интересуюсь я.

— У нас, у дикшитаров, они довольно обширны.

— Кто такие дикшитары?

— Все жрецы этого храма — дикшитары, и храм принадлежит нам.

— Значит, вы брахманы?

— Да. Но не совсем обычные.

Через несколько дней я поняла, что это именно так. Необычным был их облик. Человек, с которым я познакомилась в храме, был, пожалуй, их типичным представителем. Многие из дикшитаров отличались тем же узким лицом, тонким сухим носом, нетолстыми губами и сравнительно светлыми глазами. Их облик отличался от местного дравидийского населения и в то же время имел мало общего с североиндийским. Эта странная община вот уже много веков ведет замкнутый образ жизни, служа своему храму неба. Дикшитаров вы найдете только в Чидамбараме, за его пределами община практически не существует. Может быть, во всей Индии найдется два-три человека, которые когда-то покинули этот храмовой городок. История дикшитаров почти не знает браков вне своей общины. Они относят себя к касте брахманов, но почти не имеют связей с другими брахманами Индии. Трудно сказать, осколком какого народа являются дикшитары. Они говорят на тамильском языке с легким, чуть заметным акцентом. Можно предположить, что тамильский не был родным языком их предков. Себя дикшитары считают пришельцами и нисколько не сомневаются в этом. У них существует на этот счет интересная легенда.

Когда-то, много веков тому назад, три тысячи дикшитаров спустились с небес и ступили на снежные вершины Гималаев. Спуск с неба был долог и труден, и поэтому дикшитары решили проверить, все ли на месте. Когда стали считать, то их оказалось 2 тысячи 999 человек.

— Где же трехтысячный? — стали они спрашивать друг друга.

В это время и появился Шива в образе Натараджи — танцующего бога.

— Я трехтысячный дикшитар, — сказал он.

Все обрадовались, что наконец пропавший нашелся, и двинулись в длинный путь на юг, к теплым долинам, покрытым лесами. Так они дошли до места, где теперь расположен Чидамбарам. Там Натараджа впервые и сплясал на зеленой поляне свой космический танец.

Легенда тоже необычна. Потому что с небес спускались в основном боги, что же касается людей, то они появлялись несколько иным способом. Но у дикшитаров все не так, как у других. Кто были их предки — скотоводы, земледельцы или охотники, сказать трудно. Когда дикшитарам дали землю, они не стали ее обрабатывать. Они приносили жертвы космическому богу и читали священные веды. Особенно хорошо дикшитары знали «Ригведу» и «Яджурведу». Когда построили храм, дикшитары стали в нем жрецами. С тех пор только один раз дикшитарам пришлось покинуть насиженное место. В XVIII веке Чидамбарам был взят приступом конницей майсурского раджи Хайдара Али. Дикшитары забрали свои сокровища, богов и укрылись в лесу. Но время было трудное и беспокойное. Община разбрелась по разным местам, и в Чидамбарам вернулось только 400 семей. Все те, кто не возвратился, потеряли право быть жрецами и называться дикшитарам.

Сейчас в Чидамбараме живет 250 семей дикшитаров. Их дома занимают четыре прихрамовые улицы. Среди дикшитаров буквально единицами насчитываются современно образованные люди. Община до сих пор живет по законам и обычаям ее далеких предков. Древние знания передаются из поколения в поколение, и другим о них мало что известно. Никто еще по-настоящему не исследовал общину дикшитаров, хотя, по-видимому, исследователя ожидает немало поразительных открытий. Храм в Чидамбараме — единственный в Индии, где нет рукописей и старинных документов. Так говорят сами дикшитары. Индийское правительство поручило двум ученым — Сетту Дикшитару и Рама Мурти Шарме — заняться поисками рукописей. Однако поиски результатов еще не принесли. Ученым пока неизвестно, на каком языке могут быть написаны древнейшие манускрипты Чидамбарамского храма. Вся жизнь общины дикшитаров

сосредоточена вокруг храма. Храм — их главная собственность и главное занятие в жизни. В Индии давно прошли те времена, когда брахман обязательно должен был быть жрецом. А вот дикшитары эту традицию сохранили. Все жрецы подчиняются храмовому совету, который возглавляет секретарь. Секретарь совета является в то же время и главой общины.

Секретаря я застала в небольшой комнате напротив главного святилища. На дверях комнаты было написано: «Контора». По крутым ступеням крыльца я поднялась в контору и увидела там горбоносого человека с улыбкой Мефистофеля.

— Секретарь? Это я, — приветливо сказал он.

И эта приветливость как-то странно увязалась с его «мефистофельской» улыбкой. Секретаря звали Венкатеса Дикшитар.

— Значит, вы интересуетесь дикшитарами? Чем я вам могу помочь?

Я объяснила. Мы уселись на пол, застланный циновкой, на которую в беспорядке были свалены какие-то папки и бумаги.

Венкатеса Дикшитар управлял храмом, наблюдал, чтобы жрецы исправно несли службу, наказывал нерадивых, отвечал за сокровищницу, назначал собрания общины. Повестка собрания всегда была одной и той же. Сначала решался вопрос о Шиве, в каком плане — секретарь не уточнил. Потом о самом храме и, наконец, о дикшитарах. Эти три вопроса полностью исчерпывали всю сложность и богатство жизни дикшитарской общины.

— У нас семь молитв в день, и на них мы тратим 15 тысяч рупий ежемесячно. Помимо этого я должен все время думать, как охранять сокровища, — сказал секретарь. — Одни золотые ноги Шивы чего стоят.

— Почему только ноги? — поинтересовалась я.

— Но ведь это самое ценное у нашего Натараджи.

Я вспомнила, что, когда ходила по храму, мне показали комнату из черного гранита, куда на ночь клали золотые ноги Шивы. На каждую ночь для этих ног началась специальная стража из жрецов. На следующий вечер к черной гранитной комнате приходили новые жрецы. Двадцать жрецов стерегли рубинового Шиву, который покоился за массивной дверью со специальным замком. Замок можно открыть только двадцатью ключами,

а для этого всем двадцати жрецам надо сговориться между собой. По крайней мере стража лишена возможности похитить рубинового Шиву. Что касается других, то тут что-либо сказать трудно. Во внутренней комнате главного святилища, забранной с четырех сторон сплошной решеткой, хранятся драгоценности, которые периодически надеваются на богов. Ее тоже тщательно охраняют.

— А пропажи в храме бывают? — спросила я Венкатесу Дикшитара.

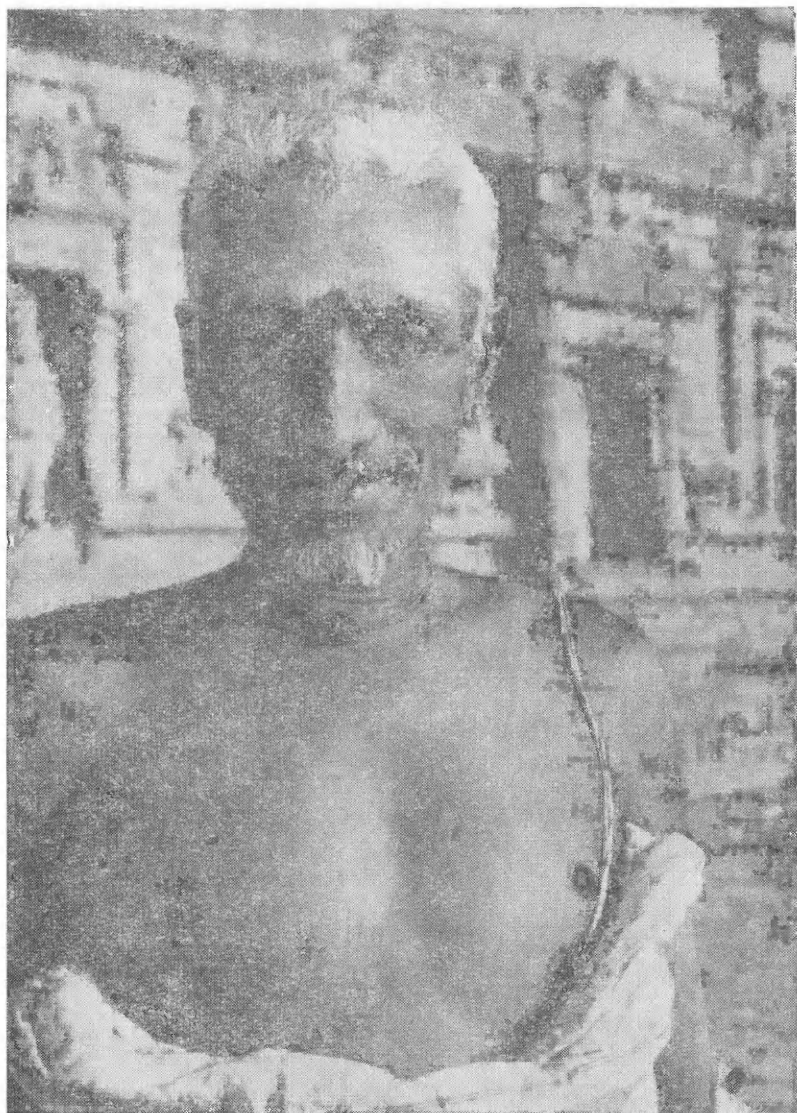
— Конечно, — нехотя ответил он. — Иногда пропадают камни или золотые вещи. Тогда жрецы-сторожа должны заплатить за них.

— Каковы доходы самих жрецов?

— О, это дело сложное. — И снова двусмысленная улыбка появилась на тонких губах секретаря. — Сто жрецов, которые обслуживают главный храм, имеют долю в его доходах. Помимо этого дикшитары работают жрецами в окрестных деревнях, и им платят эти деревни. Есть жрецы, обслуживающие несколько деревень, тогда их доходы выше. В общей сложности наиболее опытный жрец имеет 2 тысячи рупий в год. Тот, кому везет меньше всех, получает сто рупий в год. Страна с каждым годом беднеет. Еще 500 лет назад дикшитар мог иметь до 5 тысяч рупий в год.

Венкатеса Дикшитар явно занижил доходы жрецов. Мой знакомый Капусвами только за одну пуджу в честь звезды, под которой он родился, платит жрецу-дикшитару 15 рупий. А пудж такого рода может быть много.

Чидамбарамский храм располагает хорошо налаженным хозяйством. Официально храм земель не имеет, но когда-то он получал богатые земельные пожалования. Поколения тех, кто обрабатывал храмовые угодья, сменялись другими, но традиция оставалась. Поэтому до сих пор в прихрамовых деревнях крестьяне обязаны отдавать часть своего урожая храму. Жрецы строго следят за тем, чтобы доля вносилась правильно и регулярно. Почти каждый день в храмовой двор, скрипя высокими колесами, въезжают повозки, запряженные быками. С них сгружают мешки с рисом, глиняные кувшины, наполненные маслом, гроздь бананов, груды кокосовых орехов. Толстый жрец, наклоняя к плечу тяжелый узел волос, аккуратно заносит в конторскую книгу, кто, что и сколько привез. Рис и бананы, масло и орехи бесшумно исчезают

*Дикшитар резко отличается
от дравидийских собратьев*

в необъятных и ненасытных подвалах храма. Если человек умирает, он обязан завещать храму часть своей земли. С этой части урожай забирают дикшитары. И век за веком храм-паук, в главном святилище которого весело пляшет четырехрукий бог, высасывает соки из окрестных деревень. Да будет нерушима традиция. Иначе гнев космического бога падет на голову провинившихся. И поэтому лучше голодать, чем послушаться жрецов таинственного и непонятного храма. А жрецы могут не беспокоиться о завтрашнем дне. Каждое утро они идут мимо загонов, где, подрагивая лоснящимися боками, стоят круторогие коровы. Их более двухсот. По соседству с коровами расположились козы. Триста мер риса варится ежедневно в храмовой кухне. И непрерывным потоком тянутся к воротам, увенчанным гопурамами с грозными богами, крестьянские повозки.

Чтобы стать жрецом и получить доступ ко всем этим благам, многого не надо. Главное — быть дикшитаром. Традиционно воспитанным дикшитаром. И еще одно. Необходимо жениться. Невеста приносит в качестве приданого своему избраннику право стать жрецом и участвовать в дележе денег, пищи и власти над душами других.

— Скажите, как управлять миром?

Вопрос, как говорится, сбил меня с ног. Его задал мне пожилой дикшитар у ворот храма танцующего бога.

— Видите ли, — начала я. — Я не готовилась в управляющие миром и как-то не задумывалась раньше над этой проблемой.

— Действительно, это трудная проблема, — щуря узкие зеленоватые глаза, сказал мой собеседник. — Но здесь, в Чидамбараме, она разрешена.

— Каким же образом? — не вытерпела я.

— Натараджа мудро управляет миром, а мы только повинемся ему. И получается неплохо.

— Да, действительно, вам, дикшитарам, повезло с правителем мира. Ну а как другим, тем, кто не дикшитары? Тем, кто вас кормит?

— Это уже их собственная забота.

— А если они когда-нибудь не согласятся с этим мудрым управлением мира?

— Что вы! — взмахнул руками дикшитар. — Натараджа им этого никогда не позволит. Смотрите, сколько веков прошло, а все остается по-прежнему.

*Прическа танцующего бога
повторена дикшитарам*

Да. Все пока остается по-прежнему. И так же, как много веков тому назад, каждое утро главный жрец, одетый в пурпурные одежды с золотой каймой, ставит перед молящимися темный рубин танцующего Шивы. И так же, как много лет тому назад, бьется позади него пламя медных светильников, зажигая рубин розово-сиреневым светом. Шива оживает, сиреневый огонь трепещет в его четырех руках и озаряет его лицо с хитрой улыбкой. Бог начинает свой вечный космический танец.

Шанкарачария № 68. Как трудно быть богом

У него есть трон, корона, украшенная драгоценными камнями, слоны, верблюды и лошади. Но он не сидит на троне, не надевает корону и предпочитает ходить пешком. Он родился под звездой Ануша и, говорят, несет всем мир и утешение. Он один из знатоков тонкостей шиваитского ритуала. Время от времени он соблюдает обет молчания, а в перерывах между этими обетами может даже выступить по Всеиндийскому радио. Его всегда осаждают толпа посетителей, среди которых немало богатых людей, одетых в шелковые одежды и украшенных бриллиантами. В этой толпе вы встретите и бедных людей в набедренных повязках. Он знает санскрит, телугу, каннада, хинди, малаялам, астрономию, астрологию, карнатикскую музыку и фотографию. В юности он не читал книг да и сейчас не имеет особой склонности к чтению. Он поддерживал движение за независимость Индии и был знаком с Ганди. Он является воплощением бога на земле, но чудес предпочитает не творить. К волшебникам относится скептически, увечных и больных не излечивает, бесплодным не дарит детей. Когда он умрет, его фигуру, высеченную из камня, поставят в храм в Канчипураме и будут перед ней регулярно совершать пуджу, как перед любым другим богом. Сейчас ему около 80 лет и зовут его Шри Чандрасекхарендра Сарасвати. «Так кто же все-таки он?»—спросите вы. Отвечаю: Шанкарачария 68-й. Глава шиваитов, первосвященник.

Резиденцией Шанкарачарии является Канчипурам, один из семи священных городов Индии. Теперь это

*Сосредоточенное размышление
перед храмом —
богоугодное дело*

обычный провинциальный городок, расположенный в 45 милях от Мадраса. Когда-то он был столицей империи Паллаво. До сих пор сохранились описания Канчипурама тех времен. Это был город с массивными стенами, башнями, дворцами, храмами и улицами для ткачей. Сейчас от прежнего величия Канчипурама остались только причудливые гопурамы нескольких храмов, великолепные канчипурамские шелковые сари да монастырь, или «питама», Шанкарачарии. Монастырь был основан давно философом Шанкарой, который вместе со своими единомышленниками одержал победу над буддистами и утвердил вновь индуизм в Канчипураме. Это случилось в VIII веке нашей эры. Стараясь укрепить индуизм, Шанкара перенял у буддистов систему монастырей, и канчипурамский питама стал первым из них. Четыре его ученика основали еще несколько монастырей. Монастыри и возглавлявшие их «учителя» должны были инструктировать приверженцев индуизма и пропагандировать индуистскую религию и философию. Наследники Шанкары получали титул Шанкарачарии и становились главами шиваитов. Каждый Шанкарачария выбирал сам себе преемника, и эта эстафета, не прерываясь, катилась с VIII века и завершилась Шанкарачарией № 68, живым воплощением бога. Так же как и храмам, монастырям делали богатые подношения и пожертвования. Императоры Паллаво и Чолов, короли Виджаянагара и султаны Голконды дарили канчипурамскому питама земли и деревни, скрепляя дарственные медными табличками. Таких табличек в монастыре десять. Самая поздняя из них относится к XVIII веку. И если присоединить ко всему этому пожертвования ревнителей индуистской веры, то можно сказать, что канчипурамский монастырь — один из богатых в Индии.

Чандрасекхарендра Сарасвати родился в мае 1894 года в Виллупураме. В детстве он получил традиционное религиозное воспитание и к 13 годам достиг степени санияси. Мальчик-санияси жил в ашраме небольшой деревни Калаваи и там обратил на себя внимание Шанкарачарии 66-го. Но у Шанкарачарии уже был преемник, ровесник молодого санияси. Случилось так, что преемник умер, и Чандрасекхарендра Сарасвати стал наследником Шанкарачарии — Шанкарачарией № 68, своеобразным индусским папой. Он ходил из одного

*Жрец одного из храмов
в Канчипураме*

конца страны в другой, протягивал руку для благословения жаждущим его получить, консультировал по части ритуала, вел строго монашеский образ жизни, носил домотканую одежду и употреблял самую простую пищу. Иногда он высказывал свои соображения по несколько более широким вопросам, нежели религия, и эти высказывания свидетельствовали о сложившихся определенных взглядах. Они, конечно, традиционны. Не обращая внимания на изменения, происходящие в стране, и мало разбираясь в них, Шанкарачария № 68 пытается насаждать старые индуистские обычаи, пользуясь своим авторитетом первосвященника. Он стремится доказать, сколь важны храмы и тот ритуал, который уже непонятен миллионам индусов. Он выступает в поддержку кастовой системы и того неравенства, которое она порождает. Он настаивает, чтобы люди, после того как конституция республики ликвидировала эту систему, носили кастовые знаки и «высшие» и «низшие» знали бы свои места. Брахманы должны снова стать духовными наставниками народа, говорит он. А «низшие» пусть занимаются тем делом, которое им предопределено богами. Назначение женщины—служить своему мужу, разглагольствует он. Его волнует, что много женщин сейчас играет на сцене и снимается в кино. И самое страшное для него, что среди них есть представительницы высших каст. Пусть занимаются этим девадаси, пишет он. Сцена и кино не для женщин-брахманок, у которых есть свои обязанности. Экономические интересы монастыря занимают не последнее место в его взглядах. Он восстановил во многих деревнях древний обычай «мудрадхикари» — денежные отчисления во время свадьбы в пользу монастыря. Его тревожит аграрная реформа прежде всего потому, что канчипурамский монастырь может потерять часть своих земель.

Но Шанкарачария не столь прямолинеен, как свидетельствуют о нем некоторые факты. Это человек сложный и противоречивый, оразивший в себе сложность и противоречивость, которые присущи индуизму как религии. В этом, может быть, и состоит своеобразное величие Шанкарачарии № 68. Когда я это поняла, мне захотелось встретиться с «индусским папой». Первый раз мне не повезло. Я приехала в Канчипурам, когда Шанкарачария отправился в свой очередной тур. Трехэтажное здание монастыря расположено на одной из центральных

*Живой бог шиваитов —
Шанкарачария 68-й*

улиц города. У самого входа в монастырь парень в оранжевой одежде продавал какие-то книжки. Большинство их было на тамильском языке. Просмотрев книги, я поняла, что все они религиозного содержания.

— Это публикации монастыря, — сказал мне мой приятель Махадева. — Вряд ли вы найдете здесь что-нибудь интересное.

Мы вошли в прохладную переднюю канчипурамского питама. Там было пустынно и тихо. Тут же, в передней, находилась монастырская аптека, где можно было достать лекарства, сделанные по древнеиндийской системе аюрведа. Из передней мы попали в просторный холл, где в углу сидел человек с брахманским узлом в поредевших волосах.

— Входите, входите, — сказал он. — Но Шанкарачарии сейчас нет. Многие уехали с ним. Поэтому у нас так пусто.

На стенах зала висели портреты Шанкарачариев. Не всех, а особо выдающихся. Из зала мы вышли во внутренний двор и попали в небольшой храм. В центре храма в позе Будды сидел гранитный Шанкарачария 1-й, основатель монастыря.

— Это единственный бог, которому мы здесь молимся, — сказал брахман.

— А остальные Шанкарачарии?

— Мы тоже им молимся, только их изображения еще не успели поставить.

Вдоль внутреннего двора тянулись галереи, где, как мне объяснили, живут монахи и ученики Шанкарачарии.

— Когда же Шанкарачария появится здесь снова? — спросила я.

— Этого никто не знает, — ответил брахман. — Подождите. Я передам ему вашу просьбу.

— Ну, этого делать не надо, — почему-то вмешался Махадева. — Я возьму это на себя.

Брахман пожал толстыми плечами и отвернулся.

В тот же день я уехала из Канчипурама. А Шанкарачария тем временем шел из деревни в деревню, из города в город, ступая босыми ногами по пыльным дорогам. Вслед за ним двигалась его свита, восседавшая на слонах, верблюдах и лошадях. Мерно покачивались на верблужьих горбах тяжелые плетеные сундуки, куда монахи собирали пожертвования. Когда сундуки наполнились, Шанкарачария повернул к Канчипураму.

Начался март, и Тамилнад входил в полосу жаркого сезона. Все реже дул с океана освежающий бриз, земля постепенно раскалялась, и Мадрас превращался в знойную и влажную парилку. Махадева почти каждый день звонил мне по телефону и сообщал, сколько миль первосвященнику осталось до Канчипурама. Наконец в одно прекрасное утро я услышала в трубке ликующий голос моего приятеля.

— Он вошел, — сообщил Махадева.

— Кто? — не сразу поняла я.

— Шанкарачария! Кто же еще?

— Может быть, мы тогда поедем?

— Видите ли, — после некоторой паузы начал Махадева, — он молчит.

— Как молчит?

— Ну, наложил на себя обет молчания.

— И его никак нельзя разговорить?

— Пока он сам не снимет обета — нельзя.

— А как вы думаете, когда это может произойти?

— И завтра, и через год, — бодро ответил Махадева.

«Да, — подумала я, — видно, с первосвященником не так просто иметь дело». На следующий день он тоже молчал. Молчал и на следующей неделе. Наверно, под влиянием этого наши разговоры с Махадевой стали предельно кратки.

— Ну, как? — спрашивала я.

— Молчит, — отвечал Махадева.

— И долго это безобразие будет продолжаться?

Махадева смущенно хмыкал.

К концу второй недели его святейшество разговорился. Махадева сказал, что нельзя терять времени, а то он снова замолчит. Рано утром мы втиснулись в разогревшийся на солнце автобус. Единственная мысль, которая меня преследовала всю дорогу, — а вдруг, пока мы едем, Шанкарачария снова замолчит. К нашему счастью, этого не случилось. В Канчипураме мы сразу отправились к знакомому жрецу из храма Камакши. Жрец радостно приветствовал нас словами:

— Говорит! Говорит!

Видимо, он тоже опасался того, что и я.

Втроем мы отправились на свидание с первосвященником. У монастыря мы задержались на несколько минут. Теперь он выглядел оживленным и многолюдным.

На башне храма полуобнаженный юноша трубил в медную трубу. В храме началась луджа, которую совершал молодой преемник Шанкарачарии. В нижнем зале сидели толстые жрецы-чиновники, согнувшиеся над стопками счетных книг. Они обмахивались пальмовыми веерами и, время от времени отрываясь от книг, сонно и подозрительно смотрели на входящих. У входа в монастырь толпились люди. Жрецы перебрасывались короткими фразами и покрикивали на мальчишек, которые носили им воду в металлических стаканах. Мы миновали монастырь и направились к небольшому храму, расположенному почти на окраине города, — постоянной резиденции Шанкарачарии. Храм стоял на берегу широкого священного водоема. Мы остановились около закрытой калитки, рядом с которой сидели несколько неопрятных и лохматых садху. Махадева постучал в калитку. Через некоторое время оттуда высунулась заспанная физиономия и, моргая хитрыми глазками, уставилась на нас.

— Шри Шанкарачария? Обедает, — и калитка хлопнулась.

Мы отошли поодаль и сели на берегу священного водоема около гранитного павильона. Приблизительно через полчаса из калитки вышел худой старичок, завернутый в белое домотканое покрывало. В руке старичок нес длинную палку с оранжевым флажком. Палка называлась «дандам» и свидетельствовала о том, что владелец ее — санияси. Старичок с флажком производил несколько смешное впечатление. Когда садху упали ему в ноги, я поняла, что старичок и был Шанкарачарией, первосвященником. Шанкарачария что-то сказал двум слугам, и те, исчезнув в калитке, молниеносно появились вновь с циновками на головах. Старичок подошел к гранитному павильону. Мой знакомый жрец и Махадева распластались у его ног. Шанкарачария сел на циновку против меня и прислонился худой спиной к граниту павильона. Теперь я могла разглядеть «папу индусов» как следует. Что-то по-детски трогательное было в этом маленьком старичке с выцветшими испуганно-удивленными глазами. Небольшой детский лобик был прикрыт углом белого покрывала; чуть припухшие губы не вязались с седой, коротко стриженной бородой. Казалось, что передо мной сидит неожиданно состарившийся мальчик. Он улыбнулся как-то доверчиво и наивно сказал:

— Спрашивайте.

В его глазах снова появилось испуганное страдальческое выражение. Наша беседа не была длинной. Шанкарачария не пускался в философские рассуждения, как это любят делать индусские «святые». Возможно, он и не умел этого. Ответы его были односложны и по-детски просты, но иногда в них проскальзывал сарказм и горечь взрослого человека.

— Свамиджи, — спросила я, — что в вашей жизни было самым интересным?

Шанкарачария поднял на меня глаза и покачал головой.

— Я уже ничего не помню, это было так давно, — и посмотрел куда-то вдаль.

— Свамиджи семьдесят шесть лет, — сказал один из садху.

— Нет, пока еще семьдесят четыре, — живо возразил старик, — а главой монастыря я стал в четырнадцать лет. И все знания я приобрел только через собственный опыт. Я не читал книг. В монастыре были ученые-пандиты, и они передали мне все, что знали.

— Почему преемником Шанкарачарии должен быть обязательно мальчик, а не зрелый человек?

— Мальчик невинен, — сказал тихо старик. — У него нет опыта внешнего мира. Поэтому его легко воспитать в принципах учения Шанкары. Мне теперь семьдесят четыре, — грустно посмотрел снова вдаль. — Питам — мой мир. Так было с детства.

— Как выбирается будущий Шанкарачария?

— Часто случайно. Этот выбор может быть удачным, а может быть и нет. Меня тоже выбрали случайно. Моя судьба могла быть иной.

Шанкарачария опустил голову и о чем-то задумался. Потом я задала ему несколько вопросов, связанных с индусской философией. Но он ответил только на те вопросы, в которых имел собственный опыт. Все, что стояло вне его опыта, отклика у него не находило. В ответах он был предельно искренен и честен. Шанкарачария не боялся говорить: «Я не знаю. У меня нет такого опыта». Он не фантазировал и не теоретизировал, но подкупал своей прямоотой и почти детской наивностью. О внешнем мире он знал очень мало. Сказывались годы монастырского затворничества. Он не имел четкого представления

о материальном положении монастыря и его собственности. Он знал только, что эта собственность должна быть и что роль его, первосвященника, в накоплении ее не последняя.

— Такова традиция, — и печально посмотрел на меня. — Жрецам все мало. Но говорят, на всем этом держатся монастырь и храмы.

Я вспомнила толстых жрецов со счетными книгами, их подозрительные взгляды, их жадные руки, перебирающие рухлядь в плетеных сундуках. Когда я сказала об этом, вновь тоскливо-испуганное выражение появилось в глазах первосвященника.

— Я не живу в монастыре, — как бы оправдываясь, сказал старик. — Мое убежище здесь. — И он махнул тонкой пергаментной рукой в сторону скромного окраинного храма.

И я ясно представила себе, как этот старик с детскими глазами идет пешком по Индии, опираясь на длинную палку с оранжевым флажком. Он входит в хижины, беседует с крестьянками, несет эфемерное временное «утешение» в городские трущобы, рассказывает о великом Шанкаре в деревенских храмах. А в это время на почетном расстоянии за ним следует процессия слонов и верблюдов, на которых едут жирные жрецы со своими сундуками. Эти сундуки наполняются во имя Шанкара-чарии № 68. Сам же он ест простой рис с овощными постными приправами, как любой крестьянин Южной Индии, и ведет «чистый» образ жизни, за который его считают святым и богом. И только один он знает, как трудно быть богом. Ибо служители этого бога давно стали его хозяевами. Они гонят его впереди пышной процессии как рекламный щит. Они отпускают его жаждущим мира и утешения как патентованное лекарство фирмы «Шива и К°», строго следя за тем, чтобы каждая капля этого лекарства была по достоинству оплачена. Потом они отправляют его в маленький окраинный храм и садятся за конторские книги, на время забывая о его существовании. Трагическая противоречивость жизни первого шиваитского святого придает глазам живого бога испуганно-скорбное выражение.

В этой жизни совместились несовместимые вещи и понятия. Искатель истины с доверчивыми глазами ребенка, отказавшийся от всех благ мира сего, неразрывно

связан с алчной погоней за этими же благами. Обирание людей во имя индуизма сопутствует его «святости» и искренности. Жизнь святого оказалась принесенной в жертву толстым жрецам. В этом и состоит действительная суть происходящего.

Когда Шанкарачария 68-й умрет, его статую поставят в храме монастыря и будут перед ней совершать пуджу, как перед богом. Но разве в этом может заключаться смысл жизни человека, названного богом? Каменная статуя — и все. Статуя, перед которой бьют кокосовые орехи и зажигают масляные светильники. Так в чем же смысл жизни Шанкарачарии? Ответьте мне, пожалуйста, ваше святейшество.

Но первосвященник, похожий на состарившегося мальчика, молчит. Я знаю почему. У него нет еще в таких определениях опыта...

Солнце клонилось к горизонту, когда я распрощалась с Шанкарачарией. Жара физически ощущаемыми волнами плыла в узких улицах Канчипурама. Я сидела на веранде дома знакомого жреца из храма Камакши и смотрела на приземистый гопурам над входом в храм. Знойное марево дрожало над каменными богами гопурама, и оттуда на улицу напоззала раскаленная духота. На улице текла обычная и в чем-то всегда для меня необычная повседневная жизнь маленького провинциального индийского города. Шли куда-то люди, ехали тонги. Стайка школьников выбежала из соседнего переуллка. Длинный черный поросенок, похожий на таксу, пересек дорогу, задумался на полпути и улегся в мягкую горячую пыль. К лавочке, где продавали цветы, подъехал парень на велосипеде. На его багажнике стояли две цветочные корзины. Парень о чем-то поговорил с лавочником, но, видимо, не сошелся в цене и, вскочив на велосипед, исчез где-то в конце улицы. Там, где исчез парень с цветочными корзинами, затрубил рожок водоноса. Через несколько минут в храме напротив глухо застучали барабаны. Группа женщин в ярких сари покупала у храмовых ворот кокосовые орехи и цветы для вечерней пуджи.

На улицу ложатся косые лучи заходящего солнца, уже близится вечер, но жара не спадает. Очень хочется пить. Три стакана чаю, выпитые мной перед этим, не утолили жажду. Я хочу холодной воды, и перед моим мысленным взором возникает запотевший стакан. Заглатываю слю-

ну, а стакан сменяется куском прозрачного зеленоватого льда. Лед покрыт пушистой шапкой снега. Я с трудом отгоняю видение и постепенно начинаю осознавать, что я очень устала и хочу домой. Нет, не в Мадрас, а в Москву. Я считаю, сколько времени я живу в Индии, и с удивлением обнаруживаю, что почти уже два года. «Нет, — твердо решаю я, — еще месяц — и домой. Без всяких задержек». От этой мысли мне становится легче. Откуда-то появляется Махадева и говорит, что сегодня ночью будет особый храмовой праздник, что большого идола вынесут на улицу и можно будет на него смотреть.

— Как ваше мнение насчет того, чтобы остаться? — откуда-то издали доносится его голос.

Остаться? Но ведь я решила ехать домой, и без задержек.

— Нет, — машинально отвечаю я. — Домой, и без всяких задержек.

Махадева удивленно смотрит на меня. Мой ответ его поразил. Он еще не знает, что я имею в виду Москву, а не Мадрас.

В автобус мы сели, когда совсем стемнело. Давящая духота продолжала висеть над городом, площадью, автобусом и нами. Наконец автобус тронулся. В окнах забил горячий, пахнувший пылью ветер. Я закрыла глаза, и впереди, как призрак, зашагал на тонких ногах старичок с оранжевым флажком на длинной палке...

«Сэр,
рассвета сегодня не будет»

Каждое путешествие по Тамилнаду, и даже по Индии, кончается на мысе Коморин, самой южной точке штата Мадрас и Индостанского полуострова. И поэтому, когда Иван Семенович и Валентина Георгиевна Бяковы пригласили меня поехать туда на их машине, я не отказалась. Иван Семенович уже несколько лет был советским консулом в Мадрасе, очень интересовался Индией, любил Тамилнад и не упускал возможности повидать новые места. На мысе Коморин я была не один раз, но мне не хотелось нарушать доброй традиции всех путешественников по Тамилнаду.

В моей памяти еще были живы воспоминания об этом удивительном месте, где вместе сходятся Аравийское море, Индийский океан и Бенгальский залив. Я помнила красные черепичные крыши прибрежного поселка, белый шпиль католической церкви, рыбацкие хижины, стоявшие прямо на песке рядом с разбросанными катамаранами и сохнувшими сетями. Я представляла себе продавцов раковин. Раковины раскладывали на лотках, они переливались всеми оттенками моря, а куски кораллов, оцетинившись хрупкими ветвями, лежали тут же. Поэтому я не пожалела, садясь ранним утром в машину, что еду на мыс Коморин в который уже раз.

Светлая «Волга» консула быстро миновала Мадрас и повернула на дорогу, идущую на юг. Мы ехали целый день, проезжали многочисленные деревни, маленькие городки, позади остались гопурамы храмов Танджавура и Мадураи. К ночи мы добрались до мыса Коморин. Мы не увидели, как село солнце в Аравийское море, но нас ждал рассвет над Бенгальским заливом. Гостиницы прибрежного поселка оказались заполненными туристами. «Волга» петляла по узким улочкам, останавливалась у очередного отеля, где не оказывалось мест, и снова устремлялась в темноту плохо освещенных улиц. Иван Семенович, смущенно покашливая, говорил:

— Конечно, если я скажу, что я советский консул, мне найдется место хотя бы в правительственной гостинице. Но мне бы не хотелось этого делать. Ведь можно хоть раз побыть в шкуре рядового туриста и самому найти себе пристанище.

Валентина Георгиевна не возражала. Наконец машина остановилась у здания, мало похожего на отель.

— Во время сезона, — сказал шофер, — здесь, кажется, сдают комнаты.

Мы постучали в дверь. Нам долго не открывали. Потом за дверью кто-то завозился и показался заспанный, малоприветливый человек, поддерживавший рукой сползавшее дхоти.

— Комнаты?

Он с сомнением посмотрел на светлую «Волгу», на Ивана Семеновича, а потом на нас с Валентиной Георгиевной.

— Комнаты... — задумчиво повторил он. — У меня есть одна, но она не совсем удобная.

— Ничего, мы справимся, — решительно сказал Иван Семенович.

— Ну, тогда идите наверх. Машину можете поставить во дворе.

Рано утром, когда еще было совсем темно, Иван Семенович разбудил нас.

— Вставайте, а то проспите рассвет.

Предрассветная серая мгла уже затопила поселок, когда мы подошли к парапету, с которого обычно наблюдают восход солнца. Из безбрежной дали Бенгальского залива на берег накатывались свинцово-серые волны. Скала свами Вивекананды смутной громадой темнела в Индийском океане. В этот предрассветный час мыс Коморин выглядел неуютно и угрюмо. И только теплый влажный ветер сглаживал это впечатление. К парапету вереницей тянулись люди, специально приехавшие сюда, чтобы увидеть восход солнца. Я посмотрела на горизонт. Он был затянут тучами. Мальчишка лет двенадцати подошел к парапету, посмотрел на горизонт, потом на нас.

— Сэр, — обратился он к Ивану Семеновичу, — рассвета сегодня не будет. Напрасно ждете.

— Как не будет? — удивился консул. — Ты видел когда-нибудь, чтобы не было рассвета?

— Иногда его не бывает, — смутился мальчишка.

Он не был одинок в своем странном утверждении. Некоторые из туристов, заметив тучи на горизонте, разочарованно потянулись обратно в поселок. Но мы продолжали терпеливо ждать. Становилось все светлее. Вдруг неожиданно среди туч блеснула алая полоса, как раскаленный уголек среди груды темного пепла. Полоса стала расти, алый цвет постепенно переходил в оранжевый. Тучи нехотя отступали под напором этой зари к краям горизонта. Полоса стала наливаться ослепительным светом, и, наконец, этот свет, прорвав невидимую оболочку, брызнул золотыми лучами солнца в небо. Голубое небо отразилось в волнах Бенгальского залива и из свинцовых сделало их ласково-синими. Огромное, дышащее зноем светило выкатилось из-за туч и возвестило своим появлением начало нового утра. Рассвет состоялся. Мы все трое твердо верили в него.

СПИСОК ИНДИЙСКИХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- Айе! — О! (частица звательного падежа).
- Амма — мать.
- Арака — крепкий спиртной напиток, приготовленный из пальмового сока.
- Ашрам — обитель.
- Веды — древнейшие памятники индийской литературы, рассматриваемые как священные.
- Вйна — индийский струнный музыкальный инструмент.
- Гопурам — пирамидальная башня в храмовом архитектурном комплексе.
- Гуркха — представитель одной из гималайских народностей Индии и Непала.
- Гуру — учитель, наставник, проповедник.
- <п>Гхи — топленое масло.
- Дасира — религиозный праздник.
- Дваждырожденный — член высшей касты, прошедший особую церемонию посвящения — «второе рождение».
- Джи — почтенный (частица, прибавляемая к имени или званию в знак уважения).
- Дипак — светильник.
- Добаши — переводчик, посредник.
- Дурбар — совет знати при правителе; прием, аудиенция у раджи или наваба.
- Дхоби — профессиональные стиральщицы белья, ранее относившиеся к неприкасаемым.
- Дхоти — мужская одежда, состоящая из цельного куска материи, который обертывают вокруг бедер.
- Ид — мусульманский религиозный праздник.
- Йоги — последователи индийской философской системы, разработавшей практические методы физического и нравственного совершенствования человека.
- Кукри — кривой нож.
- Лингам — Фаллос, символ Шивы. Культ лингама восходит к глубокой древности и до сих пор широко распространен среди почитателей Шивы.
- Мандир — храм, дворец.
- Мантры — заклинания в стихотворной форме.
- Махатма — в индусской мифологии и теософии «мировой дух», «божественный сверхчеловек». В наше время титул особо почитаемых лиц.
- Мубарак — приветствие, благословение; да будет благословен (при обращении).
- Намаз — мусульманская молитва.

- Наяк — титул правителей некоторых индийских княжеств, главным образом в Южной Индии.
- Ом! — торжественное восклицание, употребляемое в индуизме и буддизме при религиозных церемониях.
- Панда — павильон; навес.
- Панкха — опахало, веер.
- Гранам — поклон; приветствие.
- Пуджа — религиозный обряд, заключающийся в приношении даров (воды, плодов, цветов, риса и т. п.).
- Рага — мелодия.
- «Ригведа» — самый древний из четырех сборников гимнов ведийской литературы (восходит ко второй половине II тысячелетия до н. э.).
- Риши — мудрец, святой отшельник.
- Сааб, сахиб — господин.
- Садху — аскет, подвижник, посвятивший себя служению богу.
- Санияси — мудрец, святой.
- Свами — святой.
- Сипай — индийский солдат.
- Ситара — индийский музыкальный инструмент.
- Табла — музыкальный инструмент, напоминающий небольшой барабан.
- Тали — ожерелье или шнур, которые носят замужние женщины.
- Тонга — двухколесная повозка для перевозки пассажиров.
- Упанишады — комментарии этико-философского характера, примыкающие к ведийским гимнам.
- Чапали — сандалии.
- Ширвани — мужская верхняя одежда, напоминающая длиннополый сюртук; носят преимущественно мусульмане.
- «Яджурведа» — один из четырех сборников гимнов ведийской литературы.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Часть первая

МАДРАС ПРЕКРАСНЫЙ

Мадрас прекрасный	3
Форт святого Георгия	8
Флаг идет за торговлей	9
Морские ворота	14
Белый город	18
Процесс миссис Дэвис	20
Пират Питт и алмазы Голконды	25
Сэр Роберт Клайв	30
Королевские офицеры	39
Поучительная история Пигота	43
Навабы Карнатика	49
Берри Тиммапа и другие	60
Черный город. «Левые» против «правых»	66
Венецианец Мануччи	78
Перри Мадрасский — свободный купец	85
Знакомьтесь: Бинни	95
Порт. Сигналы опасности в мадрасской гавани	100
Рыбаки уходят в море	105
Католики. Фома Неверный	109
Город Павлина	128
Гуру Шастри	133
Когда в городе праздник	139
Королева абинайям	147
Сад в Адьяре	158
Основатели	161
Дочь Альбиона. Явление Христа народу	169
Большой баньян	174
Рукмини Деви	180
Женский христианский колледж	186
Январская «революция»	205
«Доброе утро, леди и джентльмены!»	211
Пророк Тамилнада. Дравиды против ариев	226
Красное и черное	244
Белая звезда Раджаджи	253
Против хииди	261

Часть вторая

ТАМИЛНАД

Гора Священного огня. Великий риши	275
Танджавур. Наследник Шиваджи	305
Бог в розовом пеньюаре. Ашрам-коммуна. Город рассвета	322
Город танцующего Шивы. Тайна храма Натараджи	353
Шанкарачария № 68. Как трудно быть богом	366
«Сэр, рассвета сегодня не будет»	378
Список индийских слов и выражений	381

1 р. 26 к.